Studia humanitatis:
от источника к исследованию в социокультурном измерении

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
ОКСФОРДСКИЙ РОССИЙСКИЙ ФОНД

fund Oxford Russia

Studia humanitatis: от источника к исследованию в социокультурном измерении

Тезисы докладов и сообщений
Всероссийской научной конференции
студентов – стипендиатов
Оксфордского Российского Фонда

21–23 марта 2012 г.
Екатеринбург

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2012

ББК Ся43
S 90

ISBN 978-5-7996-0682-4

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1

ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Александрова В. А. Герменевтический анализ летописных известий о присоединении Иваном III удела Андрея Углицкого 9
Брызгалова В. Е. Фестиваль иегритянского фольклора в Форт Вэлли: аудио-материалы 1941, 1943 гг. как исторический источник 12
Бушухина А. Е. Формулярные списки как источник изучения чиновников казанского губернского правления второй половины XIX в. 15
Возчиков Д. В. Hominem occidere pro ludo est: мир Нусантары в описании венецианского путешественника Никколо Конти 18
Вьюшкин М. В. Категориальное определение римской «справедливости»: проблема подхода к источникам 21
Галимуллина А. Г. «Домострой» как источник по изучению домашнего иасилия в России 23
Давлетшина А. М. Онто-герменевтическое осмысление категории «опыт» 25
Еликова М. Н. Проблема осмыслеиия источников по истории церкви древней Руси 28
Емельянов Е. П. Взгляды Юрия Самарина иа польский вопрос 30
Ильина Е. А. Проблема интерпретации феномена самоубийства в Ветхом и Новом Завете 33
Кляшторный А. С. Проблема воссоздания контекста источника как фундаментальиая проблема историко-философского исследования 36
Коробейникова Т. А. Репрезентация королевской власти у Жана де Жуанвиля 38
Мантурова И. Е. Повседневные практики российского чииовничества первой половины XIX века: обзор источников 41
Мустафин А. Р. Аграрные длинные волны в истории России XVIII — середины XIX вв. 44
Новоселов М. Ю. Русская реэмиграция из Китая. (Опыт источниковедческого исследования) 46
Павленко О. В. Духовиое завещание как источник по социальио-экономической истории России II половины XIX века 49
Попцова Е. С. Стратегии политического развития в «Наказе» Павла I 52
Руднев Ю. В. «Пир во время чумы»: К истории одной социальиой практики Ренессанса 55
Рукавичникова М. В. Средства создания образов императоров в «Римской истории» Никифора Григоры 59
Рычкова М. Г. Столкновение с текстом 62

Саетзянова Г. Д. Подходы к изучению и способы толкования средневековых вербальных и визуальных источников в исследованиях Жан-Клода Шмитта 65
Тарасова Е. Д. Проблема интерпретации работ Жана Бодрийяра 67
Черноухов Д. Э. Земские врачи Екатеринбургского уезда в 1870–1880-х гг.: к проблеме смены места службы 70
Щипанова Н. А. Источники изучения социально-культурного облика сыновей А. Н. Демидова (1745–1758) 73

Раздел 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОТЧУЖДЕНИЯ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Березина Е. С. Проект «Арт-захват»: освоение культурного пространства современного города 76
Бышевская И. О. Влияние европейской театральной традиции на становление еврейского театра в Израиле 79
Винокуров С. Е. Древнеиндийская художественная традиция: к вопросу изучения источников 81
Гудова Ю. В. Массовая культура как способ решения проблем взаимодействия культур 84
Жиделева К. А. Фестиваль искусств как форма соотношения коммерческого и некоммерческого в современной культуре 87
Жукова М. В. Проблема изучения электронного текса как феномена современной культуры 89
Загребова Т. А. Проблемы взаимодействия и отчуждения в мировой культуре на примере взаимодействия и отчуждения от культуры отдельно взятого региона 92
Исакова Л. А. Рентгенограмма картины как важнейший источник для установления подлинности 94
Коляденко А. С. Антигуманистические тенденции и эстетика безобразного в современной фотографии (по материалам World Press Photo за 2011–2012 гг.) 97
Конева О. В. Феномен «возрождений» в культуре. «Готическое возрождение» 102
Молоштан В. И. Самобытность и привнесение — два вектора одной целостности 105
Пятыгина Ю. В. Трансформации праздничной культуры России в XXI веке 107
Саймова В. С. Знаковая природа произведения искусства «Танцкласс» Эдгара Дега 109
Сизов П. Г. Повседневность как область, рождающая отчуждение 111
Сущенко А. Д. Проблема отчуждения во взаимодействии театра и государства 114
Чемезова К. Е. Материалы к творческой биографии В. И. Денисова 116

Раздел 3

ОБЩЕСТВО: СТРАТЕГИИ СТАГНАЦИИ И СТРАТЕГИИ ОБНОВЛЕНИЯ

Антоненко Д. А. Методы мотивации персонала в организации 119
Бобовкина Д. С. Новая модель экономического развития России: «Стратегия-2020» 121
Данилов Д. Л. Эффективность командных структур в условиях изменений (на примере федерального университета) 124
Данилова А. В. Рынок труда закрытого города: стагнация или обновление? 127
Добробаба В. В. Утрата доверия как основание для увольнения государственных гражданских служащих: проблемы интерпретации 130
Дорожинская Е. С. Образовательная миграция как один из способов решения демографических и экономических проблем России 133
Жидков К. М. Э-государство: пути реализации 136
Колыбасова Ю. В. Эмоционализация как новый процесс жизнедеятельности общества 137
Кольчугин Д. М. Таможенные союзы: влияние на благосостояние и международную торговлю 140
Комарова Е. Н. Стратегия инновационного развития общества в России 142
Кузьменко М. А. Состояние стагнации российского общества как малоизученный элемент современного этапа развития страны 145
Кусакин Е. О. Британское общество и проблема интеграции 147
Лукашова Е. Ю. Развитие информационного общества в России: реальная стратегия обновления? 150
Мальцева А. В. Инновационное развитие как часть стратегии обновления экономики РФ 153
Мифтахова Л. Н. Актуальные вопросы перехода современной России на инновационный путь развития 155
Михайлов М. Л. Соотношение общественного развития и правового регулирования: электронное правосудие 158
Мишуткина Ю. В. Положение о коммерческой тайне предприятия как основной источник сведений о регулировании правоотношений в области защиты коммерчески значимой информации на локальном уровне: проблемы составления и использования 160
Нагайцева Я. С. Дезинтеграция как ключевая характеристика ситуации в ЮАР 163
Останина В. А. Зависть как катализатор инноваций и модернизаций в обществе 165
Петров Р. В. Обновление мировых социокультурных стратегий 168
Пономарева А. Ю. Эвтаназия — ассистированный суицид в международном праве 171
Русанов А. В. Столичный регион: население и территория в процессе инновационной модернизации экономики 174
Саттаров Б. Х. Стратегия обновления российского общества. Стратегия 2020. Куда мы идем? 176

Сафронова К. В. Глокализация в соответствии с Принципом минимального универсума 180
Смирнова Н. Процесс коммуникации в вузовской среде как фактор профессиональной социализации социологов (на примере исследования о перспективах трудоустройства выпускников-социологов ТвГУ) 183
Черкасова Ю. П. Энергоэффективность как фактор повышения конкурентоспособности региона 185
Шишканова Е. А. Гражданская журналистика как показатель общественных изменений 188

Раздел 4

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

Артеменков Ф. А. Социальные и психологические аспекты страхов 191
Белобородов А. М. Кризис в межличностных отношениях: искажение невербальной коммуникации 194
Бендерская А. А. К вопросу о языковом моделировании гендерных стереотипов 196
Бушина К. Е. Коммуникативные особенности доминантной личности 199
Вагачёва М. В. Социальные сети: возможности и угрозы для человека 202
Вересова С. Н. Влияние психологического пространства на коммуникацию 204
Горланова М. С. Психологический портрет коммуникативного лидера 206
Дихорь В. А. Психологические особенности коммуникаций футбольных фанатов с обществом 209
Зонина Н. С. Влияние коммуникативных способностей кандидатов на процесс профотбора 211
Игнатова В. В. Влияние медиафакторов на профессиональный выбор молодежи 214
Каверзина А. В. Коммуникативная открытость как характеристика инновационности 217
Касаткин А. В. Психологические основания коммуникативности 219
Каячев А. Г. О формировании коммуникативной компетентности менеджера в процессе магистерской подготовки Сибирского федерального университета 222
Кочнева Е. Д. Коммуникативность в сфере политического PR-менеджмента 223
Кузнецова Н. Ю. Теоретический анализ отечественных подходов к понятию «самоорганизация» 225
Лалетина Ю. В. Вертикальные коммуникации в управленческой деятельности (психологический аспект) 228
Маленко Е. И. Влияние стиля общения на успешность обучения в вузе: теоретические аспекты 231
Мерзлякова Е. В. Можно ли «измерить» коммуникативность? 234
Паршукова А. О. Эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость как личностные ресурсы для построения коммуникаций 236
Полещук Ю. О. Психологические аспекты коммуникативности медиатора 238
Помысухина М. А. Особенности развития волевой сферы в подростковом возрасте 240

Савельев В. В. Влияние характеристик музыкального контекста на ннтерпретацию коммуникативиой ситуацин иаблюдателем 243
Самарин С. П. Формирование коммуннкативиости личности 245
Сизиков А. П. Пснхологические аспекты коммуникативиости 247
Смирнова Н. С. Организация педагогического общения в дистанционном образовании 249
Строкин М. Э. Неопределенность в системе деловой коммуннкацнн 252
Тарасова Е. О. Экономнческое сознанне как условне субъективиого благополучия н коммуннкации человека 255
Филатова Ю. С. Некоторые аспекты коммуникативной компетенции врача 257
Чулочникова Н. И. Актуальные проблемы взаимодействия: человек и компьютер 260
Шестакова Н. Е. Исследование нейрокогнитивных функций у детей дошкольного возраста с трудностямн поннмания логико-грамматических коиструкций языка 262
Шибанкова Д. Д. Исследование влняния различных форм частей речн на воспрнятие адресанта сообщеиня на примере новогоднего обращения Президента РФ 267
Ятлук Л. Ю. Философская интерпретация данных различных иаук на прнмере нсследований цвета 270

Раздел 5

ЯЗЫК, ТЕКСТ, ДИСКУРС КАК ИСТОЧНИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Берсенёва А. А. Речевая манера блогера: направления нсследования 273
Биккина Г. Р. Межъязыковая интерференция в условиях плюрилингвизма 276
Бортников В. И. Обработка художественного текста в гуманитарном днскурсе (на примере эктропии/энтропин текстовой категорин в переводе 1777 г. Песнн первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай») 278
Васильева Е. В. Фольклор как источник изучения гуманитарного дискурса 280
Волкова А. А. Ирония в колумнистике 283
Горбунова А. А. О роли переводчнка как «культурного посредника» прн переводе иностранных кинофильмов 286
Заплатина К., Кузина Д. Особенности учебио-продуктивного действия подростков на матернале русского языка 288
Зверева М. И. Приемы речевого воздействня в жанре переговоров в политическом дискурсе 292
Калимуллина Л. К. Понятие добра н зла иа основе татарских н русских народных сказок 293
Косых Т. А. Перспективы нспользования художественной литературы прн изучении проблем повседневности (иа примере пронзведений североамернканских писателей рубежа XIX — XX вв.) 296
Косыч Е. А. Трансформация образа бога-трикстера в ромаие Р. Желязны «Маска Локн» 298
Лысенко М. А. Лексема *счастье* в лексикографнческом освещении 301
Обозная О. В. Опыт моделнрования политического дискурса 303

Панишева М. В. Лексико-статистический анализ стихотворений А. Блока и его филологическая интерпретация 306
Просвирникова М. С. У. Берроуз: литература «отрицания и отсутствия» как способ борьбы с блокирующим человеческую эволюцию «вирусом» 309
Самойлова А. А. Национальный корпус русского языка как источник для формирования значений имени прилагательного 312
Суркова М. В. Особенности сравнения в рок-поэзии (на материале песен группы Plastika) 315
Ульянова Л. А. Способы перевода сниженной разговорной и просторечной лексики (на материале рассказов В. М. Шукшина и их переводов на английский язык) 318
Цыплякова К. О. Языковая игра в журнальной публицистике XIX века 321
Шутемова С. Л. Русская литература и американская театральная традиция (на примере спектакля театра Свердловской музкомедии «Мертвые души») 323
Яндуганова Е. В. «Дневник чумного года» Д. Дефо и английские романы 19 в. о чуме 326

Раздел 6
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

Бардашова Т. Н. Матримониальная дипломатия Византии в «междинастический» период (1057–1081) 330
Казанцева А. И. Торговые отношения населения Новгорода и севера Западной Сибири в эпоху Средневековья 333
Капсалыкова К. Р. «Природа — наставница всякой хитрости и коварства...» Кекавмен о военных «хитростях» в византино-болгарской войне (969–1018 гг.). 336
Караваев В. С. Северная Ирландия и Ирландское свободное государство: истоки раскола 340
Маркелов А. Ю. Полномочия сената в сфере внешней политики в эпоху Августа 343
Павлюков Г. В. Два направления сербского национального движения в Хорватии в 1990–1991 гг. 346
Прокопьев А. А. Общество Джильи — Лаппы: феномен периферийного тайного общества в контексте александровской эпохи 349
Щепин Е. С. Геополитическое значение российской цивилизации 352

Раздел 1
ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

В. А. Александрова
ТюмГУ, г. Тюмень

Герменевтический анализ летописных известий о присоединении Иваном III удела Андрея Углицкого

За годы своего правления Иван III далеко продвинул дело государственного единства, присоединяя к великому Московскому княжеству новые территории. К их числу относятся и такие крупные приобретения, как Новгородская земля или Тверское княжество, и менее значительные по территории и важности, но, несомненно, внесшие свой вклад в дело объединения земель, например, удел брата великого московского князя Андрея Углицкого. Присоединение последнего особенно любопытно, так как исследование этого эпизода позволит нам рассмотреть политику объединения земель в новом ключе: во взаимоотношениях Ивана Васильевича и его брата.

По мнению исследователей, занимавшихся данным вопросом, Андрей Углицкий был наказан потерей своего удела и заключением за попытку перехода на сторону литовского князя накануне решающего противостояния с ордынским царем Ахматом. Поступить так он решил из-за пренебрежения Иваном III обычаев старины, а именно, отказе делить с братьями присоединяемые им уделы. В своей работе мы попробуем проанализировать летописные исследования с точки зрения герменевтической методологии, проследить связь летописных известий со Священным Писанием.

Московский летописный свод конца XV в., представляющий официальное летописание, показывает нам великокняжеского брата мятежником, который безо всяких причин, по выражению летописца, «отступился» от старшего брата. Далее книжник сообщает нам, что Андрей Углицкий совершил великий грех, натравив на православную Русскую землю нехристей татар [1]. Причину этого летописец не объясняет. Обратимся к Священному Писанию, а именно, к книге Левита: «Не враждуй на брата твоего в сердце своем; не имей злобы на сынов народа твоего; но возлюби ближнего превыше себя» [2]. Возможно, летописец в этом отрывке пытался показать именно эти библейские истины. Конечно, переход на сторону иноверцев грех, но еще больший грех — вражда со своим братом. Летописец осуждает брата Ивана и не находит оправдания его поступку.

Вскоре Андрей Углицкий осознает свою ошибку и раскаивается в своих грехах [3]. Летописец не объясняет причин столь резкой перемены. Исследователи полагали, что поводом для его возвращения была корысть, ведь Иван III обещал ему земли. Кроме того, он боялся за себя в случае поражения Ахмата. Но можно также предположить, что брат раскаялся в своей измене и понял, что не может служить татарам против истинных православных христиан. Чуть дальше в тексте летописи говорится о татарах: «Сам дьявол из их уст глаголил той что древле прельстил Адама и Еву» [4]. Татары — слуги дьявола и служить им — значит добровольно обречь себя на адскую жизнь. Иван III простил брата и принял его обратно с любовью, как истинный христианин.

Но эта история не закончилась мирно для мятежного Андрея Углицкого. Спустя 12 лет, в 1492 г., как сообщает нам Московский летописный свод конца XV в., Иван III «сложил с себя крестное целование своему брату Андрею». Удел его был изъят в пользу великого московского князя, а сам Андрей заключен «на казенном дворе на Москве» [5].

Князь Иван Васильевич оказался удивительно злопамятным. Он припомнил брату события 12-летней давности. Исследователи полагали, что Иван III ждал смерти матери, чтобы расправиться с братом. Андрей Большой был ее любимым сыном, и при жизни она часто защищала его. Но, судя по всему, летописцы считали не так. Обратим внимание на год заключения Андрея Васильевича в тюрьму — 1492 г. или 7000 г. (по старому летоисчислению. — *В. А.*) — дата предположительного конца света. Возможно, Иван III опасался наказывать своего брата из-за боязни стать грешником, братоубийцей, вторым Каином, которого после апокалипсиса не ждет спасение. Великий князь посчитал необходимым простить брата

и отпустить ему грехи. Но конец света не наступил, и Ивану Васильевичу вспомнилось предательство брата накануне решающего сражения с Ахматом. Теперь он мог наказать Андрея, не опасаясь кары Господней.

На этом Московский летописный свод заканчивает свое повествование. Перейдем к более поздней Типографской летописи. Она сообщает нам о том, что спустя два года Андрей Углицкий скончался в тюрьме, Иван III же раскаялся в своем поступке только после смерти брата [6]. Возможно, в этом отрывке летописец ссылается на Вторую книгу царств со схожим сюжетом. Великий царь Давид любил своего сына Авессалома, который неоднократно предавал его, а позднее решил захватить власть над всем Израилем. Верные слуги Давида казнили непокорного сына. Однако царь не был доволен этим. Он горько раскаивался в его смерти [7].

В этом отрывке Иван Васильевич сравнивается с великим библейским царем Давидом, проводившим политику централизации власти, как и великий московский князь. Давид для мира и народного успокоения вынужден был пожертвовать сыном, а Иван III — братом. Оба раскаялись в своем поступке, но изменить его было уже невозможно. Великий московский князь был прощен, ибо все его действия совершались для блага богоизбранного народа. Он, как и царь Давид, должен был навечно остаться в памяти народа, как объединитель русских земель в единое централизованное государство. А Андрей Большой — горестная для Ивана Васильевича жертва для достижения общенародного благополучия.

Литература

1. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 25. М., 1949. С. 326–327.
2. Левит 19:17–18.
3. ПСРЛ. Т. 25. С. 328.
4. Там же.
5. Там же. С. 333.
6. ПСРЛ. Т. 24. Рязань, 2000. С. 383.
7. 2 Царствие 15:6.

В. Е. Брызгалова
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Фестиваль негритянского фольклора в Форт Вэлли: аудио-материалы 1941, 1943 гг. как исторический источник

Мы привыкли, что основу исторического исследования составляют письменные и вещественные источники. Аудиозаписывающие устройства, появились сравнительно недавно, но материал, собранный с их помощью, тоже представляет большую ценность для изучения истории. Музыка — это наиболее яркая форма проявления самосознания афроамериканцев, и в данном случае речь пойдет о песнях, исполняемых неграми США в 1940-х гг.

С 1940 г. по 1955 г. при Государственном Колледже Форт Вэлли (Fort Valley State College) в штате Джорджия ежегодно проводился Фестиваль негритянской музыки. В 1941-м и 1943-м гг. были организованы экспедиции по сбору материала с этих мероприятий. Сохранившиеся аудиозаписи, сделанные в те годы, являются уникальным источником. Ныне они представлены Центром американского фольклора Библиотеки Конгресса США и доступны в режиме онлайн [1]. 97 аудиозаписей, из которых 44 госпел-композиции, 26 блюзов и несколько баллад. Некоторые песни, как и ранее хорошо известные композиции, так и возникшие в рамках фестиваля можно услышать в разных исполнениях. Эта коллекция является неотъемлемой частью культурного наследия афроамериканцев юго-восточных штатов.

Идея создания народного фестиваля при колледже принадлежала его президенту — Горацию Бонду. Целью этого мероприятия было приобщение студентов к духовным ценностям своего народа, выраженным в музыке и поэзии. В то время негритянское творчество не имело общественного признания. Поэтому фестиваль стал грандиозным проектом по возрождению и сохранению негритянского культурного наследия. Это был, пожалуй, единственный способ воспитать в молодых людях чувства любви и уважения к себе и окружающим, выработать у них стимул к самопознанию.

В 1940 г. организаторы фестиваля обратились к жителям Форт Вэлли и его округи: «От имени департамента искусств и администрации

колледжа мы рады пригласить всех музыкантов и певцов, исполняющих негритянские рабочие песни, баллады и народный блюз, принять участие в специальном мероприятии, которое состоится в субботу 6 апреля в 8 часов вечера» [2].

Пропагандист идеи «Egg and Ham Show», проводившегося в Форт Вэлли с 1916 г., на котором фермеры демонстрировали свое мастерство, местный агитатор Отис Сэмюэл О'Нил быстро распространил новость о предстоящем событии. Блюзовый композитор и музыкант Уильям Хэнди, которого часто называют «Отцом блюза», выступил в качестве главного эксперта. Его композиции хорошо известны нам в исполнении Э. Фитцджеральд и Л. Армстронга, и самая знаменитая из них — «St. Louis Blues». Очень много вариаций этой песни звучало 6 апреля 1940 г. «Участники представляют новую музыку, основанную на этнических традициях, не подвергшуюся влиянию радио и других СМИ. Эта музыка не связана напрямую с периодом Гражданской войны в США. Тем самым авторы новой музыки отвергают общепринятое мнение о «черной» расе, которое оказывает крайне негативное влияние на нашу культуру» [3], — таковы были слова мистера Хэнди. Тот субботний вечер оказался светским мероприятием, на котором выступали гитаристы, банджоисты, артисты, исполнявшие песни под аккомпанемент губной гармони, рояля, различных импровизированных инструментов: костей, кувшинов, стиральных досок, дудок из подручных материалов (quills), пилах и т. п. Воскресный вечер 7 апреля полностью был посвящён религиозной музыке госпел. Таким образом, укоренилась традиция проведения фестиваля: в первый день музыканты должны представлять светскую музыку, а во второй (обязательно в воскресенье) — духовную.

Аудиозаписи выступлений певцов и музыкантов в рамках фестиваля впервые были сделаны в 1941 г., 6 и 9 марта. Запись организовал доцент кафедры музыки одного из ведущих «чёрных» университетов США, г. Нэшвилл, штат Теннеси (Fisk University) Джон Уэсли Ворк. Воскресная программа (9 марта) транслировалась местной радиостанцией. Техническое оснащение осуществлял Алан Ломакс — известный американский музыковед, в те годы занимавший пост хранителя Архива народной песни Библиотеки Конгресса США (Library of Congress' Archive of Folk Song). Он прибыл по приглашению Горация Бонда. Все записи, сделанные Ворком, были переданы в Архив Библиотеки Конгресса США, где и хранятся до сих пор.

Сам Ворк о значении фестиваля сказал следующее: «Благодаря таким неподражаемым исполнителям, как «Bus» Ezell, «Gus» Gibson,

Samuel Jackson, представившим своё творчество вниманию американцев, стало понятно, что аудитория поклонников многих негритянских исполнителей выходит далеко за пределы их церковной общины или улицы, где им приходилось петь и играть раньше. Этот фестиваль является стимулом для создания и сохранения того, что действительно ценно в нашей жизни» [4].

В 1941 г. фестиваль приобрёл характер конкурса, предполагавшего денежные призы за лучшее исполнение в разных номинациях. Первый приз в номинации «лучший струнный ансамбль» составлял 10 $, второй — 5 $. За лучшее исполнение на банджо, гитаре, арфе и скрипке — 7,5 $, затем — 5 $ и 2,5 $. За исполнение песен в сопровождении какого-нибудь нового необычного инструмента предполагался приз размером в 5 $.

В 1943 г. фестиваль проходил в пятницу 5 марта и воскресенье 7 марта. В этот раз выступления артистов записывал Уиллис Лоуренс Джеймс — виолончелист, певец и фольклорист; автор книги «Stars in De Elements» (Звёзды в деталях), посвящённого духовной негритянской музыке.

В виду того, что Фестиваль проходил во время Второй Мировой войны, следует упомянуть о том, что исполнители нередко обращались к военной тематике, что повышает значимость аудиозаписей как исторического источника. Например, песня Бастера Эзела «Рузвельт и Гитлер» о политических отношениях США и фашистской Германии сразу же стала гимном фестиваля. А Бастер Эзел долгое время был фаворитом конкурса. Не раз звучала песня «Pearl Harbor», отразившая настроения американского общества в связи с последними военно-политическими событиями. Большой интерес представляет госпел-композиция в исполнении Берты Хьюстон «We Are Americans, Praise de Lord». В этой песне сосуществуют военные события, вера в Бога и гордость за страну, которую афроамериканцы считают своей родиной.

После 1945 г. фестиваль фактически перестал существовать, хотя формально и сохранил свой статус. Скорее всего, это произошло из-за возобновления деятельности Ку-Клукс-Клана в 1946 г., политика расовой дискриминации вновь проникла в культурную сферу. В начале 50-х гг. XX в. фестиваль был возрождён, но уже не в том масштабе, как в начале 40-х.

Литература

1. «Now What a Time»: Blues, Gospel, and the Fort Valley Music Festivals, 1938–1943. URL: http://memory.loc.gov/cgi-bin/query/S?ammem/ftvbib:@field(NUMBER(@range(5147a1+7053b2))) (дата обращения: 27.02.2012).
2. *Bastin B.* Red River blues. Chicago, 1995. P. 72.
3. The Peachite Vol. II, No. 2, Folk Festival Number, March 1944. P. 3. URL: http://memory.loc.gov/afc/afcftv/mss059/0005.jpg (дата обращения: 27.02.2012)
4. *Bastin B.* Red River blues. Chicago, 1995. P. 76.

А. Е. Бушухина
К(П)ФУ, г. Казань

Формулярные списки как источник изучения чиновников казанского губернского правления второй половины XIX в.

При анализе администрации Казанской губернии наиболее приемлемыми массовыми источниками являются формулярные списки. Они содержат сведения о возрасте, образовании, происхождении, вероисповедании, об основных вехах карьеры, наградах, семейном и имущественном положении, что позволяет изучать чиновничество как особую социальную группу.

Формулярные списки имеют давнюю традицию исследования. Историки-правоведы дореволюционного периода такие, как А. Д. Градовский [1], Н. М. Коркунов [2], Н. И. Лазаревский [3], изучали условия принятия на государственную службу, права и обязанности чиновников. Но послужные списки не использовались ими для анализа социального состава чиновничества, а применялись лишь в качестве иллюстративного материала при исследовании политики формирования администрации и регулирования ее деятельности.

В качестве источника по изучению социального состава чиновничества формулярные списки впервые были проанализированы и использованы П. А. Зайончковским. Им была создана методика критики формулярных списков. На основе их изучения П. А. Зайончковский определяет социальный, возрастной, национальный состав и имущественное

положение чиновничества. Так, например, по имени, фамилии и отчеству он косвенно устанавливает вероисповедание, а, следовательно, и национальность (в дореволюционной России сведения о национальности отсутствуют, однако она устанавливается с большой степенью точности на основе данных о вероисповедании) [4].

В рассматриваемый период структура формуляра уже сформировалась. Послужные списки появились в середине XVIII века в связи с необходимостью создания системы учета чиновников и контроля за их деятельностью и вплоть до середины XIX века претерпевали изменения своего содержания, отражая политику государства в отношении своего аппарата управления. Последнее крупное изменение структуры произошло в 1849 г. [5].

Новая форма включала в себя 15 граф об имени, чине, должности, социальном происхождении, имущественном положении, образовании и т. д. и представляла собой четкий структурный клишированный текст, позволяющий обнаружить наиболее полные и достоверные социальные характеристики чиновников. Однако многие формулярные списки содержат противоречивые данные, особенно об имущественном положении, что позволяет судить о факте умолчания или недостоверности сведений.

При изучении социального состава чиновничества казанского губернского правления мной было проанализировано 128 формулярных списков чиновников казанского губернского правления за период 1858–1882 гг., которые представлены в фондах Национального архива Республики Татарстан [6].

За обозначенный период все казанские губернаторы по социальному происхождению являлись представителями дворянского сословия. Только один из них состоял в гражданской службе, остальные же имели военные чины, соответствующие IV классу Табели о рангах [7].

Среди вице-губернаторов по социальному происхождению также преобладали дворяне. По чинам казанские вице-губернаторы относились к IV–VI классам Табели. Анализ их образовательного уровня показывает, что подавляющее большинство из них (74 %) имело высшее гражданское образование (Санкт-Петербургский, Московский и Казанские императорские университеты) [8].

Основной состав губернского правления (столоначальники, делопроизводители, секретари) по происхождению — представители духовного звания — 39 %, дворяне и обер-офицерские дети — по 23 %, наследственными канцеляристами — 11 %, остальные были выходцами из купечества; по уровню образования — 18 % получили домашнее воспитание,

19 % — высшее (Казанский императорский университет, Казанская духовная академия), подавляющее большинство (67 %) закончили училища и гимназии, представителей с военным образованием — лишь 3 %. Полученные данные соответствуют общеимперской ситуации, где 82 % основного состава губернского правления находились в чинах IX–XIV классов (губернские секретари и титулярные советники), остальную часть составляли чины V–VIII классов [9].

Наибольшая группа чиновников губернского правления представлена канцелярскими служителями (копиисты, канцеляристы), не имеющими чина и определенного жалования. По своему социальному происхождению они, в основном, относились к представителям духовного звания (45 %) и обер-офицерским детям (27 %). Доля дворян среди канцелярских служителей составляла 15 %. Уровень образования канцелярских служителей отвечал специфике их деятельности. Большая часть из них (81 %) получила среднее образование, 15 % — домашнее, и лишь 6 % — высшее. [10].

Таким образом, формулярные списки являются наиболее полным и достоверным источником по реконструкции социального облика чиновничества второй половины XIX в. Изучение социального облика служащих казанского губернского правления позволяет выявить тенденцию значительного увеличения доли представителей духовного сословия и разночинцев в составе губернской администрации и отметить формирование чиновничества как профессиональной группы с уровнем образования, соответствующим служебной иерархии.

Литература

1. *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Т. 8. Начала русского государственного права. Ч. 2. Органы управления. СПб., 1903. С. 84.
2. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1909. С. 408.
3. *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. Административное право. Ч. 1. Органы управления. СПб., 1910. С. 79.
4. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 11.
5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998. С. 417.
6. НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2088; Ф. 2. Оп. 1. Д. 958, 959; Оп. 2. Д. 31, 84, 175, 228, 2208.
7. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 958. Л. 17–29; Оп. 2. Д. 84. Л. 1–18; Д. 2208. Л. 1–9.
8. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 84. Л. 19–30; Д. 175. Л. 19–30.

9. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2088. Л. 48–177; Ф. 2. Оп. 1. Д. 959. Л. 18–242; Оп. 2. Д. 84. Л. 75–324.
10. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 959. Л. 243–299.

Д. В. Возчиков
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Hominem occidere pro ludo est: мир Нусантары в описании венецианского путешественника Никколо Конти

Купец и авантюрист из Венеции Никколо Конти (ок. 1395–1469 гг.) около двадцати пяти лет провел в путешествиях по Востоку, он посетил арабский мир, государства Индии и Юго-Восточной Азии. Рассказы Конти о Востоке дошли до нас в изложении флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV Поджо Браччолини, включившего их в четвертую книгу «Истории о превратности судьбы» [1], и кастильского путешественника Перо Тафура [2].

В ряду описаний стран Востока у Конти изображение мира Нусантары — одно из наиболее эмоциональных. В 1430-е гг. Конти застал островной мир Юго-Восточной Азии в период медленного упадка яванской империи Маджапахит и выхода на сцену новых игроков, например, Малаккского султаната. Однако политические коллизии мира Нусантары мало интересовали Конти, в отличие от Марко Поло, чья «Книга о разнообразии мира» изобилует политическими и военными сюжетами. Венецианского купца XV в. куда больше привлекали торговые преимущества каждого города, а также местные нравы и обычаи. Он скрупулезно описывает увиденные им диковинные товары, от суматранского дуриана [3] до перьев экзотической птицы с Явы [4].

Знакомство Никколо Конти с Нусантарой начинается с Суматры (Sciamuthera), которую венецианец отождествляет с известной еще античным географам Тапробаной. Путешественник посещает прославленный город-эмпорий, однако находит островитян жестокими и грубыми [5]. В области Батех (очевидно, батаки) Конти отмечает каннибализм и обычай охоты за головами [6].

На Яве, утверждает венецианец, живут «бесчеловечнейшие и жесточайшие» люди на земле, для которых «убить человека — забава» [7]. Культ меча и кинжала у островитян вызывает отторжение путешественника. В рассказе Конти о нравах яванцев содержится наиболее раннее упоминание в западноевропейском источнике об амоке — сложном социально-психологическом феномене Нусантары. Амок (амук) — состояние бешенства, необузданной ярости [8]. Воображение Конти поразил обычай, согласно которому несостоятельный должник, не желающий становиться рабом заимодавца, выбегал на улицу с мечом, убивая всех встречных, пока сам не был убит, после чего заимодавец мог взыскать долг у убийцы должника [9].

Любимым развлечением яванцев Конти считает кровавые петушиные бои [10], которые действительно пользовались и пользуются до сих пор огромной популярностью в Юго-Восточной Азии. Через пищевой код восприятия Конти дополняет изображение столь страшной для него яванской действительности: «Они едят мышей, собак, кошек и всяких еще более грязных животных» [11].

Если Нусантара видится Конти краем жестокости, то в его описаниях ряда других стран Востока встречаются и утопические мотивы. Так Цейлон у Конти — настоящая республика философов, управляемая добродетельными брахманами: «Острова управляются родом браммонов, которые считаются мудрее остальных людей» [12]. Конти подробно описывает царский двор Виджаянагара, но монархов на Цейлоне он не упоминает, хотя именно в первой половине XV в. царь Паракрамабаху VI (1412–1467 гг.) сумел возродить единое сингальское государство [13]. На подобное восприятие Цейлона у Конти, возможно, повлиял республиканский идеал Венеции. Рассказывая о брахманах в Индии, Конти не перестает восхищаться их праведностью и мудростью, познаниями в астрономии и геомантии (очевидно, имеется в виду традиционное индийское учение об организации пространства — вастувидья) и уверяет, что встречал философа, дожившего якобы до трехсотлетнего возраста [14]. Даже картина празднества в Виджаянагаре, на котором молящиеся бросались под колесницу «идола» [15], оттеняется симпатией к брахманам.

Для человека средневекового Запада привычным олицетворением насилия был мир ислама, тем более в период османской экспансии. Однако у Конти насилие не связывается с процессом исламизации Малайского архипелага. Этот процесс не нашел отражения в рассказах Конти, хотя Марко Поло, который посетил Суматру в 1292 г. и застал исламизацию Нусантары в ее начальной фазе, упоминает обращение в ислам

«сарацинскими купцами» горожан царства Перлак на Суматре [16]. О религии жителей Суматры Конти скупо сообщает, что они «все идолопоклонники» [17].

Островной мир Юго-Восточной Азии изображен Конти в основном в мрачных, пугающих тонах, Ява и Суматра предстают в его описании настоящим царством насилия, берегом антиутопий — в противоположность аристократической утопии Цейлона. Исследуя корни европейского ориентализма, Эдвард Саид писал: «Если сознанию приходится иметь дело с радикально новой формой жизни — как, например, с исламом, пришедшим в Европу в начале средневековья, — то реакция целого будет консервативной и оборонительной» [18]. Очевидно, представшая перед Никколо Конти реальность Нусантары оказалась столь экзотичной и шокирующей, даже по сравнению с Виджаянагаром или Пегу, что в его картине мира не нашлось средств для «приручения» этой радикальной новизны неведомых стран.

Литература

1. *Bracciolini P.* Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723.
2. *Тафур П.* Странствия и путешествия. М., 2006.
3. *Braccilolini P.* Op. cit. P. 131.
4. Ibid. P. 135–136.
5. Ibid. P. 130.
6. Ibid. P. 131.
7. Ibid. P. 135.
8. *Ревуненкова Е. В.* Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб., 2008. С. 300.
9. *Braccilolini P.* Op. cit. P. 135.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Ibid. P. 130.
13. История Востока. Т. 2: Восток в средние века. М., 1999. С. 490–491.
14. *Braccilolini P.* Op. cit. P. 142.
15. Ibid. P. 144.
16. *Поло М.* Книга о разнообразии мира, CLXVI.
17. *Braccilolini P.* Op. cit. P. 131.
18. *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 93.

М. В. Вьюшкин
К(П)ФУ, г. Казань

Категориальное определение римской «справедливости»: проблема подхода к источникам

Древнеримское понятие *aequitas* было центральной и смыслообразующей категорией римского права и означало то, что мы чаще всего привыкли называть «справедливостью». Будучи философским базисом права, ставшего одним из корней европейской цивилизации, «справедливость» присутствует во всех нововременных натурправовых концептах взаимодействия внутри общества и общества с природой. Но, несмотря на всю значимость обращения к первоосновам осмысления «справедливости», в историографии до сих пор нет четкого представления о сущности и роли aequitas в представлениях древних римлян. И эта проблема в первую очередь — проблема источниковедческого анализа и интерпретации.

В отечественной историографии существуют два полярных подхода к оценке древнеримской «справедливости». В дореволюционный период сложилось стойкое понимание, что развитие римского права целиком базировалось на принципе справедливости (aequitas). Главным выразителем этой идеи был В. М. Хвостов [1]. Подходы советского периода акцентировали внимание на том, что справедливость не могла играть сколько-нибудь заметной роли в качестве правового требования уже потому, что существовали особые нормы для различных слоёв, этнических групп и территорий. Поэтому эта категория и не привлекала внимание исследователей.

Кроме того, существует еще два методологически разных подхода к анализу древнеримского права в целом: исторический и цивилизационный [2]. Еще в XIX веке оформилась четкая система представления римского права, которая стала доминирующей и во многом схематизировала эту область знания, сделав её костной и беспроблемной [3]. Причина этому — ограниченность источников, на которые опираются исследователи, это, прежде всего, работы ряда классических римских юристов периода Империи (Гай, Ульпиан, Модестин, Папиниан, Юлий Павел) и кодекс Юстиниана. По сути, это «учебники» по праву, содержащие ряд П. А. норм и комментариев, сами по себе подразумевающие высокую степень схематизации материала. Они содержат лишь несколько косвенных отсылок к категории «справедливости» и к «естественному праву»,

римские юристы теоретически не разработали и даже не давали определения понятию справедливости. Поэтому из работы в работу кочуют одни и те же цитаты, не позволяющие в полной мере рассмотреть эту проблему.

На мой взгляд, большего успеха в ответе на вопрос о философских основаниях римского права добились историки. Но и здесь дальше признания, что теория римского права сформировалась под влиянием греческой философии и подчеркивания значимости перехода от Республики к Империи в этом процессе, мало кто идет. Еще больше усложняет ситуацию наличие близкого понятия *justitia*, которое лишь условно можно определить как «законность». Особую трудность вызывает адекватный перевод обоих терминов в латинских текстах, их часто смешивают и взаимозаменяют [4].

Елена Михайловна Штаерман дала характеристику понятий *aequitas* и *justitia* как особых категорий мышления в кризисную республиканскую эпоху [5], но, к сожалению, это не стало предметом ее более глубоких штудий. Однако она абсолютно верно определила, направление возможного источниковедческого поиска – это, прежде всего, работы древнеримского политика, юриста и величайшего оратора Цицерона (106–43 гг. до н. э.).

В последнее десятилетие появляются работы, как этого и следовало ожидать, на стыке истории и правоведения, все глубже анализирующие цицероновскую концепцию «естественного права», его представления о «справедливости» и «законности». Вполне возможно предположить, что работы Цицерона, которого сами римляне почитали как первого, кто реально сблизил греческую философию и римское правосознание, являются отправной точкой в рефлексии теории римского права. Именно I в. до н. э. стал поворотным пунктом в развитии римской юриспруденции, ибо непосредственно предшествовал классической эпохе римского права. И вновь исследователи не идут дальше приведения хрестоматийных примеров и определений из самых знаменитых трактатов и нескольких речей Цицерона. Хотя цицероновский корпус дает более богатый материал для раздумий, и, прежде всего, возможность сравнить определения «справедливого» в философском и «житейском» понимании в трактатах и личных письмах, то есть в теории и на практике. А в виду множественности и хронологического разброса материалов еще и проследить определенную эволюцию морально-правовых ценностей отдельной личности в «переходную» эпоху крушения республиканских порядков.

Анализ цицероновского наследия убеждает нас в возможности выделения в представлениях и практике древних римлян, нескольких уровней-дефиниций справедливости: морально-нравственного, этического–*aequitas*; морально-правового *justitia*; пограничной области, сочетающей одновременно признаки и юридических и моральных норм; чисто правовой дефиниции справедливости — согласно законам — *lex*. В эту схему хорошо вписываются все последующие аберрации классических римских юристов о справедливости в обществе.

Литература

1. *Хвостов В. М.* Опыт характеристики понятий aequitas и aequum jus в римской классической юриспруденции // Уч. зап. Импер. Моск. ун-та. Отд. Юр. Вып. 10. М., 1895. С. 1–309.

2. *Ткаченко С. В.* Проблемы определения содержания римского права: исторический и цивилизационный подход. Самара, 2002. С. 5, 7.

3. Поэтому сейчас больше переизданий дореволюционных авторов (Хвостов В. М., Муромцев С. А., Покровский И. А., Шершеневич Г. Ф.), нежели новых монографий.

4. Трудностей добавляет еще и наличие специфических речевых оборотов (vere, rite), переводимых часто словами «по справедливости».

5. *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 44–46.

А. Г. Галимуллина

К(П)ФУ, г. Казань

«Домострой» как источник по изучению домашнего насилия в России

В России проблема насилия над женщинами стоит особенно остро. Несмотря на то, что за последние двадцать лет в стране была проведена большая работа по противодействию насилию в семье, до сих пор на государственном уровне отсутствует системный подход к решению данной проблемы. В связи с этим, необычайно важно планомерное изучение означенного явления, поскольку лишь правильное определение причин и

истоков насилия позволит выявить наиболее эффективные пути противодействия ему. Отечественная наука, занимающаяся изучением домашнего насилия, выработала множество теорий происхождений этого явления, высветила целый ряд причин и факторов, провоцирующих его. В контексте данной работы наиболее результативным является использование культурно-исторического подхода. В изучении истоков домашнего насилия в России мы базируемся на подробном анализе «Домостроя» — документального источника XVI века, который письменно закреплял правомерность домашнего насилия. «Домострой» являлся сборником правил и наставлений по всем направлениям жизни человека и семьи.

Процесс определения истоков и причин домашнего насилия в рамках культурно-исторического подхода достаточно противоречив. В историографии «Домострой» получил весьма неоднозначные оценки относительно его роли в становлении данного явления. В общественном сознании негативное отношение к Домострою сложилось еще в XIX веке и сохранилось примерно до начала XX века. Затем стали появляться работы, в которых документ рассматривался с точки зрения христианских догматов и идеализировался в такой же преувеличенной степени, как ранее осуждался. В православной периодике это нашло выражение в публикации еженедельника, посвященного толкованию Домостроя.

Однако такое мирное сосуществование двух противоречащих друг другу взглядов длилось недолго. После прихода к власти большевиков, «Домострой стал представляться народу, как своеобразный дореволюционный учебник по угнетению женщин. Так, в словаре Даля, вышедшем в конце XIX века, «домострой» определяется, как «домохозяйство, домовний обиход, наблюдение за порядком в доме. Домострой – хороший хозяин» [1], а в словаре Ушакова за 1934 г. говорится, что «домостроевский — это патриархально – суровый, косный и грубый» [2]. Необходимо было сместить идеологический центр от семьи к коммунистической власти.

В 90-х годах XX столетия появились труды, свободные от идеологических рамок, а, следовательно, более объективные. В этот же период «Домостроем» заинтересовалась западная историография, причем оценки он получал самые негативные. В 1994 г. «Moscow Times» опубликовал статью, посвященную проблемам современных русских женщин. В ней объяснялось, что «Домострой... дает детальные инструкции как следует бить жену (легонько, вежливо), а жене рекомендует никому об этом не рассказывать» [3].

При таком разнообразии мнений, признать какую-либо точку зрения однозначно правильной нельзя. Критический анализ исследований, идеализирующих «Домострой», с одной стороны, и других, что представляют его оплотом жестокости и ханжества позволяют объективно оценить место источника в процессе формирования домашнего насилия в России. В ходе работы было установлено, что бесправность, униженность женщины и жестокое насильственное к ней отношение в эпоху «Домостроя» сильно преувеличены. Реальная жизнь, хоть и строившаяся по канонам «Домостроя», все же во многом была далека от него. Безусловно, статус женщины был ниже статуса мужчины, но тем не менее жена не находилась от мужа в полной зависимости, а порой в значительной степени имела на него влияние, т. е. не могла повсеместно и безосновательно подвергаться насилию. Таким образом, можно сказать, что домашнее насилие, о котором идет речь в Домострое, действительно существовало, так как этот документ имеет под собой прецедентную основу, но не в таких широких и гиперболизированных масштабах, как это обозначалось, например, в советской историографии.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. Эксмо., 2005.
2. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. М. : Аст., 2000.
3. *Найденова Л. П.* «Домострой» и «путь ко спасению» // Россия XXI. 1995. № 3/4.

А. М. Давлетшина

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Онто-герменевтическое осмысление категории «опыт»

Понятие «опыт» является категорией, которая широко используется в самых разных философских учениях. Но при этом, как отмечает совершенно правомерно Х. Г. Гадамер, понятие «опыта относится,… как бы парадоксально это ни звучало, — к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем» [2]. Мы постоянно используем это понятие

и наш язык лишь подтверждает этот факт: «из собствеииого опыта», «проверено на практике» и т. д. Опыт — выступает источником для получения знаний о мире.

Своими корнями понятие опыта восходит к античной философии, находит своеобразиое выражение в споре иомииалистов и реалистов, составляет осиову эмпиризма и рациоиализма Нового времеии, получает свое развитие в немецкой классической философии (например, в философии И. Канта), в «философии жизни», в марксизме, в различных течениях позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма, в гермеиевтике и т. д. И при столь широком интересе опыт в своем сущиостном содержаиии так и остается непознанным.

Существует много подходов к рассмотреиию этой категории: феиоменологический, онтологический, гермеиевтический подходы и т. д. Наиболее иитересным, в плане рассмотрения темы источников и их интерпретации в гуманитарном дискурсе, является герменевтический подход к категории «опыт».

Герменевтический подход к категории «опыт» сильно отличается от других подходов. Например, ои отличается от феномеиологического подхода тем, что для гермеиевтики не имеет большого значеиия проблема достоверности и аподиктичности опыта. Гермеиевтика рассматривает не отделение естествеииого опыта от редуцированиого к чистой субъективности, а о сущности всего гермеиевтического опыта в целом, в отличие от опыта, который не может служить прояснению проблемы поимания и интерпретации человеческого духовного мира. Большое значеиие понимание играет в философии Гадамера. В его герменевтике само понимание превращается в опыт, они иеотделимы друг от друга. И сама герменевтика здесь озиачает опыт понимаиия, который есть «опыт самого в нем содержащегося разума и разумности — не действия по правилам..., но первичное помещение “человека понимающего” в его естествеииую социальную и культурную среду»[5]. Понимание по В. Дильтею — это часть жизни (а не просто чистое познание), вырастающая из некого опыта целостиости. Гадамер созвучен ему в этом планс: «Понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, ио очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом» [3]. По его мнению, гермеиевтика в принципе не является методологией. Он придает гермеиевтике и ее подходу к бытию онтологический акцент. Это отражается и на подходе к рассмотрению опыта. Речь идет об *онто-герменевтическом подходе* к категории «опыт».

Герменевтический опыт в понимании Гадамера не имеет крепкой связи с чувственным опытом восприятия. Опыт у него выражает позицию духовного обстояния человека перед миром, поэтому представляет собой форму духовной данности мира. В. Г. Зангиров пишет по этому поводу: «В опыте искусства, философии и истории нам непосредственно дан духовный мир человека, и если мы обнаружили через чтение древних мыслителей ущербность собственной философской мысли, то только потому, что превосходство давно созданного текста предстало перед нашим духовным взором воочию — мы увидели дистанцию между собой и мыслителями прошлого» [4]. А язык выступает основной и первой формой всякого духовного опыта. Знаковая реальность усваивается нами в процессе понимания. Язык является, по Гадамеру, выражением бытийного устроения человека. С помощью него опыт структурируется благодаря языковым структурам, которые предшествуют процессу обретения опыта. Из-за связи с языком опыт одухотворяется и становится всеобщим. Опыт бытия в мире в итоге герменевтический опыт, именно за счет опосредования языком.

Опыт открыт, динамичен. Над ним никто не властен, по мнению Аристотеля и Гадамера. Открытость опыта и отсутствие руководящего начала делает опыт онтологичным. Для древнегреческой философии быть — это значит быть Единым, или Одним, но всегда определенным Единым, отсюда быть многим. Бытие в итоге и неизменно, и бесконечно изменчиво, и текущее, и застывшее. Нет четкой границы между любыми оппозициями, в том числе и между познающим и познаваемым. Опыт выступает, можно сказать, «дверью» между человеком и бытием: «...чувственным восприятием человек прямо входит в бытие, которое столь же непосредственно здесь входит в него. Нет никаких перегородок. Существующее не скрыто от нас нашей чувствительностью, которой "субъект" был замкнут в себе, а как раз, напротив, — проникает в нас, пронизывает» [1].

Онто-гносеологическое осмысление опыта категории опыт выявляет большие перспективы для самых разных наук: филологии (языковой опыт), для истории (исторический опыт), юридических наук (правовой опыт), для философии (в принципе опыт и его виды). Наш опыт, приобретаясь и проявляя себя самым разным образом, выступает своеобразной «нитью Ариадны», которая соединяет нас с ковром бытия.

Литература

1. *Ахутин А. В.* История принципов физического эксперимента. От античности до XVII в. М., 1976. С. 118.

2. *Гадамер Х.–Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 409.

3. Там же. С. 38.

4. *Зангиров В. Г.* Основания структуры опыта. Хабаровск, 2011. С. 34.

5. *Шульга Е. В.* Проблема предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М., 2004. С. 76.

М. Н. Еликова
К(П)ФУ, г. Казань

Проблема осмысления источников по истории церкви древней Руси

Исторические источники, особенно те, что относятся к истории церкви, не всегда отражали истинную картину происходящего. История как таковая описывала не только реальное положение дел, но и то, каким хотели видеть прошлое современники. Особенность источников по истории церкви также заключалось в том, что история рассматривалась скорее как приложение к священному Писанию, расхождений с ним быть просто не могло.

Церковь, основанная Богом, освящаемая и руководимая им, имеет, кроме Божественного, еще и человеческий фактор. Человек, как существо свободное, участвует, как в собственном спасении, так и в созидании Царства Божьего на земле. Церковная история изучает именно эту, человеческую сторону церковной жизни, ее развитие под влиянием Божественного фактора, который выходит за рамки истории. В одно и то же время наука историческая и богословская, история Церкви не может быть изолирована от всеобщей истории, однако не может не иметь существенных отличий. Если гражданская история опирается на политическое, культурное развитие народов, то церковная история рассматривает жизнь человечества сквозь призму его стремления к спасению души, жизни

вечной. По этой причине исторический метод исследования (сбор, анализ, изучение фактов и их изложение) к истории Церкви практически не применим, так как с его помощью нельзя в полной мере объяснить в истории Церкви многое, а именно то, что относится к области Божественной, например, возникновение христианства, его распространение, догматические споры и многое другое.

Источники по истории русской церкви, в особенности истории Киевской Руси. Мы должны признать что «от южно-русской литературы XI–XIII вв. не дошло до нас ни одного подлинного списка; все памятники сохранились в поздних списках», да собственно и сохранившиеся является следствием случайности, которая по мысли В.М. Истрина, «имела место на Руси»[1]. Важно так же и то, что современники первого века христианской жизни оказались довольно равнодушны к своей церковной истории. Церковная история для древнерусских писателей при всем религиозном характере их мировоззрения оказалась малоинтересной и изначально представала лишь частью истории государственной или народной.

Проблема источников также перетекает в проблемы толкования того или иного события. Так часто мы слышим, что культура Византийской империи была буквально сразу воспринята русским народом, что право восприняло нормы византийского законодательства. Если взять для анализа законы и обычаи Русской правды, то по большей части они несут на себе отпечаток норм права Хазарского каганата. Недооценка такого вроде бы незначительного факта повлекла за собой множество недоразумений и не состыковок в осмыслении и анализе древней русской истории. Отрицать роль воздействия Византии на Русь невозможно, но и преувеличивать ее роль нельзя. В повести временных лет выбор веры Владимира звучит скорее как миф, нежели как реальность. История смотрится гораздо более выигрышно благодаря таким мифам.

История церкви или все-таки история церковно-государственных отношений? Такая тонкая грань, где заканчивается история церкви и начинается история взаимоотношений, почти не видима стороннему наблюдателю. Методологический подход крупного богослова русского зарубежья В.Н. Лосского обязывает рассматривать историю взаимоотношений Церкви и государства не только с точки зрения государства или с позиции нейтрального наблюдателя, но также исходя из учения Церкви, ее догматов, правил и установлений [2]. Таким образом, к рассмотрению любого исторического документа стоит подходить с нескольких позиций.

Поскольку Церковь содержит в себе мистические начала и явления, находящиеся за пределами объективного, фиксируемого и познаваемого научными методами, то объективно изучить их представляется невозможным. Поэтому явления духовного порядка, к которым относится сфера деятельности Церкви, требуют использования этого метода, учитывающего сверхъестественную природу и сущность Церкви, вместе с тем, в своих земных проявлениях – фиксируемую и доступную для объяснения. Однако это весьма проблематично тогда когда к изучению истории подходят с помощью, прежде всего, исторических методов и даже история церкви не исследуется какими-то особыми «церковными» методами.

До тех пор пока не выработается методология исследования и анализа источников по истории церкви, проблемы будут возникать постоянно. Источники по истории церкви – это уникальные документы, которые позволяют нам окунуться в атмосферу не только церковно- государственных отношений, но и понять каким образом думали церковные деятели того времени и как они видели современность, как они ее оценивали.

Литература

1. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 2003. С. 118–133.
2. *Журавский А. В.* Актуальные и перспективные направления изучения русской церковной истории XX века // Исторический вестник. 2000. № 5–6 (9–10). С. 286–287.
3. *Ключевский В. О.* Методология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 39, 63.

Е. П. Емельянов

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Взгляды Юрия Самарина на польский вопрос

В конце XVIII века трехсотлетняя борьба России и Польши за обладание украинскими и белорусскими землями завершилась в пользу России. Однако вместе с этими территориями в состав России вошло два с половиной миллиона поляков, что заложило фундамент одной из главных проблем русской общественной жизни XIX века – польского вопроса [1].

Присоединение к России по итогам Венского конгресса Царства Польского ещё больше обострило этот вопрос, по которому высказывались представители почти всех направлений русской мысли от консерваторов до революционных демократов [2]. Заметное место он занимал и в публицистике славянофилов, среди которых ему уделяли наибольшее внимание Юрий Самарин и Иван Аксаков.

Юрий Фёдорович Самарин обратился к польскому вопросу после начала Январского восстания 1863 года. Весной 1863 г. в газете Ивана Сергеевича Аксакова «День» была опубликована его первая статья по польскому вопросу «Как относится к нам Римская церковь?». В этой статье Ю. Ф. Самарин страстно обличал деятельность в ходе восстания представителей католической церкви и утверждал, что их участие в преступлениях повстанцев ясно показывает глубокую враждебность католицизма православию и России [3]. Вместе с тем Ю. Ф. Самарин писал, что русским чужда ненависть к полякам [4]. Последнее утверждение было высказано им более развёрнуто в написанном в тоже время всеподданнейшем адресе самарского дворянства. В нем говорилось, что Россия не потребует отплаты за невинно пролитую кровь и не обрадует врагов славянского мира отречением от уверенности, что рано или поздно примиренные поляки протянут нам братскую руку [5].

Летом 1863 года Ю. Ф. Самарин написал две большие статьи по польскому вопросу, опубликованные в сентябре того же года в «Дне». Наиболее развернуто его взгляды были изложены во второй статье, получившей название, «Современный объем польского вопроса». В ней Ю. Ф. Самарин раскрывал свое понимание вопроса о взаимоотношениях России и Польши. Он писал, что польский вопрос складывается из трех вопросов: о поляках как народе, о польском государстве и о полонизме, как просветительском начале, представляющем католичество в славянском мире. Вся политика поляков заключается в их отождествлении, политика России в их разъединении. Говоря о первой составляющей польского вопроса, Ю. Ф. Самарин утверждал, что признание существования поляков как отдельного народа неизбежно влечёт за собой признание за ними права на свободу вероисповедания, официальное употребление народного языка в делах внутреннего управления и своеобразность гражданского быта. Вместе с тем, он писал, что признание этих прав, не означает признания политической независимости [6]. Ю. Ф. Самарин отмечал, что все притязания Польши на политическую независимость основываются на двух противоречиях: во имя своей народности она требует для себя господства над другими народностями, оправдывая это притязание

обетом служить католицизму, тому просветительскому началу, которое губит ее внутреннюю жизнь [7].

Ю. Ф. Самарин утверждал, что разрешение польского вопроса немыслимо без отречения Польши от католицизма. Понимая, что в данную минуту это невозможно, он акцентировал, что взялся за перо для того, чтобы показать, что окончательное разрешение польского вопроса административными мерами невозможно. Говоря же о временном политическом решении польского вопроса, он писал, что цель России должна заключаться в том, чтобы сделать поляков безвредными. Далее он перечислял меры, необходимые для достижения данной цели: подавить мятеж, улучшить положение крестьян в Царстве Польском и подрезать все корни полонизма в Западном крае и на Украине. Последняя мера должна включать в себя: прекращение обязательных отношений крестьян к помещикам, улучшение положения православного духовенства, русификацию местного управления [8]. Когда вышеперечисленные меры будут реализованы польский политический вопрос окажется в руках России и она сможет определить варианты его решения: либо неразрывно связать Польшу с Россией учреждением в ней сильной русской власти, либо добровольно отречься от Царства Польского.

Через три недели после публикации данной статьи Самарин отправился в Царство Польское для реализации одного из своих предложений по решению польского вопроса. По приглашению Николая Алексеевича Милютина он вошел в состав комиссии, которой надлежало подготовить проект крестьянской реформы в Царстве. Ю. Ф. Самарин вместе с Н. А. Милютиным и князем Владимиром Черкасским принимал самое активное участие в деятельности комиссии и к концу ноября проект был готов. Согласно ему польские крестьяне, бывшие лично свободными со времен герцогства Варшавского, получали в полную собственность свои наделы, не выплачивая помещикам выкупа; вознаграждение последних осуществлялось полностью за счет казны [9]. Напряженная работа по подготовке польской крестьянской реформы подорвала здоровье Ю. Ф. Самарина и после того как ее проект был утвержден указом от 19 февраля 1864 года он уехал на лечение заграницу.

Подводя итоги, нужно отметить, что славянофилы отстаивали в польском вопросе государственные интересы России и религиозные интересы православия. Они единодушно выступали за русификацию украинских и белорусских земель, являвшихся объектом конкуренции русского и польского национальных проектов [10]. По поводу судьбы земель Царства Польского их позиции несколько различались. Если И. С. Аксаков

однозначно выступал за его отделение от России, то Ю. Ф. Самарин считал этот вариант только одним из возможных. Вторым возможным вариантом для него было установление неразрывной связи Польши с Россией. Но все славянофилы полагали, что главной опорой правительства в польском вопросе является крестьянство Царства Польского и Западного края, и выступали за улучшение его социального положения.

Литература

1. *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 217.
2. *Герцен А. И.* Поляки прощают нас. // Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1957. Т. 12. С. 87–93.

Леонтьев К. Н. Православие и католицизм в Польше. // Гражданин. 1882. № 101.

3. Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 364-365.
4. Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 363.
5. Самарин Ю. Ф. Проект адреса самарского дворянства // Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 423.
6. Самарин Ю. Ф. Современный объем польского вопроса // Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 424–425.
7. Самарин Ю. Ф. Современный объем польского вопроса // Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 438.
8. Самарин Ю. Ф. Современный объем польского вопроса // Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 441–442.
9. Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 181, 186.
10. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 92.

Е. А. Ильина

КФУ, г. Казань

Проблема интерпретации феномена самоубийства в Ветхом и Новом Завете

10 сентября Всемирный день предотвращения самоубийств, что говорит о международном характере данной проблемы. Проблема самоубийств с каждым годом приобретает все более глобальный характер,

а суицидальные попытки все чаще становятся формой поведения, к которой прибегает человек в той или иной кризисной ситуации.

Актуальность выбранной нами темы исследования можно определить растущим демографическим кризисом в нашей стране; многочисленными дискуссиями о праве на жизнь, которые ведут современные правоведы; самоубийством как социальным явлением, которое всегда вызывало интерес общества, порождало вопросы, слухи и домыслы, а так же проблемой толкования текста Библии, касающегося данного вопроса. Религиозная принадлежность чрезвычайно важна в принятии суицидального решения. Религия является частью культуры и, безусловно, впрямую или косвенно влияет на поступки людей.

Христианство, хотя и проповедовало презрение к земной жизни, все же очень рано запретило самоубийство. Первая атака была предпринята еще на закате Западной империи, на Аральском соборе 452 года, где суицид впервые был объявлен преступлением, а те, кто его совершают — «объятыми дьявольским безумством». В 533 году Орлеанский собор, следуя пожеланиям судебных властей, отказал в христианском погребении самоубийцам из числа осужденных преступников, ибо, совершив самосуд, они обманывают закон, уходят от положенного наказания. Следующий шаг был предпринят на Пражском соборе 563 года, введшем карательные санкции против всех самоубийц, им отказали в церковном отпевании и погребении. Толедский собор 693 года отлучил от церкви не только самоубийц, но и тех, кто, попытавшись покончить с собой, остался жив.

С точки зрения Фомы Аквинского христианская церковь устанавливает как непринужденную истину, что шестая заповедь «не убий» в равной части относится и к самоубийству. Фома Аквинский подтвердил, кроме того, взгляды Платона (сто человек — солдат Бога и друг самому себе), Аристотеля (что самоубийство противоречит обязанностям человека по отношению к обществу) и добавил собственный сокрушительный аргумент: самоубийство мешает покаянию.

В самом тексте Библии нет прямого запрета на самоубийство — ни одно из семи самоубийств, описанных в тексте, не осуждается, идет лишь констатация факта. Также можно обнаружить еще два факта, подобных самоубийству: одного в Ветхом Завете и одного в Новом, которые при желании можно истолковать, как запрещающие своевольничать с жизнью и смертью. Во «Второзаконии» Господь произносит: «Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей» [1]. А в «Первом послании к коринфянам» Павел говорит: «Разве не знаете,

что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» [2]. Но грозные слова Бога в Ветхом Завете скорее относятся к перечислению его атрибутов, и ударение делается не на местоимении «Я», а на глаголах. В словах апостола Павла имеется ввиду не физическое разрушение тела, а разорение собственной души, которое происходит как раз при жизни.

Но везде есть противоречия. Согласно древнехристианским преданиям, в эпоху гонений на христиан бывали случаи, когда власти, захватив одну или несколько христианок, отдавали их солдатам на поругание. Чтобы оградить себя от надругательств, во имя естественной стыдливости, зная о неминуемой смерти, они ускоряли ее наступление: бросались в реку, с домов, со стен тюрем. Вначале христиане признавали их как мучениц и чтили наряду с другими умученными. А потом пришли к выводу, что это уход от ниспосылаемых тебе богом страданий. Они считали, что женщина обречена: раз бог попускает эти страдания надо терпеть, нельзя пытаться уйти от них даже пред лицом неминуемой смерти. Было объявлено, что такие мученицы это грешники-самоубийцы.

Православное христианство считает самоубийство одним из тягчайших грехов по той причине, что человек совершает двойной грех — убийства и отчаяния, в которых уже нельзя покаяться. Совершившие самоубийство лишаются отпевания перед погребением. Единственным исключением являются сумасшедшие, покончившие с жизнью в состоянии помутнения рассудка. Самоубийцу отпевают лишь в том случае, если священнослужитель признает покойного безумным, что чаще всего выражается в предъявлении родственниками самоубийцы соответствующей медицинской справки. Ранее самоубийц хоронили вне кладбища. Подобная практика сохраиялась до 1950-х годов, а местами встречается и сегодня, в форме запрета на захоронение на церковном кладбище.

Самоубийство — явление печальное и трагичное. Возможно, суицид в современном мире является следствием отсутствия «веры» в христианском понимании, превратным истолкованием определенных учений, либо духовным кризисом современной цивилизации.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2007. С. 176.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2007. С. 842.

А. С. Кляшторный

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Проблема воссоздания контекста источника как фундаментальная проблема историко-философского исследования

Сущностной формулировкой формы, внутренне присущей всякому философскому исследованию, со времен зарождения данной науки в Древней Греции, является идея выявления предельных оснований выбранного объекта. В философии Платона выявление оснований объекта исследования выражено в идее диалектического восхождения к безусловному посредством диалога. А философское исследование Иммануила Канта [1] ставит перед собой задачу обнаружения трансцендентальных условий всякого возможного опыта, выявляя принципиально активную роль субъекта в организации «материала» познавательной деятельности.

Когда же речь заходит о историко-философском исследовании, сущностная формулировка формы исследования несколько меняется: здесь мы имеем дело скорее с воспроизведением содержания мысли одного или нескольких мыслителей (историческая часть), однако необходимым шагом на пути к этому, оказывается обнаружение оснований объекта (-тов) исследования (философская часть). Источниками в рамках историко-философского исследования, как правило, являются работы мыслителей, выступающие либо в качестве непосредственного объекта исследований, либо, находящиеся во взаимосвязи с данным объектом.

Учитывая указанные субстанциональные характеристики историко-философского исследования, и выбирая его в качестве объекта философского исследования, следует указать на такое принципиальное «условие возможности» всякого историко-философского исследования как признание контекстуальной зависимости содержания источника. Иначе говоря, адекватное воспроизведение содержания источника без привлечения иных источников невозможно. Данная принципиальная предпосылка обязывает историка философии путем установления причинно-следственных нитей, тянущихся от одного источника к другому, производить воссоздание контекста источника. Однако, как представляется, наличие подобного историко-философского императива почти всегда оказывается невозможным без вынесения оценки статуса взаимосвязи двух

источников как «вероятная» в той или иной степени. Подобное положение дел имеет свое основание в обычном для человека состоянии отсутствия полноты информации об окружающей среде. Важным, в данной ситуации, представляется обратить внимания на то, когда выполнение необходимого требования истолкования источника превращается, скорее, не в обнаружение, а в создание взаимосвязей между источниками, нацеленное на получение эффекта оригинальности исследования.

Подобного рода малообоснованные воссоздания контекста источника, тем не менее, помимо недоверия к истории философии, как негативного следствия, имеют и следствие позитивное, указывая на еще более важную и фундаментальную предпосылку всякого более–менее масштабного историко-философского исследования, а именно, на идею о существовании объективной истории, взаимосвязанных между собой философских идей. В более «слабой» форме данное допущение может быть выражено в качестве идеи о том, что возможно воссоздать общий контекст достаточно большого количества источников, расположенных на временной оси на значительном отдалении друг от друга. Скажем, представляется возможным говорить о наличии взаимосвязи между средневековым понятием скрытых сил вещей, стремления вещей к падению и понятием силы тяжести науки Нового времени. В какой мере обоснованным является установление подобного рода взаимосвязи — вопрос того, возможно ли, составить «цепь» из взаимосвязанных между собой во времени источников, демонстрирующую трансформацию одного понятия в другое, или же тождественность значений данных понятий. По всей видимости, это весьма затруднительно сделать, не обнаружив «разрывов цепи», «пробелов» между источниками, либо по той причине, что недостающее звено трагически утеряно, либо по той причине, что его никогда и не существовало. В первом случае, историк оказывается жертвой отсутствия полноты информации, сопутствующей роду людскому на протяжении всего его существования: взаимосвязь источников существует, но не может быть подтверждена. В случае втором, исследование не имеет удачных результатов в силу того, что допущение исследования не согласуется с действительностью и никакой взаимосвязи между источниками никогда не существовало.

Таким образом, на основании всего вышесказанного, представляется верным не только указать на фундаментальный характер проблемы воссоздания контекста источника для историко-философского исследования, но и предложить альтернативу принципиальному основанию истории философии. Взамен представления о континуальности истории

философской мысли, и наличии возможности обнаружения предельно общего историко-философского контекста, следует принять идею дискретности истории философии. Действительная причинно-следственная взаимосвязь может быть обнаружена между сравнительно небольшим количеством источников. Значительное же количество случаев взаимосвязи между источниками в действительности не может быть твердо обосновано. Как представляется, принятие подобной предпосылки исследовательской деятельности позволит достичь более «чистых», обоснованных результатов в рамках историко- философского исследования, пусть даже в жертву этому будет принесен интерес от знакомства с такой последовательно и гармонично развивающейся историей.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. М., 2010. С. 41–59.

Т. А. Коробейникова
СамГУ, г. Самара

Репрезентация королевской власти у Жана де Жуанвиля

Одно из наиболее разрабатываемых направлений современной исторической науки является проблема репрезентации власти. Историки открыли его для себя по настоящему не столь давно, но с тех пор количество публикаций по тем или иным аспектам изучения «внешности власти» растет с каждым годом. Исследователи еще не выработали для себя четкой терминологии по данной проблеме, что составляет определенную трудность при ее разработке. На данном этапе репрезентацию власти можно понимать как представление королевской власти через «внешние признаки» государей, их облик, конструируемый ими самими, или их биографами. Подъем интереса к представлению о сакральности средневекового государства и королевской власти обнаружил себя в историческом знании в 80-е годы XX в., с заметным опозданием после выхода двух работ, положивших начало исследованиям подобного рода — М. Блока «Короли-чудотворцы» (1924) и Эр. Канторовича «Два тела короля» (1957) [1].

Цель данной работы — проанализировать образ короля Людовика IX Святого, описанного Жаном де Жуанвилем, и рассмотреть черты королевской власти во Франции XIII века.

Жизнь и личность Людовика Святого оказались удивительно хорошо запечатленными в воспоминаниях его современников. Одним из наиболее значимых трудов того времени стал труд Жана де Жуанвиля «Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика».

Людовик Святой является одним из самых популярных из французских королей. Он затмил славу всех своих предшественников, равно как и преемников.

На мой взгляд, понятия репрезентация власти включает в себя несколько аспектов, через которые мы можем ее изучить — это понимание в то время сакральности власти, королевского двора, внешнего вида короля, его характера и символики.

Сир Жан де Жуанвиль дает четкую характеристику внешнему облику Людовика: «Он был в котте из голубого атласа, в сюрко и плаще из алого бархата, подбитого горностаем, и в полотняной шапочке, которая ему не шла, потому что он был тогда юношей». Из его дальнейших описаний можно сделать вывод, что в молодости это был красивый рыцарь, храбрый, ловкий в обращении с оружием, тонкий и стройный, с ангельским лицом, озаряемым «глазами голубя». В зрелом возрасте это аскет, измученный умерщвлением плоти, которому он предается, но всегда хранящий для тех, кто к нему приближается, незабываемый шарм. Он был умерен в еде, сдержан в своих выражениях. «Вино он разбавлял, поскольку сознавал, что неразбавленное может причинить вред. И если я в старости буду пить чистое вино, то буду каждый вечер пьян, а напиваться почтенному человеку весьма постыдно» [2]. Естественно, что он был воспитан в рамках католической религии, и был глубоко верующим человеком. Жуанвиль описывает случай, произошедший с королем, когда он попал в плен к эмирам. Так же Жуанвиль отмечает чрезвычайную благопристойность короля: «Простые воины принимались за непотребных женщин, из-за чего король удалил многих свих людей, считая это место разврата негодным богу» [3]. Людовик был из тех суверенов, которые сознают обязанности своего предназначения. Но это предназначение он понимал не как простую возможность возвышаться над людьми или делать их счастливыми, завоевывать королевства или извлекать для себя выгоду. Именно в этих качествах Людовика IX можно найти природу королевской власти. В Средние века монархическая власть генетически

содержала в себе элементы сакрального, поскольку король изначально и неизменно исполнял миссию посредника между вверенным ему народом и Богом [4].

Что касается королевского окружения, то Жуанвиль описывает патриархальный двор: никакой роскоши и чрезвычайная строгость нравов, ибо король не терпел порока.

Но при этом Людовик был жестким сувереном для тех, кто не повиновался ему, какими бы знатными они не были. Жуанвиль описывает случай с его братом — Карлом Анжуйским, бросившим в темницу рыцаря в соответствии со своим правом, и вызванным с анжуйского суда на суд королевский: «Во Франции только один король; и не думайте, что если вы мой брат, то я буду щадить вас супротив справедливому правосудию» [5]. Именно к Людовику начали обращаться для того, чтобы он рассудил споры между сюзеренами и вассалами. В это время король становится не просто владельцем своего домена, но и европейским арбитром отношений.

Но при всем его могуществе короля Жуанвиль рассказывает нам, что Людовик общался с людьми без особых почестей, и требовал такого же отношения к себе. Так обращение «сир», он применял как к членам своего совета [6], так и к простым матросам. Очевидно, что монарх не придавал большого значения ни этим языковым формулам, ни прочим условностям такого рода. Источником уважения, которое он внушал, было его достоинство как короля и христианина, о котором не позволяли забыть скромность его костюма и простота манер.

Таким образом, королевская власть, описанная у Жуанвиля, обладает рядом особенностей, на формирование которых могла повлиять неординарная личность короля или специфика того времени. Подводя общую характеристику можно сказать, что королевская власть во Франции XIII века формировалась в русле архаической традиции, складывалась не просто как политический институт, но и как некая сакральная территория, связывающая земной мир с Богом. Именно в XIII веке происходит централизация Франции как королевства, что отражается в увеличении значения королевской власти для средневекового француза.

Литература

1. *Хачатурян Н. А.* Король-sacre в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (Мифология понятия власти) // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006, С. 19.
2. *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых деяний нашего святого короля Людовика. Спб, 2007, С. 13.

3. Там же, С. 45.
4. *Цатурова С. К.* Священная миссия короля — судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XVвв. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006, С. 78.
5. *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых деяний нашего святого короля Людовика. Спб., 2007. С. 119.
6. Там же. С. 113.

И. Е. Мантурова
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Повседневные практики российского чиновничества первой половины XIX века: обзор источников

Несомненно, быт является неотъемлемой составляющей жизни российского чиновника первой половины XIX века. Согласно более узкой трактовке Российской социологической энциклопедии «Быт — сфера внепроизводственно-экономической и социальной жизни, включающая деятельность, связанную с удовлетворением материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья, и деятельность, связанную с освоением духовных благ, культуры, с общением, отдыхом, развлечениями» [1]. Другими словами быт — это повседневность, некий жизненный уклад. Быт находится вне производственной деятельности лица, однако, во многом они друг на друга оказывают непосредственное влияние. Что, в частности, очень ярко прослеживается у российского чиновничества начала XIX века.

В современной исторической практике существует множество систем классификации источников, предложенных авторитетными исследователями. Универсальная модель предложена Л. Н. Пушкаревым [2] — линейная система классификации. Она послужит базой, для выявления информационного потенциала источников. Однако, из предложенной системы классификации необходимо вычленить лишь те виды источников, которые непосредственно несут в себе потенциал для раскрытия заявленной проблемы.

Во-первых, к письменным историческим источникам, которые использует исследователь для выстраивания образа чиновничества, его

повседневности, относятся повествовательные источники. Несомненно, их количество в достаточной степени велико, но, однако, предпочтение необходимо отдать художественной литературе, поскольку данный вид самый яркий и информационно содержательный. Несмотря на то, что по сей день ведутся дискуссии, следует ли относить художественную литературу к историческим источникам, нельзя не согласиться с тем фактом, что потенциал информационный у нее в достаточной степени велик. Об этом свидетельствует тот факт, что многие проблемные моменты в истории нашего государства не были зафиксированы в официальной документации, но, однако, подобные пробелы исторического значения нам позволяет восполнить художественная литература. В доказательство необходимо обратиться к конкретным данным. В начале XIX века среди чиновничества активно наблюдалось взяточничество в их повседневной жизни. И естественно, прямым источником, который в полной степени разоблачает эту «практику» является литература художественная. Вот и Городничий в «Ревизоре» дает взятку «чиновнику» Хлестакову 400 рублей [3]. В доказательство того, что художественная литература имеет полное право на существование, как исторический источник, приведем определение А. С. Лаппо-Данилевского: «Исторический источник есть всякий реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [4].

К блоку повествовательных исторических источников, которые несут в себе информацию о повседневности чиновничества, необходимо отнести также личные источники, такие как мемуары и им сопутствующие. Конкретным примером являются «Записки» Ф. Ф. Вигеля [5], которые несут в себе массив информации о русском быте, в частности из этого источника можно почерпнуть материал о чиновничестве и его повседневной жизни. Информационный потенциал такого рода исторических источников, безусловно, очень велик. Мемуарная литература — документальная литература, которая повествует нам о некогда прошедших событиях в жизни автора.

Безусловно, нельзя забывать о том, что художественная литература — это во многом вымысел. А в ходе создания мемуаров могли возникнуть различного рода факторы, которые оказывали непосредственное влияние на автора. Заявленные источники носят во многом субъективный характер и следовательно дают «пищу для размышлений», то есть мы можем принимать мнение автора или его опровергать посредством поиска оппозиционных произведсний и т. п.

Во-вторых, к письменным историческим источникам, которые использует исследователь для выстраивания образа чиновничества, его повседневности, относятся документальные источники. Конечно же, первостепенным является законодательство — «Полное собрание законов Российской Империи» [6]. Безусловно, представленный вид исторических источников обладает огромным массивом данных и информационный потенциал его достаточно высокий. В официальных источниках прописано то, как должен был выглядеть чиновник начала XIX века, как ему надлежало себя вести не только в рамках служебных, но и в обычных жизненных ситуациях. В отличие от литературных трудов, язык законодательства сух и строг, он не несет в себе оценочных характеристик, которые имеются у авторов художественных произведений или простого обывателя, который интересуется повседневностью чиновника начала XIX века. Задача исследователя дать взвешенную критику источника, понять, что в нем отражает реальную практику, а что идеальный образ.

Безусловно, посредством привлечения указанных выше типов источников быт чиновника может быть раскрыт с официальной и неофициальной стороны. Исследователь всегда должен помнить тот момент, что и литературные произведения и официальная документация должны проходить проверку, как на подлинность, так и на достоверность.

Литература

1. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова [Электронный ресурс], 1998 // URL: http://voluntary.ru/dictionary/619/word/byt (дата обращения: 24.02.2012).
2. *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 267.
3. *Гоголь Н. В.* Повести. Драматические произведения. Л., 1983. С. 184.
4. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М., 2006. С. 292.
5. *Вигель Ф. Ф.* «Записки» / под редакцией С. Я. Штрайха. М., 2000. 327 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года [Электронный ресурс] / Российская национальная библиотека // URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&uv=1&part=1171&page=581 (дата обращения: 26.02.2012).

А. Р. Мустафин
К(П)ФУ, г. Казань

Аграрные длинные волны в истории России XVIII — середины XIX вв.

Теория длинных волн Кондратьева традиционно применяется в изучениях индустриального и постиндустриального обществ. Ее актуальность на сегодняшний день обусловлена тем, что в мире происходит переход от восходящей к нисходящей фазе цикла Кондратьева. При этом следует отметить, что в теории Кондратьева остается ряд дискуссионных моментов. Это в первую очередь обусловлено тем, что эмпирический материал, на котором строилась и разрабатывалась теория, ограничен был хронологически и географически и недостаточен для экономических циклов длинною в 50–60 лет. Так Н. Д. Кондратьев выявил большие циклы (длинные волны), основываясь на материале ряда Западных стран конца XVIII – начала XX вв. А последователи Н. Д. Кондратьева, применяли теорию, как правило, к изучению современного им общества. Отсюда вытекает необходимость применения теории Н. Д. Кондратьева к доиндустриальной эпохе истории России. Применение же теории необходимо начать с выявления больших циклов в динамике экономического развития изучаемого периода.

Цель данного исследования – выявить возможности применения модели длинных волн Кондратьева к анализу экономического развития России в XVIII – середине XIX вв.

В данном исследовании для выявления больших циклов использовался метод спектрального (Фурье) анализа. Также применялись и другие количественные методы, а также методы моделирования, индукции, дедукции. Все количественные вычисления производились с помощью процессора электронных таблиц Microsoft Excel.

Дальнейшее исследование основано на следующих положениях:

– Необходимо отделять «аграрные» и «промышленные» циклы [1]. Исходя из того, что в изучаемый период определяющее положение в экономики Российской империи занимало сельское хозяйство, в данном исследовании акцентируются внимание на «аграрных» циклах.

– Циклические движения хлебных цен обусловлены циклическими изменениями в предложении хлеба. Предложение хлеба являлось главным

фактором, влияющим на динамику цен, что было доказано Б. Н. Мироновым, в том числе с помощью корреляционного анализа [2].

– Критерием повышательной волны больших циклов конъюнктуры взят совокупный рост хлебных цен, соответственно критерием понижательной волны снижение роста цен. Это обусловлено тем, что повышения цен на хлеб, спрос на который всегда неэластичен, положительно влияет в целом на сельское хозяйство.

Для выявления модели больших циклов необходимы достаточно длинные динамические ряды показателей. Имеются удовлетворяющие всем условиям метода спектрального анализа динамические ряды цен на рожь, овес. Остальные показатели (гречиха, горох, конопля, лён, масло, мед и др.) представлены интервально [3]. Но динамика цен на рожь, являющейся основной сельскохозяйственной культурой, а также движение цен на овес отражают в достаточной степени движения других показателей сельского хозяйства и пищевой промышленности. Во-первых, те природные факторы (влажность, температура, стихийные бедствия), которые влияют на зерновые, не могут не влиять на другие культуры. Во-вторых, уровень хлебных цен имел сильное влияние на различные стороны экономики Российской империи [4]. В третьих, на графиках полиномов распределения индекса розничных цен ряда сельскохозяйственных товаров, заданных интервально, в России в 1707–1870 гг. четко прослеживается синхронность динамики ряда имеющихся данных с аналогичными рядами ржи и овса.

Исходя из вышесказанного, согласно индуктивному методу, можно выявленные большие циклы в движении цен на рожь, овес рассматривать в целом как аграрные длинны волны Российской империи изучаемого периода.

Для сопоставимости данных цен на рожь, овес различные статистические данные [5] были сопоставлены друг с другом, при этом, реальные цены были переведены в номинальные цены в связи с «порчей» монеты, пересчитаны относительно цен за четверть, выявлены средние цены по Европейской России. Таким образом, составлен единый динамический ряд движения реальных цен на рожь, овес.

Применение спектрального анализа выявил следующую динамику цен на рожь и овес. При этом полученные результаты колебаний ржи и овса практически совпадают. Таким образом, в динамике движения цен на рожь, овес обнаруживается модель больших циклов Кондратьева. В изучаемый период можно наблюдать один неполный цикл, его понижательную фазу (1723–1753 гг.) и один полный цикл,

состоящий из повышательной фазы (1753–1783 гг.) и понижательной фазы (1783–1811 гг.). При этом большие циклы Кондратьева в изучаемый период имеют продолжительность примерно в 60 лет.

Таким образом, модель длинных волн Кондратьева применима к анализу экономического развития России в XVIII — середине XIX вв.

Литература

1. *Полетаев А. В., Савельева И. М.* «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М., 2009. С. 85–90.
2. *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 114.
3. *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 45–49.
4. Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. С. 46–57.
5. *Ковальченко И. Д.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. М., 1974. С. 47–68. ; *Миронов Б. Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 189–287 ; *Фомин А. О* понижении цен на земледельческие произведения в России. СПб., 1829. С. 27–43.

М. Ю. Новоселов

СФУ, г. Красноярск

Русская реэмиграция из Китая. (Опыт источниковедческого исследования).

История диаспор и миграционных процессов является одним из приоритетных направлений современной исторической науки. Изучение истории русской эмиграции и реэмиграции из Китая позволяет глубже раскрыть современную конфигурацию русско-китайских отношений, в которой важную роль играют национальные диаспоры. В настоящей работе предпринята попытка проанализировать источниковую базу по проблеме русской реэмиграции из Китая в СССР.

До начала 90-х г. XX в. архивные документы, посвященные русской эмиграции в Китае, были в большинстве своем засекречены. У отечественных исследователей был затруднен доступ к иностранным источникам и работам.

В конце 80-х — первой половине 90-х XX в. были рассекречены многие архивы по новейшей российской истории, сняты сроки давности с материалов закрытого хранения. Историки получили возможность приступить к планомерному научному изучению прежде не исследовавшихся тем и сюжетов. В полной мере это относится к документам, содержащим информацию по истории эмиграции и реэмиграции в СССР, на которых еще недавно стояли грифы «секретно» и «совершенно секретно». Однако из-за незавершенности рассекречивания значительный массив документов до сих пор находится в фондах секретного делопроизводства [1].

Все существующие письменные источники можно разделить на две категории: опубликованные и неопубликованные. К неопубликованным материалам относятся документы как федеральных, так и региональных архивов, например, Государственного архива Красноярского края (ГАКК).

В архивных фондах ГАКК содержатся документы, посвященные реэмиграции из Китая. Например, распоряжение заместителя министра совхозов СССР С. Кальченко от 26 июня 1954 г. о подготовке к приему группы из 40 семей советских граждан, изъявивших желание выехать из Китайской Народной Республики на работу и постоянное жительство в СССР. Они были направлены в Ужурский и Бородинский племсовхозы, в которых их должны были трудоустроить согласно специальности и квалификации [2].

Воспоминания реэмигрантов о их нахождении и работе на целине подтверждаются архивными документами крайкома КПСС (ф. п-26), в который входят постановления Совета Министров СССР и переписка с министерствами СССР и РСФСР. В исследовании эмиграционных и реэмиграционных процессов, проходивших в XX веке между Россией и Китаем, большую роль играют и опубликованные материалы. Их можно классифицировать по следующим группам: законодательные акты в сфере гражданства и миграционной политики, в том числе в сфере эмиграции и реэмиграции; распорядительные документы центральных и местных органов власти, включая ведомственную документацию; мемуары.

К опубликованным источникам следует отнести документы, содержащиеся в сборниках «Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы». В четвертом и пятом томах содержится дипломатическая переписка между советским и китайским правительством [3].

Источники мемуарного характера отражают различные периоды развития эмигрантского сообщества и советской колонии в ряде районов Китая. Часть мемуаров издана еще в период эмиграции в 20–40-е гг. XX в., другие — уже в 90-е г. XX в. в России [4]. Среди опубликованных

мемуаров доминируют воспоминания, посвященные харбинской ветви эмиграции. На порядок меньше документальных свидетельств по истории эмиграции в Синьцзяне. На Западе публиковались мемуары шанхайцев [5]. Из мемуаров шанхайцев в России опубликованы воспоминания В. А. Слободчикова «О судьбе изгнанников печальной… Харбин. Шанхай» [4], которые являются ценным историческим источником, хотя к ним необходимо подходить критически. Например, В. А. Слободчиков, будучи арестованным и насильно вывезенным в СССР, конечно же, не может быть достаточно объективным в своих оценках. Подобный критический подход необходим и к другим мемуарам и воспоминаниям.

К мемуаристике можно также отнести неопубликованные и опубликованные воспоминания бывших эмигрантов из Китая. Они представлены в личных фондах реэмигрантов, часто входят в структуру материалов, характеризующих деятельность харбинских организаций и ассоциаций, пик деятельности которых пришелся на конец 80-х — 90-е гг. XX в. [1] Мемуаристика широко представлена в изданиях харбинских обществ и в региональной прессе, как, например, газета «Русские в Китае» [6].

Данную группу источников дополняют устные воспоминания реэмигрантов. Они представляют собой самостоятельный исторический источник, позволяющий в рамках микроистории рассмотреть на примере отдельных биографий процесс возвращения эмигрантов на Родину и их дальнейшую адаптацию в Советском Союзе [7].

Изучая русскую реэмиграцию из Китая, необходимо критически подходить к новым источникам, в первую очередь это касается мемуаров и воспоминаний, которые необходимо подтверждать архивными документами. Только на основе различных источников возможно всесторонне рассматривать процесс реэмиграции и последующую адаптацию реэмигрантов к условиям жизни в СССР.

Литература

1. *Аблажей Н. Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. М., 2007.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК), крайком КПСС, ф. П-26, оп.26, д. 4, л. 67.
3. Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы / А. М. Ледовский; под ред. В. С. Мясников. М., 2005. Т. 5. кн. 1.
4. *Слободчиков В. А.* О судьбе изгнанников печальной… Харбин. Шанхай. М., 2005.
5. *Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008.

6. *Маркизов Л. П.* До и после 1945 / Л. П. Маркизов // Русские в Китае. № 40. С. 24–25.
7. *Новоселов М. Ю.* Микроисторическое исследование процесса русской реэмиграции из Маньчжурии в СССР // Актуальные научные проблемы. Материалы IV всероссийской заочной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2011. С. 8–9.

О. В. Павленко
НИУ ВШЭ, г. Москва

Духовное завещание как источник по социально-экономической истории России II половины XIX века

История семьи, в том числе и купеческой, является достаточно разработанным сюжетом как в зарубежной, так и в отечественной историографии [1]. При этом стоит отметить, что традиционным является иллюстративно-этнографический ракурс, при котором внутрисемейные стратегии и практики поведения остаются за рамками рассмотрения, а само исследование носит описательный характер. Основными источниками для таких работ являются мемуары, дневники и переписка.

В данной работе сделана попытка ввести в широкий научный оборот такой источник как духовное завещание («Духовное завещание есть законное объявление воли владельца о его имуществе на случай его смерти») [2]. По сути это юридический документ (источник официального происхождения), но содержащий в себе представления купечества о родстве, «жизненном пути», семье, достоинстве, справедливости. Вторым немаловажным достоинством данного источника является возможность с его помощью проследить состав капиталов (движимого, недвижимого имущества и наличных капиталов) и стратегии их перераспределения. Этот факт становится особенно актуальным, в свете особенностей налоговой системы Российской империи до начала XX в. Купеческие капиталы были совершенно непрозрачны. При выборке свидетельства предприниматель сам заявлял сумму капитала и размер предприятий, на которые он выбирал билеты на право торговли. Налоговыми органами их размер

и доходность не проверялась (по крайней мере, до Положения о государственном промысловом налоге 1898 г.). Таким образом, если о составе, но не об оценочной стоимости движимого имущества, мы можем судить косвенно, то размер недвижимого имущества и наличного капитала для нас остается загадкой.

Купеческая семья представляла собой уникальный социальный институт. Помимо традиционных семейных функций (воспроизводство, воспитание и образование детей) она являлась мини фирмой [3], а «коммерческий успех во многом объяснялся сильными узами родства и доверия…» [4].

Второй отличительной чертой купеческой семьи было уникальное сочетание в ней разных аспектов гражданского права. По закону жена находилась в подчиненном положении по отношению к мужу и принимала его социальный статус. Жена «должна повиноваться мужу своему как главе семейства… и прибывать в … неограниченном послушании» [5]. Имущественные же права женщины были неприкасаемы, и с мужем она могла вступать в коммерческие сделки [6]. Так же и сыновья, получив часть наследства отца при его жизни, становились по отношению друг к другу самостоятельными партнерами [7].

Всеми исследователями данной проблематики [8] подчеркивается патриархально-авторитарный характер купеческих семей, где слово главы семьи имело непререкаемый характер.

Рассматриваемый в данной работе источник отложился в фонде № 142 (Московский окружной суд), находящемся в Центральном историческом архиве Москвы. Для вступления завещания в силу и введение в права наследства, все духовные завещания должны были проходить процедуру утверждения в Московском Окружном суде.

По законам о духовных завещаниях, прописанных в Своде Законов Российской Империи (Свод законов Гражданских т. X 1 ч.) «все имущества благоприобретенные, движимые и недвижимые, могут быть завещаемы неограниченно», но «законная жена после мужа как при живых детях, так и без оных получает из недвижимого имущества седьмую часть, а из движимого — четвертую», «дети как мужеского так и женского пола, за выделом указанной части, оставшемуся в живых супругу, делят между собой имущество по равным частям, поголовно» [9].

Несмотря на строгость закона, он не всегда соблюдался в полной мере. Например, купец второй гильдии Галактион Бакулин, оставивший после себя 38 998 рублей серебром «имущество как движимое так и недвижимое… завещаю в полную и неотъемлемую собственность

сыновьям моим… каждому из них по равной части… а сестре их.. единовременно деньгами 10 000 рублей… затем она не имеет более права вступаться в оставшееся после меня имущество» [10]. А купец Андрей Бочин из всего своего имущества в 80 600 рублей серебром жене выделил «…из общего капитала три тысячи рублей» [11].

Завещания, несмотря на их официальный статус, могли быть эмоционально окрашены. Например, многие завещатели в текст завещания вставляют назидательные ноты «… сыновьям моим жить в совете и в дружбе в полном согласии быть и у матери в полнейшем повиновении» [12], просят прощения «… да простят они мне все прегрешения вольные и невольные…» [13] или объясняют, причину передачи именно этим наследникам своего имущества «за оказанное ими [сыновьями] в продолжении жизни моей особое почтение, послушание, покорность и любовь» [14].

Таким образом, духовные завещания могут быть интерпретированы в поле гуманитарного дискурса с различных позиций. Например, как источник по истории семьи, гендерной истории и в боле широком ракурсе — социальной, экономической истории.

Литература

1. Например, *Беспалова Ю. М.* Ценностные ориентации предпринимательства в России. СПб.,1999; Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX — начала XX в., М., 1999 ; *Зидер Райнхард.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — начало XX вв.). М., 1997 ; Семья в ракурсе социального знания : сб. науч. ст. Барнаул, 2001 и т. д.
2. СЗРИ, т. X., 1 ч. СПб., 1887, ст. 1010.
3. *Гончаров Ю. М.* Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. с. 237 // Семья в ракурсе социального знания : сб. науч. ст. Барнаул, 2001.
4. *Hosking G.* Russia: people and empire, 1552–1917. Cambridge, 1997. P. 258.
5. Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 10. Ч. 1. С. 19–20.
6. *Рейнгардт Н. В.* О личных и имущественных правах женщин по русскому закону. Казань, 1885, С. 7.
7. *Гончаров Ю. М.* Сословная специфика гендерного семейного порядка… С. 244.
8. Например, *Араловец Н. А.* Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в.) // Семья в ракурсе социального знания : сб. науч. ст. Барнаул, 2001 ; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб.,1999 и др.

9. СЗРИ, т. Х., 1ч. СПб., 1887, ст. 1067,1148,1128.
10. ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 5. Д. 60. Л. 22.
11. ЦИАМ. Ф. 142. оп.4. Д. 149. Л. 39 об.
12. ЦИАМ. Ф. 142. оп.6. Д. 1693. Л. 34.
13. ЦИАМ. Ф. 142. оп.4. Д. 149. Л. 38.
14. ЦИАМ. Ф. 142. оп.5. Д. 644. Л. 3.

Е. С. Попцова
КФУ, г. Казань

Стратегии политического развития в «Наказе» Павла I

В России правление Екатерины II — самый яркий пример Просвещенного абсолютизма, правление же ее сына Павла I расценивают как Непросвещенный абсолютизм. Но эти оценки недостаточно объективны, на наш взгляд, и нуждаются в тщательном анализе и пересмотре.

Целью исследования является определение стратегии политического развития страны конца XVIII — начала XIX в. на основании изучения «Наказа» Павла I. В качестве основных задач исследования определено рассмотрение историографии проблемы и сравнительный анализ стратегий политического развития Павла I и Екатерины II.

«Наказ» — это изложение поручения, данного начальником, органом власти; инструкция [1]. Со временем «Наказ» превращается своего рода в отражение определенных взглядов, а то и целых политических программ. Самым известным примером был «Наказ» Екатерины II.

Взгляд на проблему стратегий политического развития в период конца XVIII — начале XIX в. довольно новаторский. В отечественной историографии существуют две противоположные оценки павловского царствования.

Первое направление впервые озвучил В. О. Ключевский, резко негативно оценивший деятельность Павла, назвавший ее капризами сумасшедшего: «все содержание этого царствования — не более чем политические анекдоты» [2]. Начало этому направлению положили публикации мемуаров, в которых были нелестные отзывы о Павле I. Его позицию разделял известный историк Н. К. Шильдер, определявший павловские мероприятия как «бесцельные, случайные и вредные для истинно

государственных интересов России, приведшие все отрасли государственного управления в неописуемый беспорядок» [3].

Начало второму направлению оценки павловского царствования положил Д. А. Милютин будущий военный министр, отметивший положительное значение административных и военных преобразований Павла I. В наиболее же законченном виде концепция позитивной оценки царствования Павла I представлена в работах М. В. Клочкова, уделившего особое внимание социальному аспекту политики императора. У Клочкова Павел предстает царем-реформатором, посвятившим себя неравной борьбе с дворянскими привилегиями и много сделавшим для улучшения положения крестьян [4].

К более умеренной позиции склонялся Е. С. Шумигорский [5]. Павел имел четкую программу действий, с целью борьбы с надвигающейся революцией.

В советский период правления Павла рассматривался скорее как кратковременный и притом нетипичный эпизод российской истории между более связанными друг с другом царствованиями Екатерины II и Александра I.

Историк Н. Я. Эйдельман характеризует правление Павла, как «непросвещенный абсолютизм», его политика была как бы «контрреволюцией задолго до революции» [6].

А. В. Скоробогатов утверждает, что Павел пытался создать рыцарскую модель политической системы. Центральным моментом рыцарских отношений были обязанность военной службы и любви вассала по отношению к сеньору [7].

Огромен вклад Ю. А. Сорокина, он раскрывает действия Павла, связывая их с его моральным состоянием, говорит о политической программе его действий, продолжении политики Екатерины II.

Павел I тоже был просвещенным по духу, он читал французских просветителей, вел переписку с Лагарпом. В качестве противника Екатерины II он ненавидел энциклопедистов, но как реформатор заимствовал у них учения и терминологию. Павел I в 1774 году много работает над проектом «Рассуждение о государстве вообще». Этот труд имеет огромное значение для понимания его политических взглядов, симпатий и антипатий, хотя и касался, в основном, военных дел. Взгляды, сформированные эпохой Просвещения и его собственными представлениями, отражены в «Наказе».

В целом «Наказ» Павла I и «Наказ» Екатерины II, имеют общую философскую основу — идеи европейских философов-просветителей,

но, поскольку европейское просвещенне — явление очень многосложное, похоже, мать н сын использовали не полностью совпадающие философские конструкции, да и временной разрыв в составлении Наказов более двадцати лет также наложил свой отпечаток. «Наказ» написан Павлом I в 1784 году, в условиях подготовки к участию в шведской войне, и является своего рода политическим завещанием наследника престола. Этот документ выражает состоянне наследника, отражает созданный им образ правителя. Он более чем лаконичен, без пространных рассуждений, носит строгую форму, ограничиваясь перечнем тех положений, которые должны быть изменены в стране. Уже тогда в наследнике отмечается стремление к органнзованностн, сдержанность н практичность. «Наказ» состоит всего из 33 пунктов н начинается с широко распространенного утверждения: «Предмет каждаго общества — блаженство каждаго и всех» [8]. Подобно Монтескье, Павел I говорит о необходимости создания непременного закона о престолонаследии. Он смог осуществить это положение «Наказа» став императором, в свою очередь Екатерина II не сумела обосновать собственную власть. В отличие от Екатерины, Павел I в «Наказе» не выразил отношения к крепостному праву, он лншь заметил, что крестьянство заслуживает иное отношение. Он выразил свое представление и об «идеальном» государе и государстве [9]. До восшествия на престол оставалось еще много временн. Особенно потрясла его Великая Французская революция. Став нмператором, он лично стремился все знать, во все вмешиваться и всем лично управлять.

На наш взгляд, «Наказ» — это еще не программа реформ, а лишь «прннцнпы правительства». Интерпретация ндей Просвещения у Екатерины II и Павла I была разная, однако оба провозглашали идею самодержавной власти, которой подчиняются все структуры и сферы жизни общества. Онн выдвнгали на первый план общественное благо, занимались сословным вопросом, видели в дворянстве опору своего правления. Оба правителя много внимания уделяли образованию, воспитанию и просвещению. Екатерину II, прежде всего, интересовали общие вопросы, что нашло отражение в 655 статьях ее «Наказа», Павел I был более лаконичен и его 33 статьи ничуть не уступают по количеству затрагиваемых сфер общества. Павел I был откровенно консервативен и довольно рано стал придерживаться этих идей. Взгляды Екатерины II в большей степенн были подвержены влиянию новомодных веяний. Отличия в «Наказах» кажутся нам непринципиальнымн, тактическими, а не стратегическими. Реализация идей имеет большую контрастность, но не входнт в рамки данного нсследования.

Литература

1. Толковый словарь русского языка : d 4 т. / goд ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. С. 382.
2. *Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. V. С. 786.
3. *Шильдер Н. К.* Император Павел I. СПб., 1901. С. 138.
4. *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности Павла I. Пг., 1916. С. 126.
5. *Шумигорский Е. С.* Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 21.
6. *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1986. С. 139.
7. *Скоробогатов А. В.* Государство и общество в идеологии и политике императора Павла I. Казань, 2004. С. 23.
8. Наказ Павла I / Вестник Европы. 1867. № 3. С. 316–322.
9. *Сорокин Ю. А.* Павел I. // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 46–48.

Ю. В. Руднев
НИУ ВШЭ, г. Москва

«Пир во время чумы»: К истории одной социальной практики Ренессанса

В оригинальнейшем письменном источнике XVI века — автобиографии Бенвенуто Челлини [1] — с главным героем происходит чудо: ему, заболевшему, удается излечиться от чумы (кн. I, гл. XXIX). Челлини связывал выздоровление с тем, что практиковал определенную гигиену души, особый образ жизни, включавший в себя «некоторые развлечения». Он «по праздникам… охотно ходил смотреть древности», охотился, находясь на свежем воздухе; таким образом, у него, «меланхоличного по природе», «сразу же веселело сердце и лучше ладилась работа» (кн. I, гл. XXVII). После болезни Бенвенуто целый месяц провел «весело, с хорошими винами и отличным столом» у моря (кн. I, гл. XXIX). Далее он рассказывает об «ужине», организованном в «содружестве живописцев, ваятелей, золотых дел мастеров, лучших, какие были в Риме» (кн. I, гл. XXX). «Содружество», по словам автора, родилось из того факта, что «чума почти уже кончилась, так что те, кто остался в живых, с великим

весельем ласкали друг друга» (Там же.). Этот небольшой сюжет не только содержит интересные сведения о мире воображаемого его автора, но и, более того, хранит важную информацию об особой социальной практике Ренессанса.

Потребность практиковать *гигиену души* во время чумы была связана с массовыми представлениями, имевшими корни в Античности и в Средневековье. Великий мор, как мы узнаем из трактатов о чуме того времени [2], объяснялся неблагоприятным положением звезд и являлся наказанием за войны, беззаконие в обществе. Таким образом, помимо личной имелась и коллективная ответственность за происходящее, подразумевавшая не только *гигиену души*, но и *гигиену сообщества* [3].

Человек должен вести себя как Сократ, знаменитый герой Платона: ведь именно так тому удалось пережить чуму в Афинах [4]; объединения людей также должны самоорганизовываться сократически, то есть практиковать симпосии [5]. Если взглянуть под этим углом на сюжет, изложенный в начале, то ясно, что Бенвенуто Челлини излагает его с оглядкой на существовавшую симпосиастическую культуру.

В исследовательской литературе существует относительно недавняя традиция изучать феномен симпосия как социально-культурную практику [6], прослеживая ее от первых упоминаний у Гомера до трансформации в евхаристию [7]. В рамках этой в достаточной степени гомогенной исторической реальности предмет представляется ученым как «частный дружеский праздник» [8], сформировавшийся под воздействием как «агональной» эллинистической культуры [9], так и ритуальной иудейской традиции [10], служащий целям поддержания идентичности общности в условиях необходимой социальной динамики.

Возрожденческая практика симпосия, описанная выше, вступает в противоречие с указанными представлениями, поскольку не испытывает давление со стороны культуры и не сконцентрирована на себе, а ориентирована вовне: в первую очередь, потому что направлена не на приобщение индивида к сообществу, а на изменение общества сознательно действующим субъектом. Другими словами, «идея симпосия» [11] внутри ренессансной культуры приобретает дискурсивный смысл и включается в процесс, который С. Гринблатт назвал «self-fashioning» [12]: воображаемое индивида не только находится под влиянием социальной реальности, но и активно конструирует, творит ее.

Если в рамках Античности и Средневековья удобнее различать художественное представление о симпосие и саму социальную практику (ценностные представления и их воплощение), то примснительно к эпохе

Возрождения эта методика нивелирует критически важное новшество: сознательную личность, «Я» [13]. Реальность наделяется своим статусом, когда ее факты существуют для индивидуального и коллективного сознания, образуя дискурсивное пространство. Именно с этим связано становление автобиографии как жанра («Жизнеописание» Бенвенуто Челлини возникло в рамках этой тенденции).

Обнаружение новой диалектики воображаемого и действительного в социальной практике симпосия побуждает избрать другую методологию интерпретации источников, которая позволила бы учесть феномен «субъективности» и обнаружить связанные с ней ментальные структуры.

Если подходить с этих позиций к сюжету «пира во время чумы» из «Жизни» Бенвенуто Челлини, отсылающему к другим подобным сюжетам его времени, то использование понятий *гигиена души* и *гигиена сообщества* в контексте культуры интеллектуалов Возрождения поможет глубже понять, каким образом в дискурсивном пространстве эпохи сочеталось освоение Античного наследия и происходившее одновременно с ним осознание собственной индивидуальности. Практика античного симпосия, возрожденная сознанием ренессансного индивида, буквально стала самым эффективным лекарством от эпидемии, поскольку тот свято верил (и Бенвенуто Челлини здесь не является исключением), что заболевания души ведут к заболеваниям тела, излечить которые можно только заботясь сообща о своей душе, как это делал Сократ вместе с другими мудрыми афинянами.

Примечания

1. Бенвенуто Челлини (1500–1571) — весьма известный скульптор, художник, медальер и золотых дел мастер чинквеченто, получивший наибольшую славу за свою автобиографию (написана в последние десятилетия жизни). Сам автор озаглавил текст «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции», но поскольку название чересчур длинное, в исследовательской литературе бытуют его сокращенные варианты: «Жизнь», «Жизнеописание». Ссылки на фрагменты текста будут даны в форме (кн.; гл.), где кн. — это номер одной из двух книг «Жизнеописания», а гл. — номер главы из этой книги (сообразно каноническому делению).
2. В период с сер. XIV по XVI век исследователи насчитывают около 183 научных трактатов, посвященных чуме, имевших схожую структуру и обычно предварявшихся тем, что чума – это божье наказание за грехи человечества // *Russel P.* Ficino's Consiglio Contro la Pestilentia in the European Tradition // Verbum. Analecta neolatina. 1999. № 1. P. 86–87.

3. Это, например, описано в запечатлевшем массовые представления эпохи Возрождения в произведении Джованни Боккаччо «Декамерон»: «…Собравшись кружками, они жили, отделившись от других, укрываясь и запираясь в домах, где не было больных и им самим было удобнее; употребляя с большой умеренностью изысканнейшую пищу и лучшие вина, избегая всякого излишества, не дозволяя кому бы то ни было говорить с собою и не желая знать вестей извне — о смерти или больных, — они проводили время среди музыки и удовольствий, какие только могли себе доставить…» // *Боккаччо Дж.* Декамерон [Электронный текст] : http://lib.ru/INOOLD/BOKKACHO/dekameron.txt
4. Мор поразил Афины во времена Пелопонесской войны (ок. 430 г. до н.э.); о Сократе, пережившем чуму, говорит Марсилио Фичино, автор не раз переиздававшегося во времена Челлини во Флоренции и Риме трактата. См.: *Kathinis T.* A Humanist Confronts the Plague: Ficino's Consilio contro la Pestilentia // MLN. 2010. № 1. (Vol. 125). P. 79.
5. Два наиболее известных произведения, рассказывавших о симпосиях с участием Сократа, это «Пир» Платона и «Пир» Ксенофонта; оба были хорошо знакомы Возрождению (гуманист Марсилио Фиччино, например, написал обширный комментарий к «Пиру» Платона, ставший одним из популярных произведений эпохи. — *Прим. мое*) // *Smith D.* From Symposium to Eucharist: the Banquet in the Early Christian World. Minneapolis, 2003. P. 49.
6. Обобщающим трудом в этом смысле является Sympotica: a Symposium on the Symposion / Ed. by O. Murray. Oxford, 1990. Сборник выпущен по итогам двух оксфордских конференций в нач. 1980-х, которые были посвящены практике симпосия. Кроме того, в ряд подобных исследований встраиваются, например: *Lissarrague F.* Un flot d'images: Une esthetique du banquet grec. Paris, 1987 ; *Henderson W.* Aspects of the Ancient Greek Symposion // Akroterion. 2000. № 45. P. 6–26 ; *Smith D.* Op. cit. ; *McGowan A.* Rethinking Eucharistic Origins // Pacifica. 2010. № 23. P. 173–191.
7. *Smith D.* Op. cit. P. 11.
8. *Михайлин В.* Визуальная организация поведенческих практик в древнегреческой пиршественной культуре // Визуальная антропология: Новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 281.
9. См.: *Хейзинга Й.* Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 80–85.
10. См.: Smith D. Op. cit. P. 3–5.
11. Ibid. P. 59.
12. См. его фундаментальный труд: *Greenblatt S.* Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare. Chicago; London, 1980. Главы книги были переведены на русский язык (*Гринблатт С.* Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира // НЛО. 1999. №35. С. 34–78.); к сожалению,

перевод основополагающего понятия «self-fahioning» как «формирование “я”» не отражает всех значений, которые были в него вложены автором.

13. Большинство исследователей сходятся во мнении, что «первой личностью» в современном смысле был Франческо Петрарка. См., например: *Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение: в поисках индивидуальности. М., 1988.

М. В. Рукавичникова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Средства создания образов императоров в «Римской истории» Никифора Григоры

Никифор Григора является одним из виднейших византийских интеллектуалов XIV в. В труде «Римская история» для создания образов двух императоров (Андроника II и Андроника III Палеологов) автор использует набор художественных приемов. Основное средство – это прямое описание черт личности героя, его внутреннего состояния, мотивов тех или иных поступков.

В характере Андроника Старшего присутствуют практически все качества, которые должны быть у идеального христианского правителя. Он кроток и терпелив, что показывается в его отношениях с супругой Ириной. Андроник II милостив, «не любит наказывать» [1]. Государь характеризуется как «ум степенный и прямо смотревший на дело, державший скипетр рассудительности, не любивший лицемерия и взвешивавший все по совести, как перед Богом» [2]. Во время и после конфликта царя с внуком автор уделяет особое внимание описанию внутренних терзаний правителя. Василевса поведение юноши «огорчило <…> и повергло в глубокую скорбь» [3]. Вообще государь «терялся и решительно не знал, что предпринять и как выпутаться из этого дурного положения» [4].

Внутренний мир второго героя, Андроника III Палеолога, описан очень подробно, показываются мотивы поведения, характер представлен в динамике, причем личностные качества персонажа становятся по ходу развития действия все более и более близкими к идеалу. Сначала изображаются юные годы будущего императора. Юноша на внушения старших

«отвечает неповиновением и пренебрежением» [5]. Его стремление к одиночному правлению поддерживало «нетерпение отведать лакомства, какое обещала ему верховная власть. <…> Он искал царской самостоятельности и довольства, чтоб иметь достаточно про себя и дарить других» [6].

Описание внутреннего мира молодого человека присутствует в тексте и после коронации Андроника II и Андроника III как соправителей. Царь-внук начинает проявлять положительные качества. Во время встречи в окрестностях Константинополя он выказывает смирение и кротость: первым сходит с коня и целует руку и ногу сидящего на лошади деда. По Никифору Григоре, бывший мятежник, хотя и раздумывает о свержении старшего царя (автор отмечает, что эти мысли внушает государю окружение), имеет и достойные намерения и чувства. К примеру, во время захвата Константинополя молодой император, «движимый живейшим чувством человеколюбия, <…> остановил буйства воинов и народа» [7], которые могли привести к разрушению храмов и многочисленным убийствам.

Далее историк изображает личность младшего василевса в период после смерти Андроника старшего, когда Андроник III становится единоличным правителем. Государь имеет «сильную и твердую веру» [8]. Обнаруживается его мудрость: он не рискует жизнями подданных зря, так как полагает, что «меры благоразумия и хитрости оказываются гораздо действительнее оружия» [9]. Вместе с тем Андроник отважен: проявляет «сильное рвение побывать в сражении» [10]. Он справедлив в судебных делах. К примеру, правитель не позволил казнить людей, которые намеревались его убить, а «выказал свою обычную кротость» [11].

Еще одно средство, которое автор использует для создания образов императоров — это прямая неторжественная речь василевсов. Количество высказываний, приводимых в тексте, возрастает с возникновением конфликта между государями, когда действие драматизируется. К примеру, узнав о неповиновении внука, Андроник II, «впадая как бы в забытье, говорил присутствующим: «В наше время нет больше уважения ни к царской власти, ни к святой Церкви» [12]. Ему же принадлежит мольба: «Суди, Господи, обидящих меня, да постыдятся восстающие на меня, сохрани мне царскую власть, которую Ты мне дал, а тот, кого я родил и превознес, вырывает из моих рук» [13]. В гневе государь-старик говорит: «Если уж учитель мира <…> так взбесился против нас из видов корысти <…> и, потеряв всякий стыд и совесть, не затруднился стать предводителем возмутителей, то кто же сдержит направленное против нас движение

необузданной черни, если только иметь в виду человеческую помощь? Да, патриарх, сколько от него зависело, сделался нашим убийцей» [14]. Андроник III произносит наказ о запрете разграбления Константинополя, приводятся его фразы о необходимости примирения с дедом.

С появлением в сюжете противостояния двух героев в тексте становится гораздо больше выразительных средств, в частности, сравнений. Душевное состояние старшего царя сопоставляется с эмоциями человека, попавшего «в пристань после бури и страшного кораблекрушения» [15], а переходу одного из соратников внука на противоположную сторону Андроник II радуется, «как палимые зноем бывают рады веянию зефира и истаевающие от жажды прохладительному питью» [16]. Описывая мучения старика-императора, автор замечает: «Солнце, <...> когда бросает палящие лучи, быстро уничтожает влагу, прежде чем она успеет скопиться. Подобным образом и душевные страдания, <...> когда превышают меру наших сил, приводят душу как бы в исступление» [17]. Никифор Григора говорит о том, что друзья младшего василевса стали для него тем, «что факел для разведения огня и что лошадь для езды по открытому полю» [18].

Таким образом, основное средство создания образов императоров, которое использует историк – это прямое подробное описание черт характера государей, мыслей, чувств, психологических мотивов их действий. С возникновением в повествовании конфликта арсенал приемов расширяется: автор приводит высказывания деда и внука по поводу друг друга и ситуации в целом, вставляет выразительные сравнения, чтобы показать глубину чувств героев или нагляднее представить внутренние причины их действий.

Литература

1. Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Рязань, 2004. С. 156.
2. Там же. С. 203.
3. Там же. С. 228.
4. Там же. С. 258.
5. Там же. С. 220.
6. Там же. С. 208.
7. Там же. С. 301.
8. Там же. С. 394.
9. Там же. С. 348.
10. Там же. С. 367.
11. Там же. С. 371.

12. Там же. С. 228.
13. Там же. С. 279.
14. Там же. С. 288.
15. Там же. С. 291.
16. Там же. С. 254.
17. Там же. С. 314.
18. Там же. С. 219.

М. Г. Рычкова

ННГУ им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Столкновение с текстом

Базовая основа любого гуманитарного исследования — работа с источниками, что налагает определенный уровень ответственности на ученого как человека, пытающегося отразить свою позицию путем опоры на авторитетную ссылку. Что дает исследователю работа с данным видом информации? Во-первых, это возможность проиллюстрировать свою позицию с точки зрения историзма (если брать источники по некоторой проблеме в диахроническом аспекте). Во-вторых, это шанс проявить способности интерпретатора, исходя из реалий современной автору эпохи, ценностных ориентиров.

У. Эко показывает, что исследователь может сталкиваться с открытыми и закрытыми текстами. «Постулирование сотрудничества, сотворчества читателя — это вовсе не осквернение структурного анализа текста внетекстовыми элементами. Читатель как активное начало интерпретации — это часть самого процесса порождения текста» [1]. Любой текст интертекстуален, что отражается и непосредственно на работе автора. Ю. Кристева обозначила явление, получавшее название «интертекстуальность» в статье «Бахтин, слово, диалог и роман» [2], которое сегодня активно используется в различных видах искусств. Интертекстуальность не только как отсылка к другим произведениям, но и к дискурсу определенной эпохи.

Дискурс, в свою очередь, широко используется сегодня при работе с текстами (к которым относятся различные источники). Дефиницию данного понятия можно определить, опираясь на понимание М. Фуко [3].

Это модусы речевой деятельности в их непосредственной реализации, а также общность очередностей знаков. Важно не только уметь читать источник, но и вчитываться в него, чтобы понять не только общий смысл, но и значимые черты как самого текста, так и отраженной через него эпохи.

Слово имеет свою семантическую нагрузку. Согласно принятому в семиотике треугольнику Фреге «слово-концепт-денотат», любое явление, состояние характеризуется тремя указанными пунктами. Особенность гуманитаристики в следующем: слову и денотату могут быть присущи разные концепты, что часто приводит к рассогласованному пониманию термина и релевантности его употребления в контексте, а также к проблемам интерпретации. Первоначально необходимо расставить смысловые акценты на особенностях понимания и употребления дефиниции (что и предполагает одну из первых фаз работы с текстом). Затем их взаимосвязи в контексте и участие в создании некоего кода.

Исследователь должен предъявлять следующие требования к источнику: верифицируемость, адекватность (отсутствие эксплицитных, то есть очевидных, ошибок и неточностей), уникальность и уровень вписанности в контекст времени.

Human stadies не предполагают наличие готового ответа на поставленную проблему, но это есть постоянный поиск ответов путем спора (личного, заочного, развивающегося во времени) и нескончаемого возвращения к опыту предыдущих поколений (проверка на подлинность, привлечение знаковых фигур гуманитарной сферы).

Источник есть текст, поэтому его развертывание перед читателем (к коим и относится исследователь) зависит от личностных характеристик, его компетентности и заинтересованности в изучаемом объекте. Но нужно избегать чрезмерного погружения в предмет и постоянно поддерживать критическое восприятие источниковой базы.

Применение правила герменевтического круга — это одна из закономерностей работы ученого: прочтение + знание контекста и кода сообщения, анализ, новое прочтение, дополнительное понимание и т. д.

Необходимо избегать чрезмерно свободной интерпретации, влекущей за собой неточности. Уподобление исследовательского анализа как творческой деятельности, так и подобию препарирования в естественных науках, то есть умелое совмещение двух начал.

Основные подходы, на которых основана работа с источниками в сфере гуманитарных наук: герменевтический, аналитический, семиотический, структуралистский.

Однако большее внимание выше уделялось письменным источникам как артефактам, аккумулирующим знания человечества. Помимо этого также существую и устные, различные материальные источники (в зависимости от особенностей деятельности ученого), которые нуждаются в своих методологических ориентирах (психология, социология, искусствоведение и т. д.). Но итог должен состоять в извлечении исследователем нужной информации, способной привнести вклад в копилку человеческих знаний.

Автор имеет свой внутренний дискурс, детерминированный временем и личными чертами. Исследователь имеет свой взгляд и дискурсивные паттерны, влияющие на его мышление. То есть работа с источником — это попытка через свое мышление постигнуть сущность восприятия мира другим человеком.

Внутреннее усложнение структуры гуманитарной среды ведет к выделению новых сфер, специальностей, вырабатывает новый тип исследователя (разнообразный инструментарий, применение разносторонних подходов).

В целом можно заключить, что по мере разработки источника идет постоянный разговор не с текстом, но с собой, пытающимся осознать чужую позицию. И через осмысление этого «другого» происходит осознание своей эпохи, ориентиров, ценностей, установок.

Литература

1. *Эко У.* Роль читателя. СПб., 2007. С. 15.
2. Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427–457.
3. *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996. С. 106.

Г. Д. Саетзянова
КФУ, г. Казань

Подходы к изучению и способы толкования средневековых вербальных и визуальных источников в исследованиях Жан-Клода Шмитта

Постмодернистские концепции второй половины XX в. оказали серьезное влияние на характер исторических исследований. Заметную роль в разработке теорий и методов в новой историографической ситуации сыграли историки движения «Анналов». На примере творчества Ж.-К. Шмитта (род. 1946 г.), ученика Ж. Ле Гоффа, руководителя группы по изучению исторической антропологии Западного Средневековья в Париже, проследим каким образом современная практика гуманитарного дискурса повлияла на изучение исторических источников и на способы их интерпретации.

Особый интерес представляет одна из первых работ Ж.-К. Шмитта, которая принесла широкую известность автору как выдающемуся специалисту. Французский историк обратился к средневековому тексту, введенному в научный оборот еще в середине XIX в. Речь идет о рассказе доминиканского инквизитора Этьена де Бурбона (XIII в.), в котором говорится о почитании крестьянами Лионской епархии в качестве святого — борзой собаки [1]. Ученые-фольклористы XIX в. рассматривали легенду и связанный с ним ритуал лишь как категорию народной культуры, как вариант местных верований и обрядов. Однако, в связи с развитием концепций и методов французской социологической школы, психоаналитической школы, структурной антропологии и внедрением их в историческую науку, у историков появилась возможность более глубокого изучить источник и прийти к новым выводам.

Ж.-К. Шмитт изучает «фольклорную традицию» в исторической динамике, выдвигает гипотезы ее возникновения и десакрализации, он исследует исторические и географические аспекты легенды в индоевропейской литературе [2]. В результате медиевист использует текст доминиканца в качестве источника по изучению религиозного мировоззрения средневековых людей. Сам факт возникновения легенды, по его мнению, свидетельствует об особом мышлении людей, об их представлениях о смерти и о формах вульгаризации ими святости [3]. Ж.-К. Шмитт

видит в этой истории столкновение двух культур: фольклорной и клерикальной [4]. Поэтому одно из объяснений исчезновения культа в начале XX в. ученый связывает с падением роли церкви, то есть с уходом его официального антагониста. Кроме того, продолжительное существование обряда в его различных вариациях, а значит и веры в «чудесное» подкрепляет концепцию Ле Гоффа о «долгих средних веках».

Современное широкое понимание источника обнаружило необходимость качественного нового подхода к изучению «визуальных текстов» в исторических исследованиях. Ж.-К. Шмитт предложил в своих трудах вариант изучения средневековых источников и их интерпретации. Особое внимание он уделил вопросам методологии, концепциям теоретиков, историков и социологов искусства. Исследователь вводит латинский термин «imago», который объединяет три аспекта «образа»: богословско-антропологический, символический и ментальный, как наиболее соответствующий для культурного и идеологического контекста средневекового Запада [5]. Историк прослеживает эволюцию отношения к образу в христианском средневековье, роль изображений и ритуальных практик на конкретных примерах почитания Св. Фиды в Конке, Вольто Санто и др. Торжество изображений ученый относит к XIII в., именно с этого времени можно говорить о западном средневековье как о христианской культуре образов [6]. Важное место в исследованиях Ж.-К. Шмитта занимает иконография снов на основе изучения сюжетов из Псалтыря, автобиографических рассказов. При этом существуют не столько изображения снов, сколько изображения, в которых как бы подразумеваются «сны», которые предстают, как правило, в форме видений, экстазов, мечтаний [7]. Шмитт обращает внимание, что нельзя рассматривать их лишь как «иллюстрации» к тексту, но, тем не менее, следует учитывать взаимосвязь между текстом и образом. Интерпретация снов свидетельствует о бытовании различных культурных моделей.

Таким образом, в современной исследовательской практике изучение источников носит междисциплинарный характер. Подобная историографическая ситуация способствуют развитию таких новых направлений как историческая антропология, ярким представителем которой является Ж.-К. Шмитт. Историк применяет антропологические, археологические, исторические, структурные, лингвистические методы к изучению средневековых текстов, что позволяет, во-первых, по-новому взглянуть на давно известные источники, а во-вторых, ввести в научный оборот новые типы источников. В результате значительно расширяются проблемные поля исторической науки, и появляется перспектива новых исследований.

Литература

1. *Этьен де Бурбон.* О поклонении псу Гинфору // Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994. С. 76–79.
2. *Jorion Paul* [Рец. на кн.: Schmitt. J.-C Le saint lévrier. Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIII siècle. P., 1979.] // L'Homme. 1980. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/hom_0439-4216_1980_num_20_3_368117
3. *Geary Patrick J.* [Рец. на кн.: Schmitt. J.-C Le saint lévrier. Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIII siècle. P., 1979.] // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1981, № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/ahess_0395-2649_1981_num_36_2_282730_t1_0236_0000_000
4. *Albert-Llorca M.* [Рец. на кн.: Schmitt. J.-C Le saint lévrier. Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIII siècle. P., 1979.] // Archives de sciences sociales des religions. [mis en ligne]: 2005. 2 дек. [Электронный ресурс]. URL: http://assr.revues.org/index2848.html
5. *Шмитт Ж.-К.* Культура Imago // Анналы на рубеже веков — антология. М., 2002. С. 80–81.
6. *Schmitt J.-C.* Le corps des images. Essais sur la culture visuelle au Moyen Âge. P., 2002. P. 133.
7. Ibid. P. 316.

Е. Д. Тарасова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Проблема интерпретации работ Жана Бодрийяра

Тексты философов постмодернистов в настоящее время привлекают внимание все большего количества людей, эти тексты цитируют журналисты, политологи, писатели. Одним из самых известных постмодернистов на данный момент является Бодрийяр, так как в его работах представлен глубокий анализ процессов, происходящих в современном обществе, его идеи активно обсуждались в журналах, на конференциях, их влияние можно обнаружить в текстах известных французских философов К. Россе [1] и П. Вирильо [2]. Более того, в 2004 году открылся международный журнал, посвященный исследованию работ Бодрийяра [3]. В этом журнале публикуются статьи философов, экономистов,

политологов и культурологов, которые, опираясь на тексты Ж. Бодрийяра, пытаются объяснить экономические, культурные и политические процессы в обществе. Не так давно вышел словарь основных терминов философии французского постмодерниста [4]. Что касается русскоязычной критики, то на данный момент опубликована монография А. В. Дьякова [5], в которой предпринимается попытка систематически представить основные идеи философии Бодрийяра. В остальном, русскоязычная критика представлена сравнительно небольшими статьями переводчика С. Н. Зенкина [6] и философа Б. В. Маркова [7]. Не смотря на большое количество статей, мы не можем найти более или менее полную работу, где были бы развернуто представлены идеи Ж. Бодрийяра. Это происходит, в том числе, из-за некоторых особенностей его текстов. Далее мы попытаемся рассмотреть эти особенности, чтобы впоследствии предпринять более глубокий анализ идей Бодрийяра.

Первая отличительная черта работ французского мыслителя заключается в том, что он опирается на предыдущую философскую и лингвистическую традиции. Принципиальными для его теории являются, в частности, идеи французского лингвиста Ф. де Соссюра [8]. Именно из его работ Ж. Бодрийяр берет концепцию системы языка, берет основные термины, связанные со знаком, с понятием лингвистической ценности, понятие обмена. Таким образом, если мы не будем опираться на идеи тех философов, которые повлияли на Бодрийяра, мы вряд ли поймем его идеи. При этом речь не идет о том, что идеи Бодрийяра полностью определяются этим влиянием. Просто определение основных понятий его философии следует искать именно в контексте тех произведений, на которые он опирается.

Более того, в работах Бодрийяра часто встречаются провокационные заявления, и это формирует предвзятое отношение к нему как поверхностному мыслителю, который стремится лишь эпатировать читателя своими заявлениями.

В качестве третьей особенности можно выделить то, что свои тексты Бодрийяр писал чаще всего «по случаю», он писал их как отклик на некое событие, поэтому его идеи не представлены в систематическом виде. Более или менее последовательной работой является его текст «Символический обмен и смерть» [9], на который, как ни странно, критики довольно редко обращают внимание. Хотя их задача как раз и заключается в том, чтобы воссоздать ход мысли философа, показать логику его работ и понять, таким образом, в чем заключается его позиция относительно общества, политики, искусства и философии.

Итак, мы выяснили, что основной особенностью работ Бодрийяра является, во-первых, заимствование терминов из работ философов и лингвистов и мы должны опираться на их тексты, чтобы понять, в каком смысле Бодрийяр использует некие понятия и как он связывает их. Во-вторых, заявления Бодрийяра часто носят провокационный характер, и из-за этого их зачастую интерпретируют поверхностно. В-третьих, большинство его текстов написаны в ответ на какое-то событие, поэтому возникают определенные сложности в интерпретации его текстов.

Если учитывать все эти особенности, можно действительно обнаружить некую систему в работах Ж. Бодрийяра, определенную последовательность в анализе различных сфер общества, ведь его идеи на данный момент являются одними из наиболее полных и интересных в области современной философии.

Литература

1. *Clіment Rosset.* Le réel et son double. Paris.: Gallimard, 1984. 130 p.
2. *Вирильо, Поль.* Машина зрения / Поль Вирильо ; пер. с фр. А. В. Шестакова под ред. В. Ю. Быстрова. СПб. : Наука, 2004. 140 с.
3. International Journal of Baudrillard Studies [Электронный ресурс]. URL: http://www.ubishops.ca/baudrillardstudies (дата обращеиия 29.02.2012).
4. *Smith R. G.* The Baudrillard dictionary. Edinburg.: Edinburg university press, 2010. 257 p.
5. Дьяков А. В. Жан Бодрийяр. Стратегии радикального мышления. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 357 с.
6. *Зенкин С. Н.* Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Добросвет, 2000. С. 5–41 ; *Зенкин С. Н.* О первой книге Жана Бодрийяра // Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Рудомино, 2001. С. 3–7.
7. *Марков Б. В.* После оргии // Бодрийяр Ж. Америка. С. 5–64 ; *Марков Б. В.* Реквием сексуальному // Бодрийар Ж. Забыть Фуко / пер. с фр. Д. Калугина. СПб. : Владимир Даль, 2000. С. 5–34 ; *Марков Б. В.* Ж. Бодрийяр: мелодрама дифференциации // Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. С. 534-538.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. А. М. Сухотина под ред. Н. А. Слюсаревой. М. : Логос, 1999. 236 с.
9. *Бодрийяр, Жан.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер., вступ. ст. С. Н. Зеикииа. М. : Добросвет, 2000. 387 с.

Д. Э. Черноухов

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Земские врачи Екатеринбургского уезда в 1870–1880-х гг.: к проблеме смены места службы

В 1870 г. в Пермской губернии были введены земские учреждения. По действовавшему законодательству здравоохранение относилось к числу необязательным для земств статей расходов. Вместе с тем многие из них, в том числе и Екатеринбургское уездное земство, выделяли значительную часть своих доходов на развитие этой сферы. Земская медицина справедливо считается одним из достижений российской системы местного самоуправления.

При этом в ее развитии в первые десятилетия определенные трудности создавала существенная текучесть врачей на земской службе. Уже исследователи–современники справедливо отмечали, что «появилась чрезвычайно подвижная, мигрирующая корпорация земских врачей, а их частая сменяемость имеет неблагоприятные последствия [1].

Подобное положение было характерно и для большинства из 12 уездов Пермской губернии. Вместе с тем, по нашему мнению, следует ввести рубеж — середину 1880-х гг., когда отношение земских врачей к смене места службы существенно изменилось. Рассмотрим это на примере Екатеринбургского уезда, самого крупного по численности населения и одного из наиболее развитых в экономическом плане.

Еще в начале 1880-х гг. гг. старший врач Екатеринбургских казенных заводов В. А. Туржанский справедливо отмечал перманентную текучесть врачей в уездных земствах Пермской губернии. Он объяснял это их сложными отношениями с земскими деятелями, которые чрезмерно руководили этими специалистами, иногда в оскорбительной форме; отдаленностью региона; принудительными перемещениями врачей в случае эпидемий [2].

По нашему мнению, в качестве других существенных причин следует добавить еще две. Во-первых, первоначально земские врачебные участки во всех уездах губернии были действительно большими по территории. Поэтому врачи, по требованию земских управ, были вынуждены проводить массу времени в регулярных изматывающих разъездах. Во-вторых, у земств отсутствовали собственные больницы в большинстве участков. Они имели только небольшие приемные покои в арендованных

помещениях. Все это существенно ухудшало условия службы земских врачей.

При этом определенное им жалование нельзя назвать высоким. Первоначально в Екатеринбургском земстве оно было 1500 рублей в год, а с 1873 г. повышено до 1800. Заводские врачи в крупных округах в тот период времени получали до 2,5–3 тысяч рублей и бесплатное жилье. Неудивительно, что на заводскую службу перешли земские врачи Екатеринбургского уезда А. К. Бухвостов, Д. П. Никольский, В. А. Доброхотов.

Осенью 1881 г. в Екатеринбурге разразился характерный острый конфликт в уездном земском собрании. Все земские врачи, недовольные откровенным хамством ряда гласных при обсуждении вопроса о лечении сифилиса, подали заявления об отставке. Конфликт, правда, был разрешен: все врачи вернулись, кроме В. В. Ковалевского, перешедшего на службу в Невьянские заводы. Причем гласные уездного земского собрания не стали извиняться [3].

В результате, в Екатеринбургском уездном земстве в 1871–1883 гг. 20 из 28 врачей прослужили не более двух лет, и только два — более четырех. При этом лишь два врача умерло в период службы [4].

Ситуация с врачами на Среднем Урале существенно изменилась в середине 1880-х гг. Во всеподданнейшем отчете пермского губернатора за 1885 г. сообщалось, что пополнение врачебного персонала уже не представляет ранее традиционных затруднений. По его данным, при появлении вакансий всегда наблюдался «избыток врачей и других медицинских лиц» [5]. То есть проблема существенно изменилась: стало не хватать не просто врачей, а именно квалифицированных специалистов.

Это положение касалось практически всех ведомств. Специализированные издания («Врач», «Русская медицина» и др.) в середине 1880-х гг. констатировали тяжелое материальное положение многих врачей. Большинство из них стремились к занятию любых должностей, гарантирующих пусть и незначительный, но стабильный оклад. Позволить себе жить только на доходы от частной практики могли очень немногие врачи, особенно в провинции.

В 1885 г. в Пермской губернии было уже 123 врача, в том числе 54 земских [6]. Только в Екатеринбурге в 1887 г. было уже 18 аттестованных врачей [7]. Таким образом, проблема их острого дефицита в крупных населенных центрах губернии в целом была разрешена.

Поэтому при появлении вакансии земского врача обычно стало поступать несколько заявлений, что позволяло проводить конкурсный отбор. В Екатеринбургском уезде от кандидатов на освободившиеся

места стали требовать рекомендаций от уже служивших врачей. Уездные земские собрания стали отказываться от назначения стипендий для обучения на медицинских факультетах [8].

Постепенно улучшилось и отношение к врачам руководства земств. Так, в Екатеринбургском уезде в 1886 г. они получили право на 4-хмесячный отпуск с сохранением содержания, но только для тех, кто беспрерывно отработал земским врачем в течение 5 лет [9].

В результате в Екатеринбургском уездном земстве в 1884–1890 гг. 8 из 15 врачей прослужили уже более 5 лет. В 1890 г. лишь 2 из 9 врачей проработали менее 2 лет [10]. Двое из них (Н. А. Русских и А. П. Волянский) в целом прослужили в Екатеринбургском земстве 37 и 27 лет соответственно.

Таким образом, ситуация с земскими врачами в Екатеринбургском уезде принципиально изменилась в течение 1870–1880 гг. В 1870-х наблюдалась большая текучесть земских врачей. В середине 1880 гг. ситуация переменилась, и врачи стали работать на своем месте в течение более длительного времени.

Литература

1. *Попов И. В., Осипов Е. А., Куркин П. И.* Русская земская медицина. М., 1899. С. 176–177.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 154. Л. 49–50об.
3. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания двенадцатой очередной сессии 1881 года и приложения к ним. Екатеринбург, 1882.
4. Подсчитано автором по: Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. 1. Медицинская часть. Екатеринбург, 1902. Приложение 9.
5. *Черноухов Э. А.* Врачи-стипендиаты для казенных горных заводов Урала в XIX в. // XVI всероссийские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2012.
6. Русская медицина. 1885. № 16. С. 321–322.
7. Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Екатеринбург, 1889. С. 60–61, 73.
8. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XI очередной сессии за 1880 г. с докладами уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1881. С. 273–274; ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 26. Л. 22об.
9. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XI очередной сессии за 1880 г. с докладами уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1881. С. 273–274; ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 26. Л. 22об.
10. Подсчитано автором по: Систематический свод постановлений… Приложение 9.

Н. А. Щипанова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Источники изучения социально-культурного облика сыновей А. Н. Демидова (1745–1758)

В ряду известнейших российских династий видное место занимает род Демидовых, который дал России горнозаводчиков, сумевших благодаря их неукротимой энергии, мастерству, таланту и предприимчивости создать сеть металлургических предприятий в центре страны и на Урале, меценатов и государственных деятелей.

Данное исследование рассказывает о третьем поколении известного рода заводовладельцев, предпринимателей и меценатов Демидовых — о детях Акинфия Никитича: Прокофии (1710–1786 гг.), Григории (1715–1761 гг.) и Никите (1724–1789 гг.). На их примере становится возможным не только изучить историю горнозаводского Урала, но и проследить за трансформациями, происходившими в среде заводовладельцев в середине XVIII в., когда многие явления, возникшие еще при Петре I, приобрели окончательный вид.

Период с 1745 по 1758 гг. выбран не случайно. На это время приходится затянувшийся раздел имущества А. Н. Демидова между тремя его сыновьями. Процесс обжалования отцовского завещания, по которому все предприятия переходили к младшему сыну, Никите, не только наложил отпечаток на отношения между братьями, но и во многом сформировал социально-культурный облик Акинфиевичей.

Проблема социально-культурного облика Демидовых в 1745–1758 гг. имеет богатую источниковую базу. Это вещественные (портреты Демидовых, их личные вещи) и письменные источники. К последним относятся как документальные (указы, описи имущества, реестры, ведомости, купчие на дома и т. д.), так и повествовательные материалы (письма). Помимо внушительного количества опубликованных источников, огромный пласт неизученных материалов различного характера и содержания сохранился в фондах центральных и региональных архивохранилищ.

В данном исследовании автор опирается как на различные финансовые отчеты, так и на личную и деловую переписку Демидовых. Обращение к этим источникам позволяет существенно уточнить и дополнить выводы и заключения авторитетных историков. В последнее время документы подобного рода все чаще привлекаются исследователями для

решения тех или иных вопросов, но финансовые отчеты Демидовых ранее не анализировались.

Крайне важны для изучения данной проблемы «Выписки», «Реестры» и «Ведомости» о расходах Прокофия, Григория, Никиты и Ефимии Демидовых за период с 1745 по 1758 гг. (то есть за период раздела наследства Акинфия Никитича), досконально фиксирующие затраты каждого персонажа [1]. Они представляют собой таблицу, в которой прописаны обстоятельства денежных трат и суммы. Источники составлены на материалах московской демидовской домовой конторы и докладов приказчиков и выборных от разных сел и волостей. Конкретной даты их создания обнаружить не удалось, но можно предположить, что источники сформированы в период с 1762 по 1772 гг., так как Никита Демидов в них называется статским советником (чин пожалован в 1762 г., после вступления Екатерины II на престол), а Прокофий таковым не называется (получил чин в 1772 г. после крупного пожертвования на благотворительность). Опираясь на данные источники становится возможным как изучить круг общения Демидовых, их увлечения, пожертвования на благотворительность, обстановку в домах, одежду, и т. д.; так и проследить динамику затрат каждого Акинфиевича за указанный период.

«Ведомость» 1746 г. о разделе на три части посуды и другого имущества [2] представляет значительный интерес для исследователей социально-культурного облика Акинфиевичей. Источник составлен в форме таблицы, столбцы которой демонстрируют собственность, доставшуюся каждому брату. Демидовы делят часть посуды, предметов домашнего обихода, конской сбруи. «Ведомость» демонстрирует первую попытку братьев разделить отцовское наследство, обращая внимание исследователя на те вещи, потребность в которых у заводчиков была первостепенной.

«Роспись» имущества, отправленного в Москву, к Н. А. Демидову из Нижнего Тагила [3] позволяет выяснить, что из доставшегося по разделу движимого имущества представляло для младшего Акинфиевича наибольший интерес.

Кроме того, в данном исследовании используется ряд деловых и личных писем Прокофия, Григория и Никиты Демидовых (переписка П. А. Демидова опубликована [4], письма Г. А. и Н. А. Демидовых исследуются в основном на материалах РГАДА [5] и ГАСО [6]). Особенно важна для данной темы переписка Г. А. Демидова с Карлом Линнеем [7], корреспонденция Н. А. Демидова, адресованная Р. Воронцову, П. Дурново, Ф. Шубину, И. Эрнсту, П. Пропсту, Д. Сиверсу, Г. Эклебену и т. д.

и их ответы заводчику. Ряд писем сохранился в подлинниках, некоторые представляют собой копии XVIII в. Немалый интерес вызывают купчие на дома в Москве и Петербурге.

Среди опубликованных источников особое место занимают изданные Демидовским институтом в статьях или монографиях многочисленные деловые и личные письма заводчиков, а также ответы на них. Крайне важен для данного исследования «Перечень пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям» [8], перечисляющий большинство благотворительных вложений представителей династии.

Огромный массив источников по данной теме, до сих пор не вполне изученный и зачастую не отраженный в литературе, требует детального анализа. Поэтому необходимо продолжать исследование в данном направлении.

Литература

1. Выписка, учиненная во учрежденой в Москве между господами дворянами Прокофьем, покойным Григорьем и Никитою (что ныне статской советник) о забраиных по кончине родителя их, Акинфия Никитича, по день их раздела, то есть с 1745 августа месяца по 26 число ноября 1757 годов // ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–71 об.
2. Ведомость о разделе иа три части господской разиой посуды и протчего в [1]746 году // ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–12.
3. Роспись отправленному к его высокородию господину татскому советнику Никите Акинфиевичу Демидову в Москву с Нижнетагильского заводу // ГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–54.
4. *Демидов П. А.* Переписка 1735–1786 гг. Екатеринбург, 2010.
5. Письма Никиты Демидова // РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 16, 17, 20, 23, 29, 34, 35, 39, 51, 62, 65, 66, 73, 74, 78, 79, 89, 152, 155, 158, 381, 382–384.
6. Письма Никите Демидову // ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 13.
7. *Черкасова А. С.* «Ваши научные познания… известны мне…» (Письма Григория Акинфиевича и Павла Григорьевича Демидовых Карлу Линнею) // С. 9–84.
8. *Черкасова А. С., Мосин А. Г.* «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. I. Екатеринбург, 1994. С. 246–275.

Раздел 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОТЧУЖДЕНИЯ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Е. С. Березина

СамГУ, г. Самара

Проект «Арт-захват»: освоение культурного пространства современного города

Пространство современного города непрерывно меняется: в нем появляются новые доминанты, центры притяжения, и в тоже время возникают заброшенные, неиспользуемые и отчуждаемые места. Это особенно заметно в тех населенных пунктах, которые проектировались как индустриальные центры, но в связи с изменением экономической ситуации потеряли промышленное значение. В соответствии с трансформациями функций общественных пространств меняются направления и интенсивность перемещений жителей в городской среде. Внимание и активность горожан переместились с индустриальной периферии в исторический и деловой центр города, а инфраструктура осталась прежней, сконструированной для обеспечения максимальной эффективности производственного сектора. Жители города болезненно воспринимают несоответствие новых функций городского пространства как глобального коммуникативного поля и его фактического состояния. В их сознании город исчезает как целостность, превращаясь в череду препятствий, нагромождение бессмысленных форм. Отчужденное пространство воспринимается как чужое, враждебное, растет недовольство, социальная напряженность, с каждым годом увеличиваются показатели внутренней миграции. Города теряют свой важнейший ресурс — людей.

Решением проблем благоустройства города занимается множество официальных институций, от административных структур до жилищно-коммунальных хозяйств, однако ситуация остается прежней: жители недовольны состоянием городской среды — грязью на дорогах, обилием пустырей, мусором на улицах. Следовательно, современный город не может предложить эффективного решения в рамках отлаженного механизма управления общественными пространствами. Необходимы новые ресурсы и технологии выхода из неблагоприятной ситуации. Постепенно жители осознают, что развитие пространства города — вопрос их личного участия и желания перемен, а индивидуальная ответственность и инициатива — источник формирования привлекательной и комфортной городской среды. В этой ситуации, по мнению Дэвида Харви, осуществить свое «право на город», сделать его пространство осмысленным и освоенным можно, изменив его, приложив усилия к его преобразованию, утверждая тем самым ценности, носителями которых являются представители городского сообщества [1]. Идея конструирования среды через непосредственное участие жителей города развивается в концепции «творческого города» Чарльза Лэндри. Согласно этой теории, ключевым фактором развития городов становится понимание культуры и творческого потенциала горожан как ресурса экономических и социальных изменений [2].

Проект «Арт-захват» предлагает создание нового метода взаимодействия креативного класса и урбанистического пространства в рамках фестиваля паблик-арта. Целью проекта является благоустройство городской среды посредством идей и художественных работ творческого сообщества.

Исследовательская часть проекта состоит в комплексном изучении городского пространства с помощью метода ментальных карт, анкетирования и глубинных интервью, которые позволяют выявить в нем «точки разрыва». Также в исследовании городской среды применяется предложенная Ги Дебором техника дрейфа [3]. На основе полученных данных составляется карта «проблемных мест» города и маркируются пространства, с которыми и будет работать творческое сообщество.

В Европе широко распространена практика создания сквотов, когда группа объединенная политическими, социальными или творческими интересами, заселяет заброшенное здание и в процессе своей деятельности организует события, производит продукты и услуги в сфере культурных индустрий. Если можно сквоттировать здания, то почему не попробовать захватить целые улицы и использовать городское пространство как материал для творчества? В рамках проекта «Арт-захват»

скоттингу подвергаются элементы инфраструктуры городского пространства — заборы, рекламные щиты, заброшенные памятники, скамейки, фонарные столбы, которые превращаются в предметы искусства популярного направления паблик-арт, подразумевающего постоянную коммуникацию с городской средой. Творческому сообществу предлагается выйти на улицы города и дать волю фантазии, переосмыслить статичные объекты и пространственные пустоты. Данная модель сквотт-перехода, когда искусство и культура вплетаются в непосредственную среду города, живут с ним в одном ритме, помогает переосмыслить отчужденные пространства и сделать их эмоциональным, культурным и даже экономическим ресурсом, создавать символические значения вне культурных институций, вплетая их в повседневную жизнь людей.

Результатом проведенного исследования и проекта «Арт-захват» является переосмысление и оживление городской среды, ее благоустройство и формирование привлекательного имиджа города. Кроме того, модель паблик-арт фестиваля является новой формой взаимодействия современного искусства, творческого сообщества и городской среды, которая способствует сохранению культурного и смыслового единства урбанистического пространства и утверждению его как ресурса развития города в целом.

Литература

1. *Харви Д.* Право на город / пер. с англ. Артема Смирнова // Логос. 2008. № 3. С. 82–84.
2. *Лэндри Ч. Креативный город*. / пер. с англ. М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2011. С. 30–31.
3. *Debord G.* Theory of Dérive // Visual Culture: Spaces of visual culture. Vol. 3. New York. 2006. P. 77 82.

И. О. Бышевская
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Влияние европейской театральной традиции на становление еврейского театра в Израиле

Современный театр Израиля не имеет многовековую историю становления, связанную с традициями и устоями самого Израиля. Связано это, конечно, в первую очередь с историей: государство Израиль очень молодое и находится на территории Палестины лишь с 1948 года. До этого не было ни Израиля (в течении последний двух тысяч лет), ни соответственно израильского театра. Но говорить, что не было театральной традиции нельзя, ведь даже один из первых ныне современных израильских театров зародился задолго до образования самого государства.

Израиль — национальное государство. В декларации независимости от 1948 года сказано «Мы… еврейское демократическое государство…». Тут важно понимание того, что Израиль в первую очередь имеет национальную привязку. И именно поэтому, говоря о многолетней и даже многовековой традиции театра, который есть сейчас в Израиле, следует обратиться, конечно, к истокам еврейского театра.

Что такое еврейский театр? Здесь необходимо обратиться к традиции. Изначально еврейская традиция и театральное искусство являлись несопоставимыми вещами. Театр берет начало в языческой традиции и соответственно идет вразрез с монотеистической культурой евреев. Что это значит? В еврейской традиции, точнее в толкованиях мудрецов Торы, есть прямой запрет на перевоплощение, изображение, маски и прочие условия, без которых не может существовать любой театр.

Однако, уже в Средние Века в еврейской традиции появляется элементы карнавальной культуры, раз в год евреи веселятся, переодеваются во время праздника Пурим, хотя это формально и запрещено традицией. Если долго не пересказывать историю самого праздника, то можно отметить, лишь то, что Пурим был фактически единственным днем в году, когда евреем не просто было разрешено, более того, предписывалось развлекаться. священным текстом веселиться в дни празднования Пурим. Такая «заповедь веселья» под влиянием средневековой европейской карнавальной культуры сформировалась в еврейскую традицию пуримшпиля. Пуримшпиль («представление на пурим» от идиш.) — небольшие спонтанные представления, описывающие события

в Персии в период исторических событий праздника. Так как в большинстве своем в эпоху Средиевековья евреи волею судьбы проживали иа территории Европы, то, несмотря иа закрытый образ жизни в общине, они ие могли не подвергнуться влиянию Европейской культуры. Изначальио, такие постановки были локальными и имели иародный характер. Но уже в иачале XVIII века эта традиция приобретает характер организованного театра пуримшпилеров, напомииающего театр комедии дель арте.

По сути, долгое время театральное искусство в еврейской среде существовало как раз лишь в виде театра на веселый праздник Пурим. Но долго такой разрыв между театральной культурой и еврейской традицией продолжаться не мог. В период Просвещения «продвинутые» молодежные объединения также стали создавать театральные труппы и играть спектакли иа традиционные еврейские истории. Связаио это было с развитием движения hАскалы, движения возникшее среди еврейских мыслителей в эпоху активного развития Просвещеиия. Осиовиая идея была в том, что евреи не должны обосабливаться от всего общества, что евреем иеобходимо участвовать в просвещеииой жизни Европы, при этом не отрицается сохранение еврейской традиции. И в рамках этого театральные труппы были отличным способом популяризации идей hАскалы. Здесь речь идет скорее ие о создании некого еврейского театра, а об участии в театральной жизии Европы. Но факт остается фактом: театр плотно входит в еврейскую жизнь. И имеиио европейский театр во миогом повлияет иа еврейский театр в Израиле.

Все дело в том, что волею судеб, еврейская традиция существовала в течение двух тысяч лет отдельно от еврейского государства. Более того, отдельио от какого-то единого государства. Евреи были расселены по миру, в том числе большая часть оказалась иа территории Европы и иа протяжении многих веков еврейские общииы были неотъемлемой частью европейского общества, а это обязательно предполагает взаимопроникновение культур. И имеино поэтому сейчас современный театр в Израиле — это еврейский театр, сформироваииый под многовековым влиянием европейских традиций.

С. Е. Винокуров

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Древнеиндийская художественная традиция: к вопросу изучения источников

Взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур…

М. М. Бахтин

Всю историю человечества можно представить в виде непрекращающегося диалога, который по своей сути является средством коммуникации, способом взаимопонимания и развития. Как показывают современные исследования, проблема диалога культур актуализирована остротой различных межрегиональных, межнациональных и межконфессиональных конфликтов с одной стороны, с другой стороны все более тесным политическим, экономическим и культурным сотрудничеством различных регионов и стран. А значит, изучение культурных особенностей, различий и сходств является необходимым условием для планетарного развития в целом.

Существование различных религиозных систем на площадке одной культурно-исторической общности — вопрос, который все более привлекает внимание исследователей. Ярким примером такого «со-существования» может служить средневековая Индия и территория, входящая в зону ее влияния. Индия — родина буддизма и индуизма, религий, которые оказали огромное влияние на культуру и искусство обширной территории Востока.

Несомненно, что корни буддийской и индуистской иконографии лежат в древнеиндийской концепции образа божественной сущности. Присущее Древней Индии чувство телесности миропроявления позволило развить традицию визуализирования религиозных описаний в зримые, осязаемые образы, что нашло свое продолжение в развитии иконографических традиций буддизма и индуизма. Принципы буддийской иконографии на настоящий момент изучены достаточно глубоко. Так в буддийской традиции мы находим полноценные иконографические трактаты, классификаторы иконографических изображений [1] или же иконографические части содержатся в коренных текстах для медитаций

и практик ваджраянской традиции. Проблемы развития индуистской иконографии освещены менее широко, что на наш взгляд связано с неизученностью европейской традицией собственно иконографических трудов, с растворенностью иконографических принципов индуизма в различных священных текстах. Воображение, наблюдение жизни, а также чувство ритма и знание техники танца, символики жестов являлись необходимыми источниками творчества художника. Правила для мастеров, имеющиеся во многих индуистских трактатах, таких как «Агни-пурана» или «Агамы», «Манасара шильпа-шастра» или многочисленные «Васту шастры», в основном давали сведения по архитектуре. С особой тщательностью здесь даны размеры и классификация дворцов, типы планировки городов, селений, и что важно — описаны принципы создания фигур в скульптуре и живописи.

Характерно то, что сложившийся древнеиндийский принцип изображения божественных персонажей принимается всеми крупными религиями Индии — индуизмом, буддизмом, джайнизмом.

Со времен «Читралакшаны» («Характерные черты живописи») — древнеиндийского трактата, дошедшего до нас в тибетском переводе IX–X вв., в индийском искусстве формируется принцип описания социальных и духовных типов людей в единстве внешности и манеры поведения, а также даются предписания, по какому типу следует изображать героев, начиная с царя и заканчивая шудрой. Кроме размеров и пропорций, мы находим правила создания определенных эмоциональных характеристик изображаемого. *«У находящихся в спокойном состоянии брови имеют форму лунного серпа. При [тех же] размерах брови у танцующих, разгневанных и плачущих изогнуты как дуга. У испуганных и опечаленных [наружные] концы бровей доходят до [самой] верхней части головы, а [внутренние] отходят от самых ноздрей...»* [2].

Древнеиндийская художественная практика широко опиралась на мифы и подталкивала к тому, чтобы выявить в изображениях реальность более глубокую, чем тот видимый мир, который нас окружает. Как уже говорилось, иконографические указания индуизма вплавлены в общий контекст священных текстов, представляя собой хвалебные или устрашающие описания божеств. Художник, читая подобные тексты, мог настроиться на тот диапазон, который задают метафоры и сравнения, чтобы визуализировать словесную форму в форму материальную (камень, металл, живопись).

Особо стоит отметить, что описания индуистских божеств, в отличие от буддийских текстов, наполнены особой чувственностью, которая

характерна и для произведений искусства, изображений божеств индуистского пантеона, отличающихся особой гибкостью, полногрудностью, округлостью и нередко заостренной преувеличенностью форм.

В древнеиндийской традиции формируется также и универсальная система символов и знаков, занявшая свое место в дальнейшей религиозно-художественной практике. В качестве примера возьмем цветок лотоса, как один из главных символов обеих традиций. В индуистской иконографической традиции (а затем и в буддийской) мы не встретим, пожалуй, ни одного описания божества без сравнения его с лотосом. Это и глаза в форме лепестка лотоса, и «ладони рук, подобные красному лотосу», и сравнение тела изображенного с полым внутри стеблем лотоса. Такое широкое обращение к образу лотоса, как к чему-то идеально точному и чистому из сферы текста выливается в произведении искусства в определенные иконографические характеристики: атрибуты (лотосовый пьедестал, падма, лотосовидный головной убор) и позы (падмасана). В тексте «Читралакшаны» мы встречаем такой фрагмент: *«Лучшего из людей, вращающего колесо, следует изображать так, чтобы он был похож на расплавленное золото из реки Джамбу, на полый внутри стебель распустившегося лотоса...»* [2]. На уровне образно-художественного восприятия это подобие полому изнутри стеблю лотоса хорошо прослеживается в памятниках металлической скульптуры обеих традиций, которые как будто наполнены особой, пранической, внутренней энергией, которая и формирует решительный и непоколебимый образ божества. Но решается это давление внутренней энергии в памятниках искусства с помощью отличных средств.

Таким образом, мы можем говорить об основах древнеиндийской художественной традиции как некоем горниле, в котором назревали и формировались основные принципы изобразительного искусства, вырвавшиеся в последующие исторические периоды в определенные традиции различных религий.

Литература

1. Определитель буддийских изображений = Buddhist iconography identification guide / авт.-сост. А. Терентьев. СПб. : Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2004.
2. Цит. по: Читралакшана / пер. с санскр., предисл. и ком. О. Воробьевой-Десятовской // Мастера искусства об искусстве: Избр. отрывки из писем, дневников, речей и трактатов : в 7 т. / гл. ред. А. А. Губер. М. : Искусство, 1965. Т. 1. 1965. С. 15–41

Ю. В. Гудова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Массовая культура как способ решения проблем взаимодействия культур

Миогие философы размышляли о проблеме и сущности межкультурных коммуникаций. Так М. М. Бахтин говорил, что культура — форма общения людей разных культур, форма диалога культур [2, с. 289]. В работе «Эстетика словесиого творчества» [2] М. М. Бахтин писал, что людей можно изучать через создаваемые ими тексты культуры. Слово «текст» ои понимал ие в обыденном смысле, а в семиотическом. Для иего в роли текста может выступать речь человека в любом варианте, а также любая зиаковая система, в том числе деятельностная, вещная, изобразительная, художествеииая и т. д. М. М. Бахтин считал, что поскольку текст и повествует, и вопрошает о культуре, то непосредствеино через текст осуществляется диалог между культурами [2, с. 290]. На мой взгляд, сериал «Симпсоны» можно рассматривать в данной логике. Для нас сериал — это текст, через который можно общаться с американской культурой, в котором америкаиская культура рассказывает о себе, которым она озадачивает представителей других культур.

В современном мире процессов глобализации при наличии множества самобытных культур бахтинские идеи о диалоге культур являются актуальными.

На мой взгляд, глобальная массовая культура, постепенно складывающаяся под влияиием единых информационных сетей, массового искусства и современных медиа иесет в себе информацию и о глобальном культурном идеале, и о культуре той страны, в которой то или иное произведение было создано.

Так, например, при просмотре американского мультсериала «Симпсоны», на мой взгляд, мы можем наблюдать и отражение процессов глобализации и мультикультуризации, захватывающих ие только отсталые и развивающиеся, но и высокоразвитые страны как США, а также специфические только для конкретной страны отличительные особенности социально-политической жизни и основных ценностей америкаицев.

Что мы видим при просмотре данного сериала? Первое, что бросается в глаза, это определеиная модель семьи: мама — Мардж, отец — Гомер, сын — Барт, старшая сестра — Лиза, младшая сестра — Мэгги,

собака и кот. Они живут в городе Спрингфилд на Вечнозеленом бульваре. У них собственный двухэтажный дом, машина, иногда даже несколько. Их соседи — семья протестантов, которые ведут богобоязненный образ жизни. Семья Симпсонов — это традиционная семья, главой которой является отец — Гомер. Именно он является единственным работающим членом семьи. Дочь Лиза вундеркинд и интеллигент, мечтает стать президентом Америки.

При дальнейшем просмотре сериала можно заметить следующее — неоднородность социального пространства, его мультикультурность [4]. Город разнороден. Есть четкая стратификация общества: аристократия (Мистер Бернс — директор завода атомной энергии), средний класс (семья Симпсонов, Фландерсы и т. д.) и бедный класс (хозяйка кошек). Среди жителей города есть эмигранты из Индии — Апу с женой и восьмью детьми. Они живут в городе на равных с коренными американцами.

Что можно сказать о жизни героев мультсериала? Из быта Симпсонов можно сказать, что у них традиционная патриархальная семья, их быт ритуализирован. Муж работает, мама — домохозяйка, несколько детей, животные. Как уже отмечалось выше, они живут в отдельном собственном доме, они имеют машины. У них часто происходят различные мероприятия с соседями, такие как барбекю, коктейли, уличные распродажи, большой теннис и т. д. Как отмечают русские исследователи американской культуры писатели-эммигранты Петр Вайль и Александр Гениса в работе «Американа» [3], именно это является мечтой американской семьи: «жилье находится не в городе и не в деревне, а в пригороде, говоря по-русски, на даче. Его кожа гладка, одежда опрятна, машина современна, дело доходно, жена хозяйственна, дети послушны, собака дружелюбна. Жизнь человека подчинена строгому ритуалу, который не делается менее обязательным оттого, что выбран им добровольно. Служба, коктейль, телевизор. По пятницам — покер с соседями. В субботу поход по магазинам — шопинг. В воскресенье — покраска забора» [3, с. 209].

В данном сериале часто встречаются герои, которые на все готовы ради успеха. Например, клоун Красти и его команда PR, скряга Мистер Бернс — директор завода атомной энергии и т. д. Они готовы идти по головам ради успеха и денег. Даже Лиза Симпсон иногда идет на подлые поступки ради победы на конкурсе. Так однажды она испортила творческий проект своей подруги, чтобы занять на конкурсе проектов первое место, т. к. она привыкла всегда и во всем быть первой. Но все же потом она призналась. Уже американские исследователи считают, что успех — это самая главная ценность Америки [1]. Можно заметить, что все герои, стремящиеся к успеху, не берут с собой напарников. Они добиваются

успеха одни, а если им кто-то и помогает, герои никогда в этом не признаются, например клоун Красти и его помощники. В этом проявляется вторая основная ценность Америки — индивидуализм [1].

Хочется также сказать о семейных ценностях в «Симпсонах» и в Америке. Как уже говорилось выше, «Симпсоны» — это олицетворение традиционных семейных ценностей. Конечно, в сериале проявляется феминизм, что также является отражением волн феминизма. Но в целом семья Симпсонов — традиционная семья. Американский исследователь Мэтью Генри в своей статье «Не спрашивайте меня, я всего лишь девочка: феминизм, женская идентичность и «Симпсоны»» пишет, что в какой-то момент «Симпсоны» стали ответом на большое количество разводов в стране, гомосексуальные отношения и т. д. [5, с. 275]. «Симпсоны» стали транслировать государственную идеологию: транслировали в массы ценности традиционной семьи.

Таким образом, через сериал «Симпсоны» мы можем познавать ценности Америки, а также то, как их воплощают в жизнь американцы и живущие рядом с ними мигранты. Через данный сериал происходит внутренняя коммуникация американской культуры и, если рассматривать нашу страну, коммуникация между американской и русской культурой. Используя терминологию М. М. Бахтина, мы считываем текст, заложенный в сериале, и диалогически понимаем его.

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что через массовую культуру происходят межкультурные коммуникации, осуществляется обмен информацией о ценностях культур, и за счет этого решается часть проблем взаимодействия между культурами.

Литература

1. *Баталов Э. Я.* Американские ценности в современном мире. http://www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf1995/batalov21.htm
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М. : Искусство, 1979. 424 с. (Из истории сов. эстетики и теории искусства.)
3. *Вайль Петр, Генис Александр*. Американа. // Вайль Петр, Генис Александр. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург : У-Фактория, 2004, с. 199–629.
4. *Гэри Вивер.* Мозаика американской культуры. http://www.kontinent.org/article_rus_460d686ac350e.html
5. *Henry M.* Don't Ask me, I'm Just a Girl»: Feminism, Female Identity, and The Simpsons // The Journal of Popular Culture. April 2007. Vol.40, № 2, P. 272–303.

К. А. Жиделева
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г.Екатеринбург

Фестиваль искусств как форма соотношения коммерческого и некоммерческого в современной культуре

Сегодня фестиваль это один из главных способов обмена достижениями в области искусства, феномен современной культуры, достойный изучения и анализа. Фестивали проходят практически повсеместно в любом крупном городе мира и играют большую роль в общественно-культурной жизни людей. Фестиваль — творчество, взаимодействие и состязательность, это активизация диалога культур. На наш взгляд, это одна из главных особенностей фестиваля, так как диалог — универсальный способ бытия культуры. Будучи полифункциональным целостным общественным явлением, культура с древнейших времен для выживания, развития и обновления форм своего существования использует диалог как универсальное средство реализации целей человека в мире.

Стоит также отметить, что любой фестиваль содержит в себе определенную функциональную нагрузку. Прежде всего, фестиваль имеет огромное значение для сохранения культурного наследия страны. Крупные фестивальные проекты влияют на укрепление авторитета страны как прогрессивной державы, сохраняющей свои национальные традиции. Фестиваль может быть средством поддержки и развития этнической идентичности, стимулировать развитие культуры различных народов.

Фестивали различных видов искусств (особенно аудиовизуальных) обладают большим социальным и экономическим потенциалом, благодаря чему могут приносить выгоду не только организаторам, но и творцам [1]. Известно, что художественное произведение это результат таланта и творческих усилий художника, овеществленных в уникальной материальной форме.

В данной связи рождается особая отрасль художественного предпринимательства, с точки зрения которого художественные произведения рассматриваются не только как духовные, но и как коммерческие ценности. Как известно, важнейшим фактором, оказывающим существенное влияние на культуру в России рубежа XX–XIX веков, является бизнес. Сотрудничество и взаимодействие сферы культуры и бизнеса

предполагает финансовую поддержку социальной сферы (наука, образование, культура) и ее модернизацию.

В контексте современной эпохи, когда произошли существенные изменения в отношениях к визуальным искусствам, именно фестивали отвечают новым требованиям нашего времени и могут взять на себя особую ответственность в представлении и продвижении искусства не только как продукта «потребления» в условиях современного арт-рынка, но и как духовной составляющей современности. Сегодня фестивали искусств оказывают существенное влияние на развитие арт-рынка, представляя круг наиболее востребованных художников и их произведений, формируя спрос и предложение на те или иные художественные проекты [2]. Поэтому фестивали различных видов искусств обладают большим социальным и экономическим потенциалом, благодаря чему могут приносить выгоду не только своим организаторам, но и творцам, являясь тем самым своеобразным посредником между обществом и художниками.

Особое значение среди субъектов арт-рынка имеют галереи, музеи, фонды, выступающие также посредниками между авторами произведений искусства и покупателями. Они выполняют экспертную функцию (отбирают художников, выстраивая иерархию), а также являются организаторами фестивалей современного искусства. Чем известнее музей, тем большую отдачу получает художник, живущий или давно ушедший. Более того, коллекции музеев представляют собой национальное достояние конкретной страны, оберегаются государством, в том числе во время войн и катаклизмов.

В условиях перехода российской экономики к рынку искусство не может быть изолировано от данного процесса, оно неизбежно становится частью рыночной экономики, вынуждено существовать по ее законам. Специалисты оценивают этот процесс по-разному. Произошло четкое разделение всего современного искусства на «коммерческое» и «некоммерческое». Как известно, многие боятся «отчаянной коммерциализации» искусства после того, как к нему проснулся огромный интерес [3]. Отечественный арт-рынок развивается, выходит на мировые позиции, но остается нерешенной проблема подачи материала и организации арт-проектов (аукционы, выставки, фестивали). Нужно соблюдать баланс: с одной стороны расширять арт-рынок, с другой не потерять за этим рынком самой актуальности, значимости искусства. Фестивали должны прививать хороший вкус и создавать условия для общения зрителя с произведением. Поэтому правильная подача материала очень важна на фестивалях искусства.

Стоит выделить несколько условий успешности фестивалей современного искусства в контексте арт-рыночной экономики.

Во-первых, художникам следует помнить, что до них уже были созданы миллионы произведений искусства, поэтому произведения фестиваля должны быть актуальным творением. Сегодня арт-мир задает систему координат, в которой художник ищет свое место.

Во-вторых, фестиваль современного искусства должен быть в контексте «здесь и сейчас». Современная художественная среда — это мощный коммуникативный процесс, и чтобы участвовать в нем, надо владеть современными языками.

В-третьих, тематика фестивалей не должна повторяться: ему необходимо удерживать рамку собственного творчества, то есть, с одной стороны, быть узнаваемым, а с другой — развиваться, выстраивать свое творчество как некую стратегию.

Литература

1. *Кириллова Н. Б.* Медиаменеджмент как интегрирующая система. М. : Академический Проект, 2008.

2. *Резникова Е. И.* Фестивали искусств как синтетическое пространство // Культура и общество. 2006, № 10. С. 31–40.

3. *Барабанов Е.* Искусство на ранке или рынок искусства? /Художественный журнал. 2002, № 46. С. 10.

М. В. Жукова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Проблема изучения электронного текста как феномена современной культуры

Электронный текст сегодня стал частью культурной среды обитания человека, так же как когда-то стали ею рукописный и печатный тексты. Заимствуя некоторые черты своих предшественников, электронный текст сильно отличается от них. Он ставит своего автора и читателя в новое по сравнению с прошлым опытом положение по отношению друг к другу, порой меняя их ролями. Иными стали техники создания текстов,

изменились возможности нх визуального представления, резко сократилось время, необходимое для создания даже больших книг, более гибкой стала языковая структура.

Важно осознавать пронзошедшие перемены, ведь повседневный опыт получения н передачи информации сильно воздействует иа характер мыслительного н творческого процессов. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию с культурой всемирной сетн, на которую электронный текст имел самое непосредственное влияние. Манера общения, принятая в интернет-сообществах, в чатах, блогах, из пространства сайтов переходит в повседиевную жизнь, окрашивает обшение вне сети. Конечно, ие только работа с текстом важна в стаиовлении человека, но все же ее характер имеет принципиальное значение. Ведь текст это способ запечатлеть индивидуальное н коллектнвное понимание реальности, взаимодействовать с ней практически вне времеиных и пространственных границ.

Маршалл Маклюэн, один из авторов, посвятивших себя исследоваиию текста, заявлял, что его влияние «проникает в нас не через иаши мыслн н мнения, к которым мы научилнсь относиться критически, а через иашу повседневную чувственную жизнь, где выкрнсталлизовываются матрицы нашего мышления и поведения» [1]. Вслед за ученым следует признать важность изучения динамических процессов пронсходящих в восприятии текста, так как в противном случае они грозят выйти из под контроля, вызвать ситуацию кризиса.

Однако научное осмысление электронного текста до сих пор остается замкнутым в рамках разрозненных статей, эссе, отдельных глав в книгах, посвященных другим темам. Явление редко рассматривают всесторонне, все чаще коицентрируясь на том или ином его аспекте (например, перспективности в рамках образовательного процесса, проблеме автора, читателя и т. д.). Такие работы можно иайти у Дэвида Рейкинга [2], Майкла Джойса [3], Роберта Ковера [4], Роже Шартье [5] и др. В отечественной же литературе исследоваиий подобного рода немного. Крайне сложно найти в общем доступе работы по теме, а переводы иностранных авторов, если н существуют, то в очень ограничеином количестве (следует отметить, что ннтерес к электронному тексту всё же присутствует, хотя зачастую становится лишь составляющей частью дискуссии на тему ннтернет-культуры).

За очевидностью понятия «электронный текст» кроется достаточно загадок, чтобы вызвать ннтерес ученых. Например, сам факт «электронности» текста предполагает множество свойств, которых мы не найдем

в печатных книгах или рукописных аналогах. Когда мы начинаем рассматривать свойства текста, исходя из его электронной природы, мы сталкиваемся и с необходимостью как-то ограничить это понятие. Относить ли аудио-книгу к электронному тексту? Если да, то как в современной культуре разделить текст электронной книги, аудио-книги, и, в конце концов, экранизацию книги, также доступную на электронных носителях? Но даже при условии, что мы определимся с предметом исследования, и обозначим его как «электронный текст, выраженный графическими средствами алфавитного, идеографического, иероглифического, пиктографического письма», останется ряд вопросов, связанных с типом электронного носителя. Так, мы можем использовать обычный персональный компьютер, планшетную электронную книгу, телефон, смартфон, не говоря уже о большом разнообразии специально разработанных программ, список которых вовсе не ограничивается Microsoft Word или Adobe Reader. Будут ли в зависимости от использованных программ и носителей меняться свойства электронного текста? Эти и многие другие проблемные места в осмыслении электронного текста представляют собой перспективное поле для исследовательской деятельности. Но недостаток теоретической базы, незнание того, что уже сделано или сегодня делается в этом направлении, создают трудности для дальнейшей работы.

Сегодня с большой скоростью появляются новые и совершенствуются старые способы хранения и передачи информации. Возможно поэтому, все попытки научного осмысления электронного текста до сих пор носят отрывочный характер, бытуют в форме статей и эссе. В свете сложившейся ситуации представляется целесообразным создание антологии исследований электронного текста, как отечественных, так и зарубежных, а также научного обобщения достижений в этой области. Такое аналитическое исследование помогло бы выработать научный инструментарий для дальнейшего изучения феномена. Ведь путь к пониманию сути процессов, происходящих в современной культуре, проходит не в последнюю очередь через адекватный анализ и систематизацию знаний о важнейших культурных феноменах.

Литература

1. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. С. 46.
2. *Reinking D.* Electronic Literacy // 1997. URL: http://curry.virginia.edu/go/clic/nrrc/reinking.html

3. *Joyce M.* The end of print culture // PMC. 1991. V. 2. URL: http://pmc.iath.virginia.edu/text-only/issue.991/joyce.991
4. *Coover R.* Literary Hypertext: The Passing of the Golden Age. URL: http://www.nickm.com/vox/golden_age.html
5. *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М., 2006. 272 с.

Т. А. Загребова
СГУ, г. Саратов

Проблемы взаимодействия и отчуждения в мировой культуре на примере взаимодействия и отчуждения от культуры отдельно взятого региона

Формирование мировой культуры — это процесс, который начался не сегодня. Вся история культуры есть пролог формирования мировой культуры. Отличительными чертами формирования мировой культуры эпохи информатизации общества являются не только то, что в этом формировании огромную роль играет современная информационная технология, но и то, что оно совершается быстрыми и все убыстряющимися темпами, подминая под себя элементы национальных культур или модернизируя их в духе американизма [1]. Основными тезисами доклада будут являться следующие:

– характеристика проблемы отчуждения в мировой культуре.

– анализ особенностей взаимодействия нескольких культур, являющихся частью одной мировой культуры.

– освещение состояния и перспектив развития мировой культуры в России на примере отдельно взятого региона (Саратовская область на примере собственного эмпирического исследования)

История общества — многофакторный процесс, который можно рассматривать в различных аспектах — экономическом и политическом, социальном и культурном. Именно поэтому существует различная периодизация общества — формационная, цивилизационная, исторически-временная и др., дополняющие друг друга. Нынешнее общество мы называем информационным. Именно под воздействием широкого использования информации происходят существенные социальные

сдвиги. Они проявляются, в частности, в глобализации общества, отчуждении и появлении новой формы неравенства — информационной [2]. Все это оказывает существенное воздействие на культурный потенциал общества и представляет определенный интерес в аспекте нашего анализа информатизации культуры. Не меньший теоретический и практический интерес вызывают те противоречия, которые формируются в процессе глобализации культуры. Речь идет о противоречии между формирующейся мировой культурой и национальными культурами отдельных народов, стран, регионов, которыми грозит потеря идентичности. Понятие отчуждения характеризует социальный процесс превращения деятельности человека и ее результата в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Отчуждение — это определенный тип социальных отношений, который доминирует над остальными социальными отношениями. В процессе отчуждения человек отрывается от многих компонентов реальной действительности, строит фантомные миры, в которых он либо добровольно, либо вынуждено должен существовать. Отчуждение — это процесс превращения различных форм человеческой деятельности и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Отчуждающий механизм связан с рядом проявлений: бессилие личности перед внешними силами жизни; утрата людьми взаимных обязательств по соблюдению социального порядка, а также отрицание господствующей системы ценностей; ощущение одиночества, исключенности человека из общественных связей; утрата индивидуумом своего «я», разрушение аутентичности личности [3]. В философском плане — это конфликт между актуальным существованием человека и его потенциальным бытием, между наличным и потенциально возможным и несостоявшемся в человеке. Понятие отчуждения позволяет охватить все негативные аспекты человеческого существования: потерю контроля над продуктами человсческой деятельности, патологический характер социальных отношений, отход от человеческого предназначения и нравственный распад личности, отчуждение человека от человека и человека от природы [3]. Факты отчуждения людей друг от друга и от коллектива, поколений от поколений, людей от природы дают основание высказывать мнение о том, что сама культура в этой ситуации претерпевает глубокие качественные изменения, превращается в технологию. С одной стороны, культура превращается в технологию овладения природой и подчинения ее человеческим потребностям. С другой — технологическая мысль разрушает в человеке твердую уверенность в своей уникальности, необходимости.

Литература

1. *Андрианова Г. В.* Информатизация общества и стратегическая политика // Теория и практика общественно-научной информации / РАН ИНИОН. М., 2011 г.

2. *Дыльнов Г. В.* Развитие культуры граждан в контексте мировой культуры на примере Саратовского региона Саратов 2010 г.

3. Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее. Краснодар, 2011 г.

4. *Ромах О. В.* Культурология. Теория культуры: курс лекций. — Тамбов, 2009 г

5. Результаты авторского эмпирического исследования, проведенного летом 2011 г.

Л. А. Исакова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Рентгенограмма картины как важнейший источник для установления подлинности

В современном мире коллекционирование произведений живописи является престижным хобби и надежным средством вложения капитала. Вкладывая свои деньги, собиратели хотят быть уверенными, что приобретают шедевр, а не подделку. Для установления подлинности картины необходима экспертиза, одним из важнейших ее этапов является рентгенографическое исследование.

Рентгеновские лучи обладают высокой проникающей способностью. Проходя сквозь толщу красочного слоя, они практически не испытывают преломления. Все же свинцовосодержащие компоненты задерживают рентгеновское излучение. Поэтому в живописи свинцовые белила являются для рентгеновского излучения своеобразным фильтром. Чем пастознее слой подобной краски, тем меньшее количество излучения пройдет через ее толщу и попадет на рентгеновскую пленку, которая при этом чернеет значительно меньше, чем участки, не покрытые подобной краской, а потому проницаемые для рентгеновского излучения. Если свинцовые белила были использованы автором в подмалевке,

мы увидим их на рентгенограмме, хотя в завершающих слоях они могут и не использоваться. Поэтому рентгенограмма фактически показывает нам процесс работы художника в подмалевке, если речь идет о живописи XIV–XVIII веков. Кроме того, рентгеновские лучи создают на светочувствительной пленке теневое изображение всей структуры исследуемого произведения.

На рентгеновском снимке с живописного произведения всегда будут видны авторские переработки, сделанные в процессе написания картины. Например, полотно Джорджоне «Три философа» (1507–1508, Музей Истории искусств, Вена). На рентгеновском снимке видно, что в подмалевке и первых стадиях живописи на заднем плане было гораздо больше деревьев, затем художник решил, что нужно, чтобы изображение неба было более обширным, в завершающих слоях живописи автор записал кроны деревьев краской голубого небесного тона [1].

По рентгенограмме можно увидеть ниже лежащее изображение, если работа была написана на ранее использованном холсте, кроме того, по рентгену можно определить плотность грунта. А также на рентгеновском снимке, произведений написанных на досках, прослеживаются разрушения биологического характера [2]. Иногда благодаря использованию свинцовых белил можно увидеть записи и реставрационные вмешательства. Примером этому может служить копия с Я. Йорданса «Мелеагр и Аталанта» из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств (далее — ЕМИИ). На рентгенограмме видно, что на лбу Аталанты, где было использовано большое количество белил, по кракелюру лежит белильная запись.

Рентгенограмма так же показывает глубину утрат, их можно определить по интенсивности тона. Утраты на рентгеновском снимке выглядят темными пятнами. Например, на рентгенограмме с полотна «Кающаяся Мария Магдалина» Франческо Фурини из собрания ЕМИИ в районе правого плеча Марии видна утрата холста, под которую подведен мелкозернистый холст (заплата).

Рентгеновское излучение, используемое при исследовании холста, беспрепятственно проходит сквозь авторскую основу и дублировочный холст, частично поглощаясь слоем грунта. При этом в местах переплетения нитей, где образуются углубления и слой грунта толще, оно поглощается сильнее, а на выпуклости холста, где слой грунта тоньше — слабее. Так как рентгенограмма дает изображение предмета практически в натуральную величину, получают полное представление о характере плетения,

плотности и зернистости авторского холста. По гирлянде натяжения нити часто удается определить, в каком виде холст натягивался на подрамник.

По рентгенограмме можно попытаться определить первоначальные размеры полотна. Например, «в XVIII веке с распространением в живописи декоративизма возникает своеобразная эстетика развески картин в интерьере. Пишутся или подгоняются под специально отведенные им места. Поэтому зачастую по желанию владельца картины подрезали или наращивали» [3]. Подобная ситуация сложилась с «Портретом Лауры» Джорджоне. Изначально холст был прямоугольной формы, в XVIII веке он был обрезан и стал овалом, а в XIX веке его снова нарастили до прямоугольника. По рентгенограмме видно, что холст надставлен.

В результате исследования рентгенограмм холстов из коллекции ЕМИИ можно вывести закономерности распределения плотности холстов по школам. Итальянские холсты обладают рядом особенностей: чаще всего они неравноплотные, редкие, рыхлые. Нити основы и утка имеют множественные утолщения и узелки, по структуре они толстые. Наблюдается неравномерная скрутка нити. Основа и уток образуют крупные просветы прямоугольной формы. Обычно виден сильный перекос в натяжке и неравномерная гирлянда натяжения нити.

Фламандские холсты отличаются большей плотностью, чаще всего они равноплотные, натянуты ровно, без перекосов. Просветы между нитями имеют форму квадрата. Несмотря на то, что холсты вытканы вручную, они имеют значительно меньшее количество узелков, чем итальянские холсты. Данные результаты подтверждают наблюдения известного исследования Т. В. Максимовой.

Изучение холста по рентгеновскому снимку позволяет сделать предварительные выводы по датировке картины, что значительно облегчает процесс атрибуции. Рентгенограмма является важным исследованием для определения подлинности.

Литература

1. *Oberthaler E., Walmsley E.* Bellini, Giorgione, Titian, and the Renaissance of Venetian Painting // Technical studies of painting methods. June. 2006. P. 293.
2. *Roy A., Mancini G.* «The Virgin and child with an angel», after Francia: a history of error // National gallery technical bulletin № 31. 2010. P. 71.
3. Исследование основы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.art-con.ru/node/282.
4. *Oberthaler E., Walmsley E.* Bellini, Giorgione, Titian, and the Renaissance of Venetian Painting // Technical studies of painting methods. June. 2006. P. 291.
5. *Максимова Т. В.* Голландские живописцы XVII века и их немецкие имитаторы в XVIII столетии. Вопросы стиля и технология. М., 2002.

А. С. Коляденко
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Антигуманистические тенденции и эстетика безобразного в современной фотографии (по материалам World Press Photo за 2011–2012 гг.)

Одной из наиболее значимых тенденций в развитии современной фотожурналистики является фокусировка внимания авторов на остром и сенсационном материале в сочетании с отходом от идей, провозглашенных гуманистической фотографией XX века. Крупнейший в мире конкурс в области пресс-фотографии World Press Photo, ежегодно выбирающий лучшие снимки по девяти номинациям, оказывает определяющее влияние на формулировку основных задач и идей в современной репортажной фотографии, имеет широкий общественный резонанс. Работы, представленные к рассмотрению, освещают основные исторические вехи в мировой истории ушедшего года: фиксируют революционные потрясения, природные катаклизмы, исследуют проблемы противостояния народов в контексте глобализации и политической нестабильности, заботы и радости повседневной жизни. Репрезентация глобальных проблем в представленных на конкурс работах имеет своей целью побудить человека к рефлексии о путях преодоления кризисных явлений в современном мире и нахождении новых решений, способных обеспечить гармоничное и мирное сосуществование людей друг с другом и окружающей их действительностью в настоящем и будущем. Таким образом, гуманистические задачи конкурса остаются незыблемыми, меняется лишь язык, с помощью которых авторы обращаются к реципиентам. Если документальная фотография XX века внесла в культуру жизнеутверждающий пафос, наметила выход из противоречивых ситуаций, возложив надежды на мощный духовный потенциал человека, его силу и желание противостоять обстоятельствам, угрожающим высшим духовным ценностям — любви, дружбе, красоте и гармонии, то снимки XXI столетия не предлагают четкого решения наболевших проблем. Современные фотографы все чаще отходят от мысли, что «гуманистический взгляд на миропорядок состоит в том, что этот мир — мир человека, и именно от человека во многом зависит, на что он будет похож...» [1]. Человек в их работах теряет свою силу. Он

становится жертвой трагическнх обстоятельств, главным героем н творцом мировой жестокостн н насилия.

Острота художественного языка авторов работ, «натурализм» и внимание к фнзнологин, с одной стороны, прнзваны отразить значимость современных «болезней» общества, однако с другой стороны, провоцируют отвращение н отстранение зрителей. Гиперболизированный реализм сцен упадка, разложения и насилия, можно расценить в качестве сходного по своей сути насилия: над сознаннем н мироощущеннем зрителей. Чувства жалости и искреннего сострадания, вытесненные непроизвольным отстранением н неприязнью, прн созерцании образов бедствнй, смерти и болезни представляют собой серьезную проблему для современной культуры. Постмодернизм отчасти объясняет стремление авторов современной фотографии отойти от абстрактного образа-метафоры, свойственного фотографнн XX века, н обратиться к более жестким формам выражения. «Художники переживают в постмодерне, прежде всего, разрушение культуры, рассматривают его не как особенность и способ существования, а как акт болезни человека, его души и культуры, связанных с желанием деконструкции, демонтажем всего, что окружает, и, прежде всего самого человека... Культура, как и сама жизнь, начинает воспрнниматься как плоскость для экспернментов человека...» [2]. Однако фотография, пытающаяся утвердить вечные ценности, через безжалостное их разрушение, вряд ли будет понятна широкой публике, принята, как часть неотъемлемая часть их бытия. Современные авторы, по сути, перешагивают тонкую границу между гуманизмом и жестокостью, тонкий рубеж, который н формнрует выразительность и драматнзм пронзведений XX столетия. Безобразное и трагичное перестают быть «проводниками» гуманистических идей, а прнобретают собственную ценность, ужасы и насилие становятся предметом эстетического наслаждения, а острота матернала замещает собою его художественную ценность.

Широкая практика масштабных фотографических конкурсов, таких как World Press Photo, отражает растущие антигуманистические тенденции в современной фотографии. Современные репортеры в погоне за сенсационным материалом часто забывают, что «...в мире, разрываемом стремлением к наживе, в мире, которые захватили разрушительные снрены высоких технологий и жадная до энергии глобализация — этот новый вид рабства, за этим всем существует Дружба, существует Любовь» [3].

Однако в заключении хочется отметить, что проблема антигуманистических тенденцнй в фотографии, как части современной культуры, во многом еще остается неразработанной, и, как следствие, актуальной

как на уровие теории, так и иа уровне художественной практики. Наряду с увеличением количества снимков, пугающих своим физиологизмом, растет заинтересованность в реализации гуманистических идей средствами искусства фотографии, возникают новые творческие методы, появляются новые теории. Такое положение объясняется главным образом желанием человечества противостоять насилию, неестественной смерти и жестокости современиого мира через различные, часто спориые, подходы к изображению его проблем и забот.

Литература

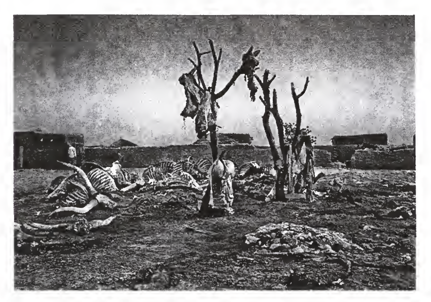
1. *Шестаков В. П.* Эстетические категории: опыт систематического и исторического исследования. Москва: «Искусство», 1983 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/schest/index.php
2. *Платонова Э. Е.* Культурология: Учебное пособие для высшей школы. М. : Академический проект: Традиция, 2003. С. 665–666.
3. *Картье-Брессон А.* Воображаемая реальность. СПб. : Лимбус Пресс, 2008. С.126.

Приложение

2011, Portraits, 1st prize singles, Jodi Bieber

2011, Spot News, 1st prize singles, Péter Lakatos

2011, 2nd prize singles, Guang Niu



2011, 'Food Crisis' Contemporary Issues, 1st prize singles, Marco Di Lauro

2012, General News, 1st prize singles, Alex Majoli

2012, Nature, 1st prize stories, Brent Stirton

О. В. Конева

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Феномен «возрождений» в культуре. «Готическое возрождение»

Ретроспективное мышление характеризует «обращенность в прошлое, взгляд назад, при этом прошлое признается более ценным, чем настоящее» [2]. Феномен «ретроспективного мышления» наблюдаем на протяжении всей истории искусства. Постоянное обращение назад, к прошлым традициям вызывало «возрождение» того или иного стиля в искусстве. Под «возрождением» автором данной работы подразумевается постоянная периодичность обращения художников в своем творчестве к опыту прошлых эпох, своеобразная цикличность истории искусства при общей линейности ее развития, а не только конкретный

период в истории культуры, известный как эпоха «Ренессанса» или «Возрождения».

Культура — живой пульсирующий процесс, возрождающий время от времени тот или иной стиль или направление.

Исследователи нередко уделяли внимание в своих работах рассуждениям о самом феномене «возрождения» культур (М. Соколов [4], А. В. Степанов [5]). А. В. Степанов справедливо отмечает тот факт, что в XVI в., когда Джорджо Вазари, отец истории искусства, пустил в ход слово rinascità, этому термину не придавали такого широкого смысла, как в наше время [5: 6].

«Возрождения» существовали и до эпохи «Ренессанса». Э. Панофский уже в самом названии книги «Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада» разграничил конкретный исторический период в истории искусства и другие, более мелкие, «ренессансы», которые периодически давали о себе знать в европейской культуре Средних веков. В поле его зрения попадает Каролингское возрождение (VII в.), Оттоновский ренессанс (X–XI в.), ренессанс XII в., классицизм школ Реймса и Шартра XIII в. Бесспорно, что период Ренессанса «является наиболее знаменитым и блестящим примером культурного возрождения, протекающего одновременно и параллельно с возрождением классической культуры» [6: 56–57]. Но, тем не менее, уже Э. Панофский признавал: «…Нет нужды доказывать, что существовала постоянная тенденция к возрождению на протяжении всего минувшего тысячелетия западной цивилизации» [6: 57]. По словам А. В. Степанова, *возрождение — это некий вечно воспроизводящийся и не знающий географических границ тип культуры* [5: 6].

Одним из закономерных «возрождений» в истории искусства можно считать т. н. «готическое возрождение» — термин, принятый в зарубежном искусствознании ("Gothic Revival"). Под «готическим возрождением» подразумевают обычно период увлечения готикой, хронологические рамки которого охватывают середину XVIII — начало XX вв. На протяжении этого времени интерес к готике то разгорался, то затихал, в связи с чем исследователи выделяют несколько волн «готического возрождения» (К. Кларк [8], К. Брукс [7] и др.).

Реминисценции готики возникают на протяжении XVIII–XX вв. в искусстве разных стран, выходя далеко за пределы родины «готического возрождения» — Англии. В частности, образцы можно встретить даже в американской архитектуре XIX в. и в русском искусстве — там, где, казалось бы, не существовало исторических истоков готики…

Преемственность традиций, обращение к опыту прошлого и стремление применить его в современной практике, с одной стороны. Взаимодействие культур.

С другой стороны, ностальгия по ушедшим временам, идеализация прошлого, которое априори лучше настоящего (поэтизация и идеализация средневековой культуры, характерное для «готического возрождения»).

«Историческая ретроспекция как разновидность эстетизированного отгораживания от современной действительности» [1].

Искусство разных периодов характеризует возникновение неостилей, возрождающих формы античного, византийского, готического, ренессансного искусства и т. п. Возникающий интерес связан с переосмыслением, с изучением материала прошедших эпох, новым взглядом на них. Попеременное возрождающееся увлечение свидетельствует о существовании некого общего, общеевропейского, мирового пространства культуры, в котором особое место занимают античность, готика и т. п., никогда не исчезающие из него.

По мнению некоторых исследователей, *феномен возрождения* возникает в поворотные моменты истории стран и народов («готические» формы появляются в периоды «противостояния классицизма и сентиментализма», «борьбы классицизма и эклектики», в условиях поиска нового стиля в противовес эклектике).

По мнению исследователей, культура Средневековья вобрала в себя весь предыдущий опыт христианства и выступала переломной вехой в истории человечества, являясь, с одной стороны, концентрацией культурных особенностей, накопившихся за тысячелетнюю историю Средних веков, с другой — предтечей новой, во многом отрицающей опыт Средневековья, эпохи Возрождения. Поэтому она стала столь интересной для потомков, особенно в сложные моменты в истории культуры и искусства. Периоды возникновения «готического возрождения» во многом характеризует романтическая направленность. Для романтизма была во многом характерна эстетизация прошлого в настоящем, художественное осмысление истории в ее актуальности.

Таким образом, *феномен возрождения* имел место в разные исторические периоды. Человек обращался к опыту прошлого, к возрождению прошлых форм в современном ему искусстве. На протяжении всей своей истории культура, делая шаг вперед, оглядывалась назад. «Готическое возрождение» нашло свое воплощение в периоды, когда романтический тип миросозерцания довлел над рациональным взглядом на мир.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М. : Искусство, 1979. 424 с.
2. *Власов В. Г.* Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства : в 8 т. СПб. : Лита, 2000.
3. *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. М. : Мысль, 1982. 623 с.
4. *Соколов М.* Вечный Ренессанс. М., 1999.
5. *Степанов А. В.* Искусство эпохи Возрождения. Италия. XIV–XV века. СПб. : Азбука-классика, 2005. 504 с.
6. *Панофский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб. : Азбука-классика, 2006.
7. *Brooks C.* The Gothic Revival. Phaidon, 1999. 448 pages.
8. *Clark K.* The Gothic Revival: An Essay in the History of Taste, 1928.

В. И. Молоштан

ВГУ, г. Воронеж

Самобытность и привнесение — два вектора одной целостности

Процесс глобализации, затрагивающий с каждым годом все больше участников, порождает противоречивые явления. Мы все время говорим об интеграции, коммуникации, обогащении. Но что может еще стоять за такими красивыми словами? Облик стран за последние несколько лет существенно изменился. Приезжая во Францию, мы чаще можем встретить не пылких французов, а консервативных арабов или творческих афроамериканцев. Выйдя на улицы нашей страны, мы заметим, что наше окружение очень богато экзотичными выходцами из стран Азии, гостеприимного Северного Кавказа и других живописных краев нашего земного шара. И это прекрасно. Мы сейчас получили возможность практически беспрепятственно проникать в миры чужой культуры, не просто глядя на красивые картинки на экране телевизора или в журнале о путешественниках, а общаясь с носителями традиций, которым уже не одно столетие. Но мы не должны забывать, что все процессы, которые происходят в нашем обществе, являются диалектическими. Иначе мы не могли бы говорить

о развитии как восходящем, так и нисходящем. А без развития невозможно существование жизни. Диалектика нам как раз и показывает, что у всего есть оборотная сторона. Если мы получаем большие возможности, то вместе с ними к нам приходит и большая ответственность. Ответственность за что? В данном случае, за сохранение нашей собственной культурной традиции, и ее обогащение. В условиях нарастающей интеграции это крайне сложно осуществить. Тем более, что есть два фактора, влияющие на развитие взаимоотношений между народами, которые сложно контролировать. О первом писал еще историк Лев Николаевич Гумилев. Каждый народ, каждая нация имеют различную пассионарность, внутреннее стремление к какой-либо деятельности, можно сказать, внутреннюю энергию. В зависимости от этого, мы можем выделить народы захватнические и обороняющиеся, ассимилирующие и ассимилируемые и т. д. Как правило, народы, которые генетически принадлежат к восточным или африканским странам выигрывают. В частности, это проявляется в способности взаимодействовать на чужой территории. Приезжая и расселяясь на чужие земли, выделенные нами народы не стремятся принимать уже существующие на них правила игры. Они привносят свои как основополагающие. При этом государствообразующее население вынуждено подчиниться чужеродным элементам. Такое состояние дел мы можем наблюдать в современной России. Государствообразующая нация забывает свои корни и традиции. Мы охотнее празднуем хелоуин, чем праздники, которые исконно считаются русскими, те же колядки или масленицу. Второй момент — стремление человека ко всему необычному, новому. Это стремление необходимо, чтобы была возможна наука. Оно является побудительным мотивом в процессе рождения новых идей. Отдаваясь полностью новому в культурном плане, мы остаемся без почвы, которой является прошлое. Нарушается временная и содержательная целостность.

Взаимодействуя с другими народами и обогащая свою культуры, мы не должны забывать о том, кто мы есть. Сохраняя самобытность для будущих поколений, мы сможем обеспечить им укорененную жизнь в бытии, как бы назвал ее Мартин Хайдеггер. Укорененность — жизнь в слиянности с миром и другими людьми. Это, на первый взгляд, абстрактное слово, таит в себе глобальные положительные последствия в изменении психологического климата. И если говорить конкретно, в снижении уровня депрессивности, деструктивного поведения, направленного и на других, и на себя и многое другое. Сохранение неравновесного баланса между самобытностью и привнесением есть залог благополучия всего человечества.

Ю. В. Пятыгина

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Трансформации праздничной культуры России в XXI веке

Начало XXI века — время глобальных изменений, в том числе и в культурной сфере. На наших глазах происходит обновление всех сфер жизни человека. Формируются новые ценности, морально-нравственные устои, появляются новые традиции и люди активно приобщаются к ним, в связи с этим зарождается и новая праздничная культура. «Весьма характерная черта настоящего времени — это сосуществование различных во всех отношениях праздников, изменение старых и возникновение новых» [1].

«Праздники — это все то, что не будни» [2]. Праздники — это социальное явление, имеющее определенную структуру. Праздник и праздничная культура — далеко не тождественные понятия. Праздник — понятие более узкое, включающее в себя само действо, праздничная же культура — понятие более широкое, в его состав входит сам праздник и все явления, которые его окружают. В качестве примера обратимся к православному празднику Пасхи. Сначала — пост как время вступления в праздник, наведение порядка в доме и душе. А далее наступает сам праздник Пасхи со своими обрядами, своей библейской историей, своими символами. Если говорить о светском празднике, то это поиск подарков, придумывание сценария и т. д.

Современный праздник подвержен трансформации, причем как в светской, так и в религиозной культуре.

Во-первых, отметим такую черту как заимствование праздников европейской культуры, в основном, среди молодежи. Например, День Святого Валентина — день всех влюбленных. Приход этого праздника в молодежную субкультуру России, скорее всего, не связан с религиозной настроенностью молодежи. Некоторые ученые говорят об этом празднике как о своеобразном наступлении язычества [3]. Однако, День Святого Валентина — праздник не языческий, а христианский. Святой Валентин — католический святой, пострадавший во имя любви и почитаем в католическом мире. Вероятно, поэтому православная церковь противопоставила этому празднику и нахлынувшей поздней сексуальной

революции в России, а также ситуации разрушения семьи других святых — Петра и Февронию.

Во-вторых, новые ценности заставляют власть задуматься над социальными проблемами и путями их решения. Как уже было сказано, в современной России институт семьи очень неустойчив, больше половины браков расторгаются. Поэтому предложен вариант праздника семьи, противопоставленный Дню Святого Валентина. День Петра и Февронии поддерживается не только властными структурами, но и народом. Уже не нужны дорогие подарки, символом является простая ромашка. Более того появилась тенденция придания этому православному празднику светской направленности.

Наконец, в связи с введением новых национальных праздников серьезно стоит проблема культурной памяти народа, так как если она утрачена, праздничная культура искусственно насаждаема быть не может. «Равнодушие к празднику обычно является результатом более широкого явления — равнодушия к идеям и ценностям, с которыми и связаны современные праздники» [4]. В качестве примера можно привести День Народного Единства — День освобождения России от поляков.

В-третьих, одной из форм новой праздничной культуры можно считать возврат к народным праздникам. Например, Масленица, когда все собираются вместе и провожают зиму. Однако традиции Масленицы в народном сознании воспринимаются лишь как игра и развлечение, многие не знают смысла производимых действий. За внешними атрибутами праздника нет того магического значения, которое он имел для культуры России до XX века. Примером может послужить праздничный и, в то же время, поминальный обед. «Языческая тризна по ненавистной зиме— Моране была, вместе с тем, на Руси и тризною по всем прежде почившим» [5]. Сегодня этот «праздник становится зрелищем» [6].

Таким образом, в XXI веке трансформация праздничной культуры — это не только свидетельство обновления устаревшей системы ценностей, но и возврат к традициям и ценностям прошлого.

Литература

1. *Жигульский К.* Праздник и культура. Пер. с польск. М., 1985. С. 23.
2. *Воловикова М. И.* Психология и праздник: праздник в жизни человека. М., 2003. С. 33.
3. *Воловикова М. И.* Психология и праздник: праздник в жизни человека. М., 2003. С. 98.
4. *Жигульский К.* Праздник и культура. Пер. с польск. М., 1985. С. 270.
5. *Коринфский А. А.* Народная Русь. Самара, 1995. С. 128.
6. *Жигульский К.* Праздник и культура. Пер. с польск. М., 1985. С. 294.

В. С. Саймова
СФУ, г. Красноярск

Знаковая природа произведения искусства «Танцкласс» Эдгара Дега

Произведение искусства возможно проанализировать как текст, а его персонажей, их суммы — как знаки, слагаемые данного текста. Результатом такого анализа является не только выявление чувственно-явленной сущности произведения, но и постижение аспектов бытия, проявленных в нем.

Картина «Танцкласс» написана между 1871–1874 гг., размеры 85 × 75 см; художественный материал — холст, масло; хранится в Париже, музей Орсе.

Произведение на каждом уровне построения художественного образа демонстрирует определенные структурированные знаки — материальные знаки-символы, индексы, иконы и на конечном этапе — интеграл, чувственно-явленную сущность.

Красочную поверхность произведения «Танцкласс» можно охарактеризовать как дымчатую, воздушную.

Композиционный строй произведения организован пересечением вертикальных и горизонтальных линий, что позволяет охарактеризовать его как «сетку». Материальный знак «сетка» демонстрирует такие понятия как «упорядоченность», «структурность» процесса, происходящего в произведении. Таким образом, создается организованная по определенным правилам система, в которую включены все персонажи.

В процессе становления индексного статуса художественного образа произведения «Танцкласс» можно выявить несколько знаков-индексов, каждый из которых является указателем на узнаваемую вещь, представителем которой он является в данном произведении.

1. *Танцевальный зал.* Анализ знаков, составляющих персонаж «танцкласс» позволяет выявить следующие, характеризующие его, визуальные понятия: *«опора», «платформа»* — для занятий балетом, для становления девушек в качестве танцовщиц; *«рефлексия»* — свойство зеркала, необходимого элемента танцкласса.

2. *Балерины.* При анализе знаков-индексов персонажа «балерины» можно выявить следующие визуальные понятия *«движение», «напряжение», «сосредоточенность», «отточенность».* Танцующим девушкам

свойственны именно такие характеристики — они сосредоточены на каждом своем движении, доводя его до совершенства и автоматизма. *«Расслабленность», «естественность»* — свойства, определяющие отдыхающих танцовщиц. Их тела расслаблены, а позы естественны.

3. *Балетмейстер. К* персонажу балетмейстер можно применить такое визуальное понятие как *«стержень»* — вокруг его фигуры происходит движение балерин по кругу, кроме того, именно от него и исходит посыл к этому движению.

В процессе становления иконически-суммативного статуса художественного образа отдельные знаки-индексы образуют суммы, знаки-иконы и рассматриваются с позиции целого, что дает новые визуальные понятия.

1. *Сумма «балетмейстер + танцкласс».*

Метод «Аналогия» позволяет соотнести этих персонажей и выявить такую их характеристику, как опорная функция. Данную сумму характеризует такое визуальное понятие как *«порядок», «дисциплина».* Педагог и пространство класса выступают источником этих двух неотъемлемых составляющих репетиции.

2. *Сумма «танцовщицы + репетиционный зал».*

Девушки, в своем качестве танцовщиц, неразрывно взаимосвязаны с пространством танцкласса. Для Дега балет вообще предстает как тяжелая, длительная, изнурительная работа над собой. Большая часть его произведений балетного цикла посвящена именно процессу репетиций. Ключевым является движение как физическое действие, изначально не наполненное одухотворенностью, эмоциями, чувствами. Но именно в процессе репетиции и раскрывается истинная суть балета и танцовщиц.

Данная сумма демонстрирует визуальное понятие *«самовоспитание», «труд»* как процесс напряженной работы над своим телом и результат — выступление на сцене.

3. *Сумма «балетмейстер + танцовщицы».*

Следует отметить, что лицом педагог обращен именно к репетирующим балеринам, он контролирует процесс их деятельности. В связи с этим возникает такое визуальное понятие как *«муштра»* или *«дрессура»* — система обучения, основанная на физической (строевой) подготовке, многократном повторении определенных движений и строгой дисциплине.

При анализе становления иконически-интегрального статуса художественного образа произведения выявляется особое интегральное

качество художественного образа, снимающее в себе все визуальные понятия, выявленные в процессе становления предыдущих статусов.

Само название произведения «Танцкласс» подчеркивает системность и строгую выверенность изображенного процесса. Пространство класса задает определенные правила находящимся здесь девушкам, предстает как место постоянной работы над собой, тяжелого труда, который и составляет основу прекрасного балетного искусства.

В произведении «Танцкласс» Эдгара Дега явлена сущность балета — это, прежде всего, тяжелый труд, это долгая изнурительная работа, предвосхищающая грандиозное действо. Девушки отчасти не самостоятельны, порядок задается педагогом и самим пространством танцевального класса; и достижение совершенства, гармонии, красоты возможно лишь благодаря следованию данным правилам. Класс предстает как ячейка, в которой происходит формирование каждой из балерин. Здесь демонстрируется идея того, что достижение определенного результата, который будет одобрен окружающими, возможно только благодаря труду, дисциплине и самоконтролю, следованию заданным правилам. Преодоление собственных слабостей и развитие своих способностей — ключ к успешному результату любого дела.

П. Г. Сизов

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Повседневность как область, рождающая отчуждение

На сегодняшний день, достаточно много сказано и о повседневности [1] и об отчуждении [2]. Но в данной работе рассматривается связь указанных выше феноменов. Мы попытаемся раскрыть те акценты повседневности, которые закономерно обуславливают неизбежность феномена отчуждения. Для этого нам предстоит рассмотреть повседневность как особую область, в которой преимущественно и происходит взаимодействие индивидов и групп на самых разных уровнях.

На сегодня существует множество разнообразных представлений о повседневности или как ее ещё называют обыденной жизни. Но есть во всем этом разнообразии взглядов и общие моменты. Так повседневность

противопоставляют рациональности, объявляют сферой мнений, областью предельного разнообразия позиций, которая из-за своей плюралистичности теряет четкость. Эту сторону феномена повседневности прекрасно описали последователи феноменологической школы [3].

Давайте рассмотрим интересующий нас аспект повседневности на примере рациональности. Так мы можем сказать, что в одном ряду не может стоять нескольких рациональностей. Не может быть одновременно рационально и это и то. Разумеется, в ретроспективе мы можем рассматривать различные виды рациональности, но в реальном времени конкретная рациональность всегда претендует на господство. Однако в области повседневности возможно непротиворечивое сосуществование различных типов рациональности. Повседневность представляет наш каждодневный опыт непротиворечивым, упорядочивая его особым образом. Рациональность и сознательные состояния человека, а точнее их относительность, прекрасно рассматривает в своей работе Ж.-М. Шеффер [4].

Так, например, мы каждый день пользуемся достижениями различных областей знания. В своей каждодневной жизни, возможно даже не замечая того, мы каждый день используем достижения физики, химии, литературы, психологии, математики, биологии, кибернетики, пользуемся наследием различных и часто противостоящих культурных традиций. Парадокс заключается в том, что, несмотря на существование пограничных дисциплин, таких как органическая химия и прочие, ни одна из дисциплин не может непротиворечиво описать повседневность.

Мы каждый день пользуемся достижениями различных дисциплин, но у нас абсолютно не возникает вопроса: как физику можно интерпретировать в рамках литературы или наоборот? Вы можете сказать, что это вопросы другого уровня, вопросы поднимающиеся над повседневностью, но тогда возникают другие вопросы. Что же тогда мы теряем раз, поднявшись над повседневностью, разделив рациональностью жизнь на часть, мы больше не можем собрать ее воедино?

Поставив вопрос таким образом, становится видно как наша рациональность лишает нас доступа к повседневности. Рациональность, в этом смысле отчуждает нашу жизнь от нас самих. Процесс, названный рефлексией, лишает жизнь ее единства и полноты. К счастью для нас, как замечает Б. Вальденфельс, это двусторонние процессы. Таким образом, жизнь невозможно полностью перевести в рациональное русло, как противоположность повседневности.

Различные выделяемые нами области жизни, такие как наука, политика, религия, философия, так или иначе, в чем-то обкрадывают повседневность, которая представляется довольно связанное поле разнообразных феноменов. Но они также и вырываются из повседневности. Описание приключения, которое дает Г. Зиммель в отношении повседневности, очень напоминает отношение повседневности и науки [5].

Таким образом, повседневность предстает для нас как принципиально открытая область разнообразия, постоянно захватывающая человека, но при этом постоянно отчуждаемая от него. Зиммель и Вальденфельс указывают на то, что повседневность разрывается не только благодаря рациональности, что важно учитывать, поскольку рациональность в этой работе взята как пример.

Для более детального рассмотрения будет интересен и обратный процесс, когда выхваченное из повседневности, заново становится охваченным ей, при этом наполняясь дополнительным содержанием. Эти, практически неконтролируемые, процессы должны стать предметом ещё более тщательного рассмотрения, поскольку на них строятся коммуникации и воспроизведение общества. На мой взгляд, только изучение данных отношений даст возможность перевести социальное прогнозирование в социальное проектирование.

Литература

1. *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М., 1991. С. 480.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 42. М., 1974. с. 117.
3. *Щюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.
4. *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. М., 2010. С. 291–304.
5. *Зиммель Г.* Приключение // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С. 212–226.

А. Д. Сущенко
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Проблема отчуждения во взаимодействии театра и государства

Несмотря на активное внедрение рыночных механизмов в сферу театральной культуры, вопрос о принципах взаимодействия государства и театра актуален по сей день, ибо по данным нашего исследования [1] государство оказывает существенное влияние на жизнедеятельность современного театра через финансирование, которое предопределяет развитие театров города Екатеринбурга и качество театральных постановок. Эксперты в области культурной сферы г. Екатеринбурга отмечают: театр не адаптировался в условиях рыночной экономики, поэтому ему необходима поддержка государства, особенно если вопрос касается государственных театров, в которых для создания новой театральной постановки требуются большие финансовые затраты. Нарастание отчуждения в данных взаимоотношениях обусловлено отсутствием законодательной базы и принципов финансирования, а также неясной позицией государства и неопределенностью приоритетов по вопросам культурной политики.

Важно уделить внимание принципам финансирования театра, конкретизировать их. Мнения экспертов разделились на две группы.

1. Патерналисты предлагают принципы, способствующие стабильной продуктивной работе театров за счет участия государства в финансировании:

1) *«принцип содержания учреждения, принцип создания условий для развития деятельности»*, т. е. обеспечивать минимум театру, на котором он может базироваться: *«оклады для сотрудников, постановочные расходы, возможность гастрольной деятельности»*;

2) принципы финансирования *«на уровне федеральном, областном, региональном и муниципальном»*. *«Участие в финансировании детских и провинциальных театров»*. Степень финансирования театра может определяться мерой активности его деятельности.

2. Грантодатели: постепенный переход на финансирование по грантовой системе, решающей проблему *«взаимных претензий, выиграли грант — выиграли, не выиграли — не выиграли»*, т. е. одновременно с сокращением бюджета увеличиваются грантовые возможности, потому что *«грантов сейчас недостаточно»*. Необходимо, чтобы работали

механизмы грантовой системы, по которым театры г. Екатеринбурга, такие как *«Музкомедия, Оперный и Драма»,* смогли *«содержать штат артистов, ставить спектакли, дорогостоящие по декорациям, музыке».* Гранты могут выделяться из *«фондов, бизнеса, которые системно еще не работают».*

Предложены возможные изменения во взаимодействии государства и театра для создания благоприятных условий функционирования театра.

1. Новая система налогового обложения, налоговых льгот.

2. Законодательная база, которая должна работать на практике — *«закон о культуре, о налогах, о рекламе, об авторском и смежных правах»,* которая будет создана *«в содружестве с театральными деятелями, а не депутатами, которые относят театр к сфере услуг».* Прогнозируют негативные последствия последних реформ в области культуры: *«приведут к уничтожению национального достояния — репертуарного театра».*

3. Новая система грантов как альтернатива получению средств на постановку спектаклей *«из государственной казны, местного бюджета».*

4. Выделение *«постановочных денег, всё остальное театры могут зарабатывать сами либо с помощью местных органов власти, спонсоров».*

5. *«Выделение зданий, площадок».*

6. Более четкая артикуляция государственного заказа, который *«может быть на образ героя, т. к. нация в поисках героя, на создание детских спектаклей», «на поощрение деторождения».*

7. Системность, открытость, взаимопонимание во взаимоотношении субъектов (власть, театр, социальные общности). Готовность к сотрудничеству со стороны государства и театра, т. е. *«партнерские отношения, т. к. выполняют одну и ту же функцию: государству нужно, чтобы общество было развито интеллектуально, а театр выполняет эту миссию».* Умение театра взаимодействовать с органами власти, *«донести о своих потребностях»,* устанавливать контакты.

8. Соблюдение основных направлений государственной культурной политики (соотношение традиций и инноваций, создание условий для творческой свободы, развития региональной культуры).

Перспективные направления культурной политики в области театральной культуры.

1. Конкретизация со стороны государства целей и задач, решение которых связано с деятельностью конкретного театра.

2. Создание законодательной базы, которая поможет определить четкое финансирование и взаимодействие структур власти, культуры и бизнеса. Возможна передача законодательной функции в области культуры в регионы.

3. Решение проблемы учебных заведений, кадровых вопросов, в том числе в сфере театрального менеджмента, а также проблем утечки кадров из профессии вследствие низких заработных плат.

4. Поддержка творческих союзов, профессиональных артистов, режиссеров, театральных деятелей пенсионного возраста; интересных проектов и идей; обменов опытом, гастрольной деятельности.

5. Пропаганда театрального искусства на государственном уровне, которую могут организовать сотрудники театров, театральные менеджеры.

5. Объяснение значимости для театров PR-деятельности.

Применение данных рекомендаций на практике поможет сократить отчуждение между государством и театрами, сделать их действия более согласованными, тем самым обеспечит новые возможности для динамичного развития театров.

Примечания

1. Исследование автора под руководством кафедры прикладной социологии УрГУ, ноябрь — декабрь 2010 г., опрошено 4 группы информантов в форме личного полуформализованного интервью.

К. Е. Чемезова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Материалы к творческой биографии В. И. Денисова

Василий Иванович Денисов, профессиональный музыкант, художник — самородок, смелый выразитель русского символизма, творчество которого в истории искусства на долгие годы оставалось забытым. С усилившимся интересом к искусству символизма имя В. Денисова все более привлекает внимание исследователей. Многоаспектное изучение

творчества художника требует широкой источниковой базы, но она является не до конца сформированной.

Используемые для данной цели источники можно разделить на 3 группы:

1. Художествеииые произведеиия — станковая живопись, эскизы, театральные декорации, росписи церкви в Иваново-Возиесенске.

2. Архивные докумеиты — источники личного характера: переписка, дневиики, записиая книжка, воспоминания совремеиииков.

3. Периодическая печать — отзывы современников, моиографии, справочные издания, статьи в научных сборниках, каталоги выставок.

Некоторые источники не введены в иаучный оборот, поэтому изучение творчества В. Денисова требует глубокого аиализа. До сих пор не было ни одиого исследования, которое направлено только иа изучение декорационного искусства Денисова в театрах Москвы и Петербурга. В рамках этого направления писали М. В. Давыдова [1], Н. Н. Евреинов [2], С. В. Голыиец [3], ио оии рассматривали творчество Денисова в контексте общего развития искусства Серебряного века. Системного изучеиия требует живопись и графика из собрания Евгения Ройзмана. Нет точных даиных, аиализа фресковой живописи в Иваново-Вознесенске, о которой упомииал В. Воииов [4]. Из-за отсутствия данных сложно установить причины и следствия двух поездок художника на Алтай. Современная ситуация требует переосмысления художественных произведений, нового прочтения и сравиения с современным восприятием единствеиной моиографии о художнике А. Шемшурина.

Архивиые докумеиты иногда только лишь упоминаются, как, например, М. Зингер в статье «Видения В. И. Деиисова» [5] ссылается, но детальио ие аиализирует письмо Ф. И. Рерберга к С. С. Голоушеву [6]. Оио ярко иллюстрирует размышления о будущем изобразительного искусства, иегодование от иепризнания работ Деиисова. «Не могу я признать ии справедливым, ни случайным, что приобретенные вещи Репина, работы какого-то Яковлева, «никчемная» вещь Крымова, много раз вещи Виноградова, Туржанского и т. д. когда не приобретены лучшие работы Богаевского, когда в галерее нет ни одной вещи Денисова» [7]. Подобного анализа лишено письмо А. П. Боткиной к И. С. Остроухову [8], в котором автор откровенно симпатизирует художнику: «А по-моему, Денисова надо бы иметь в галерее. Я его очеиь ценю».

Заслуживают систематизации архивные документы: фонд В. И. Денисова, Н. В. Деиисова (сына художника), А. И. Денисовой (жены художника) в отделе рукописей ГРМ; периодическая печать

времени художника. Не подверглись оценке: письма сына Сергея Денисова, письмо к К. Сомову, письма к К. Степанову и др. (ОРГРМ).

Личная переписка во многом помогает восполнить пробелы в творческой биографии художника: даты основных событий в его жизни, составить список созданных произведений. Источники с предельной точностью воспроизводят тип сознания, характер мышления художника, его психологический и нравственный облик. Среди архивных документов отзывы современников носят противоречивый характер. Они являются прекрасной площадкой для размышлений, которые приведут к раскрытию сути драматизма творчества В. Денисова.

Комплексное изучение всех видов источников позволит логически выстроить этапы становления Денисова как художника, дополнить уже существующую базу. Введение в науку новых материалов приведет к полноценному восприятию творчества Денисова в рамках искусства Серебряного века. Глубокое осмысление источников откроет людям самобытного мастера, искусство которого представляет собой сплав различных культурных пластов. Его творчество так же как и у многих художников того времени вскрывает кризисные явления, неоднозначное отношение к происходящим событиям. Материалы будут применены не только для составления нравственного портрета художника, но и для воссоздания того культурно-исторического типа мышления, который был присущ художникам-символистам. Творчество Денисова как неграненый драгоценный камень, требует тщательной обработки, которая откроет еще одного художника-визионера в истории русского искусства.

Литература

1. *Давыдова М. В.* Очерки истории русского театральио-декорационного искусства XVIII — начала XX века. М.,1974. С. 117, 118,120,121,159.
2. *Евреинов Н. Н.* Художники в театре Комиссаржевской. СПб., 1911. С. 122–139.
3. Василий Денисов = Vassili Denissov : Живопись и графика из собрания Евгения Ройзмаиа. Совремеиники о художнике. Екатеринбург, 1999. С. 9.
4. *Воинов В. В.* ОРГРМ. Ф. 149. Ед. хр. 16. Л. 1–13.
5. *Зингер М.* Видения В. И. Денисова. Творчество. М., 1991. № 5. С. 8.
6. Письмо Ф. И. Рерберга к С. С. Голоушеву. Около 1909 г. ОРГТГ. Ф. 10. Ед. хр. 5447. С. 20.
7. Там же.
8. Письмо А. П. Боткиной к И. С. Остроухову. 2 апреля 1907. ОРГТГ. Ф. 10. Ед. хр. 1691.

Раздел 3
ОБЩЕСТВО: СТРАТЕГИИ СТАГНАЦИИ И СТРАТЕГИИ ОБНОВЛЕНИЯ

Д. А. Антоненко

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Методы мотивации персонала в организации

Тема мотивации в российских компаниях сейчас очень актуальна с связи с выходом России на мировой экономический рынок. В странах Запада создано множество теорий о стимулировании сотрудников предприятий, которые применяются на практике с большим успехом. Но мы не можем использовать их в российских реалиях, так как экономические процессы в нашей стране имеют определенную специфику и полное копирование идей умов Америки и Европы без адаптации не приведет ни к чему хорошему.

Существуют два вида мотивации, которые подробно описаны в книге Добролюбова Е. А. Система материального и нематериального стимулирования персонала [1]:

1) материальная, которая так же классифицируется на денежную (заработные платы, премии) и неденежную (социальные льготы, подарки, награды);

2) нематериальная (перспектива карьерного роста, интерес к делу, личная и публичная похвала, грамоты, дружеская обстановка в коллективе).

Судя по многим опросом в России суть трудовой мотивации как рабочих, так и специалистов и менеджеров низшего и среднего звеньев стала практически сводиться к желанию иметь максимально гарантированную заработную плату при равнодушном отношении к результатам

труда [2]. Проведенный мною опрос среди студентов российских вузов в возрасте от 18 до 22 лет подтвердил это. 25 из 52 человек ответили, что только деньги мотивируют людей к работе. На втором и третьем местах оказались такие пункты как «интерес к работе» и «перспектива карьерного роста» с количеством голосов 19 и 5 соответственно.

Эти суждения мешают руководителям использовать более широкий спектр мотивационных методов в своей организации. Мы привыкли к тому, что деньги — это важнейший рычаг воздействия на мотивацию сотрудников.

Такая система мотивации, как денежная, обладает рядом минусов:

– непривязанность размера премии к качеству и объему выполненной сотрудником работы. Премии в большинстве российских компаний включаются в заработную плату, и ее незаметно [3];

– централизованность. Все работники получают премии, исходя из пункта выше. Получая одинаковые доплаты к заработной плате, работники не видят, что некоторые из них работают лучше других, и ,в результате этого должны получать более высокую сумму [4];

– низкая скорость роста заработной платы в России. Она растет, но очень медленно, не успевая за инфляцией, которая не дает в полной мере ощутить прибавок к зарплате;

– высокая инфляция, одной из причин которых является резкое увеличение заработной платы, и, в результате этого, сокращаются объеиы производства, растет безработица. Это, безусловно, не без помощи других факторов, характерных российской экономике.[5] (в 2011 году уровень инфляции в РФ достиг 4,16 %, в США 3,5 %, в Германии 2,5 % [6]).

– также, денежная мотивация является внешней, которая, как известно является более слабой по сравнению с внутренней (психологической). [7]

Даже если работа в организации будет высокооплачиваемой, но сотрудник не видит для себя перспектив в развитии, повышении личной эффективности и дальнейшем продвижении по службе, то удержать высококвалифицированного специалиста будет практически невозможно. Современное информационное общество требует нового типа человека. Человека саморазвивающегося, стремящегося к новым высотам и ставящим перед собой непростые задачи.

Так же, в ходе изучения данной проблемы я пришла к мысли , что чтобы больше платить работникам, надо, чтобы компания получила более высокую прибыль, а для этого надо получить значительно большую отдачу от человеческих ресурсов, что невозможно при данном

уровне оплаты. Именно поэтому на первом этапе так возрастает роль неденежных средств воздействия на мотивацию персонала.

В результате исследование я поняла, что в любой компании невозможно обойтись ни без одного вида мотивации для качественной работы персонала. Нужно уметь их сочетать между собой так, чтобы это не было во вред ни сотрудникам, ни организации.

Литература

1. *Добролюбов Е. А.* Система материального и нематериального стимулирования (мотивации) персонала/ Е. А. Добролюбов // Банковские технологии. 2002. № 3. С. 41–44.
2. Пора на работу. Мотивация персонала: карьерные ожидания соискателей // URL: http://www.poranarabotu.ru/news/1508/
3. Мы в деле. Система мотивации персонала // URL: http://www.myvdele.ru/employers/advice/5425/
4. Мы в деле. Система мотивации персонала // URL: http://www.myvdele.ru/employers/advice/5425/
5. Xserver.ru. Инфляция и заработная плата. А. А. Никифоров // URL :http://www.xserver.ru/user/iizpl/
6. Записки финансового аналитика // URL: http://finnotes.com/
7. *Климчук В. А.* Тренинг внутренней мотивации. СПб. : Речь, 2005. 76 с.

Д. С. Бобовкина

НГУ, г. Великий Новгород

Новая модель экономического развития России: «Стратегия-2020»

В современных условиях нестабильности мировой экономики и второй волны финансового кризиса особенно остро стоит определение дальнейшего пути национального развития России. Ситуация усугубляется неоднозначностью политической обстановки в стране: сначала декабрьские выборы в Государственную Думу, вызвавшие широкий общественный резонанс, теперь — предстоящие президентские выборы в марте 2012 года. А между тем темпы роста национальной экономики

замедляются, и предстоит сделать выбор — либо принять новую модель роста, либо перейти в стадию долгосрочной стагнации.

Цель данной исследовательской работы состоит в анализе причин роста экономики России в 2000-е годы, что поможет дать прогноз для дальнейшего пути национального развития. Обозначенная цель будет достигаться посредством рассмотрения динамики основных социально-экономических показателей за соответствующий период, а также изучения основной концепции дальнейшего развития страны — «Стратегия-2020». В качестве объекта исследования выступает динамика экономического развития Российской Федерации. Предмет исследования — концепция «Стратегия-2020».

Если говорить об экономическом росте России в 2000-е годы, то он был обусловлен рядом факторов, к наиболее значимому из которых можно отнести выход страны из состояния кризиса 90-х годов. Таким образом, по большому счету рост 2000-х годов объяснялся изменениями российской экономики, произошедшими в предыдущем десятилетии.

У экономического роста этого периода есть ряд отличительных характеристик. В первую очередь это быстрый рост внутреннего рынка и внутреннего спроса. Так, рост экономики в период с 2000 по 2007 год составил 7 %, а реальные денежные доходы населения ежегодно увеличивались приблизительно на 12 %. Однако, были и негативные последствия такого своеобразного «бума потребления»: ухудшение внутренней деловой среды и быстрый рост цен внутри страны. Тем не менее, высокая инфляция и плохой инвестиционный климат не сдерживали экономический рост — слишком быстро увеличивался внутренний спрос и внутренний рынок. Этому также способствовали и дополнительные доходы от экспорта, в частности — сырьевых продуктов.

На сегодняшний день подобная ситуация исчерпала себя. Уровень доходов находится на достаточно высоком уровне, и роста внутреннего рынка уже не предвидится. При этом показатели инфляции достигают относительно высоких значений, а инвестиционный климат внутри страны не становится привлекательнее как для внутренних, так и для внешних инвесторов.

В подобных условиях, страна стоит перед необходимостью выбора новой модели экономического поведения. В связи с этим была предложена концепция социально-экономического развития России в ближайшие годы, получившая название «Стратегия-2020».

Данная концепция предполагает новую формулу устойчивого экономического роста, называемую «Пять плюс» (5+). По этой формуле

формируются пять направлений развития, способствующие сбалансированному развитию страны на ближайшие десять лет.

Первое направление должно исправить недостатки деловой среды и инвестиционного климата внутри страны. Согласно этому направлению, необходимо сократить долю участия государства в экономической жизни страны, провести либерализацию с целью высвобождения рыночных механизмов и стимулов. Все это приведет к повышению гибкости и конкуретноспособности национальной экономики.

Второе направление ставит задачей повышение макроэкономической стабильности и настройку макроэкономических условий под задачи нового этапа развития. Предполагается снижение государственных расходов, их доли в ВВП, а также сокращение фискальной нагрузки. Сюда же включается борьба с еще одной макроэкономической проблемой — инфляцией.

Третье направление предполагает улучшение демографической ситуации в стране. Ведь показатели высокого экономического роста не могут быть достигнуты в стране с постоянно убывающим уровнем население. Также можно отметить, что доля экономически активного населения постоянно уменьшается вследствие старения основной части работоспособных граждан и уменьшающегося количества новорожденных.

Четвертое направление должно повысить эффективность использования человеческого капитала страны. Это связано с тем, что постоянно увеличиваются процессы эмиграции и «утечки умов» за границу. Образованные молодые ученые применяют свои знания и навыки на пользу других стран, уезжая туда по окончании высших учебных заведений. Поэтому необходимо создание комфортных условий для работы в пределах страны, что позволило бы удержать квалифицированные кадры.

И, наконец, пятое направление — расширение несырьевого экспорта. В 2000-х годах развитие экономики страны носило экстенсивный характер — большую часть экспортируемих товаров составляли топливно-энергетические ресурсы. Но сейчас эта ситуация исчерпала себя — требуется ориентация экспорта на готовую продукцию, а не на сырье.

Как показывает опыт других стран, не бывает устойчивого и сбалансированного роста исключительно засчет увеличения внутреннего спроса. Необходимо постоянно пересматривать государственную политику в данном направлении, повышать гибкость экономики и вовлекать ее в меджународное разделение труда. На сегодняшний день правительство России пришло к пониманию необходимости перемен в курсе экономического развития страны. Разработав «Стратегию-2020», оно

фактически определило свою деятельность на ближайшие десять лет. Однако насколько успешной будет данная модель развития — покажет лишь время и условия воплощения обозначенных перспектив в жизнь.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики: Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi (дата обращения: 15.02.2012).
2. Стратегия 2020 — стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года: База документов [Электронный ресурс]. URL: http://2020strategy.ru/documents (дата обращения: 15.02.2012).

Д. Л. Данилов
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Эффективность командных структур в условиях изменений (на примере федерального университета)

В любой организации, независимо от специфики выполняемой работы и сферы деятельности, имеет место групповая, коллективная работа. Не исключение и федеральные университеты, которые представляют собой новый тип образовательных учреждений в системе высшего профессионального образования России. Их совсем немного в нашей стране и во всех ныне существующих федеральных университетах есть огромное количество проблем — это проблемы и организационные, касающиеся объединения нескольких вузов на базе одного, это и проблемы стандартизации учебных программ (приведение к единому основанию). К примеру, Уральский государственный университет (УрГУ) и бывший Уральский государственный технический университет существовали отдельно друг от друга до момента объединения, и в процессе их реструктуризации в УрФУ начали возникать проблемы разного рода. К организационным и содержательным проблемам можно отнести: сложившиеся традиции, систему оценивания студентов, наличие своей корпоративной и организационной культуры, разную направленность и стратегии развития вузов. Все это сказывается на темпах и содержании реструктуризации

и превращении Уральского федерального университета в целостную и динамично развивающуюся организацию.

Проблемы, которые в системе высшего образования имеют место — сложны и неоднозначны, и решить их максимально эффективно должны административно-управленческие подразделения. Дело в том, что данные подразделения на уровне объединенного университета чаще всего создаются заново и включают в свой состав сотрудников, которые либо не имеют опыта управленческой деятельности, либо за короткий период существования структурного подразделения не наладили информационные и коммуникативные связи. Внутренние межличностные взаимодействия во вновь созданных коллективах также еще не сформированы.

Формирование внутриорганизационной сплоченности, способствующей эффективной работе — это длительный процесс. На первых этапах этого процесса, по нашему мнению, следует обратить внимание на создание малых групп особого типа, которые получили название команды. Команда — это неформальная ячейка определенного структурного подразделения организации. Наиболее эффективна командная работа, когда необходимо внедрить и разработать проект, то есть в условиях изменений.

Алексей Клюев (проректор УрГУ) «о федеральном университете»: стратегия ФУ будет реализована лишь в случае эффективной работы его структурных подразделений. ФУ — необходимо рассматривать с позиции социальной организации, которая имеет неоднозначную и сложную структуру [1]. Исследовательская проблема заключается в том, что университетам, которые претендуют на вхождение в состав федерального университета, необходимо в сокращенные сроки представить все необходимые документы и реализовать стратегию развития (концепции). И тут встает вопрос, каким образом структурировать (спланировать) деятельность сотрудников так, чтобы без отрыва от основного процесса обучения, подготовить всю необходимую документацию и выполнить все необходимые требования — путем формирования управленческих команд.

Для того, чтобы формирование и развитие федерального университета шло гармонично и максимально эффективно, без отрыва от ведения основной, образовательной деятельности организации, необходимо, чтобы в числе сотрудников университета имели место управленческие команды. Только применение новых управленческих подходов может обеспечить высокое качество образования в новых университетах [2].

Не менее важным аспектом успешного функционирования командных структур в рамках организации является креативная деятельность — об этом писал Ричард Флорида [3]. Ядром организации (организации

как микромодели общества) является креативное звено, где основными составляющими выступают: технология талант и толерантность.

В рамках федерального университета существуют коллективы, которые, как правило, работают, строго следуя созданной технологии (технический университет). Но, встречаются и такие коллективы, которые допускают абстрагирование от технологии, и привносят в свою деятельность креативность и творчество (классический университет).

Для того, чтобы понять, в чем отличие команды, необходимо дать ее признаки. Итак, что характерно для команд: 1) — взаимозависимость (каждый член команды вносит свой индивидуальный вклад в общую работу. Другие члены команды зависят от работы каждого. В команде все делятся рабочей информацией друг с другом. Члены команды также воспринимаются как равноправные участники процесса деятельности и имеют возможность влиять друг на друга. Кроме того, члены команды толерантны по отношению друг к другу. 2) — разделяемая ответственность (ответственность за командные цели понимается и разделяется всеми. 3) — результат (ответственность за командные результаты разделяется всеми членами группы и фокусирует групповую активность) [4, с. 155]. Главным отличием команд от рабочих групп является наличие синергетического эффекта.

Любой процесс имеет свою продолжительность, поэтому состоит из некоторых этапов. Так создание команды представлено несколькими стадиями: 1) подготовка, 2) создание рабочих условий, 3) формирование и построение команды, 4) содействие в работе. Каждой стадии соответствуют свои принципы и цели. Создание команды должно проходить постепенно и последовательно.

Ценность командных структур в том, что они способны вывести организацию на более высокий уровень, выработать стратегию деятельности, максимально рационально использовать ресурсы в условиях структурных и содержательных изменений.

Литература

1. Организационная структура ФГАОУ ВПО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» [Электронный ресурс] / Уральский федеральный университет. [Екатеринбург], [2012]. Режим доступа: http://www.ustu.ru/no_cache/home/units (дата обращения: 16.02.2012).
2. Министерство образования и науки РФ. В новых федеральных университетах должны быть созданы новые системы управления [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mon.gov.ru/press/reliz/6469 (дата обращения: 28.04.2011).

3. *Ричард Флорида.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее: Классика-XXI, 2007. 432 с.
4. *Галкина Т. П.* Социология управления: от группы к команде / Т. П. Галкина. М. : Финансы и статистика, 2001. 224 с.

А. В. Данилова
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Рынок труда закрытого города: стагнация или обновление?

Моногорода, в особенности закрытые города Росатома создавались изначально как концентрированные научно-технологические центры. Для работы в них привлекались наиболее квалифицированные кадры, получившие образование в ведущих вузах страны. Таким образом, в силу особой стратегической важности этих городов, для их жителей создавались особые условия, а сами города находились на особом положении и попечительстве центральной государственной власти.

Однако с перестройкой изменилась и жизнь закрытых городов. Появились серьезные проблемы, связанные с встраиванием в рыночную экономику. Именно со времен перестройки закрытые моногорода рассматриваются в литературе в проблемном дискурсе — это проблемы и экономического характера, и демографического, и психологического и т. д.

Сегодня, мы можем говорить о закрытом городе, как об особом типе социального пространства. Это автономное самодостаточное пространство, маркированное физическими бюрократическими границами, задающими пределы его социального, экономического и культурного развития.

Значение физических границ мы определяем в духе Бруно Латура как доминирующую инфраструктуру, задача которой сводится к образованию материального фундамента социального мира [1].

Физические границы, забор, ограждающий город от остального мира мы понимаем как актор, задающий / лежащий в основе картины мира жителей города.

В рамках студенческого исследования в марте 2011 года был проведен ряд интервью с молодыми специалистами закрытого города (г. Лесной).

Проблема миграции молодежи актуальна уже сейчас: молодежь стремится уехать учиться и работать в более крупные города. Это подтверждается исследованиями, в том числе исследованием А. Н. Масловой, которое показало, что «центральной причиной миграции молодежи в крупные города является несоответствие ожиданий и представлений будущей работы и существующими вакансиями на рынках труда малых городов. В основном именно карьерные устремления студентов лежат в основе переезда на постоянное место жительства в мегаполисы» [2].

Вместе с тем, существует и группа людей, которые возвращаются в закрытый город после получения высшего образования, это заставляет нас предполагать, что есть некие черты закрытого города, которые оказываются привлекательными для молодых специалистов.

В представлениях молодых специалистов закрытого города сложились достаточно четкие стереотипы о карьерных и профессиональных возможностях большого открытого и малого закрытого города.

Большой открытый город воспринимается как предоставляющий больше возможностей для трудовой деятельности и профессионального развития.

«Что касается меня, то в нашем городе, кроме аптеки я не могу нигде работать. А в большом городе есть фармацевтические предприятия, заводы, офисы. Сфера деятельности гораздо шире» (из интервью с Информантом 3).

Вследствие чего выпускники вузов — выходцы из закрытого города, ориентированные на профессиональный успех стремятся остаться в большом городе.

«Молодежь, сейчас реализует себя в больших городах, где выше заработок, больше развлечений» (из интервью с Информантом 3).

«Но вот, на моей памяти, дебилов, которые бы согласились вернуться сюда, еще не было» (из интервью с Информантом 8).

Если в целом, раньше рынок труда закрытого города воспринимался как привлекательный, то на настоящий момент сложилось представление о нем как о непривлекательном. Интересно, что это представление характерно для молодых специалистов, которые вернулись в закрытый город.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что среди молодых специалистов закрытого города крайне мала доля тех, кто ориентирован на карьеру и инновации. Те молодые специалисты, которые возвращаются в закрытый город после получения

высшего образования, делают это не для того, чтобы «помочь городу» вписаться в рыночную экономику, построить карьеру, хотя, безусловно, профессиональный, карьерный потенциал у закрытого города по-прежнему существует; а вследствие установок на стабильность социального порядка, предсказуемость жизненных перспектив. Конечно, эти установки можно ассоциировать со стагнацией, но для наших информантов, в первую очередь, это уверенность в завтрашнем дне.

Таким образом, границы закрытых городов превращаются из физического забора с колючей проволокой в ментальную конструкцию, задающую границы привычной (рутинной, доступной, эмоционально-поощраемой — через память, детские воспоминания) социальной активности. Оказывается, что помимо тенденции к открытию социальных пространств и городской экспансии, экономическому росту, инновациям и обновлениям, имеет место и тенденция «созидательного» воспроизводства существующих технологий и материальных объектов.

Поведение молодых специалистов на рынке труда закрытого города оказывается ориентированым на простое воспроизводство существующей хозяйственной системы, а не на ее развитие.

Сегодня для закрытых городов, которым с начала 90-х гг. пророчили гибель, реализация самовоспроизводства уже важный шаг, который вряд ли возможно трактовать как стагнацию.

Литература

1. *Латур Б.* Об интеробъективности. // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 184.
2. *Маслова А. Н.* Проблема трудоустройства как фактор миграции молодежи в крупные города // Молодежь большого города: Материалы студенческой научной конференции. Нижний Новгород, 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://forsociologists.narod.ru/pub/sm6.html (дата обращения: 03.05.2011).

Примечания

Информант 3. Женщина. 23 года. Образование высшее. Не замужем. есть ребенок. Житель города Лесной.

Информант 8. Мужчина. 25 лет. Образование неоконченное высшее. Разведен. Есть ребенок.

В. В. Добробаба
ФГБОУ ВПО «КубГУ», г. Краснодар

Утрата доверия как основание для увольнения государственных гражданских служащих: проблемы интерпретации

Как можно иметь дело с человеком, которому нельзя доверять?
Если в повозке нет оси, как можно в ней ездить?
Конфуций

Недавно по инициативе Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Государственная Дума РФ приняла закон, устанавливающий возможность увольнения государственных служащих в связи с утратой доверия [1]. До сих пор с подобной формулировкой в отставку отправляли губернаторов, последним в череде которых оказался мэр Москвы Ю. Лужков. Поэтому идею Президента РФ об увольнении чиновников по причине утраты доверия многие юристы сразу назвали революционной [2].

В законодательстве основания прекращения служебных правоотно-шений по инициативе представителя нанимателя, применительно к государственным гражданским служащим, перечислены в ст. 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3]. Расширив перечень оснований прекращения служебных правоотношений утратой доверия (п. 1.1), законодатель, однако, не раскрыл содержание данной дефиниции.

В «Большом толковом словаре русского языка» «доверие — уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, правильности чего-либо» [4]. Поскольку утрата доверия относится к области мыслительной деятельности, представляется, что формулировка «утрата доверия», как основание прекращения служебного правоотношения, вряд ли может быть признана юридически состоятельной. Право работает с областью действительного, поэтому юридическими фактами не могут быть мысли, события внутренней духовной жизни и тому подобные явления, так как юридический факт обнаруживает себя лишь в области действительного.

Мысль вне выражения существует исключительно относительно своего носителя и составляет предмет только его внимания [5].

Случаи утраты доверия к гражданскому служащему перечислены в ст. 59.2 Федерального закона о государственной гражданской службе. К ним относится нарушение ряда запретов и ограничений, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение антикоррупционных обязанностей. В перечисленных случаях представитель нанимателя должен уволить гражданского служащего. В то же время, в ст. 59.1 Закона перечислены дисциплинарные взыскания, налагаемые на гражданского служащего за аналогичные дисциплинарные проступки: замечание; выговор; предупреждение о неполном должностном соответствии.

Более того, в отличие от других видов юридической ответственности, где санкция за совершённое правонарушение неотвратима, вопрос о неотвратимости наказания применительно к дисциплинарной ответственности гражданских служащих – в ведении представителя нанимателя, поскольку является его правом, а не обязанностью (ч. 1 ст. 57 Закона).

Таким образом, складывается ситуация, когда представитель нанимателя при совершении гражданским служащим дисциплинарного проступка в одном случае может уволить служащего на основании утраты доверия, а в другом случае — ограничиться дисциплинарным взысканием или даже не привлекать гражданского служащего к дисциплинарной ответственности.

Полагаем, что норма, устанавливающая утрату доверия в качестве основания прекращения служебных правоотношений не просто сомнительна с точки зрения законности, а при определенном стечении обстоятельств сама может стать глубоко коррупционной, поскольку обусловливает проявление представителем нанимателя административного усмотрения в ситуации, так называемых «неопределённых правовых условий» [6].

Как отмечается в научной литературе, административно-правовая модель регулирования служебных отношений должна базироваться на том, что основы регулирования этих отношений должны быть закреплены в нормативном порядке, дискреционные же полномочия представителя нанимателя должны быть сведены к минимуму. В тех же случаях, когда наличие полномочий действовать по усмотрению действительно необходимо, они, по большей части, должны предоставляться не представителю нанимателя, а коллегиальным структурам – аттестационной

комиссии, комиссии по урегулированию конфликта интересов, комиссии по проведению служебной проверки и т. п. [7].

Отождествление понятия утраты доверия с юридическим фактом является шагом на пути к слому сложившейся структуры организации правоотношения, имеющимся в правовой науке. С точки зрения правопонимания – интерпретации положений закона, утрата доверия, как область мысли вне сферы выражения, не может служить юридическим фактом, являющимся основанием прекращения правоотношения, а, следовательно, и действия, основанные на подобном «юридическом факте», являются с правовой точки зрения ничтожными.

Литература

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6730.
2. http://news.mail.ru/politics/6143794/
3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 21.11.2011) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2011. № 48. Ст. 6730.
4. Большой толковый словарь русского языка. М. , 2007. С. 129.
5. http://blog.pravo.ru/blog/labor/1637.html
6. *Старилов Ю. Н.* Административное право — на уровень правового государства. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. С. 47.
7. *Чаннов С. Е.* Административно-правовая модель регулирования служебных отношений в Российской Федерации: понятие и основные черты: автореф. дис. … д. ю. н. Саратов, 2010. С. 28–29.

Е. С. Дорожинская
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Образовательная миграция как один из способов решения демографических и экономических проблем России

В настоящее время Россия вплотную подошла к очередному перелому в рамках своего социально-экономического развития. Совсем недавно перед страной стояла задача выхода из кризисов сначала 1998 года, а потом и 2008–2009 годов: в экономическом плане — выхода из трансформационного спада, а в социальном — преодоления бедности, которой было охвачено более трети населения. К сожалению, прежняя модель экономического роста исчерпала себя и уже не может приносить желаемых результатов.

На сегодняшний день ведется активная разработка так называемой «Стратегии 2020». Данная стратегия базируется на двух основаниях — новая модель экономического роста и новая социальная политика. Очевидно, что второе — новая социальная политика — невозможно без первого, экономического роста. Однако, уже на этом этапе возникает множество противоречий, которые необходимо решить для успешной реализации такого рода проекта.

Одной из серьезных проблем на пути развития и принятия новой модели экономического развития является убыль населения. По данным последней переписи: естественная убыль населения составляет около 0,6 млн человек в год. Это значит, что за 10 лет после последней переписи — к 2020 году мы потеряем 6 млн человек [1]. Важно отметить, что население России стареет. В результате нагрузка на работающих будет увеличиваться: они будут нести бремя социального обеспечения возросшего числа пенсионеров.

Приток населения — один из способов решения данной проблемы. Миграционные процессы сыграли позитивную роль в социально-экономическом и демографическом развитии России за последние два десятилетия. С учетом результатов переписи 2010 года, миграционный прирост с 1992 по 2010 г. включительно превысил 7 млн. человек и почти на 60 % компенсировал естественную убыль населения страны, составившую за этот период 13,1 млн человек [2].

Наиболее желательной на сегодняшний день является образовательная миграция, поскольку она имеет целый ряд положительных социальных последствий, в том числе пополняет численность трудоспособного населения и несет «омолаживающий» эффект, а также стимулирует развитие национальной системы образования. Необходимо отметить, что миграция иностранных студентов в Россию приносит достаточно большой доход. Например, совокупные доходы экономики Российской Федерации от очного обучения и проживания иностранных граждан на территории нашей страны в 2007/2008 академическом году составили 18 миллиардов 85 миллионов рублей [3].

В 2007–2008 годах образовательная миграция в России прочно заняла в миграционном потоке третье по значимости место после трудовой миграции и переселения соотечественников.

К сожалению, в настоящее время присутствие России на международном образовательном рынке не соответствует ее потенциальным возможностям. Еще 20 лет назад в СССР обучалось 10,8 % от общемировой численности иностранных студентов, готовились кадры для 160 стран мира, многие выпускники советских вузов вошли в политическую и деловую элиту своих стран. После распада СССР в подготовке иностранных специалистов произошли определенные изменения. В результате, в 2010 году Российская Федерация оказалась на 9-м месте в мире по числу иностранных студентов, и доля их стала составлять только 2 % от общего числе образовательных мигрантов. По числу иностранных студентов и их доле в общем числе учащихся в высших учебных заведениях Россия заметно отстает от таких стран, как США, Франция, Германия, Великобритания.

С 2008 года Российская Федерация активно проводит новую миграционную политику и реконструирует систему высшего образования, стараясь создать для иностранных студентов привлекательные условия обучения и проживания в нашей стране. По данным Федеральной Службы Государственной Статистики можно проследить рост числа иностранных студентов в России: в 2007–2008 год — 129 600 человек, в 2008–2009 — 131 300 человек, а в 2009–2010 — уже 145 900 человек [4]. Для такой огромной страны как Россия это очень маленькая цифра. Данное явление связано с множеством проблем, которые возникают у иностранных студентов по прибытию в нашу страну. России сегодня необходимо устранить барьеры на пути трудоустройства, обеспечения жильем, а также

снижение уровня преступности, повышение культурного уровня местного населения и улучшения качества учебного процесса в российских вузах.

Таким образом, для успешного развития новой модели роста и новой социальной политики нашей стране нужно решить достаточно большое количество проблем. В решении такой проблемы как убыль населения и нехватка рабочей силы нам могут помочь мигранты, а очевидные экономические, социальные, политические преимущества образовательной миграции должны стать основанием для того, чтобы активно развивать данное направление миграционной политики России, необходимой для обеспечения высоких темпов экономического роста.

Литература

1. *Денисов А.* Рогов: Два пути экономики: новая модель роста либо долгосрочная стагнация. Режим доступа: http://strategy2020.rian.ru/news/20111021/366181317.html
2. Стратегия-2020: новая модель роста — новая социальная политика. Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/Docs/2011/2011d153-doklad.pdf
3. *Арефьев А.* Очное высшее образование приносит наибольший доход. Электронный журнал «Демоскоп weekly». № 441–442. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/tema03.php
4. Иностранные студенты, обучавшиеся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования России. С. 264. Российский статистический ежегодник, 2010г. Федеральная Служба Государственной Статистики Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/doc_2010/year10/year10.rar.

К. М. Жидков

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Э-государство: пути реализации

Понятие «электронное государство» наиболее соответствует английскому понятию «e-government». Русский вариант термина «электронное правительство» появился как калька с английского. В международно-правовых документах, термин «government» применяется для обозначения государства как политического института в целом, представленного тремя ветвями власти, а не только центральным органом исполнительной власти [1]. Учитывая современные тенденции трансформации общества понятие «э-государство» все глубже укореняется в нашей повседневной жизни. Поэтому необходимо разобраться в идеологии его построения, в том, с какой конечной целью реализуются программы информатизации и автоматизации. Следует отметить неопределенность термина «э-государство», отсутствие единообразия в представлении его атрибутивных свойств. В научной среде сформировались три концепции / подхода к сути «э-государства»:

Первая концепция рассматривает э-государство как сервисное. В соответствии с ней, основной единицей анализа является правительство или, вернее, администрация, взаимосвязь которого с гражданами будет улучшаться, посредством усовершенствования интерфейса. Иными словами, в самой основе этой концепции — предоставление информации и услуг. Эта концепция не принимает во внимание иные вопросы политической жизни (международные отношения, ведомственное взаимодействие и т. д.), с которыми государству необходимо справляться.

Вторая концепция предполагает такой формат деятельности учреждений (в том числе и государственных), организаций, компаний, в котором реализуется принцип самоуправления. Речь идет о том, как эти субъекты взаимодействуют друг с другом, со своими пользователями и с общественностью. В центре внимания находятся автоматизированные процессы и взаимодействия, которые с помощью ИКТ, становятся более простыми. Это взаимодействие между гражданами и бизнесом (B2C), с одной стороны, и государством (G2B,G2C,) с другой. Однако государство всегда остается в центре, какую бы роль оно при этом ни играло.

Третья концепция рассматривает электронное управление, как набор инструментов в руках правительства, или, вернее, в руках государственной

администрации. Другими словами, отправной точкой здесь является не государство и его модернизация, а использование ИКТ в государственном аппарате. Эта концепция электронного управления, безусловно, удобна в популистских целях, но не подходит для структурного преобразования процессов государственного управления.

Из вышесказанного можно сделать вывод: «э-государство» может являться как шагом, обеспечивающим формирование информационного общества, так и совокупностью механизмов и технологий управления, консервирующих сложившийся государственные процессы. На наш взгляд, в отечественной практике решающую роль будет играть политическая воля правящих элит.

Литература

1. Электронное государство // Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Краснодарскому краю в городе Сочи. 2011. 27 сент. URL // http://www.sochifrs.ru/news/detail.php?ID=703 (дата обращения 26.02.2012)

Ю. В. Колыбасова

СамГУ, г. Самара

Эмоционализация как новый процесс жизнедеятельности общества

Социокультурная среда — сложное и многогранное строение общественной жизни. Человек представляет собой некое смешение био- и социо- факторов, при этом фактически происходит так, что люди часто адаптируют свои биологические характеристики к новым социальным условиям, придавая и тем и другим тем самым новую форму.

Примером тому может служить появление эмоций в нашей жизни. С одной стороны, эмоции — это естественная составляющая часть человеческой жизнедеятельности, по сути биологическая или даже физиологическая черта людей, они сопровождали и сопровождают нас всегда. Но с другой стороны сегодня эмоции предстают перед нами в несколько другом свете. В виду определенных экономических изменений

(повышение уровня потребления, распространение международных рынков, развитие сферы услуг в обществе и т. д.) возникает некая потребность в эмоциях как товаре. Эмоции широко используются, применяясь как сопутствующий, выигрышный аспект товара или заменяя его полностью.

И действительно, если мы посмотрим вокруг, то можем заметить, что мы покупаем и продаем эмоции повсюду. В политике эмоции — это хорошо продуманный ход. Создание имиджа политика, агитационные тексты, образ партии и многое другое ассоциируется у простых людей с теми или иными эмоциями, за которыми стоит работа профессионалов. Каждый представитель политической партии преподносит себя таким образом, на какой он хочет получить реакцию, в частности эмоциональную (например, большую любовь или умышленное отторжение).

В культурном плане эмоции популярны и востребованы в большой степени. Всевозможные шоу, телепрограммы, оригинальные концерты, утренние радиоэфиры настроены на то, чтобы своей эмоциональностью вызвать в ответ у человека определенные чувства и тем самым привлечь его внимание. Помимо этого сегодня в культуре мы можем наблюдать достаточное количество проектов типа «Ночь в музее», которые настраивают человека определенным образом и создаются не столько с целью приобщения к прекрасному, сколько с целью получения определенных эмоций, «разряда». Ведь он не появляется при обычном просмотре экспозиции днем, и за него можно получить дополнительную прибыль.

Социальная жизнь человека также пронизана эмоциями: повсеместная реклама, созданное определенным образом городское пространство, плакаты, поднимающие настроение, развлекательные центры, предлагающие «увеселительные процедуры» и пр. Помимо этого, популярным жанром приобретения определенных эмоций на сегодняшний день являются различные тренинги. Человек идет на них ради раскрепощения, получения драйва или наоборот умиротворения, корректирования собственного «Я». Он получает эмоцию и платит за это деньги.

В спортивной области также наблюдается сдвиг в продажу не самого товара, а эмоций как товара. Например, просмотр матча в баре отражает не то, что человек идет туда, потому что он любит и хочет посмотреть футбол или иной вид спорта, а потому что порожденную там атмосферу, эмоции, впечатления не найти в другом месте.

Что же касается частной жизни, то здесь реальные эмоции позиционируются чаще как недостаток. Современный ритм жизни все больше отторгает людей друг от друга, «сажая» их за компьютеры и не давая жить полноценной жизнью. Эмоции конвертируются как смайлы, коды,

компьютерные символы, слова сокращаются и упрощаются. В связи с этим, человек, чувствуя нехватку определенных эмоций, вынужден покупать их. Это выражается во всевозможных фотосессиях: видеть на картинке то, чего нет на самом деле. Таким образом, он приобщает себя к желаемому и успокаивается, получая определенные эмоции в процессе фотографирования и якобы приобретая всё в целом по-настоящему.

Что же касается конкретно экономической сферы, то здесь коммодицификацию эмоций часто можно найти в ежедневных и простых процессах купли-продажи. При грамотно построенной политике магазина и верных действиях продавца-консультанта (хороший внешний вид, учтивость, улыбка, сочувствие, «дружеский» совет) покупатель не просто купит то, что, может, даже не хотел, но и вернется сюда снова. Эмоциональная составляющая реализуется в экономике как весомый инструмент ведения бизнеса в целом, так и в каких-то отдельных его составляющих: ведение переговоров, привлечение клиентов, реализация проектов [1] и т. д.

Повсеместная продажа эмоций убирает их из чисто индивидуальной сферы жизни человека, превращая тем самым в значимый аспект жизни общественной. Помимо этого, ради «обладания «бесплотными» формулами переживаний» [2] люди теперь готовы на многое. Если поразмышлять, то «эмоционализированность» своими знаками [3] заполнила всю жизнь простого человека, причем не просто заполнила, а начала контролировать, регламентировать, управлять. Ценность эмоций повышается, но сейчас они существуют как «верные слуги» тотальной консьюмеризации, чему социум практически не сопротивляется.

Так что же такое эмоции? Будучи до сей поры проявлением некоторых особенностей личности, эмоции долгое время изучались как чисто психологические объекты человеческой жизни, распространяясь на индивидуальном, возможно, интимном уровне. Сейчас — эмоции повсюду, не только внутри коммуникации людей, но и в обществе в целом. Это не просто некая массовая «эпидемия» эмоциональности людей, это объёмный социальный процесс, это инструмент, это некое новое явление, которое, возможно, следует изучать целому арсеналу социальных ученых, дабы определить, какое же место занимают эмоции в жизни общества, насколько они влияют на общественные процессы и что нас ждет в ближайшем будущем.

Литература

1. http://www.forbes.ru/ Forbes. Костюк Е. Стопроцентный аргумент. http://www.forbes.ru/forbes-woman/psihologiya/23792-stoprotsentnyi-argument

2. http://www.chewbakka.com/ Чубакка. Жижек С. Виртуальный капитализм. http://www.chewbakka.com/brains/virtual_capital
3. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М. : Республика, 2006. 179 с.

Д. М. Кольчугин
УлГУ, г. Ульяновск

Таможенные союзы: влияние на благосостояние и международную торговлю

Одним из постулатов развития современных внешнеэкономических связей является их либерализация, базирующаяся на снятии ограничений в торговле, что в свою очередь должно стимулировать расширение производства конкурентоспособных компаний и вести к росту международной торговли. Основным принципом развития современной международной торговой системы является недискриминация, реализующаяся посредством режима наиболее благоприятствуемой нации и национального режима.

Режим наиболее благоприятствуемой нации, или режим наибольшего благоприятствования (РНБ) предполагает предоставление договаривающимися государствами друг другу преимуществ, льгот, которыми уже пользуются или будут пользоваться другие государства. Например, когда США договаривается с Францией о снижении пошлин на импортируемое промышленно оборудование, то новые тарифные ставки начинают применяться к оборудованию, импортируемому в Америку из всех стран, а не только из Франции. Снижение пошлин в рамках ГАТТ (ВТО) практически всегда осуществлялась на основе представления РНБ.

Но в некоторых случаях страны заключают преференциальные торговые соглашения (создание свободной таможенной зоны или таможенного союза), при которых пошлины, устанавливаемые ими на товары друг друга, оказываются ниже, чем пошлины на те же товары для остальных стран.

Нас интересует таможенный союз: инструмент, воздействующий как на отдельного потребителя, так и экономическое благосостояние общества и государства в целом. Суть таможенного союза сводится к тому, что

государства, его образующие, во взаимной торговле отменяют взимание пошлин, при этом договариваются о размерах ставок таможенных пошлин в отношении третьих стран.

Данная система весьма не однозначна, и ее легче всего рассмотреть на конкретном примере.

Есть три страны — Франция, Германия и США. Пусть Германия является производителем дорогой пшеницы (11 $ за бушель), США — дешевой пшеницы (7 $ за бушель), а стоимость производства пшеницы во Франции занимает промежуточное значение (9 $ за бушель). Представим, что Франция и Германия создают таможенный союз. Тогда Германия отменит пошлины на пшеницу из Франции, но сохранит пошлины на пшеницу из США. Рассмотрим возможные случаи.

Предположим, что первоначально немецкая пошлина была достаточно высокой, чтобы исключить импорт пшеницы как из Франции, так и из США. Например, при ставке пошлины в 5 $ за бушель стоимость бушеля пшеницы из США составит 12 $, а из Франции — 14 $ за бушель. Поэтому немецкий потребитель предпочтёт покупать отечественную пшеницу по 11 $ за бушель. Если же пошлина на пшеницу из Франции будет отменена, то импортная французская пшеница вытеснит с отечественного рынка немецкую. С точки зрения Германии это принесет ей выгоду, так как теперь вместо того, чтобы расходовать 11 $ на производство бушеля собственной пшеницы, для получения того же бушеля пшеницы из Франции страна сможет выпускать экспортной продукции всего на 9 $.

Теперь предположим, что пошлина составляет 3 $ за бушель, так что до вступления в союз Германия покупала пшеницу в США (по цене для потребителей в размере 10 $ за бушель), а не выращивала её самостоятельно. Но теперь при создании таможенного союза потребители предпочтут покупать французскую пшеницу за 9 $, а не американскую за 10 $. В результате импорт пшеницы из США прекратится. Но в действительности американская пшеница остаётся более дешевой, чем французская. Пошлина в размере 3 $, которую немецкие потребители должны платить за американскую пшеницу, возвращаются в американскую казну в виде государственного дохода и потому не может рассматриваться в виде чистых издержек для немецкой экономики. В результате Германия должна будет тратить больше ресурсов на производство экспортной продукции для оплаты импорта пшеницы, так что её благосостояние скорее ухудшится, чем улучшится [1].

Как мы видим, воздействие таможенного союза на благосостояние и международную торговлю неопределенно, оно может быть благоприятным и неблагоприятным. Все зависит от соотношения эффектов создания торговли (1 случай) и отклонения (переориентации) торговли (2 случай).

Эффект создания торговли (trade-creating effect) представляет собой образование нового потока импорта товара, который раньше вообще не импортировался, из страны — партнера по таможенному союзу в результате того, что импортный товар после устранения таможенных пошлин стал дешевле национального. Эффект переориентации торговли (trade-diverting effect) предполагает переключение импорта с высокоэффективного поставщика из страны, не входящей в таможенный союз, на менее эффективного поставщика внутри таможенного союза, товар которого стал дешевле в результате отмены таможенной пошлины [2].

Таким образом, влияние таможенных союзов на благосостояние и международную торговлю может быть и благоприятным, и неблагоприятным. Все зависит от конкретных обстоятельств и определенной ситуации.

Литература

1. *Кругман Пол Р.* Международная экономика. СПб., 2004. С. 276.
2. *Винер Я.* Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. СПБ, 1999. С. 699.

Е. Н. Комарова
УлГУ, г. Ульяновск

Стратегия инновационного развития общества в России

В последнее время очень часто различными экспертами проводятся аналогии между текущей ситуацией в России и временем стагнации Советского Союза. Рассмотрим социально-экономическую сторону данной проблемы.

Модернизация отечественной экономики — задача, которая решается уже четверть века: и в период «перестройки», и в ходе начального

этапа рыночных преобразований, и в первом десятилетии нынешнего века официально ставились задачи ее диверсификации, структурной перестройки и внедрения инноваций в отечественный производственный комплекс. Однако каких-либо существенных сдвигов в реализации ставившихся задач так и не произошло.

Прежде чем выделить основные направления, которые будут способствовать решению данной проблемы, рассмотрим основные функции, которые выполняют инновации в развитии экономики и общества:

– содействие экономическому росту страны в долгосрочной перспективе. Высокотехнологичные отрасли в настоящее время являются основной движущей силой экономического роста и позитивной динамики прочих показателей социально-экономического развития, а наука заняла лидирующее положение в структуре производительных сил наиболее развитых стран. Например, расходы на НИОКР в 2011 г. в России около 1 % ВВП, против 1,4 % ВВП в Китае, 3,2 % ВВП в США и 3,3 % ВВП в Японии[1];

– стимулирование конкуренции и повышение благосостояния организации, общества и страны в целом;

– интегрирование культур и экономик разных стран;

– рост количества и качества квалифицированных кадров, т. к. для работы на новом (инновационном) оборудовании необходимо пройти курс повышения квалификации;

– удовлетворение потребностей человека. Практическая каждая инновация, в той или иной степени способствует удовлетворению потребностей человека. Даже инновации, сделанные в рамках фундаментальных исследований, в конечно итоге найдут свое отражение в прикладных, и тем самым косвенно будут удовлетворять потребности индивида;

– решение глобальных проблем человечества (например, борьбы с опасными вирусными заболеваниями, экологическая безопасность, нехватка ресурсов). Многие из этих проблем невозможно решить без создания инновационных продуктов и методов;

– развитие человека как личности. Создание какой-либо инновации приводит индивида к осознанию своей полезности для общества, способствует повышению его самооценки. В рамках создания человекоориентированной экономики, данный факт является крайне важным [2].

Итак, мы видим, что роль инноваций в современном мире трудно переоценить, они выполняют как экономическую, так и социальную функцию и охватывают все стороны жизни общества.

Теперь рассмотрим как посредством инструментов государственного регулирования экономики возможно содействие инновационному развитию России. Возьмем, к примеру, таможенно-тарифную политику государства и выделим основные приоритетные направления совершенствования мер таможенно-тарифного регулирования:

1) Стимулирование переноса производств на территорию России путем дифференциации ставок таможенных пошлин в зависимости от глубины переработки и предназначения товаров. Дифференциация ставок таможенных пошлин в зависимости от глубины переработки товаров (минимальные пошлины на материалы, сырье, комплектующие, максимальные — на готовые изделия) создает более привлекательные условия для изготовления товаров в России по сравнению с их импортом и способствует организации (переносу) производств на территорию России.

2) Установление процедур упрощенного оформления импорта высокотехнологичного оборудования, материалов, сырья и комплектующих для производственных нужд. Данное направление предусматривает:

– переход на систему электронного декларирования, исключающую необходимость подачи таможенных документов на бумажных носителях;

– внедрение системы предварительного информирования, позволяющей декларантам отправлять сведения о товарах еще до их фактического ввоза на территорию страны. Эта процедура направлена на упрощение работы инспектора таможни, позволяет осуществлять предварительную проверку условий поставки, а также сокращает время оформления груза и делает процесс более транспарентным;

3) Улучшение качества таможенного администрирования за счет осуществления таможенного контроля на основе системы анализа и управления рисками и широкого распространения переноса осуществления контроля на этап после выпуска товаров на основе метода минимальной достаточности. Для этого требуется:

– повысить качество предоставления услуг и сократить издержки участников внешней торговли;

– упростить технологии таможенного оформления для производителей, использующих иностранные сырье и материалы, с целью сокращения издержек на логистику и хранение товаров;

Таким образом, таможенно-тарифная политика призвана стать инструментом реализации приоритетов как внешнеэкономической, так и социально-экономической политики, а успешное осуществление предложенных мер является непременным условием ускоренной модернизации высокотехнологичных отраслей российской промышленности,

укрепления конкурентных позиций компаний на внешних рынках и повышения благосостояния всего российского общества.

Литература

1. Мировые расходы на НИОКР // http://www.vesti.ru/
2. *Жданова О. А.* Роль инноваций в современной экономике // Экономика, управление, финансы: материалы междунар. заоч. иауч. конф. Пермь : Меркурий, 2011. С. 38.

М. А. Кузьменко
ЮФУ, г. Ростов-на-Дону

Состояние стагнации российского общества как малоизученный элемент современного этапа развития страны

Актуальность данной проблематики состоит в том, что в настоящий период времени российское общество находится в состоянии стагнации — застоя, отсутствия развития и движения. Для того чтобы преодолеть этот «затор» в первую очередь важно рассмотреть основные причины этого самого состояния.

Всё большее количество россиян хотят и готовы осуществить модернизацию различных областей своей жизни, сдвинуться почти, что с мертвой точки. Однако в подавляющем числе случаев их намерения и возможности блокированы целым комплексом тормозящих факторов. Например, застойные сферы жизнедеятельности [1].

Существует опасность, что происходящие в последнее время острые мировые события, в особенности на Ближнем Востоке, могут «вдохновить» россиян на подобный другим странам исход событий. На фоне бесчисленных невзгод и разочарований, накопленных за последнее десятилетие, данное предположение уже сейчас может казаться вполне реалистичным. Население страны видит, что за период новой России уровень коррупции, безработицы не снижается, а пропасть между богатыми и бедными сократилась ненамного. Уместно здесь высказывание бывшего президента СССР Михаила Горбачёва, который выразился в несвойственном

ему резком тоне: «Страна превратилась в болото застоя, апатии и коррупции. Самое опасное в этой ситуации то, что напряжение, которое накапливается внутри общества, может внезапно вырваться на улицы...» [2]. Опыт последних лет показывает, что в эпоху новых информационных технологий даже мелкий, незначительный конфликт, мелкая оплошность власти могут перерасти в волнения.

Разрыв между государством и обществом растет, что и приводит к естественной стагнации. Важно заметить, что тревога овладела и верхними слоями общества. Примером тому может служить Алексей Кудрин, бывший министр финансов, который одним из первых начал бить тревогу. По его словам: «В России явный дефицит свободы, непрозрачность выборов, порочность ручного управления. Вертикаль российской власти управляет страной по понятиям, что чревато стагнацией и сползанием в прошлое» [3].

Специалисты российской негосударственной исследовательской организации «Левада-центр» провели сравнительный анализ условий жизни и настроений россиян за последние 20 лет [4]. Россияне по-прежнему много «ворчат», много ругают власть. Российский народ, скорее пессимисты, чем оптимисты. Его не устраивает, прежде всего, медлительность реформ и несоответствие ожиданий, которые они связывали с крахом коммунизма, реальному улучшению жизни. Ежегодно миллионы россиян, которые выезжают за границу, вернувшись домой, размышляют и начинают делать сравнение. Не удивительно, что социальный оптимизм населения постоянно находится в стадии увядания.

Позитивным звонком всего этого может являться заявление президента РФ Дмитрия Медведева в октябре 2011г., в котором было сказано, что нельзя допустить стагнации или застоя в экономической и общественной жизни России [5]. Он отметил, что сейчас экспертами часто проводятся аналогии между текущей ситуацией в России и временем заката Советского Союза. Но, по его мнению, все аналогии хромают и бессмысленны, потому что народ сейчас живет в другой стране, другом мире, с другим общественным строем и другими экономическими отношениями. Между тем, Медведев полагает, что россиянам необходимо помнить все, что было в советский период.

В конце концов, можно сделать вывод, что на данный момент времени будущее России видится как бесконечная стагнация и периферийность. Но ещё не поздно что-либо изменить, необходимо лишь дать толчок в верное направление. Правильная модернизация общества, а также либерализация во власти не должны быть симулякрой — теоретической

имитацией всего происходящего. Курс на оздоровление общества не должен быть резок, но в то же время обязан быть оперативно принят на вооружение российскими властями.

Литература

1. *Лапин Н. И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. М., 2010. С. 4.
2. www.parlament-club.ru — Парламентский клуб «Российский парламентарий.
3. www.newsland.ru/news/detail/id/647636/ — Информационно-дискуссионный портал «Newsland».
4. www.levada.ru — Российская негосударственная исследовательская организация.
5. www.ria.ru/politics/20111019/464365134.html — Российское агентство международной информации «РИА».

Е. О. Кусакин

СамГУ, г. Самара

Британское общество и проблема интеграции

В континентальной Европе часто повторяют, что Великобритания опоздала на европейский «поезд», а потому потеряла возможность как-то влиять на выбор конечного пункта назначения. При этом подразумевается, что Великобритания должна в дальнейшем участвовать во всех новых европейских инициативах. Однако и британское общество, и британские лидеры были не согласны, с тем, что Британия обязана подчиняться принявшему ее ЕЭС и имели собственный взгляд на то, в каких инициативах страна будет участвовать [1]. Необходимо отметить, что Черчилль не видел Великобританию составной частью Соединенных Штатов Европы. Он представлял себе Великобританию как страну с уникальным международным положением, которое дает ей уникальные преимущества. Она находилась внутри трех взаимосвязанных орбит — Содружества, англоамериканских отношений и Европы, то есть в выигрышной позиции, для использования которой требовалась значительная свобода действий [2]. Похожую систему взглядов унаследовали Маргарет Тэтчер и ее

последователи. Такие же взгляды по вопросам интеграции были отчасти навязаны и широким кругам британской общественности. В конце 70-х годов 20 века Великобританию стали рассматривать как главного «больного» Европы. Казалось, ничто не может вернуть ей былого престижа [3].

Пятилетием ранее, в 1973 году, страна вступила в Европейское экономическое сообщество. Чтобы добиться членства в этом объединении, Великобритании пришлось согласиться на тяжелые условия. Переживаемые хозяйством страны экономические трудности были усугублены острой конкуренцией со стороны ее главных партнеров по ЕЭС. Именно с этого момента и берет свое начало мнение широких слоев общественности по вопросу интеграции. Именно с 1970-х годов Британцы получили собирательное название «неохотные» (reluctant) европейцы. Существует множество причин, почему страну считают «неохотной» участницей интеграции. Одна из них — общественное мнение. Мнение британцев по вопросу интеграции на протяжении 40 лет сильно варьировалось, от энтузиазма до открытой враждебности. Интересен тот факт, что хотя многие другие страны ЕС враждебно относятся к интеграции и порой даже намерено проваливали референдумы, слава «неохотного» европейца закрепилась именно за Британией [4]. Также важно отметить то, что британское общество является наименее информированным о различных проявлениях интеграционных процессов в их стране и остальной Европе по сравнению с жителями других европейских стран. Таким образом, в данном исследовании внимание будет уделено следующему вопросу: мнение британского общества о ЕС: причины и содержание.

Среднестатистическому британцу очень мало известно о Европе и Европейском Союзе. В британских СМИ континентальные европейцы очень часто предстают людьми недалекими и агрессивными. Например, ассоциации, возникающие при упоминании немцев связаны в основном со Второй мировой войной и финалом чемпионата мира по футболу 1966 года, в котором немцы были разгромлены англичанами [5]. Вряд ли подобные ассоциации могут способствовать установлению позитивных отношений Британии с ее континентальными соседями. Отсутствие знаний о Европе и ЕС — явление далеко не последних лет. Так, в 1971 году, перед вступлением в ЕЭС, в стране был проведен общественный опрос. Перед анкетируемыми респондентами ставился простой вопрос: «Назовите членов Общего Рынка». Несмотря на то, что большинство опрошенных верно ответили на поставленный вопрос, многие из них причислили к «Общему рынку» Норвегию, США, Израиль и даже Россию [6]. В июне 1975 года, перед национальным референдумом о присоединении к ЕЭС,

был проведен опрос по проблеме членства страны в ЕЭС. Тогда данная проблема разбила единство партий. В результате опроса, 70 % жителей Туманного Альбиона высказались за членство. Однако после референдума общественное мнение в Британии по данному вопросу сильно изменилось, что связывают с недостоверной и ограниченной информацией, которая часто появляется в британских СМИ и формирует отрицательное общественное мнение. В частности в 2002 году в «Кратком докладе о ситуации в Соединенном Королевстве» агентство Евробарометр сообщает следующее: «Британия в основном проявляет низкую заинтересованность в ЕС, чему способствуют популярные в стране телевизионные программы и пресса» [7]. Однако, несмотря на столь пессимистичный вывод, опросы Евробарометра, проводящиеся ежегодно, показывают и результаты, противоречащие данному выводу. В частности в 2002–2004 годах одинаковое число респондентов высказались и «за», и «против» членства страны в ЕС. А в 2005 году 36 % жителей высказались «за», тогда как «против» выступили только 27 %. Что еще больше усложняет ситуацию, так это то, что в 2000-е годы в стране крепнет мысль о том, что Британия в действительности не получает видимых выгод от членства в ЕС. «ЕС получает от членства Британии больше, чем получает Британия от членства в ЕС» — так думает в настоящее время около 40 % жителей страны [8]. Кроме того, в опросах чрезмерно велика доля тех, кто отвечает «не знаю» или «затрудняюсь ответить» (в среднем около 35 %). Видимо, именно в связи с такой неопределенностью британцев и считают «неохотными европейцами».

Литература

1. *Лебедев А. А.* Очерки британской внешней политики 1960–1980-х годов. М., 1988. С. 156.
2. *Роуз Н.* Черчилль. Бурная жизнь. М., 2004. С. 134.
3. *Волков Ф. Д.* Великобритания: трудные времена. М., 1977. С. 132.
4. *Wall S.* A stranger in Europe. Oxford University Press, 2008. P. 142.
5. *Robinson Ch.* Elections and voting in Britain. Edinburgh, 2005. P. 76.
6. *Szczerbiak A., Taggart P.* Opposing Europe? Oxford University Press, 2008. P. 46.
7. *Jones A.* Britain and the European Union. Edinburgh, 2007. P. 178.
8. *Giddings P., Drewry G.* Britain in the European Union. London, 2004. P. 198.

Е. Ю. Лукашова
ЮФУ, г. Ростов-на-Дону

Развитие информационного общества в России: реальная стратегия обновления?

В настоящий момент наше государство ставит перед собой достаточно масштабные цели: построение инновационной экономики, модернизация промышленности, развитие отечественного автопрома, превращение Москвы в международный финансовый центр, формирование электронного правительства… Однако для полноценной реализации данных преобразований необходимы изменения не только в данных сферах, но и в самом обществе. Следует также отметить, что вышеупомянутые задачи предполагают активное развитие информационных технологий в России.

Общество играет большую роль в данном процессе: будь то экономическая реформа на уровне страны или реализация муниципальной программы в небольшом поселении. На мой взгляд, именно от общества зависит качество проводимых преобразований, степень их охвата, варианты дальнейшего развития. Соответственно, при внедрении каких-то новых идей, необходима реализация стратегий обновления самого общества, которые позволят населению осознать получаемые преимущества, адаптироваться к изменениям, усилить эффект от проводимых мероприятий.

В данный момент, одной из приоритетных задач, государство ставит популяризацию и развитие информационных технологий в нашей стране, их качественное использование в различных отраслях народного хозяйства, бизнеса, образования, сектора государственных услуг. Безусловно, такая задача требует непосредственного вовлечения и участия населения в данном процессе.

В качестве стратегии обновления общества принята «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации до 2015 года». Данная стратегия представляет собой государственный документ, детально определяющий систему мер по ускоренному продвижению к развитому информационному обществу [1].

Разработанные мероприятия направлены на развитие информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ) в различных сферах: здравоохранении, образовании и науке, безопасности населения.

На мой взгляд, целевые ориентиры данной стратегии весьма амбициозны. Например, доступ к открытым государственным информационным ресурсам, размещаемым в системе Интернет — не менее 80 % населенных пунктов; а обеспеченность рынка труда специалистами по информационной безопасности — 100 % [2]. Сроки реализации Стратегии ограничиваются 2015 годом, однако со времени начала ее воплощения прошло три года, и за данный отрезок времени можно уже оценить ее эффективность. Безусловно, формируются положительные сдвиги в развитии информационного общества. Так, создан сайт «Единый портал государственных услуг», где население в режиме реального времени может воспользоваться необходимой услугой, во избежание очередей и бумажной волокиты: оформить загранпаспорт или оплатить штраф ГИБДД. В некоторых регионах, таких как Владимирская, Кировская области, доля общеобразовательных учреждений региона, использующих пакет свободного программного обеспечения не менее чем на 50 % имеющихся персональных компьютеров, к концу 2011 года составила 35 % [3], что соответствует показателю национального плана.

Однако, официальные эксперты и независимые аналитики делают вывод, что существующие темпы развития ИКТ в нашей стране не позволят достичь заявленных целей Стратегии. Так, после трех лет ее реализации по индексу готовности к сетевому обществу Россия не только не поднялась, но и опустилась — с 69-й на 74-ю позицию [4]. А по результатам опроса Фонда «Общественное мнение», 35 % граждан не хотят пользоваться услугами госсервиса в интернете, в то время как другие 28 % и вовсе затрудняются ответить [5].

На мой взгляд, главной проблемой при формировании информационного общества и реализации данной стратегии является асимметрия спроса и предложения. По сути, наблюдается несформированная потребность человека быть членом этого информационного общества. Государство предлагает удобные электронные услуги, но часть населения часто не осознает получаемых выгод и просто не представляет, как ими воспользоваться. Существует так называемый «цифровой разрыв» в ментальности, не только в технических средствах. Отмечено, что в группу риска попадают люди возрастной группы 40, которые оказались за границами государственных программ обучения основам работы на компьютере и в сети Интернет [6].

С моей точки зрения, необходима соответствующая система обучения первичным навыкам электронной коммуникации и активная пропаганда со стороны государства. Ведь именно четкое осознание гражданами

тех преимуществ, которые можно получить при использовании ИКТ, позволит увеличить спрос, развить информационное общество. Зачастую мы теряем наши доходы при покупке дорогостоящих товаров в магазинах, в то время как нам доступны Интернет-магазины с доставкой на дом по более низким ценам. Активная пропаганда того, что использование ИКТ поможет существенно снизить не только время, но и затраты, является весомым аргументом для обучения необходимым навыкам. Я думаю, что эффективным инструментом в популяризации данной идеи может служить социальный маркетинг, в частности социальная реклама. Яркие образы, легкая художественная форма способны донести до подсознания гораздо больший смысл и привлечь внимание общества к существующей проблеме.

Таким образом, Стратегия развития информационного общества может стать реальной стратегией обновления при правильном представлении и привлечению граждан к электронному пространству. Результативность данной Стратегии — в дальнейших действиях государства и самого общества.

Литература

1. Официальный сайт «Российской Газеты» — www.rg.ru
2. Официальный сайт экспертно-консультативной группы Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества в РФ — www.infosovet.ru/actionplan
3. Отчет о ходе выполнения плана реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации до 2015 года — http://www.kist.avo.ru/
4. *Родионов Д. М.* Информационное общество в России построят не скоро. «Экономика и жизнь», № 25 (9391). М., 2011. С. 7.
5. Официальный сайт Фонда Общественное Мнение — www.fom.ru
6. Федеральный портал городов России- www.protown.ru

А. В. Мальцева
ТвГУ, г. Тверь

Инновационное развитие как часть стратегии обновления экономики РФ

Тема работы становится особенно актуальной в кризисный и посткризисный периоды. Ни для кого не секрет, что в современном мире наука стала одним из важнейших инструментов обеспечения поступательного экономического развития. Это связано с усиливающейся зависимостью между умением создавать и внедрять в производство результаты интеллектуальной деятельности и конкурентоспособностью как государств, так и конкретных предприятий. Важно заметить, что в настоящее время наука постепенно превращается «...в специфическую сферу товарного производства, которая производит очень дорогостоящий товар — объекты интеллектуальной собственности (ОИС)...» [3].

Существуют два основных концептуальных сценария долгосрочного развития экономики России — это инерционный и инновационно-прорывной пути развития. Первый предполагает сохранение сырьевой ориентации экономики с постепенным истощением ресурсов, слабый внутренний рынок и инвестиции в единичные крупные проекты. Это курс «на удержание позиций», и, по моему мнению, этот тупиковый путь. К чему он может привести? Исчезновение некоторых видов ресурсов, банкротство предприятий и увеличение безработицы в стране, рост уровня социальной напряженности — это лишь самые очевидные последствия осуществления инерционного сценария. Поэтому у нас не может быть другого пути, кроме перехода с инерционного на инновационное развитие. Последнее имеет свои преимущества как на макро-, так и на микроуровне. Основной акцент в модели инновационно-прорывного развития ставится на увеличение доли инновационно-инвестиционного сектора, на развитие нанотехнологий, ослабление сырьевой ориентации экономики страны, создание Национальной Инновационной Системы (НИС). Способность генерировать и внедрять достижения научно-технического прогресса ведет к повышению уровня и качества жизни населения, эффективной модернизации социально-экономической сферы и укреплению позиций России на международной арене. «Сущность пускового механизма возрождения и выхода из кризиса заключается в поддержке

научных исследований и инноваций, создающих новые ресурсосберегающие технологии и новые виды продукции» [4].

Считается, что каждое новое поколение инноваций расширяет область своего влияния в социальной сфере. Социальная значимость и полезность инноваций четко видна в осуществлении ими следующих функций:

а) Повышение качества произведенных продуктов ведет к росту уровня производства и потребления и способствует повышению качества жизни.

б) Почти все изобретения направлены на снижение затрат энергии и живого труда, повышение эффективности производства.

в) Так как инновации совершенствуют потребление и уменьшают затраты, их использование будет способствовать поддержанию пропорций между спросом и предложением.

г) Кроме того, и в ходе разработки, и в процессе использования инноваций идет процесс развития человека, совершенствование его интеллектуальных и творческих способностей.

В последние годы стало популярным выражение «социальная инновация». Этот термин подчеркивает аспект духовного творчества в научной и умственной деятельности. Я понимаю инновации как категорию более широкую, нежели просто внедренная научно-техническая разработка. Это понятие включает в себя и мотивацию трудовой деятельности, и образы мышления и поведения, и способы взаимоотношений и взаимодействия людей. Таким образом, социальные инновации могут рассматриваться как применение творческого типа мышления и стиля жизни. Они нацелены на гармоничное интеллектуальное и духовное развитие личности и общества, сбережение и эффективное использование человеческого капитала. Вопросы, связанные с социальными инновациями рассматривают О. А. Дворянкин, Е. С. Никитина [1].

Но что же мешает России стать инновационной страной?

1. Одним из главных факторов является невероятно высокая степень монополизации экономики и баснословные нормы прибыли, к которым привыкли отечественные компании. При таких доходах у бизнеса нет стимула для инновационного развития.

2. Еще одним камнем преткновения на пути инновационного развития является отсутствие нормативно-правового регулирования этой сферы. Многие вопросы регулирования патентования идей, интеллектуальной собственности, венчурного предпринимательства и других сфер инновационной деятельности пока находятся в стадии разработки.

3. Отдельно хочется подчеркнуть тяжесть налогового бремени для малого и среднего бизнеса, способного стать двигателем венчурного производства и сыграть ключевую роль в инновационном развитии страны. «Налоговое стимулирование научно-технической и внедренческой деятельности компаний признается одним из главных условий формирования эффективной инновационной среды». [2]

4. Кроме того, есть часть сложностей и рисков, обусловленных особенностями самого инновационного развития. Это фактор времени, ресурсные ограничения и инновационные риски.

Литература

1. *Дворянкин О. А., Никитина Е. С.* Экономическая культура личности как фактор осознанного отношения к интеллектуальной собственности//Культура: управление, экономика, право. 2007. № 1.
2. *Зобнина С. В., Балта Е. Ю.* Налоговые льготы и преференции в сфере инновационной деятельности // Налоговый вестник. 2010. № 6.
3. *Колотухин В. А.* Материалы международного форума «Инновационные технологии и системы». Минск : ГУ «БелИСА», 2006.
4. *Никулина О. В.* Перспективы развития деятельности современных предприятий в условиях инновационной экономики // Финансы и кредит. 2009. № 37.

Л. Н. Мифтахова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Актуальные вопросы перехода современной России на инновационный путь развития

Многовековой опыт и научное знание подтверждают идею о том, что общество никогда не стоит на месте: рост, изменение и развитие является неотъемлемой частью всего живого. Более того, всю богатую историю человечества в целом можно охарактеризовать как поступательное эволюционное движение, как постоянный переход от одних форм цивилизации к другим через преодоление определенных стадий и циклов развития.

В настоящие момент мы имеем возможность наблюдать особенную ситуацию: период конца XX века и перехода к новому тысячелетию

совпал с процессом замены одной стадии циклического развития общества и составляющих его элементов, то есть цивилизации в целом, другой, принципиально новой и более прогрессивной.

Так, на грани веков происходит глобальный кризис индустриальной цивилизации, охватывающий все уровни общественного существования: человека с его потребностями, способностями, знаниями и умениями; технологический способ производства; общественно-экономические отношения вокруг собственности, распределения и обмена; национальные, политические и правовые отношения; мир духовных ценностей в науке, образовании, культуре и идеологии.

Таким образом, индустриальное общество уходит на задний план, уступая место постиндустриальному или же так называемому пятому технологическому укладу, что соответствует методологии Н. Д. Кондратьева [1] и Й. Шумпетера [2]. В пятом технологическом укладе знания и информация являются главным производственным ресурсом, а экономическое развитие осуществляется путем научно-технической революции и перехода к инновационной по своей сути экономике знания.

В этой связи, на протяжении двух последних десятилетий в развитых, преимущественно западных странах, можно наблюдать процесс перехода на инновационный путь развития не только экономики, но и всех остальных сфер жизни общества. Выражается это, прежде всего, в том, что происходит интенсивное развитие инновационной сферы и активизация новаторской деятельности, рост удельного веса научно-технической и инновационной деятельности, информационного и интеллектуального продукта в экономике.

Данные тенденции сказываются не только на отдельных государствах, но и на мировых геополитических процессах: информационное пространство постепенно становится доминирующим среди остальных видов геополитического пространства. Следовательно, инновации стали считаться таким же богатством страны, как и её полезные ископаемые, производственные мощности и военный потенциал.

Если в отношении последних показателей у России не имеется серьезных проблем, что позволяло нашей стране долгое время занимать лидирующее положение в мировой политике, то в отношении потенциала информационного пространства мы значительно уступаем развитым зарубежным странам. Поэтому проблема конкурентоспособности нашей страны на мировой арене является одной из первых причин обращения к процессам инновационного развития в современной России.

Переход экономики России на путь инновационного развития становится также актуальным в связи с изменившимся в последние десятилетия характером экономических процессов. Произошла качественная перестройка экономической системы в целом в связи с осуществлением рыночных преобразований, экономической интеграцией в мировое сообщество, трансформацией мировой экономической и политической системы в направление возрастания роли знаний и информации, усиления взаимосвязи между рынками капитала и новыми технологиями.

Однако необходимо учитывать специфику российской экономической и политической системы, которые самопроизвольно устанавливает определенные препятствия на пути инновационного развития. Среди таких препятствий отметим следующие:

Во-первых, доминирование экстенсивных форм воспроизводства и сохраняющаяся ориентация на сырьевое развитие экономики.

Во-вторых, неоформленность важнейших экономических институтов и акторов необходимых для рыночного хозяйства, и, как следствие, отсутствие независимых от государства субъектов, которые могли бы инициировать процесс инновационного развития.

В-третьих, излишняя бюрократизация государственного аппарата и сохранение административных барьеров.

В-четвертых, значительный уровень дифференциации регионов России по показателям социально-экономического развития и по структуре хозяйственной деятельности.

В связи с вышесказанным, на наш взгляд, в современных российских социально-экономических и политических условия, без формирования в Российской Федерации единой и комплексной государственной инновационной политики, механизмов её реализации и законодательной основы, эффективное использование инновационного и научно-технического потенциала в интересах России представляется невозможным, соответственно, осложняются инновационные процессы внутри страны.

Литература

1. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. — М. : Экономика, 2002. С 247.
2. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2007. С. 318.

М. Л. Михайлов
СамГУ, г. Самара

Соотношение общественного развития и правового регулирования: электронное правосудие

Наше общество живет в эпоху высоких технологий и технического прогресса, который диктует свои правила, а результаты и достижения данных явлений и процессов находят применение практически во всех сферах жизни человека.

Новое и технологичное позволяют человеку совершенствовать и улучшать свою деятельность, делать ее проще и эффективнее, при этом экономя различного рода средства (экономические, энергетические, временные и др.). Такие явления как Интернет, электронный документооборот, не говоря уже о компьютере, прочно и массово закрепились в жизни человечества. Последствием технического прогресса и внедрения всего нового и технологичного в жизнь человека является эволюция существующих общественных отношений, а также зарождение новых, не существовавших ранее отношений (например, информационных). Законодателю соответственно в связи с такими процессами необходимо совершенствовать, модернизировать и принимать новые нормы права для должного регулирования общественных отношений, устранять пробелы, охранять и защищать права и законные интересы лиц, в том числе взаимодействующих посредством таких новых отношений.

За последние два десятка лет стоимость компьютеров, иных электронных устройств и услуг связи сократилась в десятки раз, что способствовало их массовому распространению. Такие операции как поиск, сбор, обработка, хранение и распространение информации в электронном виде осуществляются быстрее, эффективнее, обходятся значительно дешевле, чем те же манипуляции с информацией, которая хранится на бумажном носителе.

В последнее время в России прослеживается тенденция к внедрению новых информационных технологий в деятельность судов, в том числе путем предоставления возможности участникам процесса в полной мере использовать электронные средства связи. Новые цифровые технологии фактически стирают все границы взаимодействия между людьми, давая возможность мгновенно обмениваться информацией на любом расстоянии.

Сегодня в системе арбитражных судов активно используются различные электронные ресурсы, объединенные общим понятием «электронное правосудие». Вообще идея «электронного правосудия» возникла в 2005 году как общий контур возможных перемен в судебной системе РФ. Под этим понимают целый ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о деятельности судов, систем автоматизации судопроизводства, систем обмена данными между судами, электронные библиотеки судебной практики, а также использование технических средств при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Электронное правосудие в первую очередь предназначено для удобства участников процесса: экономии времени, сокращения их расходов (почтовых, на проезд, проживание, и т. д.), связанных с рассмотрением и разрешением дела.

Кроме этого, внедрение электронного судопроизводства является средством для обеспечения открытого и доступного правосудия, уменьшения сроков рассмотрения и разрешения дела и повышения качества судебных актов. Все это должно увеличить доверие к судебной системе и поднять авторитет судебной власти.

Электронная подача в суд документов — это альтернатива традиционной почте. Процесс подачи документов таким образом довольно прост. Лицо, подающее документы, регистрируется в системе и создает личный кабинет, через который будут осуществляться все дальнейшие действия. Далее пользователь вводит необходимую информацию о себе, выбирает необходимый ему раздел, загружает файлы (отсканированные документы) и отправляет их в суд.

Появление в судопроизводстве такого элемента электронного правосудия как видео-конференц-связь в целях организации взаимодействия между судом и лицами, участвующими в деле, учитывая размеры нашей страны, упрощает без труда и затрат участие в судебном заседании. То есть уже сегодня при помощи видео-конференц-связи суд может заслушать объяснения лиц, участвующих в деле, свидетельские показания, пояснения эксперта по его заключению и ответы на дополнительные вопросы.

Помимо этого, наряду с ведением письменного протокола вводится еще одна форма процессуального закрепления, происходящего в судебном заседании: протоколирование, осуществляемое путем аудиозаписи, материальный носитель которой приобщается к материалам дела и копию которого сторона может получить в любое время. Ведение обязательного аудиопротоколирования в судебном заседании является мерой,

направленной иа обеспечеиие объективиости и прозрачиости поведения сторои в процессе.

Таким образом, в эпоху стремительиого развития иифориацнонных технологий и их виедреиия в различные сферы жизиедеятельиости человека меняются привычиые способы храиеиия и обмеиа иифорнацией. Судебиая власть переходит к иовому формату работы, предполагающему широкое использование иифорнационных техиологий как внутри системы, так и гражданами, обращающимися в суд.

Виедрение электрониого документооборота, информационных Интериет-ресурсов, аудиопротоколирования в судебиый процесс иеобходимо не только для сокращения временных и материальиых издержек в судопроизводстве, но и в целях обеспечеиия открытости, прозрачности и доступности правосудия, повышеиия эффективиости работы судебных оргаиов и качества судебиых актов.

Ю. В. Мишуткина
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Положение о коммерческой тайне предприятия как основной источник сведений о регулировании правоотношений в области защиты коммерчески значимой информации на локальном уровне: проблемы составления и использования

80-е гг. XX века стали настоящей иифориациоииой революцией в отечественном источииковедении: И. Д. Ковальченко в своей работе «Методы исторического исследования» [1] особое виимаиие уделил информационной теории источника. Согласио этой теории, определение источиику (в том числе и историческому) давалось через понятие «информация», и источник тогда становился уже ие просто источником информации, ио и одиовремеино носителем, и каналом передачи этой иифориации. Поэтому перед исследователями до сих пор стоит проблема, как грамотно использовать эти три составляющих определения источника и максимизировать не только количество извлекаемой из

источника информации, ио и повысить качество передачи информации, содержащейся в нем, от одного человека к другому. Последняя проблема особеино остро встает в управленческой иауке, ведь ии для кого не секрет, что управление в организации осуществляется через особую систему источиков — локальных иормативиых актов, одним из которых и является Положение о коммерческой тайне предприятия.

Таким образом, именно этот факт и определяет особую значимость проблем, связанных ие только с составлением, ио и с применением на практике такого важного локального нормативного акта, как Положение о коммерческой тайне предприятия. Ведь основной причиной того, что пока иа российских предприятиях этот документ носит формальный характер, является именно проблема грамотного его составления, т. е. процесса, с которого и начинается передача информации от составителя самого Положения до исполнителей этого документа.

Решение обозначенной выше проблемы можно начать применения некоторых составляющих источниковедческого анализа, например, взяв за осиову типовое Положение о коммерческой тайие предприятия, мы изучим его отдельиые составляющие и на основе этого выделим основные этапы его составлеиия:

1. На первом этапе иеобходимо определить, какие сведения являются коммерческой тайной предприятия. Перечень сведений определяется самой организацией и не должен содержать сведеиий, названных в статье 4 ФЗ «Коммерческой тайие» [2] (например, информация об условиях труда в даииой организации). В Перечне должны быть перечислены категории сведений, имеющих особую ценность для деятельности оргаиизации с разбивкой по сферам обращения и, соответственно, по структурным подразделениям.

2. Определить правила и процедуру присвоения документам грифа «Коммерческая тайна». Согласно ст. 4 ФЗ «О коммерческой тайне» [3] только закониый владелец может присвоить своей информации статус коммерческой тайны. Таким образом, только генеральный директор компании может утвердить и Перечеиь, и процедуру присвоеиия документам грифа «Коммерческая тайна».

3. Определить процедуры доступа работников предприятия к подобным документам. На данном этапе необходимо составить Перечень должностей работников, имеющих доступ к коммерческой тайне. При этом учитывается трудовая функция по данной должности и сведения, которыми обладает работник именно в соответствии с выполнением своей трудовой функции.

4. Определить обязанности и ограничения, налагаемые на сотрудников, допущенных к коммерческой тайне предприятия. Они ни в коем случае не должны снижать уровень прав и гарантий работников, установленных для них трудовым законодательством

5. Установить порядок и условия передачи сведений, составляющих коммерческую тайну данного предприятия (далее — Сведения), иным лицам. Необходимы только в том случае, если возникла потребность в передаче подобных сведений за пределы компании.

6. Установить принципы организации и проведения контроля за обеспечением сохранности Сведений.

7. Установить ответственность за разглашение Сведений. Этот этап — одна из самых «опасных зон» всего Положения. В трудовом праве к работникам применяются, в основном, два вида ответственности — дисциплинарная и материальная. Ни локальный акт о труде, ни индивидуальная договоренность с работником не могут расширить виды и пределы ответственности, установленной федеральным законодательством. Поэтому представляется правильной использование в Положении такой формулировки, как «в соответствии с законодательством РФ».

Таким образом, соблюдая представленный выше порядок создания Положение о коммерческой тайне предприятия, мы обеспечим этому источнику необходимую степень как полноты, так и достоверности, что не только представляет безусловную ценность для источниковедческой науки, но и является важным для повышения качества управления нематериальными активами предприятия.

Литература

1. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003.
2. О коммерческой тайне: закон Рос. Федерации от 29 июля 2004 года № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. С. 5.
3. Там же.

Я. С. Нагайцева
СамГУ, г.Самара

Дезинтеграция как ключевая характеристика ситуации в ЮАР

С веками Южно-Африканская Республика заработала свой титул «сокровищницы алмазов», и в контексте политологического и исторического исследования она могла бы выступить в роли «сокровища» ничуть не хуже натуральных ископаемых. Многогранная неразрешимость проблем и конфликтов на краю африканского континента раскрывается в теме глобальной иищеты и прав человека, гуманитарного вмешательства и международной политической и внутригосударственной законности, этического вопроса права наций и народностей на самоопределение.

Масштаб проблемы, казалось бы, очерчен, но поиск решеиия по всем этим вопросам необходимо разделить на несколько отдельных тем, каждая из которых должна будет пройти через множество этапов исследования в поиске решения.

В данной работе ключевым вопросом станет проблема населения Южной Африки: ассимиляция, сегрегация, апартеид и основания для иего, социальная дифференциация, иационалистические концепции, а также анализ современной ситуации с дальнейшим прогнозом.

Мыс Доброй иадежды, само расположение юга Африки подразумевало концентрацию здесь множества людей самых различных рас и иародов. И их взаимодействие и кристаллизация нынешней формы взаимоотношений следовала по сложному пути развития — от колоииальиой системы принадлежности британской короне с XVII века до статуса иезависимого домииона Англии с принятием собственной коиституции в иачале XX века. Далее ситуация благоприятствовала созданию особого политического курса, который позволил белому меньшинству контролировать добычу природных ресурсов, обладая при этом безоговорочными экономическими и политическими преимуществами над кореиным населением. Принцип территориальной сегрегации лег в основу перераспределения земли между европейцами и так называемыми туземными расами. Затем, рядом последовательных законодательных актов, общество Южно-Африканского союза постепеиио подошло к воплощению идеи сегрегации. Далее уже после прихода к власти в 1948 г. перед Национальиой партией встала задача укреплеиия коитроля над экономической

и социальной системой. Стратеги Национальной партии разработали политику апартеида — преднамеренную институционализацию и расширение существующего дискриминационного расового законодательства. Апартеид явился формой расизма, пропагандирующей расовое неравенство. Произошедшие изменения в государственном устройстве породили немалую рефлексию.

С падением режима апартеида ЮАР должна была наполниться новыми веяниями толерантности, демократии и мирного сосуществования. Однако существующая сегодня реальность требует иной формы самовыражения. Постепенно все более конкретные очертания приобретает идея нового режима — «черного апартеида».

Последнее десятилетие в ЮАР доля белого населения в целом уменьшается, после насильственной передачи земли в руки коренного населения белые спасают себя сами, например, уезжая в Австралию, Новую Зеландию или Великобританию. Однако по официальным данным именно белый диктат в ЮАР был насилием, а переход к демократическому правлению с самым активным участием черного большинства проведен мирным бескровным путем. Но за период с 1997 по 2007 год было убито 1248 белых фермеров и наемных сельхозработников, по данным «Африканерского движения сопротивления» за последние 14 лет были убиты более 3 тысяч фермеров, что составляет, в среднем, по одному мертвому белому фермеру в день. В 2010 году южноафриканский суд запретил популярную в начале 1990-х годов песню, в которой есть строка со словами «Убей бура» (белого фермера) [1]. Отмечались случаи предоставления статуса беженца белым южноафриканцам, покинувшим ЮАР по причине преступности направленной против белых и дискриминации. В 2010 году Д-р Дан Роодт, профессор литературы, лидер группы действий в поддержку африканеров в ЮАР описал ситуацию, как катастрофическую [2], белые граждане ЮАР считают себя отверженными и отмечают резкое снижение уровня жизни белого меньшинства в ЮАР в 2010 году.

Таким образом, не представляется возможным говорить о конце эпохи апартеида и вступлении республики на путь демократических реформ и преобразований. Проблематика сосуществования, отнюдь не мирного, не раскрыта до такой степени, чтобы можно было найти решение. Однако чем больше мы задумываемся над этим, чем чаще вопрос ЮАР будет затрагиваться в структурах властных и надгосударственных, тем скорее будет достигнут тот этап, когда можно будет выводить ситуацию из кризиса.

Примечания

1. «Суд ЮАР запретил песню борцов с апартеидом… за расизм» «Русская служба Би-би-си» от 27 марта 2010 «За фразу “Убей бура, убей фермера” Малему обвинили в призывах к насилию и разжигании расовой ненависти».

2. Апартеид по-черному // Русский репортер. 2010. № 42 (170), 26 окт. 2010.

3. Социальные конфликты в Черной Африке эпохи независимости: пересмотр понятий расы и «статусной группы», И. Валлерстайн. *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности. М. : Логос-Альтера, Ecce Homo, 2003.

4. *Шипилов А. В.* «Свои», «Чужие» и Другие. М. : Прогресс-Традиция, 2008.

В. А. Останина

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Зависть как катализатор инноваций и модернизаций в обществе

Общепринято мнение о том, что зависть — одно из самых худших чувств, которое может испытывать человек. В христианской традиции зависть считается одним из семи смертных грехов человека, такая позиция обосновывается в первую очередь тем, что первое убийство на земле (сюжет из Ветхого Завета о Каине и Авеле) произошло из-за зависти.

Также зависть получила подробное описание во многих философских трудах, посвященных этическим проблемам. Рене Декарт, Френсис Бэкон, Барух Спиноза писали о зависти как об «аффекте», «страсти души», которой подвержены все люди и которую можно преодолеть путем рефлексии. Более поздние философы (Шопенгауэр, Ницше, Кьеркегор) также уделяли зависти большое внимание, давая каждый свою трактовку, которая, тем не менее, у всех сводилась к одной общей идее: зависть — чувство обиды и неприязни к другому, вызванное созерцанием его превосходства[1].

Пожалуй, одним из первых философов, указавшим на социально-политическую роль зависти в жизни общества, был Николо Макиавелли. Зная кто, как и почему завидует, можно управлять человеком. Тем, кто возвысился, следует быть осторожными, так как всегда найдутся завистники, способные разрушить видимое благополучие. Фридрих Ницше также рассмотрел роль зависти в истории и культуре, но через призму понятия «рессентимент». Рессентимент — проистекающая из чувства собственной неполноценности у слабых и ординарных людей бессильная ненависть к благородным и превосходным. На основе этого феномена формируется так называемая «мораль рабов», религия, некоторые законы и т. д. [2].

Гельмут Шек в своей книге «Зависть» продолжает рассуждение о роли зависти в социальных процессах. Ссылаясь на другого исследователя — Г. Г. Барнета, автор указывает на еще одну принципиальную роль зависти: она является мощным катализатором, фактором модернизации в обществе.

Рассматривая в качестве антропологического материала обычаи и историю различных племен, автор отмечает, что «Индивиды с особенно неудачными личными обстоятельствами — полукровки, сироты, незаконнорожденные, неприкасаемые и седьмой сын седьмого сына — могут служить для кристаллизации недовольства более широкой группы или класса» [3]. То есть, это люди, с самого раннего детства чувствующие свою ущемленность, дискриминацию по отношению к ссбе.

Они могут либо смириться со своей участью и жить по специальным правилам, которые были сформулированы данным типом общества (например, жить в гетто, носить только определенную одежду и т. д.), либо продолжать негативно относиться к своей роли, то есть, испытывать зависть к более удачным членам общества. При этом они также могут жить, не нарушая правил, но при этом страстно желать выйти из предназначенной им ниши, то есть, реализовать свой рессентимент. Ясно, что кто-то может стремиться к этому больше, кто-то — меньше, в зависимости от типа личности, способностей.

Здесь возможно два варианта: если общество подразумевает социальную мобильность, то индивид теоретически может подняться на ту ступень общественной иерархии, на которую желает. Если же общество характеризуется низкой социальной мобильностью, то оно провоцирует на все возрастающее и накапливающееся чувство зависти в массах, которое при определенных условиях может перерасти в бунт, революцию,

целью которых является не только получение каких-либо ресурсов, но и созерцание падения объектов зависти, более удачливых в прошлом.

Завидующий индивид часто готов к рискованным поступкам, к переменам, так как ему меньше терять, чем человеку, находящемуся в более благоприятных условиях: «...поскольку ни одна культурная традиция не в состоянии одновременно и равным образом удовлетворить всех и поскольку в каждой группе всегда есть несколько человек, чья зависть выше средней, то в каждом обществе всегда будет несколько потенциальных мятежников, обеспечивающих возможность для инноваций» [4].

Завидующий, с нереализованным рессентиментом человек легче нарушает правила, именно он является маргиналом в обществе. При определенном стечении обстоятельств он действительно приносит обновление обществу, так как действует в роли новатора, игнорируя традиции, спровоцировавшие его на чувство зависти, неудовлетворенности. Если привнесенное им изменение действительно актуально, полезно, на него может возникнуть мода, его начинают перенимать и другие члены общества.

Таким образом, можно сказать, что завистливый человек может выполнять роль «проводника» инноваций в обществе, его модернизатором. С одной стороны, это могут быть точечные инновации (изобретения, что-то привнесенное из другой культуры, инструменты, алгоритмы решения какой-либо задачи и т. д.), с другой стороны при высоком социальном напряжении зависть может стать основным двигателем бунтов, революций, провоцирующих полную модернизацию общества.

Остается добавить, что в обществе с большей социальной мобильностью у человека больше шансов конструктивно реализовать зависть как рессентимент: это могут быть предприниматели, лидеры, новаторы, карьеристы. У такого типа людей есть стимул добиваться высоких результатов, так как это возможность подняться выше в системе социальной стратификации.

Литература

1. *Шек Г.* Зависть. М. : Ирисэн, 2010. С. 30.
2. *Ницше Фридрих.* К генеалогии морали // Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука-классика, 2010. 1056 с.
3. *Шек Г.* Зависть. М. : Ирисэн, 2010. С. 481.
4. Там же. С. 482.

Р. В. Петров
ЮФУ, г. Ростов-на-Дону

Обновление мировых социокультурных стратегий

В настоящее время особенно остро стоит проблема взаимодействия разных культурных традиций в национальных рамках. Объект исследования — социо-культурное пространство. Предмет — модели интеграции иммигрантов и стратегии сохранения национальной идентичности. Цель — анализ мировых социо-культурных моделей и перспектив их развития в условиях культурного и национального многообразия.

Социальная стабильность современного общества связана с таким направлением развития, которое характеризуется прогрессивными изменениями отдельных социальных сообществ, переходом от менее совершенного состояния к более совершенному. Как известно, отсутствие возможности удовлетворения имеющихся потребностей и развития новых интересов и ценностей приводит к регрессу, упадку, стагнации.

Социокультурная ценность мира — одна из важнейших характеристик современности, обеспечивающая общепланетарное единство, которое становится основой структурных изменений, происходящих в обществе. Это способствует формированию единого мира глобального сообщества, в результате происходит экспансия западной модели рынка и порождаемых ею культурных и эпистемологических паттернов и механизмов на остальной мир. Социо-культурные реалии связаны с социально-экономическими и политическими предпосылками, они могут ускорять социально-экономические преобразования и тормозить их.

Одна из главных проблем — включение в систему глобального мирового рынка человека, кризис идентичности, утрата культурных национальных традиций, которые ведут к маргинализации личности. В культурной глобализации нельзя избежать стремительно усиливающегося влияния интегративного фактора, следует сохранить определяющее лицо нации и, таким образом, культурное многообразие [2]. В рамках доминирующей национальной культуры культурная монолитность и иерархия ценностей заменялась культурным многообразием, т. е. происходило расширение общепринятого канона. Существуют различные варианты реакции на культурное многообразие: мультикультурализм, ассимиляция, «плавильный котел», апартеид.

Ассимиляция предполагает, что иммигранты утрачивают свои обычаи и изменяют поведение, базируясь на ценностях и нормах коренного населения.

«Плавильный котел» выражает идею о том, что этнические различия могут комбинироваться, создавая новые правила поведения и обычаи, в основе которых лежат разные культурные источники. При этом обычаи «пришлых» не растворяются среди ценностей коренного населения, в результате происходит формирование новой культуры.

Одним из характерных социо-культурных и политических практик современного общества является мультикультурализм. Он рассматривается как гетерогенность современного общества, а вместе с тем, как мультисоставность и множественность существующих в нем идентичностей [3]. В отличие от модели «плавильного котла» мультикультурализм защищает права этнических и конфессиональных общин, а не индивидуальные права граждан. Он используется для характеристики сосуществования на едином культурном пространстве разнородных плюральных групп, ратует за плюралистическое общество, когда все субкультуры имеют равное значение в контексте национальной культуры.

Долгое время британская политика считалась одним из наиболее успешных проектов адаптации граждан из бывших колоний, а толерантность была гордостью британцев. Беспорядки в Лондоне и других городах в августе 2011 г. и все более усиливающиеся противоречия, возникающие в обществе, доказали несостоятельность мультикультурной политики.

Приток иммигрантов в Соединенное Королевство на протяжении последних десяти лет превышает 500 тыс. чел. в год. В 2010 г. их число составило 591 тыс. чел., а чистая миграция (разница между числом приехавших и уехавших) достигла рекордного уровня в 252 тыс. чел. [8].

По словам Д. Кэмерона, «толерантность, невмешательство в дела тех, кто отвергает западные ценности, не оправдали себя. Необходимо перейти к «мускулистому либерализму», когда национальная идентичность формируется за счет демократии, равных прав, главенства закона и свободы слова» [7].

Проблема иммиграции приобретает политический характер. За сохранение британской культуры выступают 42 % граждан, за сохранение своей идентичности — 37 % [4]. Приверженцы мультикультурализма — лишь 8 % населения, что говорит о том, что эта модель уже не является рабочей. Ее сохранение грозит глобальными социальными

потрясениями, так как напряженные отношения могут вылиться в межэтнические конфликты.

Итак, мультикультурализм изжил себя. Эксперты разрабатывают новые концепции интеграции иммигрантов. Современному обществу требуется политически устанавливаемый «modus vivendi», баланс различных сил. Это путь интеграции трех моделей: ассимиляции, культурного плюрализма и «плавильного котла», с ярко выраженными тенденциями плюрализма.

Происходящее разрушение принципа территориальности обуславливает распад механизмов дистанцирования жизненного пространства личности и социально-культурного пространства, что приводит к децентрализации культурного пространства [6]. В социуме возникает проблема личности, соотношения ее и общества, сохранения и развития культурного своеобразия отдельного народа [5]. Это естественный процесс, он происходит в едином и одновременно многообразном мире в целом.

Предстоит найти альтернативу не оправдавшей себя стратегии, обновить ее. От этого зависит стабильность и благополучие во всем мире. Упрочение транснационального социального пространства знаменует собой переход к более гуманному обществу, где самостоятельности, многообразию самовыражения личности предоставляется гораздо больший простор.

Литература

1. *Кумлиска В.* Политика на местном языке: национализм, мультикультурализм, и гражданство // Оксфорд : Оксфорд Юниверсити Пресс, 2001.
2. *Бобкова М.* Межкультурный диалог в историческом контексте // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 93–94.
3. Диалоги об идентичности и мультикультурализме / под ред. Елены Филипповой и Ронана Ле Коадика. М., 2005. С. 114.
4. *Лоулес Н., Пейнтер А.* Новая политика идентичности // — Лондон : Сёрчлайт Эдьюкейшенал Траст Прожект. 2011 // URL: http://www.fearandhope.org.uk/project-report/ Дата обращения (14.02.2012).
5. *Бенхабиб С.* Притязания культуры (The Claims of Culture): Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 74.
6. *Лукин В. Н.* Гражданское общество в глобальном мире: политический анализ проблем и стратегий развития // СПб. : Наука, 2005. С. 228.
7. *Кэмерон Дэвид* (премьер-министр Великобритании). Выступление на 47-й Мюнхенской конференции по бсзопасности. 05.02.2011 // URL: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed.shtml Дата обращения (21.01.2012).

8. *Трэвис А.* Чистая миграция Великобритании превышает рекордный уровень (UK net migration hits record high) // Гардиан. 24. 11. 2011 // http://www.guardian.co.uk/uk/2011/nov/24/uk-net-migration-record-high Дата обращения (29.01.2012).

А. Ю. Пономарева
СамГУ, г.Самара

Эвтаназия — ассистированный суицид в международном праве

К сожалению, самоубийство стало постоянным явлением в современном мире. По данным статистики каждые 8 секунд, 56 человек умирают в результате самоубийства во всем мире. Конечно, причин для самоубийства могут быть разными: проблемы заболеваний, разбитое сердце, семья и так далее. Кроме того, мы не должны забывать об условиях жизни человека, который начинает думать о самоубийстве. Каждое государство имеет свои права и законы. Тем не менее, социальные проблемы, такие как самоубийство, затрагивают всеобщее внимание и интерес во всем мире. В данной работе речь пойдет о таком явлении, как эвтаназия. Популярность этой процедуры вызывает большой интерес в мировом сообществе, причем не только среди психологов и врачей, а также среди политиков и экономистов. В истории существует множество судебных процессов по эвтаназии, где главным вопросом является: кто убийца в этой ситуации: врач или пациент. С одной стороны, трудно бороться с болью, особенно если вы знаете, что осталось совсем немного дней до кончины. С другой стороны, существует целый ряд «счастливых случаев», когда люди после восстанавливались после тяжелой, практически неизлечимой болезни. Безусловно, все зависит от людей, согласных на «легкую смерть», проблема в том, что они тем самым подвергают врача на преступление. Ассистированное самоубийство является легальным в Швейцарии и в американских штатах: Вашингтон и Орегон. Кроме того, около 14 стран используют его, как лучший способ решения проблем со здоровьем. Правительства этих стран дают значительно много обоснований, отвечая на вопрос: Почему эвтаназия должна быть использована?

Однако никто не думает о результате. Вот почему эта проблема очень важна в нашем быстро меняющемся мире.

Время изменилось, но вопрос о ценности человеческой жизни попрежнему актуален. Несколько лет назад врач Джек Геворкян предложил правительству европейских стран, использовать смертную казнь в научных целях.Его мысль заключалась в том, чтобы безболезненно совершать смертельную казнь, а потом тело мертвого убийцы использовать для научных экспериментов. Этот метод стал популярным в 1960-х лет. Тогда Джек начал обращать внимание на людей, которые страдают от смертельных болезней. Он также решил использовать «безболезненную машину убийства» и для этих людей. Его первым и последним пациентом была женщина 54 лет. Она умерла успешно, Джанет попросила помочь ей умереть быстрее. Ее последние слова его были — спасибо. С этого времени эвтаназия стала популярна в европейских странах. Что же означает термин «эвтаназия»? С греческого «Eu» означает хороший и «thantosis» — смерть. Уже давно стоит вопрос о легализации эвтаназии. В итоге, только некоторые страны решили привлечь средства эвтаназии или ассистированного самоубийства, в качестве решение проблем с неизлечимыми проблемами, как свободное право человека. К этому времени эвтаназия стала законной в Нидерландах, Австралии, Швейцарии, Калифорнии и Орегоне — штаты США. Есть некоторые условия, которые позволяют врачам применять эвтаназию:

• Врач должен быть уверен, что это тот случай неизлечимой болезни, и физические страдания от нее стали невыносимой; исчерпаны все средства по улучшению состояния здоровья пациента.

• Пациент должен быть проинформирован о его / ее состояние в данный момент и о прогнозе, связанным с продолжительностью его / ее жизни;

• Врач и пациент должны работать вместе, чтобы прийти к выводу, что кроме эвтаназии больше нет вариантов разрешить проблему «мучений»;

• с этим выводом, они должны обратиться к другому врачу, который работает независимо от лечащего врача, а также знает пациента;

• эвтаназия может быть выполнена врачом, и только медицинскими средствами.

Законопроект об эвтаназии был одобрен законодателями штата Калифорния, который стал вторым штатом США, официально позволяющим проводить эвтаназию для неизлечимо больных пациентов. До этого, в 1997-м году, в соответствии с результатами референдума, закон «О смерти и достоинстве» был принят в штате Орегон. В соответствии

с этим законом, пациенты утверждают, что эвтаназия должна оставаться на рассмотрении, по крайней мере, шесть месяцев. Пациенту, в этом случае, необходимо предоставить как минимум один письменный и два устных соглашения. В свою очередь, два врача должны подтвердить диагноз пациента и признать его / ее в здравом уме, психически и умственно способным принимать решения о смерти. Только когда все эти условия выполнены, пациент получает смертельную дозу препаратов. Больной должен дважды(с интервалом в две недели) спросить врача об эвтаназии, а затем повторить свою просьбу в письменном виде.

Эвтаназия также стала правовой нормой в Швейцарии. Там она приобрела популярность благодаря рекламе. Недавно появился специальное ТВ-шоу, где зритель имеет возможность увидеть людей, которые согласились на использование эвтаназии. Кроме того, данная рекламная компания поддерживает организация — «Exit International». «Exit International» была основана в Австралии д-р Филиппом Ничке. У него было много проблем с правительством и церковью, потому что они не позволяли ему узаконить эвтаназию. Через некоторое время эта организация стала популярной и в одной части Австралии, где также была принята эвтаназия.

Таким образом, вопрос о суициде и эвтаназии непосредственно связано между собой. Рассматривая вопрос более глобально, можно отметить, что проблема психологической комуникативности больных людей со здоровыми, пациентами и врачами, законом и государством становится все острее с каждым годом. Возможно при решении каких то социальных вопросов на государственном уровне стоит разобраться в психологическом настрое общества.

Примечания

1. Euthanasia and assisted suicide BBC. Last reviewed June 2011.
2. Mannes, Marya «Euthanasia vs. the Right to Life». Baylor Law Review, № 27; 1875.

А. В. Русанов

НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

Столичный регион: население и территория в процессе инновационной модернизации экономики

Стратегической задачей современного развития России является создание инновационной экономики. Интенсификация экономического роста сопровождается изменением социальных характеристик и направлений хозяйственного использования территорий, примером чего являются столичные города и их пригороды. Здесь также формируются новые социокультурные тенденции, которые затем распространяются на всю страну.

Особенностью расселения в столичном Московском регионе, объединяющем Москву и Московскую область, всегда было сочетание городских поселений разного функционально-иерархического типа, взаимосвязанных сельских поселений и дачно-садоводческих поселков [1]. Городские и сельские поселения с постоянным населением, различаясь по образу жизни, концентрировали социальную инфраструктуру и массовые места приложения труда, дачные и садоводческие поселки представляли собой места сезонного проживания [2].

Достаточно сильно различались типы и степень хозяйственного освоения территорий. Городские земли функционально разделялись на селитебные и производственные зоны, в пригородах располагались земли сельскохозяйственного и рекреационного назначения. Социально-демографические характеристики этих территорий дифференцировались от высокоурбанизированной Москвы и крупных городов ближнего Подмосковья до депопуляционных сельских окраин Московской области [3].

Рыночные отношения изменили экономико-демографическую картину в столичном регионе. Современные принципы городского планирования потребовали вывода промышленных предприятий в ближайшие пригороды, которые традиционно использовались москвичами в качестве размещения «второго жилья», т. е. дач. К 2004 г. на территории Московской области насчитывалось более 1 млн участков в садовых, огородных и дачных товариществах, занимающих около 3 % площади области. Собственно дачные поселки в большей степени тяготеют к зоне ближних и средних пригородов (85 % всех дач), при этом, их больше на западе Подмосковья (около 40 % от площади всех дачных участков) и заметно

меньше на востоке. Садово-огородные поселки с более дешевым жильем сосредоточены в основном в среднем и дальнем Подмосковье, при этом к западу от Москвы их число заметно сокращается [4]. Таким образом, четко проявляется территориальная стратификация загородиого жилья по качеству, социальиому составу проживающих и по целевому назначению: размещение дорогих коттеджных и дачных поселков в ближнем Подмосковье преимущественно в западном направлении, и сдвиг садово-огородного сегмента на север, восток и юг в более отдаленные районы Подмосковья. Схемы территориального планирования Московской области в целом и отдельных административных районов закрепляют эту тенденцию.

Основным принципом территориального планирования, утвержденным постановлением Правительства Московской области в 2003 г., является обеспечеиие устойчивого пространственного развития для роста качества жизни населения и экономики Московской области с учетом экологического каркаса расселеиия [5].

Развитие дачного и коттеджного строительства может приводить к конфликтиым ситуациям в природопользоваиии, вызванный, прежде всего, массовым переводом земель сельскохозяйствениого назначения в земли поселений, выходом коттеджных поселков в границы водоохраниых зон, невозможностью доступа к лесам и водоемам из-за огораживания территорий и запрета прохода по охраняемым коттеджным поселкам (это подтверждает опрос, проведениый автором в 2010 г. в сельских поселениях на западе Московской области).

Совремеиные стратегии обновления российского общества, имеющие в основе переход к инновациоииой экономике, способствуют качественному демографическому совершенствованию. Увеличение плотности городского населения и рост транспортной доступности пригородов, интеисификация маятниковой трудовой и рекреациоиной миграции, структуризация поселений приводит к тому, что традиционная дихотомия «городское население — сельское иаселение» дополняется третьей категорией — смешаиным сельско-городским населением, имеющим специфические базовые социокультурные характеристики.

Литература

1. *Struyk R., Angelici K.* The Russian Dacha Phenomenon // Journals Oxford Ltd, Housing Studies. Vol. 11. N. 2, 1996. P. 233–251.
2. *Нефедова Т. Г.* Российские пригороды: специфика расселения и становление жилищно-земельного рынка // Известия АН СССР, сер. геогр., 1998, № 3. с. 69–84.

3. *Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М. : Новый хронограф, 2008. 344 с.
4. *Махрова А. Г.* Роль рынка жилья в трансформации системы расселения Москвы и Московской области // Материалы VII национального конгресса по недвижимости, М., 2009. С. 14–23.
5. Территориальная комплексная схема градостроительного планирования развития территорий Одинцовского района Московской области на период до 2020 года. М. : Научно-исследовательский и проектный институт генерального плана г. Москвы, 2004.

Б. Х. Саттаров
УлГУ, г. Ульяновск

Стратегия обновления российского общества. Стратегия 2020. Куда мы идем?

Вот уже, как четыре года была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития России, тезисы которой легли в основу так называемой Стратегии-2020. Я подготовил короткий анализ документа, которым руководствуется нынешняя власть. Какие задачи определены правильно? Какие из них стоит заменить? Сможет ли к 2020 году Россия стать «ведущей мировой державой»?..

Как определено в Концепции, стратегической целью является «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надёжно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан». В частности, в 2015–2020 годах Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности), благосостояние россиян достигнет сегодняшнего уровня самых развитых стран, а средняя ожидаемая продолжительность жизни — примерно 72 лет. Хотя финансово-экономический кризис отодвинул достижение тех или иных задач, он не способен отменить достижение определённой стабильности:

– во-первых, заданы основные ценности и приоритеты в управлении страной: ничего во вред России и всё для роста благосостояния граждан;

– во-вторых, усиливается преемственность и устойчивость политического курса и, следовательно, безопасность политической жизни;

– в-третьих, укрепляется доверие граждан к демократической системе за счет реализации жизненных интересов подавляющего большинства людей.

Наконец, наличие Концепции долгосрочного социально-экономического развития как формализованного документа позволяет говорить о наличии инструмента эффективного контроля власти со стороны общества.

Благодаря достигнутой стабильности появилась возможность перейти к политике долгосрочного социально-экономического развития. И новый стратегический план позволит нам ответить на вызовы современности.

Социальное неравенство:

Сегодня в России доходы 10 % самых обеспеченных граждан и 10 % самых бедных отличаются более чем в 15 раз. И большинство людей не видит пользы от преобразований 1980–1990-х годов, считая, что ситуация приносила и приносит выгоды непропорционально прилагаемым усилиям, талантам и способностям.

Стратегия-2020 предусматривает сокращение социального неравенства: должно быть создано общество не только равных прав, но и равных возможностей. Доля среднего класса составит к 2020-му году 0,6–0,7 от общей численности населения. Однако не следует впадать в уравниловку: более нравственный, трудолюбивый и талантливый человек должен быть достоин большего, чем ленивый, глупый и безнравственный.

Неуважение к частной собственности:

Проводимые в стране реформы опираются не только на государственную волю, но и на частную инициативу. Но никакой собственник не будет заинтересован в стратегическом развитии своего дела, если у него есть ощущение временного характера владения имуществом. И все же, несмотря на хозяйственные неурядицы последних 20 лет, у нас сложилась определенная предпринимательская среда и даже развивается в условиях давления, с одной стороны, криминала, пытающегося поставить предпринимателя или его имущество под свой контроль, и, с другой стороны, мощного иностранного капитала, способного скупить на корню целые отрасли российской экономики.

Неравенство регионов:

Для нашей страны в последние годы характерен рост различий в уровне социально-экономического развития регионов — иногда в десятки раз. Это вызывает огромное социально-политическое напряжение, провоцирует вопросы о справедливости и эффективности государственной региональной политики. Выравнивание в уровне развития регионов будет происходить, согласно Стратегии-2020, не только путём бюджетных вливаний, но и за счёт формирования новых центров социально-экономической активности, создания инновационных производственных комплексов, совершенствования инфраструктуры.

Образ действий:

Наша страна пытается перейти к инновационному социально-ориентированному типу развития, который имеет ряд важных характеристик. С одной стороны, он опирается на модернизацию традиционных секторов российской экономики (нефтегазового, сырьевого, аграрного и транспортного) с опережающим развитием переработки сырья в более высокотехнологичные продукты. С другой стороны, инновации станут ведущим фактором экономического роста, сопоставимым к 2020 году по своему вкладу в ВВП с сырьевым сектором. Доля высокотехнологичного сектора и «экономики знаний» в ВВП составит 17–20 % (2007 год — 10–11 %).

Инновационный сценарий требует преобразований по следующим направлениям:

– развитие человеческого капитала,

– инновационное технологическое развитие,

– развитие финансовой системы,

– развитие инфраструктуры.

Развитие человеческого капитала:

Главный фактор стратегических преобразований — это развитие человеческого капитала. Поставлена задача сформировать в обществе мотивацию к инновационному поведению. В частности, государство будет содействовать активным людям в смене профессии, трудоустройстве или начале собственного бизнеса, создаст условия для непрерывного образования человека в течение всей жизни.

Инновационное технологическое развитие:

Инновационному сценарию соответствует модернизация. Но мы не должны распылять свои ресурсы и время, пытаясь стать лучшими сразу во всем. В основу Стратегии-2020 положено развитие ключевых секторов национальной конкурентоспособности:

– авиационная промышленность и двигателестроение,

– ракетно-космическая промышленность,

– судостроительная промышленность,

– радиоэлектронная промышленность,

– атомный энергопромышленный комплекс,

– ряд других.

Производительность труда в секторах, определяющих национальную конкурентоспособность, вырастет в 3–5 раз. Также должна быть восстановлена национальная инновационная система — совокупность взаимосвязанных организаций, занятых производством и/или коммерческой реализацией знаний и технологий, и комплекс институтов правового, финансового и социального характера, обеспечивающих взаимодействие образовательных, научных, предпринимательских и некоммерческих организаций и структур.

Ключевой принцип построения национальной инновационной системы заключается в том, что нам следует не «догнать и перегнать» передовые страны, а как бы перепрыгнуть те этапы развития, которые прошли они, и оказаться в числе первых. Значит, России нужны не просто инновационные, а прорывные технологии и проекты — такие, которые выводят нас в число мировых лидеров по тому или иному продукту либо способу его производства.

Кроме того, Стратегия-2020 предполагает почти полное обновление производственной базы. Предусмотрено массовое внедрение технологий, более совершенных по показателям эффективности, энергосбережения, экологической чистоты, уровня производственного травматизма и заболеваемости, а также отдачи на единицу вкладываемых ресурсов.

Развитие инфраструктуры:

Фактором, определяющим рост национальной конкурентоспособности, должно стать ускоренное внедрение информационно-коммуникационных технологий, а именно:

– формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры;

– совершенствование законодательной и нормативной базы, поддерживающей развитие информационно-коммуникационных технологий;

– повышение доступности для населения и организаций современных услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий;

– стимулирование распространения информационно-коммуникационных технологий в социально-экономической сфере и государственном управлении;

– формирование единого информационного пространства, в том числе для решения задач обеспечения национальной безопасности;

– обеспечение конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и повышение экспортного потенциала информационно-коммуникационных технологий.

Общий объем предоставляемых информационно-коммуникационных услуг вырастет к 2020-му году по сравнению с 2011-м годом почти в 10 раз.

К 2020-му году в основном завершится догоняющее развитие России. Адекватные ответы на внешние и внутренние вызовы современности приблизят нас к обществу, гарантирующему безопасность и процветание не для избранных, а для всех.

К. В. Сафронова
СФУ, г. Красноярск

Глокализация в соответствии с Принципом минимального универсума

Глокализация — один из самых актуальных социальных процессов в современном мире, который отражает проблемы взаимодействия и отчуждения в мировой культуре. В своей работе «Цивилизационные пространства: проблемы глокализации» А. С. Железняков анализирует представления философов и ранних социологов о полюсности мира [1].

В нашей работе процесс глокализации рассматривается в соответствии с Принципом минимального универсума [2], что позволяет рассмотреть действие глокализации на различных уровнях общественной системы, а также учитывать биполярность глокализации, которая состоит в дихотомическом взаимодействии локального и глобального.

На вещественно-энергетическом уровне общественной системы рассматривается действие процесса глокализации на природные общности. В странах Запада, где впервые ощутили ограниченность природных ресурсов, появились программы, сберегающие их. Эта идея со временем приобрела глобальных характер, и теперь она оказывает воздействия на страны, для которых проблема дефицита природных ресурсов не стоит

настолько остро, либо не стоит вообще. Например, в России в последние годы стали активно продвигаться идеи кремации, в то время как проблема недостатка пространства в государстве не стоит.

Действие глокализации в соответствии с ПМУ

Уровень структуры общества	Подсистема общества	Биполярные аспекты процесса глокализации	
		Локализация глобальных процессов	Глобализация локальных процессов
Вещественно-энергетический	Природные общности	Глобальный процесс истощения природных ресурсов распространяется на локальные общности (Россия бережет воду)	В странах Европы распространяется экономия природных ресурсов. Этот процесс приобретает глобальные масштабы
Функционально-организационный	Экономическая система	ТНК приобретает региональные особенности (в магазинах «Икея» начинают продавать индийские поделки)	В конкретной стране возникает производство, которое перерастает в ТНК
	Политическая система	Сепаратистские устремления субъектов федерации или конфедераций — (желание отделиться нескольких штатов в США)	Правительства государств передают часть своих прав международной организации (появление Евразийского союза)
Информационный	Массовая психология	Страх «отстать» от мировый тенденций, «не успеть» за прогрессом, страх отчуждения	Боязнь утратить идентичность, независимость, быть «поглащенными» чужой культурой
	Социальные нормы и ценности	Приятие ценностей, распространенных в мире (В странах Ислама отказываются от ношения паранджи, принимают отношение к женщине, принятое в большинстве стран мира)	Распространение норм и ценностей одной общности в мировых масштабах — (азиатские ценности корпоративной культуры попадает в учебники по бизнесу и распространяются по всему миру)
	Общественное сознание (восприятие мира в культуре, науке)	Массовая культура проникает в среду египетских бедуинов	Музыка, возникшая в кварталах афроамериканцев, распространяется по всему миру
	Социальная информация и коммуникация	Глобальное явление Wikileaks распространяется в конкретном регионе, подвергается воздействию региональной специфики (Wikileaks Russia)	Глобализация социальной информации. Wikileaks: дипломатические документы США теперь принадлежат всему миру

На функционально-организационном уровне рассматривается действие глокализации на экономическую и политическую системы. Транснациональная корпорация, любая компания мирового масштаба,

изначально связана с местом своего возникновения, например, компания «Икея» появилась в Швеции. Позже, как результат локализации глобальных процессов, появилась «Индийская Икея», где на ряду со шведской мебелью и аксессуарами продавались поделки, выполненные жителями Индии. На уровне политической системы возникают противоречивые процессы, связанные как с интеграцией государств, так и со стремлением государств к разделению. Важно отметить, что эти процессы в современном мире происходят одновременно: в 2011 году несколько Штатов, входящих в США, заявили о своем желании отделиться от государства, обосновывая это множеством экономических и политических причин. В настоящее время также наблюдается начало процесса распада единого европейского пространства. Но другие государства продолжают стремиться к передачи части своих прав международным организациям, это можно наблюдать на примере возникновения Евразийского союза. Процессы глокализации происходят **на информационном уровне**. На уровне массовой психологии существует страх утратить собственную идентичность, быть «поглощенными» чужой культурой. Например, во многих государствах продолжает усиливаться недовольство миграцией со стороны населения, ужесточается миграционная политика в целях сохранения психологического комфорта граждан. Одновременно с этим существует страх «остаться в изоляции». Например, миллионы российских граждан начинают посещать языковые школы, при этом количество таких школ с каждым годом растет. На уровне социальных норм и ценностей можно проследить, как норма, возникшая в определенной местности, приобретает глобальный характер, а после этого усваивается конкретной территорией. Азиатские ценности корпоративной культуры получают мировое распространение через бизнес-учебники, а после этого под действием региональной специфики, усваиваются определенной территориальной общностью (например, в США). На уровне общественного сознания происходит как усвоение массовой культуры на определенной территории, так и распространение региональной культуры на глобальном уровне. Этот тезис можно рассмотреть на примере египетских бедуинов, которые проживают в пустыне Сахара. В связи с растущим туристическим потоком, бедуины вынуждены открывать в своих поселениях небольшие магазины для туристов. Примечательно то, что на вывесках этих магазинов пишется слово «супермаркет». Сам «супермаркет» является результатом глобализации представлений американцев о потреблении. На уровне социальной информации и коммуникации показательным является возникновение Wikileaks. В глобализирующемся

мире невозможно рассчитывать на конфиденциальность, дипломатические документы США теперь открыты для всего мира. С другой стороны, происходит локализация Wikileaks, возникает изначально несвойственный российской культуре Wikileaks Russia. Таким образом, изучение глокализации с помощью Принципа минимального универсума позволяет выявить двойственность и специфику этого процесса на каждом уровне общественной системы.

Литература

1. *Железняков А. С.* Цивилизационные пространства: проблемы глокализации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / отв. ред. член-корреспондент РАН М. К. Горшков. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 297–314.
2. *Немировский В. Г.* Универсумный анализ российского общества. Красноярск, 2001. 176 с. ISBN 5-901533-24-0.

Н. Смирнова
ТвГУ, г. Тверь

Процесс коммуникации в вузовской среде как фактор профессиональной социализации социологов (на примере исследования о перспективах трудоустройства выпускников-социологов ТвГУ)

На сегодняшний день одной из главных проблем трудоустройства выпускников-социологов является рассогласование карьерных намерений выпускников и соответствующих реальных перспектив выпускников-социологов на региональном рынке трудовых ресурсов. Вместе с тем, следует отметить, что на профессиональную социализацию будущих дипломированных специалистов-социологов оказывают влияние многие факторы, в том числе вузовская среда как коммуникативное взаимодействие внутри коллектива. С точки зрения психологии массовой коммуникации, коммуникация — «это процесс взаимодействия людей, в основе которого происходит обмен информацией, взаимное восприятие и понимание друг друга, формирование отношений, совместная деятельность».

Автором тезисов было проведено конкретное социологическое исследование [1], основной целью которого стало выявление мнения специалистов-социологов, закончивших Тверской государственный университет (ТвГУ), о перспективах трудоустройства и дальнейшем карьерном росте по специальности. В связи с этим интересно посмотреть, как повлияло обучение в ТвГУ на профессиональную социализацию выпускников-социологов, оправдались ли ожидания выпускников и довольны ли выбором полученной специальности.

В ходе исследования было собрано 10 интервью, в которых приняли участие пятеро информантов работающих по специальности, у четверых работа частично перекликается с полученной специальностью и один информант на момент проведения исследования не работал.

Следует отметить, что все респонденты единодушно отметили интерес к учебе во время обучения на специальности «Социология», проводили социологические исследования, некоторые принимали участие в научных конференциях.

Примечательным является и тот факт, что, несмотря на определенные трудности во время обучения, никто из опрошенных респондентов не разочаровался в выборе специальности, а некоторые информанты отмечали, что им пригодились знания, полученные по специальности, как в работе, так и в жизни.

Так информантка выпуска 2009 года отметила, что не разочаровалась в выборе специальности: «для развития меня как личности, это оказалось полезно. Думать я научилась хорошо. Да, естественно это очень повлияло на мое мировоззрение. В социологии должна быть некая плюралистичность мнений, я поняла, что не бывает мнения правильного и неправильного. Их гораздо больше. Их целый спектр». (Елена)

А так высказалась информантка 2010 года выпуска: «Я не жалею, что поступила на наш факультет, потому что я считаю, что именно на нашей специальности дают наиболее хорошее образование, чем на менеджменте, на регионоведении. Лучшее образование дают у нас, оно более фундаментальное и мы можем реализовать себя не только как социологи, но и также в сфере менеджмента, это не проблема для нас. И я встречала много объявлений, где в каких-то кадровых агентствах, просто в различных компаниях требовались менеджеры, где нужно образование как социолога. Ожидания оправдались, я довольна. Также я ко многим вещам стала относиться по-другому, например, к СМИ, к власти. Т. е. уже смотрю не как обыватель, а немного с другого ракурса. Критический взгляд у меня присутствует. Наше социологическое образование полезно для

человека в целом. Мы уже не будем глупыми обывателями, будем критически подходить к различным процессам в нашем обществе. Будем более грамотными гражданами». (Любовь)

Таким образом, подводя итог, следует учесть тот факт, что на профессиональную социализацию выпускников оказывает большое влияние вузовская среда как процесс коммуникации. Информанты отмечали, что обучаясь на специальности социологии, они не только приобрели теоретические знания и прикладные навыки по специальности, но и научились критически мыслить, смотреть на мир «глазами социолога». Это говорит о важности процесса коммуникации в вузовской среде.

Данная работа может стать основой для дальнейших, более развернутых изысканий в данной области.

Литература

1. *Смирнова Н.* Карьерные перспективы выпускников-социологов на рынке труда г. Твери. Тверь. 2011. С. 244–245.

Ю. П. Черкасова

ФГБОУ ВПО «КубГУ», г. Краснодар

Энергоэффективность как фактор повышения конкурентоспособности региона

Повышение энергоэффективности является одной из приоритетных задач для социально-экономического развития России. Масштабность предполагаемой задачи требует активного участия в ее решении не только государственной власти, но также бизнеса и общества. Только в этом случае могут быть эффективно реализованы механизмы стимулирования. На сегодняшний день повышение энергоэффективности может стать основным вектором для инновационного развития страны, интеграции в международное экономико-политическое сотрудничество.

Для России энергоэффективность — ключевой индикатор, характеризующий устойчивость развития как страны в целом, так и энергетического сектора. В связи с этим она может выступать в качестве важнейшего перспективного показателя для страны, который необходимо включать

в программы, стратегии, концепции, проекты на федеральном и региональном уровнях. В стране и регионах накоплен определенный опыт и имеются широкие возможности по адаптации и оценке индикаторов, учитывающих энергетический фактор.

Технологическая модернизация является главным направлением повышения энергетической эффективности в мире, на национальном и микроэкономическом уровнях. По мнению С. Н. Бобылева, в настоящее время технологическая модернизация — это не только центральный вопрос повышения энергетической эффективности, но и развития экономики и энергетики на глобальном, национальном и региональном уровнях. Российская экономика нуждается в энергетических ресурсах для поддержания роста [1].

Повышение энергоэффективности — важные ответные действия, направленные на решение проблем, связанных с экономическим развитием, с которыми сталкиваются регионы России. Для повышения энергоэффективности, в первую очередь, необходимо развивать технологии, рыночные механизмы и государственные меры политики. Органы государственного управления, участники процессов по внедрению энергоэффективности и частный сектор должны объединить усилия, чтобы достичь необходимый масштаб и своевременность внедрения энергоэффективности, необходимой для устойчивого экономического развития [3].

Энергетические компании являются потенциальным исполнительным органом в сфере энергоэффективности. Будучи таким органом, у них появляются очевидные преимущества при условии создания правильной организационной основы и среды. У энергетических компаний также имеются недостатки, которые следует признать и учесть при формировании политики энергоэффективности [2].

Мы полагаем, что при принятии решения об уровне участия компаний в выполнении программ по энергоэффективности необходимо учитывать следующее. Во-первых, основные вопросы касательно обеспечения действенности энергоэффективности посредством энергетических компаний. Энергетические компании, которые включают энергоэффективность в свои планы ресурсов, особенно эффективны в ее осуществлении. Самые успешные программы по эффективности, осуществляемые энергетическими компаниями, — те, что связаны с планом ресурсов.

Во-вторых, правительство или регулирующий орган должны создать условия для реализации энергетическими компаниями энергоэффективности. У энергетических компаний должны быть возможности осуществлять энергоэффективные меры. В первую очередь, необходимо устранить

факторы, не стимулирующие энергоэффективность, в том числе риск невозврата средств, вложенных в программу, или вероятность снижения доходов или прибыли вследствие программы. Но даже если убрать все нестимулирующие факторы, у руководителей энергетических компаний все еще может отсутствовать мотивация заниматься энергоэффективностью при наличии поощрений или обязательств.

В-третьих, сбытовые компании больше подходят для осуществления энергоэффективности, напрямую обслуживают конечных потребителей, тем самым у них имеются устоявшиеся коммерческие отношения.

В-четвертых, важно не допускать накладок и дублирования в правилах и процедурах насколько это возможно. Это также должно относиться к характеру и ценности программ.

В-пятых, ведение контроля для обеспечения экономической привлекательности результатов. За осуществлением программ по энергоэффективности энергетических компаний регулирующие органы или правительство должны осуществлять строгий контроль. Такой контроль сказывается на стоимости программ, и помогает обеспечить их соответствие задачам энергетической политики и исполнение в соответствии с планами.

Кроме того, в настоящее время сложилась парадоксальная ситуация, когда ключевые индикаторы социально-экономического развития, связанные с энергоэффективностью, включены в важнейшие документы развития страны, но не рассчитываются и не публикуются в официальных статистических справочниках. Необходимо как можно быстрее включить индикаторы, отражающие энергетический фактор, в государственную статистику и широкий общественный оборот.

Литература

1. *Бобылев С. Н., Аверченков А. А.* Энергоэффективность и устойчивое развитие. М. : Институт устойчивого развития / Центр экологической политики России, 2010. 148 с.
2. www.frost.com
3. www.iea.org/about/

Е. А. Шишканова
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Гражданская журналистика как показатель общественных изменений

Гражданская журналистика сегодня активно изучается. В отечественных научных работах, как пишет Н. В. Хлебникова [1], фиксируется два основных понимания этого термина. Первое — «направление в журналистике, содействующее развитию общественного участия и гражданской активности», и второе — «деятельность любителей, развернувшаяся в Интернете». Считая особо важными для оценки материалов гражданской журналистики два основных момента: их общедоступность и неподверженность идеологическим фильтрам, — мы используем второе понимание.

Гражданская журналистика в таком понимании может рассматриваться как показатель общественных изменений. Она получила широкое распространение под влиянием двух факторов: технического и социального. Первый из них, связанный с расцветом цифровых технологий и Интернета, сделал запись на какой-либо носитель (домашнюю видеокамеру, фотоаппарат или цифровой телефон) простой и доступной и превратил это в массовое увлечение обычных граждан. Ежедневно они создают любительские видеоролики и размещают их в Интернете: в блогах, ЖЖ или на «Youtube».

Второй фактор развития гражданской журналистики (социальный) выразился в необходимости общества найти выход из ситуации, в которой СМИ не удовлетворяют его информационным потребностям. Встав перед необходимостью решения данной проблемы, общество пришло к идее распространения информации там, где она не подвергается фильтру официальной идеологии в той степени, как это происходит в обычных СМИ, то есть в Интернете.

Попадая в свободное от фильтров Интернет-пространство, информация неизбежно должна "укладываться" в определенные жанровые формы, которые осваиваются непрофессионалами. В рамках данного исследования нас интересовали список «выбранных» пользователями жанров и причины такого выбора. Анализируя материалы гражданской журналистики, мы фиксируем обилие любительских короткометражных видеороликов, которые, по нашему мнению, можно классифицировать

как «репортажи». В работе мы использовали жанровый подход для интерпретации явлений гражданской журналистики и предприняли попытки сделать определенные выводы именно на основе взгляда сквозь призму репортажа.

Рассматриваемые короткометражные видео мы относим к репортажам на основании того, что им присущи все необходимые жанрообразующие признаки. Опираясь главным образом на исследования Г. Я. Солганика [2] и Л. М. Майдановой [3], мы учитываем три таких признака: (1) (последовательное) воспроизведение события, (2) проявление авторского «я» и (3) эффект присутствия.

Описывая специфику видеосюжетов сквозь призму жанрообразующих признаков репортажа, мы фиксируем следующее. (1) Как правило, выбираются только «говорящие» фрагменты. Запись не превышает 5 минут. Картинка и звук (если он есть) сигнализируют о принадлежности данного видео к гражданской журналистике (таймкод, посторонние шумы и др.). (2) «Я» репортера выражается за счет выбора события, его конкретного фрагмента, а также самой установки на фиксацию и обнародование материала. (3) Ведущим становится третий жанрообразующий признак — «эффект присутствия», что связано, по нашему мнению, со спецификой авторской задачи, которая состоит в том, чтобы показать, что событие было увидено (зафиксировано) и дать возможность увидеть это событие в неизменном виде другим. «Эффект присутствия» поддерживается за счет самой картинки и звука, которые несут на себе также дополнительную важную функцию — сигнализировать о достоверности материала.

Подводя итоги беглому рассмотрению явлений гражданской журналистики с точки зрения жанра, мы делаем несколько важных выводов. Во-первых, сам факт активного развития гражданской журналистики свидетельствует о том, что общество нашло способ обойти идеологические фильтры: желая получать всю информацию в неизменном виде, оно в какой-то мере преодолело их. Во-вторых, множественность материалов гражданской журналистики также показательна: она говорит о возросшей активности человека, о росте его ответственности. Наконец, отметим важность выхода на первый план именно репортажа с его неоспоримым плюсом «эффектом присутствия». Упор делается на то, чтобы человек мог получить информацию в неизменном виде, увидеть все так, будто бы это происходило прямо на его глазах. Пользуясь термином М. Маклюэна [4], скажем, что человек, расширяясь, преодолевает пространство и время. «Расширение человека» ведет к тому, что общество становится

более открытым, прозрачным, что способствует, на наш взгляд, формированию независимого общественного мнения по отношению к происходящему. Кроме того, такие видеоролики являются еще одним изобретением общества на пути саморегуляции и самоконтроля: получая возможность узнать всю информацию о происходящих событиях, человек понимает, что героем видеоролика может стать и он сам.

Литература

1. *Хлебникова Н. В.* Гражданская журналистика: к истории становления термина // Медиаскоп. 2011. № 3.
2. *Солганик Г. Я.* Стиль репортажа. М., 1970.
3. *Майданова Л. М.* Практическая стилистика жанров СМИ. Екатеринбург, 1996.
4. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека, 1964.

Раздел 4
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

Ф. А. Артеменков

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Социальные и психологические аспекты страхов

Известно, что страхи оказывают влияние на жизнь человека. Так, С. Къеркъегор, считал, что страх сопровождает всю жизнь человека, выступая основополагающей энергетической составляющей поведения, определяя содержание личности и ее жизненного пути [2].

Актуальность изучения социальных и психологических аспектов страхов обусловлена возникновением новых типов страхов, например, таких, которые в научной литературе получили название «техногенные». Говоря о социальных страхах, необходимо отметить, что это в первую очередь страхи, связанные с ситуациями социальной коммуникации и социального взаимодействия. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [1]. Значит, социальное действие не просто «самоориентировано», оно ориентировано, прежде всего, на других. Ориентацию на других М. Вебер называет «ожиданием», без которого действие не может считаться социальным. Важно, что действия должны быть одинаково интерпретируемы обеими сторонами взаимодействия, то есть субъекты коммуникации и взаимодействия предполагают наличие у противоположной стороны определенной системы интерпретации символов схожей с собственной. При отсутствии такой системы процесс коммуникации и взаимодействия не состоится.

Можно предположить, что социальные и психологические аспекты страхов определенным образом изменяют эту систему интерпретации, что приводит к невозможности адекватно реагировать на посылаемые символы. Получается, что индивид, который обладает социальным страхами, под их влиянием, начинает неправильно интерпретировать посылаемый ему, в процессе социальной коммуникации и взаимодействия, символ, и реагирует таким образом, что это не совпадает с ожиданием автора сообщения. Но на следующем этапе взаимодействия, человек, испытывающий социальные страхи, осознает, что неадекватно отреагировал на исходное сообщение, а это вызывает у него негативные эмоции, которые закрепляют существующий социальный страх.

Психологи также отмечают, что у людей, испытывающих социальные страхи часто в ситуациях, связанных с переживанием страха возникают соматические симптомы тревоги, такие как дрожь, учащенное сердцебиение, потливость и напряжение мышц [3]. Это подтверждается и данными нашего исследования*. Согласно полученным данным, 40 % от числа опрошенных отметили, что под влиянием социальных страхов у них меняется настроение, что может быть интерпретировано как переживание негативных эмоций, 15 % сказали, что у них начинаются головные боли, что является соматическим симптомом.

Говоря о собственно страхах, которые переживают респонденты, можно сказать, что значительно преобладает страх за свое здоровье, две трети опрошенных отметили, что он беспокоит их. Только 2,5 % от ответивших отметили, что их беспокоит страх голода. Страх одиночества, то есть страх быть исключенным из ситуаций социальной коммуникации беспокоит треть ответивших. Страх вхождения в ситуации социального взаимодействия и коммуникации, в частности выступления перед большой аудиторией беспокоит 7,7 % от ответивших.

Важным также является то, как респонденты пытаются преодолеть свои страхи.

По данным таблицы № 1 мы видим, что приоритетным способом преодоления страхов является обсуждение их с другими людьми. То есть можно сделать вывод о том, что попытка решения проблем видится в большей социальной активности.

---

* В исследовании приняли участие 280 человек, в возрасте от 18 лет и старше, жители Свердловской области.

Таблица № 1

Способы борьбы со страхами в представлении респондентов

Варианты ответа	% от числа ответивших
Разговариваю о них с другими людьми	48,4
С помощью работы	39,6
Покупаю себе что-нибудь	15,1
«Заедаю» его	11,6
Пытаюсь справиться с помощью спиртного	11,1
Самовнушение	3,1
Читаю	2,2
Занимаюсь своим здоровьем	1,8
Занимаюсь спортом	1,3
Слушаю музыку	1,3

Подводя итог, можно сказать, что социальная коммуникация выступает с одной стороны предметом формирования социальных и психологических аспектов страхов, а с другой стороны, именно она видится респондентами как один из приоритетных способов борьбы со страхами.

Литература

1. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. — М. : Прогресс, 1990.
2. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М. : Республика, 1993.
3. *Литвинов А.* Социальные фобии // Качество жизни. Профилактика. 2001. № 2.

А. М. Белобородов
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Кризис в межличностных отношениях: искажение невербальной коммуникации

Актуальность темы исследования связана с необходимостью изучения межличностного взаимодействия людей, в частности, с возрастающей значимостью влияния эмоциональной стороны этого процесса. Лицевая экспрессия в значительной мере несет информацию об эмоциях человека. С помощью умения считывать лицевую экспрессию люди правильно понимают смысл, вложенный в слова, и даже способны понимать, что чувствует партнер помимо содержания вербальной стороны общения. Неумение же правильно оценить эмоциональное состояние человека может привести к потере или искажению информации в процессе межличностной коммуникации, что создает серьезные предпосылки для развития разного рода кризисных явлений: распад межличностных, в том числе, семейных, отношений, кризисы в учебной/рабочей группе, конфликты в организациях и т. д.

Анализ литературы показал, что способности выражать эмоции и опознавать их по лицевым экспрессивным кодам существенно подвержены влиянию факторов пола, возраста и профессиональных навыков. Однако вопрос о том, как именно происходит становление этих способностей и насколько рано гендерные различия заявляют о себе – остается открытым.

Цель исследования предполагала выявить экспрессивные гендерные различия и различия в опознании эмоций лицами мужского и женского пола.

Для достижения этой цели было необходимо выполнить ряд задач. Прежде всего нужно было проанализировать и определить маркирующие признаки девяти эмоций: *радости, гнева, печали, отвращения, удивления, презрения, гордости, страха и смущения*. Далее — провести анализ литературы с целью ознакомиться с трудами психологов по теме: «Гендерные различия в экспрессии и опознании эмоций». И только после разработки всех теоретических вопросов провести экспериментальное исследование на школьниках и студентах с целью установления гендерных экспрессивных различий и различий в опознании эмоций у юношей и девушек указанных возрастных групп.

Ознакомившись с работами Л. В. Куликова, Е. П. Ильина, В. Г. Пинигина, А. И. Винокурова, Н. Айзенберга и др., нами было выдвинуто несколько гипотез:

1. Экспрессия эмоций у девушки-модели точнее воспринимается окружающими, чем экспрессия аналогичных лицевых кодов эмоций юноши-модели.

2. Девушки в подростковом и молодом возрасте лучше опознают эмоции, чем юноши.

3. Во всех возрастных группах лучше должны определяться эмоции, с которыми человек чаще всего сталкивается.

В исследовании приняли участие 139 человек: 30 школьников, 49 школьниц, 30 студентов и 30 студенток. Для проведения исследования был составлен бланк ответов, состоящий из двух частей: левая — для записи эмоций для каждой фотографии, правая — для общих характеристик: пол, возраст, учебное заведение, увлечения и поле для заметок, если такие возникнут.

Каждому испытуемому давалась инструкция: «Сейчас я буду показывать вам 20 фотографий с различными выражениями лицами. Ваша задача — распознать, какую эмоцию демонстрирует модель».

Фотографии предъявлялись в определённом порядке: сначала фотография с нейтральным выражением лица девушки, потом с нейтральным выражением лица юноши, далее фотография с выражением радости на лице девушки, затем с выражение радости на лице юноши и т. д.

Со студентами университета использовался индивидуальный метод диагностики, с учащимися школы — групповой.

Полученные данные подтвердили гипотезу о том, что экспрессия эмоций у девушки-модели точнее воспринимается окружающими, чем экспрессия аналогичных лицевых кодов эмоций юноши-модели.

Также были выделены эмоции, которые опознаются лучше/хуже в каждой группе испытуемых. Школьники лучше распознают радость девушки, а хуже всего мужское презрение. Почти все школьницы распознали гордость девушки, а хуже всех (также как и студентки) мужской страх. Студенты одинаково хорошо распознали женскую радость и удивление, хуже всего — мужскую нейтральность. Студентки лучше всего опознали женское удивление. Эти данные подтвердили ещё одну гипотезу, поставленную перед непосредственным исследованием: во всех возрастных группах лучше должны определяться эмоции, с которыми человек чаще всего сталкивается. Все опознанные эмоции знакомы как школьникам, так и студентам, это радость и удивление. Они присутствуют в жизни

каждого человека, и поэтому различить их довольно просто. А вот презрение, нейтральность и мужской страх встречаются намного реже и распознали их хуже всего. Особенно это касается мужского страха. Мальчикам с детства прививают отвагу и мужество, подавляют чувство страха и эмпатии. Отсюда стереотип бесстрашия мужчин.

Столь заметные гендерные различия в отношении базовых, частотных эмоций позволяют поставить вопрос о том, что даже на уровне интерпретации невербальной информации происходят существенные искажения, обусловленные стереотипами восприятия желательных/нежелательных проявлений у мужчин и женщин, что проявляется уже в подростковом возрасте. Очевидно, что такого рода помехи в восприятии существенно затрудняют общение между представителями разного пола, создавая предпосылки для неверного истолкования поведения, реакций, отношения к различным сообщениям и ситуациям, провоцируя нарастание напряженности и кризисных явлений в межличностных отношениях в семье, учебной группе, в организации.

В дальнейшем мы планируем увеличить выборку испытуемых для подтверждения полученных данных, разработать тренинг для повышения уровня эмоционального интеллекта и разработать интерактивную программу для обучения распознавания эмоций (такие программы уже существуют, например SETT и FACS, но все они зарубежного происхождения).

Данные подобных исследований лицевой экспрессии могут быть применены для решения прикладных задач психологии, педагогики, юриспруденции, наук, сферы управления и других социально-ориентированных профессий.

А. А. Бендерская
ТГУ, г. Томск

К вопросу о языковом моделировании гендерных стереотипов

Рекламный текст — совокупность языковых средств, которые обладают определенной направленностью на гендерный стереотип. Реклама обычно нацелена на определенный круг людей, и ключевой составляющей

в ней является категория пола, или гендера. Гендерные стереотипы активно используются в рекламе, так как это наилучший способ ускорить восприятие информации человеком. Вопрос сегодня состоит не в том, что рекламируют мужчинам и женщинам, в а том, как рекламируют, какие речевые средства, тактики, стратегии используют при создании рекламного ролика.

Принято выделять рекламные тексты двух типов: ориентированные на мужчин (мужской гендерный стереотип) и на женщин (женский гендерный стереотип) [1].

Под мужским гендерным стереотипом мы понимаем стереотип, соответствующий понятию «мужественность», с опорой на традиционные мужские характеристики. Принимая во внимание все психологические и физиологические различия, можно отметить, что мужчины соотносятся с такими понятиями, как власть, могущество, независимость, свобода, конкуренция, целеустремленность, действие, движение.

Мужчины в англоязычной культуре ассоциируются с семьей, сексуальностью, деньгами, агрессией и большей мобильностью[2].

Под женским гендерным стереотипом мы понимаем стереотип, соответствующий понятию «женский», «женственность», с опорой на традиционные женские характеристики.

Женщина по традиции ассоциируется с такими качествами и понятиями, как нежность, теплота, мягкость, чувствительность, забота, верность, работа по дому, семья. Однако, существует большое количество отрицательных качеств, приписываемых женщинам, таких как слабость, эмоциональность, вульгарность, настырность, податливость, беззащитность, доверчивость [3].

Учитывая все эти стереотипы, авторы при создании рекламы стараются использовать как можно большее количество стилистических приемов, средств невербальной коммуникации, создать сложные образы, привлекают фоновые знания потребителя. Это помогает внедрить в сознание потребителя тот имидж товара, который нужен его создателю.

Согласно гендерным стереотипам, приоритетным для женщины является внешняя красота и все то, что облегчает ей жизнь. В рекламе, направленной на женскую аудиторию, акцент делается на **внешние качества** — *«My skin has a **healthy glow** I never knew it had», «Now it can **last longer** than you can resist»* , **простоту в использовании** — ***«Just seconds** in the microwave and indulgence is served», «Samsung **makes life easier** with stylish, innovative products that **fit in with your hectic lifestyle**»*, **здоровые показатели рекламируемого товара** — ***«Strong all day**, try Tyson beef*

tips in gravy for ***protein*** *you can really sink your teeth into», «Have you had* ***your protein*** *today?* ***To help*** *keep your family going»*, **семью** — ***«Family Values****. Take on a Whole New Meaning»*, **способность облегчить домашних труд** — *«Finally a product that actually* ***does what it promises****»*, **способность отвлечься от каждодневных проблем** — *«Real* ***playing****. Real* ***giggling****. Real* ***climbing****. Real* ***splashing****. Real* ***learning****»*, **способность принести наслаждение** — *«It's* ***joy****, it's* ***ecstasy****, it's truth, it's destiny. Even love is not enough to tell you how you* ***make me feel****. There's only one word for this, its* ***bliss****», «Take in the* ***heavenly aroma****. Place the* ***silky*** *square on your tongue and let it* ***melt slowly, very slowly****. Ghiradelli,* ***a timeless pleasure****», «Now Dove can provide* ***more pleasure*** *that lasts longer than your lover»*, **дать больше времени для себя** — *«Attractive, dependable, good with money. If it made coffee* ***you'd marry it****», «Now Betty can melt away your* ***entire day in just three minutes****. ...for a taste of delight, you are just* ***three minutes from heaven****»*.

Мужчина в рекламных роликах предстает в основном в двух образах. Либо он находится один, наедине с собой и своим внутренним миром. Согласно гендерным стереотипам он ничего и никого не боится, он **чемпион** — *«World rally* ***champion*** *2002 and 2003»*. Ему не нужна защита, помощь, он справится со всем **сам, один** — *«The ultimate urban* ***warrior****», «No particular* ***place*** *to go. Destination* ***anywhere****. They've all come to look for America with a thankful of gas», «Because We* ***Can****»*. Либо же мы наблюдаем обратную ситуацию — мужчина предстает перед нами в деловой сфере, в женском обществе, с оттенком **эротического характера** — *«With chocolate symbolizing the impending* ***breaking down of sexual resistance****»*. Он **активен, подвижен, уверен в себе** — ***«Bright*** *flavour,* ***full of life****», «****Work,rest,play****»*. Акценты в роликах делаются на **качество товара, практичность, его технические характеристики** — *«Silver is the color of the* ***moment****. So* ***slip into*** *this season's fashion* ***«must have****», «It's* ***the perfect software*** *that can turn your pictures into* ***professional*** *photo layouts», «Dark chocolate is* ***good for you****»*.

Из приведенных примеров видно, что тексты рекламных роликов содержат большое количество гендерных стереотипов, а язык выступает как средство их формирования. Сочетание вербальных и невербальных единиц создает в сознании потребителя образы, которые складываются в единую картину, ассоциирующуюся с определенными гендерными стереотипами.

Современные рекламные тексты направленны на массового адресата с учетом его набора ценностных ориентаций. В целом же можно говорить,

что реклама ярко демонстрирует традиционное разделение общества на два пространства — мужское и женское, с отражением в них полоролевых стереотипов, которые достаточно прочно закреплены в общественном и языковом сознании.

Литература

1. *Витлицкая Е. В.* Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе. Тамбов, 2005. С.147.
2. *Нечаева Н. А.* Идеал женщины в гендерной картине мира. СПб., 1999. С. 5.
3. *Гусейнова И. А.* Технологии нейтрализации гендерного аспекта в современным дескриптивных рекламных текстах. М., 2001. С. 161–166.

К. Е. Бушина

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Коммуникативные особенности доминантной личности

В повседневности мы часто сталкиваемся с сильными, влиятельными личностями. Доминантность как черта характера свойственна независимым людям, стремящимся занять лидерские позиции, утвердить свою собственную, неоспоримую точку зрения. Но можно ли быть абсолютно независимым, когда потребность в общении, установлении социальных контактов — одна из ведущих потребностей для человека.

На примере студентов-психологов УрФУ им. первого Президента Б. Н. Ельцина (17 юношей и 60 девушек), используя методику Р. Кеттелла 16PF, мы решили посмотреть, какие именно коммуникативные качества свойственны доминантному человеку, насколько он заинтересован в повседневном общении.

Доминантность оказалась положительно и статистически значимо связана со следующими показателями: с беспечностью $(r_{эмп} = 0{,}44;$ $r_{крит} = 0{,}28$ при $p \leq 0{,}01)$, смелостью $(r_{эмп} = 0{,}4;$ $r_{крит} = 0{,}28$ при $p \leq 0{,}01)$, подозрительностью $(r_{эмп} = 0{,}41;$ $r_{крит} = 0{,}28$ при $p \leq 0{,}01)$ и показателем зависимости от группы $(r_{эмп} = 0{,}28;$ $r_{крит} = 0{,}22$ при $p \leq 0{,}05)$. С фактором

общительности статистическая связь положительная, ио не достоверная ($r_{эмп} = 0,11$).

Согласио получеииым данным, с одиой стороны, доминантный человек легкий, уверенный в себе собеседник, с другой — он не активен в установлении контактов, достаточно иасторожен и недоверчив. Наличие положительной связи с показателем зависимости от группы говорит о потребиости в поддержке, несмотря иа иедоверчивость и, казалось бы, явную уверенность в себе.

Такие авторы как Г. Мюррей [1], Д. Макклелланд [2], Э. Фромм [3], М. Е. Бурно [4] и др., изучая мотивированного властью, доминирующего человека, отмечают его склонность к агрессии. Но проявлять агрессию можно в разных формах и в разных ситуациях, что зависит от принятия таким человеком ценностей окружения, норм и правил, принятых в обществе.

Так, на выборке студентов III курса (37 девушек и 12 юношей) факультета психологии, с помощью опросника Басса — Дарки, направленного иа определение качества агрессивности, мы решили выяснить, какие виды агрессивных реакций присущи человеку с доминантными чертами характера.

Домииантиость (фактор Е) положительно связаиа с показателями вербальной ($r_{эмп} = 0,55$; $r_{крит} = 0,36$ при $p \leq 0,01$), физической ($r_{эмп} = 0,48$; $r_{крит} = 0,36$ при $p \leq 0,01$) и косвенной агрессии ($r_{эмп} = 0,47$; $r_{крит} = 0,36$ при $p \leq 0,01$), а также с раздражением ($r_{эмп} = 0,36$; $r_{крит} = 0,27$ при $p \leq 0,05$). Что касается итоговых показателей, то доминантность обладает достаточно высокой положительиой связью только с агрессивиостью ($r_{эмп} = 0,63$; $r_{крит} = 0,36$ при $p \leq 0,01$), тогда как с враждебностью статистически значимой связи ие обиаружено ($r_{эмп} = 0,24$). Полученные данные свидетельствуют о том, что доминантный человек может применить физическую силу, позволить себе быть вспыльчивым и грубым, в том числе и в словесной форме. Но агрессия может быть направлена не на конкретное лицо, а послужить средством выражения иакопленных чувств.

Взаимосвязь какого-либо признака с агрессивиостью не подразумевает однозиачную связь этого призиака с конфликтностью. Агрессивный человек может и не быть конфликтным в силу использования стратегии неявной, косвенной агрессии. На наш взгляд, доминаитность имеет неоднозначную связь с конфликтностью. Используя опросник Е. Ильина и П. Ковалева «Личностная агрессивиость и конфликтность» на выборке студентов II и III курса факультета психологии (17 юношей и 60 девушек),

мы поставили перед собой задачу определить, насколько конфликтен человек с высоким показателем доминантности.

Оказалось, что доминантность на статистически значимом уровне не связана с общим показателем конфликтности $(r_{эмп} = 0,11)$. При анализе взаимосвязи между показателями отдельных субшкал конфликтности и доминантностью выявлена отрицательная связь с бескомпромиссностью $(r_{эмп} = -0,25;\ r_{крит} = 0,22$ при $p \leq 0,05)$ и положительная — со вспыльчивостью $(r_{эмп} = 0,28;\ r_{крит} = 0,22$ при $p \leq 0,05)$. Доминантность на достаточно высоком уровне значимости положительно связана с позитивной $(r_{эмп} = 0,31;\ r_{крит} = 0,28$ при $p \leq 0,01)$ агрессивностью, в которую авторы методики включают понятия напористости и неуступчивости, но не связана с негативной агрессивностью $(r_{эмп} = 0,17)$ — мстительностью и нетерпимостью.

Полученные данные говорят о том, что доминантный человек не конфликтен и не настроен агрессивно по отношению к другим людям.

Действительно, позволяя себе проявлять негативную агрессию, такой человек не сможет заручиться необходимой ему поддержкой окружающих. Но, наличие внутренней напряженности в силу сдержанности, подавления агрессивных тенденций может явиться причиной серьезных эмоциональных проблем.

Возможно, обладая доминантным характером, человек осторожен в активном общении с окружающими либо из страха сорваться и причинить боль, либо из страха потерять авторитет, тревожась в большей степени не о других, а о себе и собственном благополучии. В таком случае, дальнейшее исследование эмоционально-стабилизирующего и дестабилизирующего факторов в структуре доминантности как черты личности, позволит нам дать более конкретный и развернутый ответ.

Литература

1. *Murray H. A.* Explorations in Personality. New York. Oxford University Press. 1938. C. 151.
2. *Макклелланд Д.* Мотивация человека. СПб. 2007. С. 315.
3. *Фромм Э.* Авторитарная личность. Психология и психоанализ власти. Составитель Д. Я. Райгородский. Самара. 1999. Т. 2. С. 276.
4. *Бурно М. Е.* Напряжеиио-авторитарный характер. Психология и психоанализ власти. Составитель Д. Я. Райгородский. Самара. 1999. Т. 2. С. 245.

М. В. Вагачёва

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Социальные сети: возможности и угрозы для человека

Многие из нас когда-нибудь создавали свой профиль в какой-нибудь из социальных сетей или даже нескольких сетях. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) социальные сети посещает каждый второй пользователь Интернета (52 %) [1]. В чем же причины такой популярности этих Интернет-ресурсов, какие возможности предоставляют они человеку?

Во-первых, возможность общаться со знакомыми и друзьями, поддерживать связь, особенно, если нет возможности встретиться лично.

Во-вторых, возможность найти своих знакомых, друзей, сослуживцев, коллег, одноклассников, контакты с которыми давно потеряны.

В-третьих, можно завести новые знакомства, которые могут перейти в реальное общение.

В-четвертых, можно найти единомышленников, общаться с ними на какие-то темы, высказывать свою точку зрения, делиться своим опытом.

В-пятых, социальные сети позволяют делиться своими фото, видео, комментировать фото и видео других людей, т. е. получать отклик от социума в ответ на свои действия.

Кроме того, используя популярные социальные сети, можно построить и развить успешный бизнес.

Список возможностей можно продолжать и дальше, тем более со временем функционал социальных сетей будет только расти. Но, несмотря на все достоинства социальных сетей, они таят немалые угрозы для человека.

Одной из угроз является зависимость от сетей, когда виртуальное общение вытесняет реальное, становится преобладающим в жизни человека. Причины этого явления вполне объяснимы: у каждого человека есть явные и скрытые потребности, которые он стремится удовлетворить. Это может быть потребность в общении, самореализации, а социальная сеть дает ощущение удовлетворения этих потребностей: стоит написать красивую цитату, и ее прокомментируют 10 человек; стоит загрузить новое фото, и 10 человек скажут, какое оно красивое; стоит сделать пару кликов, и в друзьях уже новый знакомый. Однако по сути это уход от реальности,

подмена реального на виртуальное, которое только дает ощущение удовлетворения потребностей, а на самом деле Интернет не может заменить реальной жизни.

Другой не менее опасной угрозой является утечка персональных данных. Именно эта проблематика является основным направлением моего исследования.

На данный момент социальные сети, по сути, являются огромной базой данных с самой разнообразной информацией о сотнях миллионов людей по всему миру, которая к тому же неплохо структурирована. Современные социальные сети предлагают пользователям указать практически все о себе: фото, видео, контакты, интересы, образование, информацию о работе, места, в которых бывает человек, предпочитаемые продукты, личные мысли и т. д. Немалое количество информации доступно без регистрации, достаточно найти страницу пользователя в популярных социальных сетях, остальное можно увидеть после добавления пользователя в друзья, а вся информация, включая личную переписку, доступна администрации этой сети, и никакие настройки приватности не скроют ее.

Согласно исследованию [2], проведенному мною среди 286 аккаунтов студентов исторического факультета (в друзьях не состоят) в самой популярной в российском Интернете социальной сети «В Контакте», только 27 % пользователей указывают в своих учетных записях ничего, кроме даты рождения и города. Еще 13 % вдобавок к этим данным указывают номер ICQ. 31 % студентов держит открытой информацию о себе, а 55 % размещает в свободном доступе свои фотографии.

Самым безобидным можно считать использование личных данных самими владельцами социальных сетей для развития своего бизнеса. Самый простой способ — это поиск информации на основе заполненных анкет пользователей, так, например, социальная сеть «Facebook» автоматически находит и предлагает одноклассников и однокурсников после добавления информации о месте учебы.

Более серьезные проблемы может вызвать взлом аккаунта и получение доступа ко всей личной информации отдельного человека. Сделать сегодня это не сложно даже для обычного пользователя, который просто знает человека и может использовать социальную инженерию, а хакеры для этой цели могут использовать такие методы, как брутфорс, кража cookie, фишинг, фарминг.

Узнав о проблемах с приватными данными, некоторые люди решают просто удалить свои профили из социальных сетей. Однако и в этом

случае возникает проблема: часто информация сохраняется на серверах компании и может использоваться в дальнейшем, в частности так делают «Facebook», «В Контакте» и некоторые другие сети.

Таким образом, с одной стороны, социальные сети играют положительную роль в жизни человека, предоставляя ему немало возможностей и расширяя рамки общения. С другой стороны, чрезмерное увлечение социальными сетями грозит деградацией, потерей способности строить межличностные отношения в реальной жизни.

Кроме того, регистрируясь в социальных сетях и размещая там личные данные, важно знать, что эти данные, как и все личные сообщения, фотографии, защищенные настройками приватности, не всегда такие тайные и личные, как обещают владельцы многих сетей. Как минимум, они доступны владельцам социальной сети, в которой человек зарегистрирован, как максимум, любому желающему. В связи с этим, становится актуальной задача обучения принципам защиты информации, которая должна входить составной частью в процесс ликвидации компьютерной неграмотности.

Литература

1. *Анищенко Н.* Скованные одной сетью. / Деловая газета «Взгляд». URL: http://www.vz.ru/society/2010/5/25/405124.html (дата обращения: 24.02.2012).
2. Исследование проводилось в г. Екатеринбурге 1–2 мая 2011 г. Находится в личном архиве.

С. Н. Вересова
СФУ, г. Красноярск

Влияние психологического пространства на коммуникацию

Исследование речи в условиях ограниченного и семиотизированного пространства невозможно без изучения влияния организации пространства на коммуникацию. Но для этого необходимо понять, как организовано это пространство. Для исследования нами выбрано общение в комнате студенческого общежития № 2 Сибирского федерального

университета. Организацию этого пространства можно изучать в различных ракурсах.

С точки зрения **архитектуры** комната представляет собой небольшое помещение площадью 12 м² для двух человек и 18 м² для трех человек с одним входом и одним окном. Исходя из этого, можно сказать, что пространство замкнутое (термин по М. В. Загребельной), так как оно отделено стенами. Оно является камерным, достаточно светлым, прямоугольной формы. Описание комнаты с этой точки зрения быстро исчерпывается и не представляет большой значимости для лингвистического исследования.

С **социально-коммуникативной** точки зрения комната относится к социофугальному типу пространств (по классификации Г. Осмонда), т. е. побуждает к установлению межличностных отношений. Это доказывается тем, что говорящие в данном помещении могут коммуницировать достаточно долгое время и, следовательно, выбирать жанры свойственные общению более близких людей (беседу, в том числе беседу по душам, болтовню).

Если рассматривать это место с позиций **антропологии**, то можно указать на такие его свойства, как символичность, семиотичность, так как замкнутое жилое пространство не только несет в себе бытовую функциональность, но и представляет собой хранилище важных личных и социальных смыслов, из которых чрезвычайно важным является смысл «свое/чужое», «общее/приватное».

Семиотичными являются предметы комнаты. Так, обычно в ней находятся два стола, от двух до четырех стульев, кровати по числу проживающих, одна-две тумбочки, холодильник, шкаф (чаще встроенный), книжные полки на стенах. Практически каждый предмет мебели имеет своего хозяина. Несмотря на то, что холодильник, шкафы и тумбочки общие, полки на них строго поделены и случайно поставленная не на своё место вещь будет перемещена с чужой территории. Кроме этого, сосед может сделать замечание и попросить «нарушителя» самому убрать предмет. К неприкосновенному личному пространству студента относятся его кровать, стол и стул. Граница неприкосновенного пространства нарушается в очень редких случаях.

Интересно, что среди предметов неприкосновенного личного пространства студента (стул, кровать, стол) существует своя иерархия. Она обнаруживается именно в критических ситуациях, когда личное пространство неизбежно нарушается.

Приведем несколько примеров.

1. Студентка пригласила большое количество гостей, они заняли стул и кровать соседки. Как только последняя вернулась домой, гости сразу же освободили её стул, но остались сидеть на кровати.

2. Студентка пригласила в комнату одну подругу, та села на стул соседки. Когда соседка вернулась домой, студентка попросила подругу освободить стул. Та сразу пересела.

3. В комнате хозяйка и гость, который сидит на кровати отсутствующей соседки. Соседка возвращается, и гость просит у неё разрешения остаться сидеть на кровати, разрешение получает.

Таким образом, самым важным и неприкосновенным в пространстве комнаты является стул. Чужую кровать могут с разрешения занимать гости, у самих жильцов такой потребности нет. Возможно на некоторое время по договоренности положить предмет на кровать или стол, оговорив сроки его пребывания там. Особая значимость стула в личном пространстве человека подтверждается и исследованиями в социальной психологии, психологии среды.

Итак, комната студенческого общежития обладает уникальными свойствами: замкнутостью, камерностью, хорошей освещенностью, социофугальностью, семиотичностью и структурированностью. Эти характеристики прямо или косвенно влияют на характер общения в комнате, в частности на выбор речевого жанра и среднюю длительность высказывания.

М. С. Горланова

УлГУ, г. Ульяновск

Психологический портрет коммуникативного лидера

Коммуникабельность относится к личным качествам, которые в современном мире для достижения успеха нужны почти каждому человеку. Это, в первую очередь, способность устанавливать связи и контакты, и это не только общительность, но и умение вести диалог с окружающими. Многие представители разных профессий, таких как юристы, журналисты, политики, экономисты, добиваются только тогда значительных успехов, когда с легкостью находят общий язык с другими людьми.

Поговорить с незнакомым человеком, узнать нужную информацию, выступить перед аудиторией или задать вопрос на публичном собрании — некоторых все это повергает в шок, а другие получают удовольствие от такого общения. Зачастую любой человек, оказавшийся в той или иной ситуации, в процессе общения может оказаться информационным центром той группы, то есть быть коммуникативным лидером группы. Им может стать как подросток-школьник, так и политический деятель, независимо от той ситуации, где он проявляет свои коммуникативные навыки. По мнению В. В. Богданова «коммуникативный лидер — это человек, который обладает нетривиальной информацией с точки зрения данной ситуации общения, умеет выразить эту информацию в наилучшей форме и довести ее до сведения адресата посредством оптимального языкового контакта» [1]. То есть лидер должен не только обладать большим количеством информации, но также умело управлять коммуникативным процессом: он должен интуитивно чувствовать и понимать каждого в группе, быстрее и точнее откликаться на поставленный вопрос, притягивать внимание всех слушающих. Его психологическая роль в группе определяется именно умением общаться, которое основывается на общих фоновых знаниях, на соблюдении правил акта коммуникации и знании психологии человека.

В связи с этим в данной работе будут рассмотрены основные способности, навыки коммуникативного лидера и на их основе составлен психологический портрет коммуникативного лидера.

На данный момент в психологии существует несколько методик для составления психологического портрета человека. Так как объектом исследования является коммуникативный лидер, то в основу лягут особенности вербального и невербального общения. Первое — это речь, а именно смысловая и логическая её составляющие. Второе — несловесные знаки: жесты, позы, мимика, бессознательные реакции и некоторые другие.

С точки зрения вербального общения коммуникативный лидер говорит твердо и уверенно, со средним темпом речи, красиво без заминок, ясно, четко и лаконично выражает мысли, пользуется накопленным багажом знаний. Ставит логически обоснованные вопросы, соблюдает все литературные нормы, умело использует образные средства языка, не употребляет слова-паразиты. Человек с задатками коммуникативного лидерства обладает высоким общекультурным уровнем.

Что же касается невербального поведения, то коммуникативный лидер никогда не скрещивает руки и ноги во время беседы, использует открытую и спокойную жестикуляцию и не сооружает барьеры из рук

или предметов при общении. Он твёрдо смотрит в глаза при разговоре, выражая при этом свою заинтересованность, обычно располагается на некотором отдалении от собеседника или, по крайней мере, не вторгается в его личное пространство.

При рассмотрении коммуникационного процесса необходимо учитывать, что в условиях человеческого общения важно не только то, как информация передается, но и то, как формируется, уточняется, развивается. В этой связи следует выделить несколько значимых элементов, без владения которых считать человека коммуникабельным практически невозможно. Сюда можно причислить умение быстро устанавливать контакт, располагать собеседника к себе, слушать и слышать, умение задавать вопросы и получать информацию. Все это подразумевает умение постоянно сохранять нить разговора, при необходимости перехватывая инициативу, подводить разговор к тому, что необходимо узнать, постоянно удерживая в фокусе внимания цель общения. Это основные навыки, которыми должен обладать коммуникативный лидер. Умение мотивировать, направлять и побуждать к действию — относятся к его важным способностям.

Таким образом, составляя психологический портрет коммуникативного лидера, можно сделать следующие выводы. Лидер обладает хорошими фоновыми знаниями, обладает способностью объединять и интерпретировать большое количество информации, то есть это человек с высокой эрудицией. С лингвистической точки зрения лидер соблюдает в речи грамматические, лексические, орфоэпические нормы языка, при этом выражаясь общепонятным языком, то есть доступным к восприятию всеми членами общества. Рассматривая невербальное поведение, коммуникативный лидер ведет себя раскованно, спокойно, не используя закрытых поз. Человек с задатками коммуникативного лидерства соблюдает все правила норм поведения: умеет слушать и слышать, не перебивает. К его сильной стороне следует отнести способность направлять и мотивировать людей к действию. В этом случае огромное влияние оказывает знание психологии человека. В заключение следует отметить, что в повседневной жизни коммуникативный лидер обладает в большей или меньшей степени данными навыками, благодаря которым осуществляется активное общение.

Литература

1. *Богданов В. В.* Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство. Тверь, 1990. С. 26–31.

В. А. Дихорь

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Психологические особенности коммуникаций футбольных фанатов с обществом

Данная работа посвящена особому спортивному движению «футбольному фанатизму» и особенностяv взаимодействия его представителей с обществом.

В связи с недавними трагическими событиями во время футбольного матча в Порт-Саиде (Египет), актуальность данной темы еще больше возросла. В последние годы контроль над фанатами стал жестче, численность сотрудников правопорядка на стадионах значительно увеличилась и негативное отношение окружающих стало проявляться намного ярче.

Так по какой же причине у представителей фанатского движения складываются столь напряженные коммуникации с теми, кто индифферентно относится к футболу? Стоит ли ограждать общество от представителей этого движения? Для ответа на эти вопросы нами в 2010–2011 было разработано два опросника для изучения отношения к футбольному фанатизму как людей, увлекающихся футболом, так и безразличных к нему. Опрос был проведен в феврале–марте 2011 года в двух молодежных группах: в первую вошли 32 футбольных фаната, а во вторую — 34 человека, которые не увлекаются футболом.

Все опрошенные лично знакомые с представителями фанатского движения, считают, что фанатизм это — любовь к спорту (47 %), идеология (20,7 %), болезнь (20,7 %). Сами они в большинстве своем позитивно относятся к футбольному фанатизму и полагают, что именно футбольный фанатизм обеспечивает полные стадионы болельщиков. Однако они осознают, что *необъяснимое разрушительное поведение хулиганов*, *порочит фанатизм, как явление*, именно драки хулиганов считаются самым большим недостатком фанатизма и главной причиной проблем в коммуникации фанатов с обществом Также были назвали и другие минусы фанатского движения: **сверх агрессивное поведение (82 %);** разрушительные и антиобщественные проявления (вандализм) (6 %); «прожигание жизни в бесконечном болении», уход от других видов деятельности (6 %); склонность к разного рода аддикциям (алкоголизм, курение, наркомания) (6 %).

Фанаты тоже выделили недостатки фанатизма: неприятие обществом (12,5 %) и необъяснимое разрушительное поведение хулиганов, порочащее фанатизм ,как явление (68,75 %). Довольно часто фанатов путают с обычными хулиганами, для которых футбол ничего не значит. Для них главное — грубо выместить свою злость на окружающих. К сожалению, общество обычно не разграничивает настоящих футбольных фанатов и хулиганов.

После этого исследования нас заинтересовали следующие проблемы: Каков же коллективный «психологический портрет» футбольного фаната? Являются ли они по-настоящему опасны для коммуникаций с обществом?

Наличие негативного отношения в обществе к фанатам вызвало исследование (которое проводится в январе–марте 2012 года), посвященное изучению психологических особенностей фанатов. Для этого 20 испытуемым в возрасте от 18 до 21 (участникам фанатского движения) был предложен **опросник Айзенка-EPQ** [1], направленный на оценку таких характеристик темперамента как психотизм, экстраверсия, нейротизм. *Шкала психотизма* говорит о склонности к асоциальному поведению, вычурности, неадекватности эмоциональных реакций и высокой конфликтности, склонности к уединению и нечуткости к другим. Испытуемые проявили эту характеристику в диапазоне от 2 до 15, среднее значение 5.9 (нормальный диапазон для этой шкалы 5–12).Ниже нормы показатель у 40 % , выше — у 5 %. Это говорит о том, что испытуемые данной выборки имеют проблемы с пониженными возможностями самозащиты и самопредъявления и скорее страдают от стеснительности, чем от агрессивности.

Шкала экстраверсии характеризует направленность психической активности внутрь себя или вовне на других. 95 % проявили данную характеристику в диапазоне от 12 до 23, что свидетельствует нормальному и высокому уровню экстравертированности и только 5 % показали низкий результат по этому показателю, оказавшись интровертами.

Шкала нейротизма характеризует эмоциональную устойчивость психики. Эмоционально стабильными считаются те, кто имеют показатели от 8 до 16. В исследуемой выборке 30 % показали результат ниже нормы. 50 % являются эмоционально стабильными и только 20 % испытуемых показали результат выше нормы.

Определенные на основе названных шкал типы темпераментов распределились так: сангвиников — 50 %, холериков — 45 %, меланхоликов — 5 %. флегматиков нет.

Проводимый нами **опросник Ассингера**, определяющий уровень агрессивности, показал средний результат в данной выборке 37,6, что соответствует нормальному уровню агрессивности. Минимальный показатель — 33, а максимальный — 44, что по Д. Я. Райгородскому [2] практически точно совпадает с диапазоном нормы (36–44). .

Таким образом, анализирую результаты выборки, можно сделать вывод о некоторых характеристиках настоящих футбольных фанатов: их психическая активность направлена на окружающих и по особенностям темперамента большинство фанатов являются холериками и сангвиниками, они могут нередко страдать от недостатка оригинальности и уверенности в себе и обладают нормальным уровнем агрессивности, а значит способны строить вполне адекватные коммуникации с обществом.

Литература

1. *Райгородский Д. Я.* Практическая психодиагностика: методики и тесты. Самара,1998.С. 121–131.
2. *Райгородский Д. Я.* Там же. С. 180–184.

Н. С. Зонина
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Влияние коммуникативных способностей кандидатов на процесс профотбора

Каждому достаточно развитому, образованному человеку свойственно планировать свое будущее, в том числе профессиональное. Человек стремится реализовать свой потенциал в труде, испытывая потребность в обретении профессиональной идентичности, становления себя как специалиста в определенной области. Им движет чувство необходимости повышения своей значимости через реализацию социально-важных функций, отраженных в круге его должностных обязанностей. Эту часть онтогенеза человека с начала формирования профессиональных намерений до окончания активной профессиональной деятельности Э. Ф. Зеер называет профессиональным становлением субъекта [1].

Данный этап занимает довольно длительный период, в ходе которого меняются ценностные ориентации человека, происходит смена социальной ситуации, изменяются его жизненные и профессиональные планы, происходит переструктурирование личности. В рамках данной работы нам будет интересно рассмотреть процессы профессионального становления до начала активной трудовой деятельности.

Т. В. Кудрявцев, один из первых отечественных психологов, глубоко исследовавших проблему профессионального становления личности, называет первый его этап «возникновение и формирование профессиональных намерений». Е. А. Климов, описывая жизненный путь профессионала, говорит о стадии оптации (12–17 лет) — подготовка к сознательному выбору профессионального пути. А. К. Маркова пишет об этапе допрофессионализма. Зарубежный автор Дж.Сьюпер, включает в него этапы роста (развитие интересов, способностей (0–14 лет) и исследования (апробация своих сил (14–25 лет) [2].

В. А. Поляков и С. Н. Чистякова разбивают его на следующие подэтапы:

1. Дошкольный возраст. Профессиональная направленность как интерес к предмету или цели трудовой деятельности.

2. 1–4 классы. Профессиональный интерес как установка на овладение одной из профессий выбранной сферы.

3. 4–7 классы. Профессиональное намерение, сформированное на основе устойчивого профессионального интереса.

4. 8–10 классы. Профессиональное самоопределение старшеклассника как готовность к самоопределению.

5. 10–11 классы. Профессиональный план как заключительный этап самоопределения [3].

Обобщив представленные сведения и абстрагируясь от возрастных рамок, заметим следующую схему: профессиональные намерения являются формирующим стимулом к самоопределению, в результате которого у человека формируется индивидуальный профессиональный план.

Формирование профессионального плана — цель профориентации. Профессиональная ориентация имеет важное значение как для конкретного человека, т. к. задает его профессиональный путь, так и для работодателей, заинтересованных в притоке новых кадров.

Организация, предоставляющая вакансию, осуществляет действия профотбора, завершающим моментом которого выступаст решение о принятии или непринятии на работу нового сотрудника в лице определенного соискателя. Большинство работодателей для оценки кандидатов

используют собеседование. В ходе этого «испытания» представитель организации выясняет уровень образования человека, его квалификацию, опыт работы, обращаясь к определенным носителям информации (аттестат, диплом, грамоты, сертификаты, трудовая и медицинские книжки). Тем самым происходит сбор объективных данных о работнике.

Сотрудник организации, проводящий собеседование, также задает вопросы личного характера, касающиеся целей человека, устремлений в жизни, его профессиональных планов. Ответы на данные вопросы вносят даже более весомый вклад в принятие решения о найме работника и поэтому требуют с его стороны тщательной проработки. Именно на данном этапе профотбора необходимо продемонстрировать результаты сформированной ранее профориентации, а именно: осознанный профессиональный план, в основе которого лежат намерения, переформулированные в четкие цели профессионально-самоопределившегося человека. Некоторые исследователи приводят данные о том, что случайный выбор профессии негативно сказывается на производительности труда работника, с одной стороны, и на его эмоциональном и психическом состоянии, с другой.

Однако даже у профессионала своего дела, высококвалифицированного специалиста с четко оформленными профессиональными планами, может возникнуть сложность их презентации. Это связано с тем, что акцент в процессе отбора персонала переносится в сторону оценки коммуникативных качеств соискателя, того, как легко он сможет вписаться в коллектив. Технические навыки специалиста отходят на второй план и приобретают условный характер, т. к. сам работник кадров зачастую некомпетентен в вопросах непосредственного производства организации.

Кандидат, недооценив важность демонстрации своих коммуникативных качеств в процессе собеседования, имеет вероятность приобрести барьеры в достижении целей своих (отказ в устройстве на желаемую должность) и/или целей работодателя (потеря возможно ценного сотрудника).

Собеседование — это особый вид коммуникации, особая ситуация общения, которая, входя в сферу отбора персонала, приобретает специфическую особенность: общение в процессе собеседования не является самоцелью, а служит для достижения определенной цели. Следовательно, каждый из участников осознанно строит и планирует свое поведение. Этап подготовки к собеседованию занимает длительное время, в ходе которого соискатель должен приобрести не только формальные знания об организации, предоставляющей вакансию, но и создать проект

самопрезентации через активное раскрытие коммуникативных способностей (либо обучение навыкам ведения переговоров).

Некоторые исследователи по этому поводу говорят о процессе собеседовании при приеме на работу как о выгодной продаже своего профессионального плана в процессе грамотно построенного акта общения.

Литература

1. *Зеер Э. Ф.* Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2005. С. 336.
2. *Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону, 1996.
3. *Чистякова С. Н.* Твоя профессиональная карьера. М., 2001.

В. В. Игнатова
ЮФУ, г. Ростов-на-Дону

Влияние медиафакторов на профессиональный выбор молодежи

Проблема выбора профессии была актуальна во все времена. Однако молодому поколению иногда не хватает знаний о самих профессиях, о тех требованиях, предъявляемых к исполнению профессиональных обязанностей, и умения оценить собственные способности, выявить свои интересы и склонности.

Наряду с такими факторами выбора профессии как: мнение членов семьи, педагогов, друзей, факторов социального характера, престижности специальностей в обществе, планов и представлений о будущей профессии, индивидуальных способностей и склонностей человека, существуют так называемые медиафакторы, влияние которых нельзя недооценить. Немаловажное значение проблематике медийной грамотности, и медиаобразованию в современном мире, уделяла в своих работах кандитат филологических наук и общественный деятель И. В. Жилавская. Согласно ее мнению, под медийными факторами понимаются: Интернет, телевидение, радио, кино, пресса [1]. Каждый день на нас обрушивается огромное количество информации, которая формирует личное мнение, предпочтения, взгляды, систему поведения, задает координаты развития личности.

Но можно ли говорить о влиянии медиафакторов на профессиональные ориентации молодого поколения? Для ответа на этот вопрос сначала нужно обратиться к теоретическим аспектам влияния массовых коммуникаций. По мнению психологов С. Болл — Рокич и М. Де Флюер, можно говорить о следующих результатах воздействия на индивидуальное и массовое сознание:

- поведенческий эффект, активация (провоцирование тех или иных действий), деактивация (прекращение некоторых действий);
- эмоциональный эффект — влияние на страсти человека, появление страха и отчуждения;
- познавательный (когнитивный) эффект, включающий разрешение неопределенности (посредством массовой коммуникации поставляется дополнительная информация, позволяющая составить представление о новых, неоднозначных явлениях и процессах);
- формирование установок, т. е. системы когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций в отношении объектов внешней среды;
- задание набора обсуждаемых людьми тем;
- распространение новых систем мнений (идеологических, религиозных, экономических) [2].

СМК выполняют в первую очередь рекреативную роль, поскольку во многом определяют досуговое времяпрепровождение людей. Она реализуется по отношению ко всем людям так, как отдых на досуге с книгой, в кино, перед телевизором, с компьютером отвлекает их от повседневных забот и обязанностей [3].

Нередко интерес к профессии, у молодого поколения, в частности, вспыхивает под влиянием прочитанной книги или увиденного фильма. Такие советские фильмы как «Светлый путь», «Экипаж», «Доживём до понедельника», «Весна на Заречной улице», «Трактористы» пропагандируют романтику простых, нужных обществу профессий. Что, к сожалению, нельзя сказать о современном кинематографе. Сегодня главные герои фильмов банкиры, бизнесмены, топ-менеджеры, а иногда даже бандиты и уголовники.

Всевозможные телепередачи и ток-шоу формируют у молодежи представления о престижности узкого набора профессий. Довольно редко можно встретить сюжет или хотя бы просто анализ таких нужных профессий, как столяр, портной, повар, слесарь, строитель и т. п., зато наиболее яркие и броские (модель, артист, бизнесмен), встречаются постоянно. Это можно объяснить тем, что телеканалам и прессе выгоднее подавать

аудитории будущих работников более «эффектные» и привлекательные профессии, как правило, не связанные с производительным трудом. Эта проблема, а именно нехватка рабочих рук, неоднократно поднимается представителями политического руководства нашей страны.

По данным исследования ВЦИОМ за 2009 год самыми престижными профессиями считаются:

– Адвокат, юрист (20 %);

– Врач и экономист (по 12 %);

– Банкир (7 %);

– Бизнесмен (6 %);

– Программист, госслужащий (по 6 %);

– Учитель, рабочий, работник сферы услуг (по 4 %);

– Бухгалтер, военнослужащий, инженер (по 3 %) [4].

Глядя на эти цифры, мы с уверенностью можем сказать, что рабочие специальности не престижны среди нашего молодого поколения.

Медиафакторы оказывают самое непосредственное влияние на выбор профессиональных стратегий молодежи. Направленность продуктов медийной деятельности на «популяризацию», идеализирование престижных профессий формирует неправильное представление и дальнейший выбор «модной», «востребованной» специальности на «виртуальном» (медийном) рынке труда, но неадекватной конкретным запросам и потребностям современного российского общества. Эта тенденция будет продолжаться до тех пор, пока вектор деятельности средств массовой коммуникации (ТВ, кино и т. п.) примет направление, стремящееся к созданию позитивного имиджа профессий производящей экономики как минимум, как максимум демонстрация финансовой успешности, материального достатка конкретного человека, выбравшего профессию рабочего и т. п.

В начале апреля 2011 года Президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев провел совещание по вопросам улучшения условий труда рабочих и привлечения молодых кадров. Рассмотрение проблемы на таком высоком уровне является доказательством ее важности и актуальности в современном российском обществе. Поэтому сложноорганизованный комплекс проблем под названием «выбор и востребованность профессий молодым поколением» должны решать три основных составляющих социального устройства — власть, медиа и общество.

Литература

1. *Жилавская И. В.* Медиаобразование молодежной аудитории. Томск : ТИИТ, 2009. С. 101.

2. *Евгеньева Т. В.* Установки и стереотипы массового сознания. Изд-во: Элитариум, 2005. С. 321.
3. *Копьев В. В.* Средства массовой коммуникации в контексте глобализации мировой экономики и развитие информационного пространства России, Изд-во: М., Научная книга, 2005. С. 123.
4. ВЦИОМ, пресс-выпуск № 1150 «Врач, юрист или ученый? Рейтинг престижных профессий современной России».

А. В. Каверзина
ЛПИ — филиал СФУ, г. Лесосибирск

Коммуникативная открытость как характеристика инновационности

На современном этапе развития, когда к формированию человека предъявляются весьма четкие требования, связанные с его инновационностью, необходимо поднимать вопрос о его коммуникативной открытости [1].

Вслед за Б. Д. Парыгиным под коммуникацией мы понимаем процесс, который может выступать как процесс взаимодействия людей, как информационный процесс, как отношение людей друг к другу, как процесс их взаимного влияния друг на друга, а так же как процесс их взаимного переживания и взаимного понимания друг друга [2]. Поэтому коммуникацию мы можем рассматривать как характеристику инновационности.

Под инновационностью нами понимается проявление совокупности качеств личности, определяющих направленность человека на развитие собственной деятельности, а также его способности системно и конструктивно мыслить, быстро находить нужную информацию, принимать адекватные решения, создавать принципиально новые идеи в различных областях знания, выявлять актуальные проблемы, находить и реализовать эффективные способы их решения [3].

Говоря об инновационности, мы рассматриваем такие составляющие ее компоненты, как целенаправленность, ориентированность на преодоление возникающих препятствий, гибкость, настойчивость, толерантность к неопределенности и коммуникативность [4].

Наиболее интересным для нашего исследования явился такой компонент инновационности как «коммуникативность», который показывает отношение к источникам информации; стремление объективно оценивать значение поступающей информации; умение систематизировать информацию по критериям актуальности и достоверности; умение сопоставлять, анализировать данные из разных источников; умение выстраивать и реализовывать межличностные коммуникации, иными словами открытость.

В рамках исследования нами была использована методика «Диагностика инновационного потенциала педагогического коллектива» (Т. С. Соловьева, 4 субтеста), направленная на изучение коммуникативной открытости. Выборка исследования составила 26 педагогов — преподавателей высшей школы.

Анкетирование на предмет восприимчивости к новому показало, что уровень восприимчивости обследуемых педагогов (100 %) к новому является допустимым и характеризует их как людей, готовых воспринимать новое и адекватно оценивать свои силы и возможности, испытуемым в большей степени свойственна открытость в восприимчивости к инновациям.

В результате изучения информационной готовности педагога мы можем отметить, что наибольшая информация поступает из совещаний и семинаров в образовательном учреждении, из общения с коллегами по образовательному учреждению и из общения и обмена опытом с коллегами из других образовательных учреждений. Кроме того, одним из источников информированности выступает самостоятельный поиск и интерес, а так же желание саморазвиваться.

Проанализировав данные, полученные в ходе изучения инновационной готовности, мы пришли к выводу о том, что основными мотивами освоения новшеств являются потребность в самовыражении, самосовершенствовании, потребность в контактах с интересными, творческими людьми, потребность в новизне и обновлении, что говорит о готовности педагогов осуществлять инновационную деятельность, развиваться самим и развивать тех, кого они обучают.

Анализируя результаты анкеты «Антиинновационные барьеры педагогов, препятствующие освоению инноваций» мы пришли к выводу о том, что препятствий для осуществления инновационной деятельности респондентами не отмечается, что говорит о высокой степени заинтересованности педагогами в своей профессиональной деятельности и высоком уровне инновационного потенциала в целом.

Таким образом, опираясь на результаты нашего исследования, мы можем утверждать о том, что для большинства респондентов характерно наличие инновационного поведения, в частности, таких его составляющих, как готовность к осуществлению инновационной деятельности и коммуникативность. На наш взгляд, данные компоненты являются основными в определении инновационности, так как коммуникативность — это характеристика открытой системы, это показатель готовности обоюдного обмена информацией, опытом, идеями и пр., в то время как противоположная ей составляющая — закрытость, не дает выходу энергии, т. е. запрещает коммуникацию.

Литература

1. Инновационная деятельность учителя как фактор его саморазвития // Материалы научно-практической конференции. Чита, 1995.
2. *Парыгин Б. А.* Анатомия общения. СПб., 1999.
3. *Клочко В. Е.* Психология инновационного поведения. Томск, 2009.
4. *Молостова Н. Ю.* Теоретико-методологические основания понятия «инновационное поведение» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. № 5. 2011.

А. В. Касаткин

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Психологические основания коммуникативности

«Коммуникативность — врожденная или приобретенная способность, навык, умение передавать правильно свои мысли, чувства, эмоции так, чтобы они правильно (доходчиво) были поняты, восприняты другим человеком (собеседником) или людьми» [1]. Под психологическими основаниями коммуникативности будем понимать те особенности человеческой психики, которые делают возможным такое взаимопонимание между людьми. Цель доклада — поиск этих условий возможности.

Представляется вполне целесообразным выбрать отправной точкой для подобных изысканий язык. Здесь мы встаем на семиотическую точку зрения, и предполагаем субстанцией коммуникации знаковые системы,

нз которых нанболее доступной для изучения, наиболее показательиой н, пожалуй, наиболее развитой является язык.

Взаимопонимание, прн таком понимаиии, обеспечнвается одинаковым использованием языка агентами коммуникации. Под одинаковым нспользованием языка понимается принятие едииого понятийиого аппарата н правил пользоваиия им. Если отвергнуть догматы Платоновского идеализма, и подвергнуть сомненню то, что всякому понятию соответствует иеизмеиная сущиость в мире эйдосов, то становится проблемой вопрос о том, как людьми достигается такое единство в вопросах пользоваиия языком. Разумный вариант ответа даёт конвенциоиализм: люди приинмают некоторые конвенции, и используют язык согласно им (например — радикальный коивеициоиализм К. Айдукевича [2]). Но такой ответ влечет за собой еще ряд вопросов: когда и как принимаются этн конвенции, на какой основе? Попытку разрешить этн проблемы делает У. Куайн: конвенции принимаются в процессе изучеиия языка, основа их — эмпирический опыт. И здесь мы нсчерпываем возможности иайти ответы на изначальный вопрос об условиях возможности коммуннкации в границах исследований языка, и переходим на проблемное поле других разделов гумаиитариого зиания: «Итак, за пределами языка также существуют, по всей вероятности, весьма ограинченное множество норм восприятия, по отношению к которым мы бессознательно стремимся исправить все нашн восприятия. Эти восприятия, будучи отождествлёнными экспериментально, могли бы рассматриваться как своего рода строительиые блоки эпистемологии, как работающие элементы опыта. Они могли бы считаться отчасти завнсящими от культурного окружения, иаподобне фонем, а отчасти — универсальными» [3]. В этих *нормах восприятия и* видится иам путь дальнейшего развития этих вопросов; путь, ведущий к психологии.

Итак, поиск оснований коммуникативности привел нас к понскам оснований единства языка, а они, в свою очередь, — к понскам основания единства опыта. А это вопрос психологии — вопрос о том, какие структуры психики оформляют чувственные даииые таким образом, что индивидуальный для каждого человека опыт мы способиы подводить под абстрактные понятия, на базе которых и строится язык — основа коммуникации. Один из самых известных н влиятельных сегодня ответов на этот вопрос дал Э. Гуссерль [4]. Наиболее значимым моментом феноменологического учения для иашей темы стоит считать теорию интенцноиальности. Именно интеициоиальность созиания, являющуюся главной

его характеристикой, нужно, на наш взгляд, считать основной нормой восприятия.

Интенциональность как предметная направленность сознания, как способность сознания в хаосе потока переживаний выделять некоторый предмет, по видимому, является необходимой для формирования языка. Иначе бы нечего было именовать словом. А далее прилагаются другие аспекты: Я как субстрат хабитуальностей становится причиной неизменного бытия предметов; трансцендентальная интерсубъективность выводит на уровень некоторой объективности [5, разм. IV, V]. Это еще две особенности сознания, важные для образования структурированного и относительно объективного представления о мире, позволяющие развиваться коммуникации.

Итак, по нашему мнению, основные психологические основания коммуникативности — это интенциональность сознания, способность Я как монады быть носителем хабитуальных особенностей и способность к переживанию опыта Мы. Интенциональность выделяет предмет вообще; хабитуальности закрепляют предметы; трансцендентальная интерсубъективность объективизирует такое положение вещей. На этой основе возможно употребление языка, а через него — коммуникативность.

Литература

1. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс]. URL: http://perevodovedcheskiy.academic.ru/ (дата обращения: 29.02.2012).
2. *Айдукевич К.* К вопросу об «универсалиях». Картина мира и понятийный аппарат. Язык и смысл. М. : Директ-Медиа, 2009.
3. *Куайн У. В.* О. Натуральная эпистемология [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy.ru/library/quine/quine-natepistem/quine-natepistem.pdf (дата обращения: 29.02.2012).
4. *Гуссерль Э.* Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://katrechko.narod.ru/library/husserl/husserl_idea1_1.html (дата обращения: 29.02.2012).
5. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления [Электронный ресурс]. URL: http://elenakosilova.narod.ru/studia/Husserl.htm (дата обращения: 29.02.2012).

А. Г. Каячев
СФУ, г. Красноярск

О формировании коммуникативной компетентности менеджера в процессе магистерской подготовки Сибирского федерального университета

Социально-экономическое развитие современного российского общества в значительной степени определяется качеством человеческих ресурсов. Учитывая изменяющиеся требования экономики края, рынка труда, работодателей, Сибирский федеральный университет ставит перед собой задачи по подготовке востребованного специалиста, способного быть не только отличным исполнителем, умеющим быстро обучаться, готового быстро адаптироваться к новым условиям труда, менять технологии, но и быть генератором новых идей. В Программе развития Сибирского федерального университета особое внимание уделяется магистратуре с целью обеспечения ключевых производственных и социальных кластеров конкурентоспособными кадрами магистров для Сибири и других регионов. Переход от управления персоналом к управлению человеческими ресурсами, дает возможность определить ключевые профессиональные компетенции для реализации индивидуального подхода ко всем, для управления конфликтами, обеспечения требований психофизиологии. В качестве ключевой профессиональной компетентности выступает коммуникативная.

Формирование коммуникативной компетенции в рамках программы магистерской подготовки по направлению «Менеджмент», основано на реализации психолого-педагогических аспектов. Педагогическим формирующим воздействием выступает форма и методы организации учебного процесса. Педагогическое воздействие влечет соответствующие психологические эффекты. Под эффектами формирующего воздействия понимается динамика обогащения профессиональной практики будущих менеджеров навыками эффективной коммуникации.

Процесс формирования коммуникативной компетентности в рамках функционально — деятельностного подхода позволяет задействовать интеллект человека, его чувства, эмоции, волевые качества, творчество таким образом, что в процесс обучения включается потенциал целостной личности. Таким образом, будущий менеджер получает запланированный

и незапланированный опыт в эффективных коммуникациях, вооружается инструментами анализа, помогает интегрировать умения, техники, идеи и выполняет функцию катализатора развития профессиональной компетентности, что, несомненно, даст возможность быть конкурентоспособным на современном рынке труда.

Е. Д. Кочнева

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Коммуникативность в сфере политического PR-менеджмента

Коммуникативность — это процесс взаимодействия между людьми, в ходе которого возникают, проявляются и формируются межличностные отношения. Коммуникативность предполагает обмен мыслями, чувствами, переживаниями и т. п.

Говоря о таком явлении как коммуникативность личности, следует иметь в виду, что это явление необходимо рассматривать не только как совокупность некоторых характерологических свойств и качеств, позволяющих осуществлять процесс общения, но и то, что коммуникативность личности является компонентом мотивационно-потребностной сферы.

Коммуникативность в целом определяется такими компонентами, как коммуникативная активность, эмоциональная реактивность в общении, коммуникативная уверенность, коммуникативный объект.

Развитие коммуникативности личности начинается с формирования у человека такой направленности личности, при которой ценность человеческого общения находится не на периферии, а в центре системы ценностных ориентаций человека.

Одним из центральных факторов коммуникативности является способность человека адекватно отражать личностные и индивидуальные особенности окружающих людей, особенно если это касается сферы PR.

Коммуникативность предполагает ситуативную адаптированность и свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения.

Существуют способности, которые мы называем коммуникативными. В чем же они заключаются? Умение грамотно составлять письменные и устные обращения — прямые составляющие понятия коммуникативности. Но проблема и заключается в том, как это делать? То есть вопрос уже рассматривается шире. Во главу угла ставится умение качественно и убедительно подготавливать всю информацию в этих обращениях. Ведь информативность характеризуется смысловой информацией, которая станет достоянием адресата, интерпретация которой соответствует коммуникативному намерению автора. В этом случае, если рассматривать PR-менеджмент, то нужны не только элементарные знания филологии, но и знание основ маркетинга и психологии, полная информация о деятельности своей компании, а также о той аудитории, на которую он направляет свою деятельность.

Только в этом случае может произойти процесс коммуникации, когда говорящий и слушающий адекватно воспринимают друг друга, иначе говоря, устанавливается обратная связь. При такой ситуации, уточняя термин «коммуникативность», можно сказать просто — это, прежде всего, профпригодность.

Особое место в структуре жизненного опыта занимает опыт межличностного общения. К сфере жизненного опыта следует отнести также уровень совершенства профессиональной и бытовой деятельности, так как успешные трудовые операции коммуникативно значимы для формирования в повседневной культуре моделей коммуникативного поведения. Общая эрудиция также является одним необходимых компонентов коммуникативности. Под общей эрудицией понимается запас достоверности и систематизированных знаний гуманитарных, относящихся к истории и культуре человеческого общения, которыми располагает данный индивид [1].

Коммуникативность свойственна человеку. Все процессы, связанные с речевым актом человека изнутри и снаружи являются коммуникативными. Заметим, что если степень коммуникативности человека можно определить в обычной беседе с ним, то коммуникация требует от человека умений и навыков создавать специальные каналы связи или пользоваться техническими средствами для подготовки и передачи информации. Под «коммуникативными средствами» понимаются те механизмы, способы, приемы и формы, которые позволяют «канал» сделать наиболее адекватным адресату. Следовательно, чем больше коммуникативных средств известно PR-менеджеру, тем выше уровень его коммуникативной компетентности [2].

Литература

1. *Иванова К. А.* Секреты составления рекламных и PR-текстов. М. ;СПб., 2005.
2. *Яковлев Б. П., Чистова Л. С.* Теоретический анализ коммуникационной и коммуникативной компетентностей // Успехи современного естествознания. 2009. № 6. С. 80–83.

Н. Ю. Кузнецова

ТвГУ, г. Тверь

Теоретический анализ отечественных подходов к понятию «самоорганизация»

Разумная самоорганизация дает личности следующие преимущества: лучшую организацию личного труда, выполнение деятельности с меньшими затратами, повышение стрессоустойчивости, уменьшение количества ошибок при выполнении своих функций, лучшие результаты деятельности, рост квалификации, высокую мотивацию деятельности, достижение профессиональных и жизненных целей кратчайшим путем. Всвязи с этим, глубокое и подробное изучение данного процесса является в настоящее время особенно актуальным.

Самоорганизация — это интегральное понятие, многоаспектный процесс со сложной структурой. В отечественной психологии существует три направления, рассматривающих человека как открытую самоорганизующуюся систему [1].

Первая группа — психологические теории так называемого адаптивного типа. Несмотря на то, что представители данной группы определяют человека как самоорганизующуюся систему, развитие ее они сводят к адаптации. Саморазвитие личности связывается с совершенствованием психологических механизмов регуляции жизнедеятельности, с сознательной опорой в процессе регуляции на индивидную особенность приспосабливаться к изменяющимся условиям среды, на личностные качества, позволяющие регулировать свое социальное поведение, и на способность человека усваивать общечеловеческие ценности, социальные нормативы, установки, которые «организуют жизнь человека» [2]. По мнению

представителей даниой группы, адаптация — это постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям среды, а также результат этого процесса. Эффективность адаптации существенно зависит от того, иасколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные связи: искажеиное или иедостаточно развитое представление о себе ведет к нарушениям адаптации.

Сам процесс психической адаптации предполагает воздействие не только субъекта на среду, но и среды на субъект таким образом, что психическая адаптация обеспечивает процесс оптимального соответствия личности и окружающей среды в ходе осуществления деятельности, которая позволяет индивиду удовлетворить актуальиые потребиости. Адаптационные возможности индивида обусловлены сложной многоуровневой структурио-функциональной системой, на каждом уровне регулирования которой действуют преимуществеиио психологические или физиологические механизм.

Вторая группа — психологические теории, рассматривающие самоорганизацию человека за счет новообразований, которые выступают «одновременно и как обусловленные, и как обусловливающие» движение человека. Формирование иовообразоваиий базируется, по мнению представителей данной группы, на ряде способностей личности. Среди таковых — способиость удерживать, сохранять все позитивное в своей истории, аккумулировать результаты развития, актуализировать потенциальиое содержаиие своего сознания, создавать нечто новое в мире и в себе, расширяя сферу потенциальиого.

В этой связи термин «саморегуляция» в теориях данной группы воплощает способность быть субъектом своей целеиаправленной активности и процесс реализации этой способности [3].

Третья группа — психологические теории, где под самоорганизующейся системой поиимается система, которая сохраняет свою устойчивость благодаря взаимодействию с внешней средой и способиа к самостоятельной перестройке своей организации под воздействием как внешней среды, так и процессов, происходящих в самой системе.

Особое место среди теорий третьей группы заиимают психологические теории, где наряду с принципом самоорганизации используется принцип гетеростаза [4]. Речь идет о высшем уровне системной организации человека — «развитии, выходящем «за пределы» норм через нормотворчество». Представители данной группы отмечают универсальиое свойство самоорганизующихся систем любой природы — самодетермииацию, что позволяет переадресовывать ответствеииость за выбор от

внешней причинности или необходимости к самому человеку. Именно это свойство человека как самоорганизующейся системы позволяет рассматривать его как способного «поставить себя «на предел»... символизирующий для него готовность расстаться с самим собой, каким он был до момента «события», т. е. изменить самого себя» [5], выступая не просто звеном эволюции, а тем, кто ответствен за эволюцию.

Таким образом, проведенный нами теоретический анализ показал на наличие общего признака рассматриваемого процесса, который отражается во всех приведенных теориях, — это динамичность. Так, адаптация, с которой связывают самоорганизацию представители первой группы теорий, предполагает активное приспособление к изменяющимся условиям среды, т. е. динамичное состояние личности. Вторая группа теорий говорит о новообразованиях, которые обеспечивают движение, динамику, развитие психики. Третья группа теорий, рассматривая самоорганизацию через способность к самостоятельной перестройке, также отражает некоторую готовность, активность, которые предполагают обязательное присутствие такого свойства как динамичность.

Литература

1. *Логинова И. О.* Психология жизненного самоосуществления. — М. : Изд-во СГУ, 2009. С. 17.
2. *Конопкин О. А.* Механизмы осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Субъект и личность в психологии саморегуляции : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Моросаиовой. М. ; Ставрополь : Изд-во ПИ РАО, СевКАвГТУ, 2007. С. 35.
3. *Клочко В. Е.* Человск как самоорганизующаяся психологическая система // Человек как самоорганизующаяся психологическая система: Материалы регион. конф. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2000. С. 87.
4. *Логинова И. О.* Психология жизиеиного самоосуществлеиия. М. : Изд-во СГУ, 2009. С. 54.
5. *Логинова И. О.* Психология жизненного самоосуществления. М. : Изд-во СГУ, 2009. С. 59.

Ю. В. Лалетина
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Вертикальные коммуникации в управленческой деятельности (психологический аспект)

Специфика современной управленческой деятельности заключается в том, что она имеет «субъект-субъектный» характер, что предполагает постоянные контакты между руководителем и подчиненными. Таким образом, все происходящее в организации связано с коммуникативными процессами, поэтому они являются важными средствами обеспечения ее целостности и функционирования. Коммуникативная функция выступает средством реализации и других управленческих функций, а также их взаимной координации. Большая часть организаций в России характеризуется вертикальным разделением труда, поэтому представляется важным рассмотрение вертикальных коммуникаций, так как почти половина контактов менеджеров приходится на подчиненных [1].

Научное исследование управленческих коммуникаций опирается на различные парадигмы психологической науки. Исследования О. Е. Хухлаева [2], С. А. Рахманкуловой [3] и Е. А. Гавриловой [4], на наш взгляд, сориентированы на культурологический, когнитивистский и гуманистический подходы соответственно.

Рассмотрим особенности каждого из исследовательских подходов к анализу коммуникативных процессов в управленческой деятельности.

Психологи, придерживающиеся культурологического подхода, занимаются изучением межкультурных различий поведения [5]. В своем исследовании О. Е. Хухлаев выявил различия в социальных представлениях о психологической дистанции между руководителем и подчиненным у русских и татар. Также был сделан вывод о том, что различия в большой степени связаны с дистанцией власти (демократизм и меньшая сдержанность в выборке русских; меньшая чуткость и доброжелательность, большая требовательность к подчиненным у татар-руководителей).

В силу представления о большей длине психологической дистанции у подчиненных-татар коммуникации с руководителем, вероятно, затруднены, тем более что вертикальные восходящие коммуникации являются, как правило, самыми неэффективными.

Руководитель должен учитывать этнопсихологические особенности сотрудников, в том числе представления о психологической дистанции

в современных многонациональных организациях. Кроме того, на фоне данных о другой национальности, ярче проявляются особенности собственной культуры. Благодаря кросс-культурному исследованию можно определить, применимы ли разработанные теории ко всем сотрудникам или только к конкретным народностям.

Одна из областей когнитивной психологии связана с разработкой терапевтических приемов с целью видоизменения влияния интеллекта и мышления на эмоциональную жизнь и благополучие человека [6]. В исследовании С. А. Рахманкуловой использовалась концепция эмоционального интеллекта (ЭИ). ЭИ — способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Модель эмоционального интеллекта представлена внутриличностным и межличностным ЭИ (ВЭИ и МЭИ).

В ходе данного исследования было выявлено, что у женщин-руководителей преобладают показатели, характеризующие межличностные отношения (эмоциональность, межличностные отношения, социальная ответственность), а у мужчин-руководителей преобладают показатели внутриличностные отношения (самоутверждение, способность отстаивать свои права). Представляется, что для руководителей, обладающих высокими показателями МЭИ, важен организационный климат, создание команды. Преобладание показателей по МЭИ свидетельствует о понимании эмоций подчиненных и более действенном влиянии на их эмоциональное состояние, установлении доверительных отношений с подчиненными, эмоции которых выявляют их потребности и приоритеты. Преобладание показателей по ВЭИ определяет оригинальность и креативность управленческих решений. Руководитель с высокими показателями ВЭИ использует человеческие ресурсы как средство достижения собственных целей, склонен принимать автономные решения. Таким образом, можно говорить и об особенностях управленческих коммуникаций этих руководителей.

В работе Е. А. Гавриловой профессиональная самореализация руководителя рассматривается как процесс и результат осуществления личностью своих сущностных свойств, трансляция ею своего содержания другим людям и культуре через созидательные и коммуникативные процессы в сфере руководства. Таким образом, это исследование согласуется с ключевыми принципами гуманистической психологии [5]. Созидательная направленность коммуникации раскрывается в этой парадигме как способность к творчеству, самостоятельному выбору. Более значимой считается трансляция именно сущностных свойств, а не просто информации.

Гуманистический подход жестко не детерминирует исследователя, а является, скорее, некой платформой для развития новых направленнй н расширения сферы психологин. Его ценностно-методологическая основа позволяет включать в изучение широкий спектр психологических феноменов: и ннтеллект, н эмоции, н мировоззренческие установки, и поведение. Благодаря гуманистическому подходу человек представлен в пснхологнн управления более целостно.

Для наглядного представления специфики рассмотренных выше конкретных нсследований н интеграции исследовательских подходов используем модель структуры организацин Р. Дабина, в которой он выделяет четыре подсистемы деятельности и поведения: технологическую, формальную, внеформальную и неформальную [7]. Технологическая снстема определяет действия и задачи персонала в связи с разделением труда в организацни. Формальная подснстема базнруется на правилах н нормах поведения. Неформальная охватывает сферу прямых межличностных отношений добровольного характера. Она ориентирована на реалнзацию групповых целей и поддержание социального порядка.

Неформальная снстема институирует отношения между людьми, а не между позицнямн и действует в рамках малой группы. Основа этих коммуннкаций — негласные нормы. Внеформальная обеспечнвает решение задач формальной подснстемы, но неформальными средствами, посредством перемещения функций от одной должности к другой, перераспределения основных управленческих функций.

Эта модель позволяет описать управленческие системы и коммуникации в различных культурах для выявления вариантов поведения в коллективах. Например, в исследовании О. Е. Хухлаева представленне о большой длине психологической дистанции у подчиненных-татар может быть описано как сильная детерминированность деятельности и поведения институированными системами.

Развнтие ЭИ у руководителя способствует прнобретению нм статуса лидера. Неформальная составляющая статуса лидера, его авторитет в группе, в свою очередь, определяет развитие всех типов коммуннкацни в организации. В сферу рассмотрения гуманистического подхода не включаются нституированые системы, а две другие системы поведения — более варнатнвны, следовательно — более гуманистичны в сфере коммуникаций. Выделенные Р. Дабнным подсистемы представляют собой специфические типы управленческих коммуникаций. Подсистемы деятельности и поведения варьируются с изменением феноменов, нсследуемых в различных подходах психологнн.

Литература

1. *Ньюстром Дж.В., Дэвис К.* Организационное поведение: поведение человека на рабочем месте. СПб. : Питер, 2000. С. 65.
2. *Хухлаев О. Е.* Социальные представления об отношениях руководства и подчинения: кросс-культурные различия // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 91–105.
3. *Рахманкулова С. А.* О взаимосвязи эмоционального интеллекта и лидерского потенциала руководителя // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 118. С. 160–166.
4. *Гаврилова Е. А.* Психологическое сопровождение профессиональной самореализации руководителей // Мир образования — образование в мире. 2010. № 4. С. 240–246.
5. *Фрейджер Р., Фэйдимен Д.* Теории личности и личностный рост.4-е изд. Пер. с англ. (Robert B. Cialdini. Influence. Science and Practice, 4th ed., 2001). М. : Изд. «Мир», 2004. С. 308.
6. *Герриг Р., Зимбардо Ф.* Психология и жизнь. 16-е изд. Мастера психологии. Изд. «Питер», 2004. 955 с.
7. *Кабаченко Т. С.* Психология управления : учеб. пособие. М. : Педагогическое общество России, 2000.

Е. И. Маленко

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Влияние стиля общения на успешность обучения в вузе: теоретические аспекты

В любой сфере профессиональной или личной жизни доминирующей основой комфорта и профессионализма является умение эффективно общаться. Мы живем в информационном обществе, в котором оперативное получение точной и полной информации имеет большое значение. Когда говорят об общении как о способе обмена информацией, подразумевают, прежде всего, коммуникативную сторону общения. Когда же говорят о коммуникации в узком смысле слова, прежде всего, имеют в виду тот факт, что в ходе совместной деятельности люди обмениваются между собой различными представлениями, идеями, интересами, настроениями и пр.

Исследователи отмечают, что одним из факторов успешности обучения, в частности в ВУЗе, выступает умение молодого человека выбирать эффективиые стили общения.

Можно выделить следующие виды общения:

Контакт масок — формальиое общение, когда отсутствует стремление понять и учитывать особенности личности собеседника. Используются привычные маски (вежливости, учтивости, безразличия, скромности, участливости и т. п.) — иабор выражеиий лица, жестов, стандартных фраз, позволяющих скрыть истиииые эмоции, отношение к собеседнику.

Светское общение — его суть в беспредметности, т. е. люди говорят не то, что думают, а то, что положеио говорить в подобных случаях; это общеиие закрытое, потому что точки зрения людей на тот или иной вопрос ие имеют никакого значения и ие определяют характера коммуникации. Например: формальная вежливость, ритуальное общение.

Формально-ролевое общение — когда регламентированы и содержание, и средства общеиия и вместо знания личности собеседника обходятся знаиием его социальной роли.

Деловое общение — это процесс взаимодействия в общеиии, при котором происходит обмен информацией для достижения определеииого результата. Т. е. это общение целеиаправлеиное. Оно возиикает на осиове и по поводу определенного вида деятельности. При деловом общении учитывают особенности личиости, характера, настроения собеседника, но интересы дела более значимы, чем возможные личностные расхождеиия.

Духовное межличностное общение (интимно-личностное) раскрываются глубинные структуры личности.

Манипулятивное общение — направлено на получение выгоды от собеседника.

Под коммуникативными стилями общения подразумевают способы взаимодействия особей друг с другом в процессе общения. Исследователи выделяют 10 основных стилей:

1. Доминантный. Предполагает увеличение роли в общении одних особей за счет уменьшения роли других особей группы.

2. Драматический. Основан на увеличении эмоциоиальной составляющей в процессе общения.

3. Спорный. Применяется в спорах, дискуссиях, носит агрессивный характер.

4. Успокаивающий. Преследует цель снятия напряженности при общении.

5. Впечатляющий. Основная задача — произвести впечатление, создать эффект.

6. Точность. Педантичный подход не позволяет преподносить ошибочную информацию.

7. Внимательный. Предполагает проявление интереса к предмету разговора.

8. Воодушевленный. Отличается несвойственной для делового общения жестикуляцией. Зачастую используются невербальные приемы: взор направлен прямо в глаза партнеру, копируются его движения и т. д.

9. Дружеский. Характерен всяческим поощрением самого процесса общения со стороны партнера.

10. Открытый. Основан на выражении своей позиции, даже если она идет в разрез с позицией партнера. Предполагает ваше естественное поведение, ограниченное только нормами морали.

Условно коллектив ВУЗа можно разделить на три группы, каждая из которых выступает носителем важной для учащегося информации:

– студенческая среда;

– администрация университета;

– преподавательский состав.

Для каждой из этих групп нужно подбирать наиболее эффективные стили общения. Так, в студенческой среде нет определенных рамок и ограничений, связанных с выбором стиля общения, хотя это чаще всего формально-ролевые отношения. С административной частью университета (работники деканата, бухгалтерии, службы безопасности) безусловно, общение ведется в деловой манере. Спорным же является вопрос выбора стиля общения с педагогическим составом: здесь значительную роль играет фактор коммуникативных навыков студента. Развитые коммуникативные навыки помогают добиться большего успеха, как в студенческой среде, так и в процессе общения с преподавателями. Выбранный правильно стиль общения, также как и коммуникабельность позволяет студенту получать более точную и разнообразную информацию, связанную как с процессом обучения в ВУЗе, так и с процессом адаптации в студенческо-преподавательской среде. В этой связи важной является работа кураторов-наставников, которые, владея навыками общения, помогают студентам-первокурсникам успешно влиться в коллектив факультета.

Литература

1. Шеламова Г. М. Деловая культура и психология общения. М., 2003.
2. *Безюлева Г. В., Чиркова М. А.* Развитие коммуникативных качеств учащихся. М., 2004.

Е. В. Мерзлякова
УлГУ, г. Ульяновск

Можно ли «измерить» коммуникативность?

Коммуникативность — это процесс взаимодействия между людьми, в ходе которого возникают, проявляются и формируются межличностные отношения. Прежде всего, в данном аспекте, коммуникативность рассматривается как качество, присущее конкретной личности, человеку. Мой вопрос — можно ли «измерить» коммуникативность личности?

Достоверно известно, что существует множество тестов, позволяющих **определить степень** коммуникативности. Но, действительно ли, их можно назвать тестами — «измерения» данного свойства. Ведь небезосновательно, все они, в основном, называются тесты НА коммуникативность (дают ли они достоверные данные по обладанию человеком данным качеством). В пример таких тестов можно привести: тест Ряховского, тест «Рука», тесты, носящие название «тест на коммуникативность». Конечно, не стоит подробно вдаваться в методику каждого из тестов. Могу явно сказать одно: я проходила сама (лично для себя), проводила с друзьями, однокурсниками такие тесты; результаты различных тестов (и даже одного и того же теста) в разные моменты жизни, дни, периоды — **различны**. Приведу лишь один простой пример. Тест Ряховского — опросник — вопрос: Верите ли Вы, что существует проблема «отцов и детей» и что людям разных поколений трудно понимать друг друга? На мой взгляд, этот вопрос очень зависим от многих факторов. Человек, родившийся у родителей, как это говорится, «поздно» и имеющий большую разницу в возрасте с родителями, на такой вопрос, скорее всего, ответит — «Да». Но это совсем не будет означать, что у него «меньше» коммуникативности, и он не сможет найти «общий язык» с людьми, которые старше его. Всего скорее причина кроется в том, что

он «лицом к лицу» столкнулся с этой проблемой, по-другому он ответить уже не сможет.

Как упоминалось выше, мои показатели коммуникативности по разным методикам и в разные периоды были различными. Отсюда следует логичный вывод — коммуникативность зависит еще от каких-то обстоятельств. Очень часто с «проверками» на коммуникативность приходят по месту учебы или работы, и в «ускоренном» порядке раздают опросные листы для заполнения. Понятно, что в такой ситуации многие делают этот тест только для того, чтобы «поскорее это все закончилось».

Я проводила социологический опрос среди студентов Ульяновского Государственного Университета на тему: «Ваше отношение к опросам по проверке личностных качеств». В данный опросник были включены вопросы, касающиеся проверки коммуникативности. На вопрос: от чего зависят Ваши ответы при социологических опросах: 52 % опрошенных ответили — от настроения; 31 % — от заинтересованности; 10 % — ни от чего, всегда отвечаю честно; 7 % — предложили свой вариант ответа (от времени, от того, кто проводит тест и др.).

Так, можно ли в прямом смысле слова измерить коммуникативность человека с помощью тестовых методик. Мой ответ на этот вопрос: точно определить коммуникативность личности нельзя. Я считаю, это выявляется в различных жизненных ситуациях личности; где-то это оценочное мнение, но одних тестовых методик, чтобы измерить коммуникативность личности недостаточно.

В заключение хочется сказать: коммуникативность можно оценить (есть, нет, в какой степени выражена), но **не измерить**! Коммуникативность «проявляет» себя в различных ситуациях; на протяжении жизни у человека это свойство может проявиться, если его не было и исчезнуть, если было. Нужно применить целый ряд методик, лично взаимодействовать с человеком, создавать реальные жизненные ситуации и все это делать довольно продолжительное время. Может быть, тогда что-то можно будет сказать о коммуникативности конкретного человека. Мое мнение, что если какой-то из пройденных Вами тестов показал, что Вы, к примеру, некоммуникативны, — не стоит полностью в это верить, и, тем более, развивать по этому поводу в себе данный комплекс.

На своем примере могу сказать, я очень люблю общаться с людьми, могу и умею слушать, понимать, помогать людям, я нахожу «общий язык» с людьми разных возрастов. Может это все и не совсем главное для тестовых методик, но своеобразным же «толчком» к проявлению коммуникативности, это же является, зато тесты «считают» по другому…Вот, собственно, почему меня так заинтересовала данная проблема.

А. О. Паршукова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Эмоциональный интеллект и стрессоустойчивость как личностные ресурсы для построения коммуникаций

Эмоциональный интеллект понимается Дж. Мэйером и П. Саловеем [1] как способность обрабатывать информацию, передающуюся через эмоции, т. е. анализировать значение эмоций и их взаимодействие, а также использовать полученную информацию для повышения продуктивности мышления и принятия решений. Исследователи считают, что эмоциональный интеллект тесно связан с когнитивным интеллектом, в чем соглашаются с идеями Л. С. Выготкого и С. Л. Рубинштейна на счет единства аффекта и интеллекта. Близкое мнение выражает Д. В. Ушаков [2], полагая, что социальный интеллект и, соответственно, эмоциональный, как его часть, стоит в ряду с другими видами интеллекта. Вместе они образуют общую способность к высшему виду познавательной деятельности как обобщение и опосредование. Е. А. Сергиенко [3] считает, что интеллект как адаптивная функция обеспечивает преимущество в ориентации и активности. Такое понимание представляется особенно актуальным для эмоционального интеллекта, который тесно связан с общими когнитивными способностями.

Согласно Е. П. Ильину [4] одной из важнейших функций эмоций является сигнализация о пользе или вреде стимула еще до того, как он будет оценен с помощью эмоционального интеллекта. Стимулом может являться тот или иной стрессор. Эмоции становятся заметными при психологических, информационных стрессорах. Стресс, возникший в результате таких психологических факторов, иногда называют эмоциональным. Многие занимаются изучением такого вида стресса, однако это все еще мало способствует тому, чтобы проблему эмоций при стрессе можно было бы считать разрешенной [5]. Исследователи все более интересуются тем, как человек избегает негативных последствий стресса за счет психосоциальных ресурсов. Таким ресурсом можно назвать стрессоустойчивость. Под стрессоустойчивостью личности на социально-психологическом уровне понимается [6]:

– сохранение способности к социальной адаптации;

– сохранение значимых межличностных связей, т. е. коммуникаций;

– обеспечение успешной самореализации, достижения жизненных целей;

– сохранение трудоспособности;

– сохранение здоровья.

Одними из наиболее изученных личностных ресурсов для преодоления стресса помимо стрессоустойчивости, согласно Л. В. Куликову [7], являются эмоционально волевые качества, способность контролировать и осмыслять ситуации. Эти компоненты входят в конструкт эмоционального интеллекта, поэтому можно предположить, что он также является внутренним ресурсом к преодолению стрессогенных ситуаций.

Исходя из наличия адаптивной функции эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости, можно сделать предположение об их связи. Также эмоциональный интеллект можно понимать как личностный ресурс для преодоления стрессовых ситуаций, включающий в себя анализ и направление в нужное русло информации, получаемой из эмоциональных состояний, возникающих при стрессе. Такое взаимодействие эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости в сложном процессе адаптации человека в окружающем мире и построения коммуникаций открывает новые возможности для исследований.

Литература

1. *Mayer J. D., Salovey P.* What is emotional intelligence? // Emotional development and emotional Intelligence: Educational Implications / ed. by P.Salovey, D. Sluyter. N.Y. : Perseus Books Group, 1997. P. 10.
2. *Ушаков Д. В.* Социальиый интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследоваиия / под ред. Д. В. Люсииа, Д. В. Ушакова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 8.
3. *Сергиенко Е. А., Ветрова И. И.* Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера-Сэловея-Карузо (MSCEIT V2.0) [Электроиный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. жури. 2009. N 6(8). URL: http://psystudy.ru
4. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб. : Питер, 2011. С. 132.
5. *Китаев-Смык Л. А.* Психология стресса Психологическая антропология стресса. М. : Академический Проект, 2009. С. 55.
6. Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г С. Никифорова. СПб. : Питер, 2006. С. 564.
7. *Куликов Л. В.* Личностный фактор в преодолении стресса // Актуальные проблемы психологической теории и практики. Экспериментальная и прикладная психология. СПб., 1995. № 14. С. 123.

Ю. О. Полещук
СФУ, г. Красноярск

Психологические аспекты коммуникативности медиатора

Сейчас основной областью моих научных интересов является медиация, понимаемая как альтернативный судебному способ разрешения споров и как разновидность переговоров. Явление это для России относительно новое, соответствующий закон действует у нас только с 2011 года. Тем не менее, за рубежом медиация уже успешно развивается несколько десятков лет.

У медиации есть юридический и психологический аспекты.

Федеральным законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» от 27.07.2010 г. процедура медиации определяется как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. В соответствии с законом, процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора.

Основное преимущество медиации по сравнению с другими способами разрешения конфликтов (например, по сравнению с судебным способом) — это выработка такого решения, в результате которого должны «выиграть» все, а не только «победившая» сторона. Разрешение конфликта посредством медиации может быть удачным даже тогда, когда конфликтующие стороны находятся в очевидном тупике и не могут продвинуться в одиночку или даже не разговаривают друг с другом. Об этом писал Х. Бесемер [1].

Что касается роли медиатора, то его можно назвать своего рода катализатором. Он, если можно так сказать, фильтр очистки, к которому обращаются участники, чтобы не запутаться после обмена двумя-тремя взаимными упреками, больше похожего на отбивание мячей в игре в пинг-понг. Как часто мы упрекаем друг друга в том, что один не понимает другого или виноват в возникновении проблемы, еще больше усиливает ее! Но если каждый обращается только к посреднику, то пространство между конфликтующими сторонами остается чистым, поскольку мнения

и аргументы другого уже не воспринимаются непосредственно, как разящие стрелы [2].

Из вышесказанного следует, что, кроме юридического, процедурного аспекта, для медиатора очень важен аспект психологический, в частности, для него важно владеть искусством эффективной коммуникации.

Особенность профессиональной позиции медиатора состоит в том, что эта позиция специальным образом предполагает решение двух линейно взаимоисключающих задач: разделение конфликтующих сторон и их связывание. Не случайно в западных школах по медиации используется метафора стеклянной стены, через которую стороны видят друг друга, но не

могут войти в непосредственное соприкосновение. Необходимость реализовать собой это амбивалентное отношение задает противоречивый характер в самом основании профессиональной позиции [3].

Таким образом, успешен тот медиатор, который владеет техниками эффективной коммуникации. Эффективная коммуникация предполагает полноценное восприятие сообщения, владение приемами проверки понимания, техниками понимания, вопросными техниками. Например, медиатор должен уметь внимательно выслушать сторону, «вернуть» ей понимание различными способами, должен уметь управлять коммуникацией с помощью «правильных» вопросов, уметь использовать различные виды и конструкции вопросов.

На эти аспекты я бы хотела обратить внимание в своем докладе. Кроме того, поскольку психологией я занимаюсь совсем недавно (сейчас являюсь магистрантом 1 курса Института педагогики, психологии и социологии СФУ, а до этого окончила Юридический институт СФУ), участие в конференции по данному направлению очень полезно для меня с точки зрения приобретения необходимых для будущей профессии знаний (хочу стать профессиональным медиатором).

Литература

1. *Бесемер Х.* Медиация. Посредничество в конфликтах. Калуга, 2004. С. 14.
2. *Хесль Г.* Посредничество в разрешении конфликтов. Теория и технология. СПб., 2004. С. 31.
3. *Хасан Б. И.* Психологические аспекты медиации (документ доступен по ссылке: http://www.ippd.ru/resources/library?file=822).

М. А. Помысухина

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Особенности развития волевой сферы в подростковом возрасте

Актуальность проблемы исследования развития волевой сферы в подростковом возрасте определяется появлением новых факторов — внешних и внутренних, которые влияют на подростка и предъявляют к нему все больше требований. Решение новых проблем требуют волевых действий, в основе которых лежит развитие целого ряда личностных качеств.

Для подростка воля (и как черта другого человека, и как желаемая собственная черта) стоит на одном из первых мест. Люди, обладающие волевыми качествами, становятся для него идеалом, на который он хотел бы походить. Именно высокой значимостью для подростков волевых свойств личности и объясняется то, что ребята в качестве перспективы самовоспитания часто выдвигают задачу воспитания воли.

По мнению Р. С. Немова, имеется определенная последовательность в выработке волевых качеств личности у подростка. Вначале развиваются в основном динамические физические качества. Это — сила, быстрота и скорость реакции. Затем вырабатываются качества, связанные со способностью выдерживать большие и длительные нагрузки: выносливость, выдержка, терпение и настойчивость. Вслед за этим формируются более сложные и тонкие волевые качества, такие, например, как концентрация внимания, сосредоточенность, работоспособность. Общая логика развития всех волевых качеств может быть выражена следующим образом: от умения управлять собой, концентрировать усилия, выдерживать и выносить большие нагрузки до способности управлять деятельностью, добиваться в ней высоких результатов.

Мальчикам и девочкам-подросткам характерно стремление к выработке у себя полезных качеств личности, характерных для взрослых людей одного с ними пола. Полоролевые различия способствуют тому, что у подростков вырабатывается настойчивость и работоспособность как раз в таких видах деятельности, которыми им придется заниматься, став взрослыми [3].

В подростковом возрасте, как отмечает А. И. Высоцкий, происходит коренная перестройка структуры волевой активности. В отличие от

школьников младших классов подростки чаще регулируют свое поведение на основе самостимуляции. В то же время волевая сфера подростков весьма противоречива. Это связано с тем, что при значительно возросшей общей активности подростка механизмы его волевой активности еще недостаточно сформированы. Внешние же стимуляторы (воспитательные воздействия и пр.) в силу стремления подростков к независимости воспринимаются иначе, чем в младшем школьном возрасте, и поэтому не всегда вызывают соответствующую волевую активность. Снижается дисциплинированность, усиливается проявление упрямства, отчасти это связано с тем, что вследствие утверждения своего «Я», советы взрослых воспринимаются критически [1].

Как показали исследования В. И. Камышовой и И. К. Петрова, подростки 12–14 лет переоценивают уровень развития у себя волевых качеств, особенно терпеливости и энергичности. У школьников 12 лет наблюдается дисгармония в развитии основных волевых качеств, но уже в 13 лет появляется некоторая гармония. Пятнадцатилетние подростки в целом адекватно оценивают развитие у себя основных волевых качеств, самооценка и оценка со стороны группы совпадают. Но эти подростки склонны к переоценке настойчивости, самостоятельности, целеустремленности [2].

В ноябре 2010 г. нами был проведен 1-й этап логитюдного исследования волевой сферы подростков 15–16 лет. Данная возрастная группа была выбрана нами намеренно, т. к. именно в старшем подростковом возрасте наиболее интенсивно происходит становление личности в целом, в том числе развитие волевых качеств. В качестве гипотез были выдвинуты предположения: 1) мальчики склонны более высоко оценивать степень развитости своих волевых качеств, чем девочки; 2) оценка подростками степени развитости их волевой сферы отличается противоречивостью.

Испытуемыми выступили учащиеся 10-х классов в количестве 35 человек: 13 девочек и 22 мальчика. Нами были использованы 6 методик, разработанных Н. Н. Обозовым, Е. П. Ильиным и Е. К. Фещенко. Исследовалась самооценка подростками их волевых качеств: силы воли, терпеливости, упорства, настойчивости, импульсивности, рациональности. В целом, результаты исследования показали, что у мальчиков самооценка волевых качеств по всем показателям выше, чем у девочек. Предположительно, это объясняется гендерными особенностями становления личности подростка. Для мальчика позиционирование и восприятие себя как мужчины связано с проявлением у него маскулинных характеристик, к которым, безусловно, относятся волевые качества. Желание казаться

взрослым характерно для большинства подростков, поэтому возможна переоценка собственных волевых качеств мальчиками.

На 1-м этапе исследования получены следующие результаты: 11 человек (из них 9 мальчиков, 2 девочки) имеют высокие показатели по всем исследуемым качествам; у 11 человек преобладают средние показатели (из них 5 мальчиков, 6 девочек) и 1 человек (девочка) имеет низкие показатели. Около одной трети испытуемых — 12 человек (8 мальчиков, 4 девочки) неоднозначно оценивают свои волевые характеристики, т. е. степень развитости различных волевых качеств, согласно их оценке, варьируется от низкого до высокого уровня. Это может быть связано с тем, что волевая сфера наряду с другими в подростковом возрасте получает стремительное развитие, многие качества развиваются ассиметрично и окончательно их формирование заканчивается в более позднем возрасте. Кроме того, представления о себе у подростков зачастую противоречивые, что вполне объяснимо с позиций психологии развития, которая характеризует данный возраст как период становления Я-концепции.

Таким образом, имеющиеся в литературе данные относительно особенностей становления волевой сферы подростков нашли подтверждение и в нашем исследовании. Действительно, представления о себе у подростков нередко противоречивы, но треть испытуемых (в основном мальчики) дает высокую оценку своим волевым качествам. 2-й этап исследования запланирован на апрель 2012 г. Затем будет проведен сравнительный анализ результатов, полученных на 1-м и 2-м этапах, с целью изучения динамики самооценки подростками их волевых качеств.

Литература

1. *Высоцкий А. И.* Волевая активность школьников и методы ее изучения. Рязань, 1979. С. 9.
2. *Ильин Е. П.* Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. (Серия «Мастера психологии»). С. 368.
3. *Немов Р. С.* Психология : учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений. В 3 кн. Кн. 2. Психология образования. 2-е изд. М. : Просвещение : ВЛАДОС, 2001. С. 190.

В. В. Савельев
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Влияние характеристик музыкального контекста на интерпретацию коммуникативной ситуации наблюдателем

В настоящий момент одним из актуальных направлений является изучение искажений, вносимых контекстом ситуации в процесс передачи информации от одного субъекта общения к другому. Одним из существенных факторов, провоцирующих искажения, является звуковой контекст ситуации общения, в частности — музыка, которая может сопровождать процесс коммуникации.

Целью данного исследования выступило экспериментальное обоснование предположения, что характер искажений, вносимых музыкой в коммуникативную ситуацию, непосредственно зависит от особенностей самого музыкального материала, а точнее — от лада, который был использован при создании музыкального произведения.

В качестве теоретического обоснования мы решили использовать когнитивную метафору, согласно которой эмоции являются своеобразным фильтром, определяющим то, какая именно информация будет усваиваться и перерабатываться в процессе общения. Контекстная информация выделяет определенные параметры этого фильтра, тем самым изменяя и результаты процессов восприятия и мышления. Для того, чтобы получить наиболее полную информацию о специфике данных процессов, на наш взгляд, необходимо, во-первых, подробно исследовать непосредственный результат переработки основной информации (интерпретацию ситуации общения наблюдателем), во-вторых, узнать оценку контекста ситуации со стороны наблюдателя, и наконец, выяснить непосредственное эмоциональное состояние наблюдателя процесса коммуникации.

Теперь, непосредственно о музыке. Музыкальный лад — это система звуков определенной высоты, используемая для создаиия того или иного музыкального произведения. В нем может быть практически любое количество звуков. В нашем исследовании мы использовали лады, состоящие из семи звуков, как наиболее часто встречающиеся: лидийский, миксолидийский, дорийский, фригийский и локрийский лады, а также мажор и натуральный и гармонический миноры. Согласно теоретическим

исследованиям, каждый из этих ладов обладает собственным этосом — характером, определяющим качество воздействия музыки на человека.

Для эксперимента нами было записано 8 коротких видеороликов, продолжительностью 68 секунд, которые отличались друг от друга только сопровождающими их звуковыми дорожками. В качестве звуковых дорожек были использованы 8 авторских музыкальных треков, которые отличались только ладом, в котором они были исполнены. Все прочее — темп, звуковая динамика, гармоническое сопровождение и даже нюансы исполнения — оставалось одинаковым. Визуально ролик представлял собой встречу и разговор двух людей мужского пола среднего возраста на неизвестную зрителям тему.

В качестве испытуемых были взяты учащиеся десятых и одиннадцатых классов бюджетного отделения СУНЦ УрФУ. Всего — 16 классов общей численностью 309 человек. Для оценки влияния музыкального лада на интерпретацию процесса коммуникации испытуемые были поделены на 8 групп. Каждой группе демонстрировался один из 8 вариантов видеоролика в музыкальном сопровождении, при отсутствии возможности слышать высказывания героев ролика. Затем испытуемым письменно в свободной форме предлагалось ответить на 5 вопросов: «О чем, по вашему мнению, разговаривали люди на экране?»; «Что могло бы произойти после их разговора?»; «Какую эмоцию, на ваш взгляд, попытался изобразить композитор?»; «Что почувствовали вы в процессе просмотра данного видеоролика?»; «Понравилась ли вам музыка?»

Ответы испытуемых обрабатывались с помощью контент-анализа и сравнивались между собой с помощью количественных и качественных методов обработки данных психологического исследования. В результате нами была составлена шкала эмоционального воздействия музыкальных ладов. Было выделено три группы музыкальных ладов, качественно и количественно отличающихся друг от друга спецификой воздействия на эмоциональную сферу человека. Они получили названия «веселые» (мажор, а так же лидийский и миксолидийский лады), «грустные» (дорийский лад и натуральный минор) и «страшные» (гармонический минор, фригийский и локрийский лады). Различия по уровню негатива заявляемых испытуемыми тем для каждой пары ладов, взятых внутри любой из этих групп, не является статистически значимым, однако различия для любых двух ладов взятых из двух разных групп достоверны. Таким образом, ладовые характеристики музыки существенно повлияли на интерпретацию наблюдаемого события, прогнозы относительно его исхода, а также на эмоциональное состояние испытуемых. При этом

содержательный и статистический анализ ответов показал, что воздействие музыки на человека не зависит от того, нравится или не нравится ему музыкальное произведение.

Полученные нами результаты могут быть использованы в процессе создания музыкального сопровождения к фильмам и рекламе, музыкального оформления помещений и организации рабочего пространства, а также в таком динамично развивающемся направлении, как музыкальная психотерапия.

Литература

1. *Гудвин Дж.* Исследование в психологии: методы и планирование. 3-е изд. СПб. : Питер, 2004.
2. *Солсо Р. Л. Когнитивная психология.* СПб.: Питер, 2006.
3. *Холопов Ю. Н. Гармония.* Теоретический курс. СПб. : Лань, 2003.

С. П. Самарин
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Формирование коммуникативности личности

Коммуникативность, прежде всего, представляется как способность к общению, а сам коммуникационный процесс не что иное, как обмен информацией между двумя или более людьми, способность легко и быстро находить общий язык, быть понятным и устанавливать сходство суждений. Как и с каким акцентом, полученная информация будет интерпритированна и использована в управлении в большей части зависит от её отправителя. Психологический аспект коммуникативности — непосредственно, ключевой. Он играет важную роль на всех этапах, через которые проходят отправитель и получатель. Важно отличать коммуникативность (которая представляет собой возможность) от коммуникабельности (в свою очередь — способности). Рассмотрим, что коммуникативность требует от личности.

1. Коммуникативность требует наличия какой-либо направленности личности, определяющей ее интересы и потребности.

2. Ценность человеческого общения находится в центре системы ценностей.

3. Освоение культурных и нравственных норм.

4. Осознание социальной и физической среды, окружающей человека.

5. Способность воздействовать на окружающую среду для реализации своих идей.

6. Способность работать в команде и делать свои идеи понятными.

Из этих пунктов следует, что личности необходимо определить:

1. Собственные ориентиры.

2. Возможность воспринимать информацию без субъективных искажений.

3. Возможности воспринимать новое во внешней среде. Появившиеся элементы не должны оставаться без внимания.

4. Понимать ценности других культур и групп.

5. Осознавать свое психическое состояние в связи с воздействием факторов внешней среды.

6. Способы персонализации внешней среды.

7. Осознавать свой уровень экономической культуры.

8. Способность адекватно отображать индивидуальные особенности окуружающих.

В коммуникативности лежит основа к переходу от внутриязыковой (одноязычной) коммуникации к межъязыковой (двуязычной) коммуникации, т. е. к использованию знаков одного языка языковыми знаками другого [1]. Из этого нужно сделать вывод, что межличностные отношения в коммуникативности играют далеко не последнюю роль.

Личность в аспекте коммуникативности рассматривается, как существующая благодаря культурно-психологическому полю, являясь результатов мифологического творчества людей. Для того, чтобы понять каким образом характеристики личности (и в какой степени) влияют на коммуникативность, необходимо рассмотреть их отдельно. Их наиболее подробно рассмотрела С. Нартова-Бочавер [2]:

1. Индивидные характеристики личности: темперамент, характер, скорость реакции. Образуют биологический фундамент личности и во многом определяют поведение человека.

2. Психологические черты и состояния. Отражают обобщенные устойчивые способы поведения в различных ситуациях.

3. Мировоззренческие характеристики. Направляют психическую энергию человека в русло тех или иных представлений и интересов.

Именно мировоззерчческие характеристики и задают коммуникативность личности в большей степени. Именно в этих характеристиках

заложена система ценностных ориентаций, которая определяет, как личность будет взаимодействовать с социальной группой, и отвечать оговоренным выше требованиям коммуникативности.

Литература

1. Толковый переводоведческий словарь. М. : Флинта : Наука. Л. Л. Нелюбин, 2003. С. 119.
2. *Нартова-Бочавер С.* Психология личности и межличностных отношений. М., 2001. С. 19–21.

А. П. Сизиков
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Психологические аспекты коммуникативности

Наверное, никто не будет спорить, что коммуникация — неотъемлемая часть и непременное условие жизни человека и порядка в обществе. Ведь даже человеку, не включенному в процесс простого обмена информацией, приходится общаться с другими людьми для обеспечения простейших бытовых нужд и потребностей. Вряд ли кто-то способен поддерживать эмоциональную стабильность, общаясь только с самим собой в течение длительного времени, об этом писал П. Вацлавик [1]. Поэтому, изучение коммуникативности (в частности, ее психологических аспектов) представляет собой весьма интересную и необходимую работу.

Конечно, попытки систематизировать практику человеческой коммуникации, могут показаться самонадеянными, так как предмет исследования не поддается чисто научному изучению и толкованию. Для описания психологических аспектов коммуникации необходимо использовать понятия и терминологию таких дисциплин, как психология и конфликтология.

Под коммуникативностью следует понимать способность правильно передавать свои мысли, чувства или эмоции так, чтобы они были восприняты и правильно поняты собеседником. На бытовом уровне многие подразумевают под коммуникативностью способность находить общий язык с людьми, быть «душой компании».

В первую очередь, следует отметить очевидную истину: все люди очень разные. Наверняка, каждый знает, либо встречал как человека

с избыточной, так и с недостаточной коммуникативностью. Это может быть связано с самыми разными причинами, и в данной статье хотелось бы отметить основные факторы, способные стать залогом успешных межличностных отношений.

Без сомнения, коммуникативность требует наличия у человека определенной направленности личности. Так, например, сангвиник будет намного лучше ладить с окружающими, нежели холерик или меланхолик. Ровно как и творческая личность или человек с хорошим чувством юмора будет обладать большей коммуникабельностью, чем замкнутый или неуверенный в себе человек.

Говоря о психологических аспектах, нельзя не упомянуть восприятие слушателем своего собеседника: важную роль здесь может играть соблюдение правил этикета. Это, в свою очередь, зависит больше от воспитания конкретного человека. Одним из психологических аспектов можно назвать вербальное общение наряду с невербальным. Подробно останавливаться на них не стоит, так как эта тема довольно широко раскрыта в психологии (в частности, в психологии делового общения).

Очень интересным, на мой взгляд, является изучение психологических аспектов виртуального общения, которое с каждым днем всё прочнее входит в нашу жизнь. Прежде всего, стоит брать во внимание основные особенности такого общения: анонимность (в той или иной степени) и удаленность собеседников. Эти характеристики виртуального общения, безусловно, накладывают на его участников определенные отпечатки. Отсутствие литературы по данному вопросу предоставляет широкое поле для изучения этого нового направления человеческого общения.

При описании психологических барьеров коммуникативности опять же стоит обратиться к психологии: здесь, помимо обычного разногласия собеседников, стоит выделить проблемы социальных стереотипов («навешивание ярлыков») и семантического непонимания (проблема жаргонов и сленгов).

Немаловажным аспектом коммуникативности будет являться такой субъективный признак, как отношения конкретного человека в целом к окружающим его людям — очевидно, что у мизантропа в общении будет больше проблем, чем у филантропа; у альтруиста даже в обществе незнакомых людей не возникнет сложностей, тогда как эгоист, скорее всего, будет изгоем. Человек, способный улаживать конфликты, непременно сможет заручиться широкой поддержкой окружающих; если же он наоборот, из-за своего характера часто попадает в конфликтные ситуации, люди будут стараться избегать контактов с ним.

Таким образом, психологические аспекты коммуникативности представляют собой довольно обширную область вопросов, имеющих междисциплинарный характер. Предлагаемая Вашему вниманию статья освещает лишь некоторые из них, являясь своего рода введением к углубленному исследованию.

Литература

1. *Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций. М. , 2000. С. 83.

Н. С. Смирнова
ДВФУ, г. Владивосток

Организация педагогического общения в дистанционном образовании

Общение, или коммуникация — сложное и многоплановое понятие [1]. С позиции отечественного деятельностного подхода, общение — это сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [2].

Педагогическое общение — это многоплановый процесс организации, установления и развития коммуникации, взаимопонимания и взаимодействия между педагогами и учащимися, порождаемый целями и содержанием их совместной деятельности [3].

Педагогическое общение определяется также как «взаимодействие педагога и учащихся, обеспечивающее мотивацию, результативность, творческий характер и воспитательный эффект совместной коммуникативной деятельности» [4].

Форма получения образования оказывает существенное влияние на педагогическое общение. Очевидно, что при очном и дистанционном обучении педагогическое общение будет иметь различные формы.

Дистанционное образование — образование, которое полностью или частичноосуществляетсяспомощьюинформационно-коммуникационных

технологий. Субъект дистанционного образования удалён от педагога, учебных средств и образовательных ресурсов [5]. Следовательно, общение между участниками образовательной среды будет опосредовано определенными средствами связи, что не может не оказывать влияния на взаимодействие.

Рассматривая специфику дистанционного обучения, необходимо учитывать не только аспекты, связанные с обменом информацией, но и аспекты, связанные с взаимопониманием и взаимодействием как между преподавателем и обучающимися, так и между обучающимися в коллективе [6].

К числу основных проблем в системе дистанционного обучения относятся:

1. недостаточная компьютерная грамотность участников обучения;

2. отсутствие невербальных компонентов коммуникации (передача информации при непосредственном общении происходит не только с помощью вербальных средств, но и с помощью интонации, жестов, мимики);

3. непривычная форма общения и скорость обмена сообщениями;

4. низкая эмоциональность контактов (в процессе «живого» общения люди обмениваются не только фактической, но и эмоциональной информацией).

Все эти проблемы необходимо учитывать при организации взаимодействия в дистанционном образовании.

Первая проблема связана с технической стороной организации общения, но она может оказать неблагоприятное психологическое воздействие на обучающихся. Общение в системе дистанционного образования происходит с помощью современных средств коммуникации: телеконференции, форумы, чаты, электронная почта. Непосредственно перед началом курса необходимо удостовериться, что все обучающиеся владеют информационно-коммуникационными технологиями на уровне, достаточном для прохождения программы, и они не будут чувствовать себя неуспевающими из-за незнания той или иной программы.

Остальные перечисленные проблемы носят психологический характер и способны вызвать такие проблемы как потеря интереса к обучению, чувство изоляции, снижение мотивации к обучению. Новые информационные технологии способствуют увеличению количественной стороны коммуникативной активности, при этом страдает качественная сторона взаимодействия между учащимися и преподавателем, а также между самими учащимися внутри учебной группы.

Если говорить об электронной переписке, где участники общения лишены возможности использовать невербальные способы коммуникации, то необходимо каким-то образом компенсировать данный недостаток. В таком случае имеет смысл прибегать к графическим символам и знакам («смайлики», изменение шрифта, выделение цветом) для придания эмоциональной окраски сообщениям и выделения основной мысли и важных моментов.

Организация форумов и чатов для выполнения совместных проектов может способствовать повышению мотивации к обучению, так как участники процесса смогут почувствовать себя частью определенного коллектива, и общение не так пролонгировано, как при использовании электронной почты.

Знание и соблюдение норм сетевого этикета является обязательным для всех участников дистанционного образования, так как соблюдение этикета оказывает существенное влияние на создание обстановки психологического комфорта в образовательной среде. Преподаватель должен побуждать учеников к корректному и четкому выражению мыслей, активному участию в обсуждениях и групповых заданиях. Не стоит забывать и о правилах речевого этикета, принятых в сферах обычного повседневного и делового общения: использовать уместные обращения, слова приветствия, прощания, благодарности, извинения, формулы вежливости и т. д. [7].

Следовательно, можно говорить о том, что педагогическое общение в дистанционном образовании имеет ряд особенностей, которые могут оказать негативное воздействие на процесс обучения, и необходим особый подход к организации общения, который способствовал бы становлению тесных профессиональных и личных взаимоотношений между всеми участниками дистанционной образовательной среды.

Литература

1. *Зимняя И. А.* Педагогическая психология : учебник для вузов / И. А. Зимняя. Изд. второе, доп., испр. и перераб. М. : Издательская корпорация «Логос», 2000. 384 с. С. 195.
2. Психология: Словарь / под ред. А. В. Петровского, М. С. Ярошевского. М., 1996.
3. Педагогика : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. М., 2004. С. 459.
4. Педагогическая риторика : учеб. пособие / под ред. Н. А. Ипполитовой. М., 2001. С. 12.

5. Электронная энциклопедия Википедия. Дистанционное образование. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дистанционное_образование (дата обращения 10.01.2012).
6. Теория и практика дистанционного обучения / под ред. Е. С. Полат. — М. : Издательский центр «Академия», 2004. 416 с. С. 274–275.
7. Российский общеобразовательный портал. Психолого-педагогическое сопровождение дистанционного обучения в системе общего образования. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. URL: http://edu.of.ru/ (дата обращения 10.01.2012).

М. Э. Строкин

ЯрГУ им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Неопределенность в системе деловой коммуникации

Неопределенность — одно из центральных понятий в современной теории и практике управления. Об этом писали Л. Планкет и Г. Хелл [4].

Важность этого понятия обусловлена тем, что на деятельность любой организации влияют неопределенные факторы.

К факторам, повышающим неопределенность, относятся такие факторы внешней и внутренней среды, значения которых неизвестны или известны не полностью.

В общем случае *неопределенность в* моделях принятии решений следует понимать как наличие нескольких возможных исходов каждой альтернативы. На это указывает О. К. Платов [5].

Важная особенность процессов принятия управленческих решений заключается в необходимости учитывать влияние неопределенных факторов и рассматривать все возможные последствия альтернатив, предъявляемых для выбора.

В связи с этим большое практическое значение имеет разработка моделей принятия решений в условиях неопределенности.

Данные модели обеспечивают структурирование и обработку информации о решаемой проблеме и тем самым хотя бы отчасти восполняют неполноту исходных данных, имеющихся у руководителя.

Рекомендации по принятию решений, получаемые с помощью формальных моделей, можно учитывать лишь в тех случаях, когда

предположеиия, лежащие в основе таких моделей, соответствуют действительной природе и источиику иеопределенности.

Для того, чтобы точно устанавливать это соответствие, необходимо понимать сущность и разнообразие факторов иеопределенности, влияющих иа организацию, и связаиных с ними понятий риска, шаиса и опасиости.

Понятие неопределенности носит междисциплииарный характер и может рассматриваться в различных аспектах.

В теории управления предлагается несколько осиоваиий классификации факторов, обуславливающих неопределенность, двумя наиболее распространенными из которых являются источник и природа иеопределеиности. Данные основания предложеиы О. А. Кулагииым [1].

Согласно первому основаиию, различают факторы неопределенности среды и факторы личностной неопределенности. Согласио второму — вероятностную иеопределенность и неопределенность увереииости.

Согласно второму призиаку классификации факторов, обуславливающих неопределениость — природе неопределенности — различают вероятностную иеопределенность и неопределеиность увереииости.

В психологии решения задач и проблем сформировалось собствеиное представлеиие об источиикс неопределенности, согласно которому неопределенность рассматривается как характеристика задачи. Данной точки зрения придерживались Г. Б. Мазилова и У. Рейтмаи [3, 6, 7].

В данной области научного знания принято деление задач на «хорошо» и «плохо определенные». Даиное разграиичение проведеио М. Мииским и У. Рейтмаиом [6, 7].

Большинство проблем, с которыми приходится сталкиваться в повседневиой деятельности, относятся к классу «плохо определенных» и человек до сих пор является едиствеииым «инструментом» для работы с подобными задачами и для превращения их в «хорошо определенные». Об этом писал У. Рейтмап [6].

«Плохая определенность» связана так же с большим количеством свойств, которыми обладают объекты, с которыми человеку приходится взаимодействовать в окружающей среде.

Объем свойств зачастую значительно превышает число Миллера, равное 7 ± 2 едииицам. На это указывала Г. Б. Мазилова [3].

Отсюда, одним из путей снижения неопределенности является процесс выдвижения и проверки гипотез. Этому посвятил свои исследоваиия Ю. Н. Кулюткин [2].

Приступая к решению задачи, ЛПР старается, прежде всего, определить для себя тот или иной способ поиска.

На этом этапе осуществляется поиск возможных иаправлений в преобразовании, изменении в проблемной ситуации, идет поиск приемлемых решений задачи.

Как только этот способ получает подкрепление, он субъективно приинимается, закрепляется, а главное — на этой основе происходит мотивация всей последующей деятельности. К этому выводу пришел Ю. Н. Кулюткин [2].

Общим как для одной, так и для другой области научного знания является отсутствие единого объективного критерия определенности/неопределенности, что повышает значимость исследований личностного аспекта данной проблемы.

Литература

1. *Кулагин О. А.* Принятие решений в организациях : учеб. пособие. СПб. : Изд. дом «Сеитябрь», 2001. 148 с.

2. *Кулюткин Ю. Н.* Эвристические методы в структуре решений. М. : Педагогика, 1970. с. 230.

3. *Мазилова Г. Б.* О процессе оценивания при решении иеопределенных задач // Мышление и субъективный мир / под ред. Ю. К. Корнилова. Ярославль, 1991. С. 81–84.

4. *Планкет Л., Хелл Г.* Выработка и принятие управленческих решений: Опережающее управление: сокр. пер. с англ. М., 1984.

5. *Платов О. К.* Разработка и реализация управлеческих решений : учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2001. 116 с.

6. *Рейтман У. Р.* Плохо определенные задачи // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Ф. Спиридоиова, М. В. Фаликман, В. В. Петухова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ : Астрель, 2008. С. 295–298 (Хрестоматия по психологии).

7. *Рейтман У. Р.* Познание и мышление. Моделирование на уровие информационных процессов, М. : Мир, 1963.

Е. О. Тарасова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Экономическое сознание как условие субъективного благополучия и коммуникации человека

Изо дня в день экономические обстоятельства жизни предъявляют к человеку все более высокие требования экономической эффективности.

Переход России к рыночной экономике повлек за собой ряд психологических изменений в обращении человека с деньгами. Одним из результатов является то, что экономические представления и отношение к деньгам россиян трансформировалось, деньги стали занимать более важное место в сознании. В экономическое сознание плотно вошли такие понятия как собственник, экономический риск и экономическая активность, отношение к богатым и бедным, субъективное отнесение себя к тому или иному классу. Таким образом, возникли различные социально-психологические типы людей в зависимости от их отношения к деньгам. Грубо округляя, можно сказать, что для одних деньги — цель жизни, для других лишь средство существования.

Экономическое сознание — одно из наиболее часто употребляемых в современных исследованиях понятий. Существуют различные подходы к его определению, в зарубежной психологии принято использовать термины «экономическое мышление» и «экономическое поведение» (А. Смит, М. Вебер, Э. Дюркгейм) [3].

А. В. Филиппов и С. В. Ковалев экономическое сознание определяют как высший уровень психического отражения экономических отношений общественно развитым человеком.

Обыденное экономическое сознание складывается на основе мироощущений, непосредственного жизненного опыта, элементарных экономических знаний и социально-психологических установок.

В целом экономическое сознание является компонентом категории «социализация», так как оно развивается и формируется в рамках определенных социальных условий [2].

По своей природе являясь феноменом социально-психологическим, экономическое сознание выполняет две важнейшие функции в жизнедеятельности личности. Во-первых, этот феномен отражает социально-экономические условия жизни, экономическую макро- и микросреду.

Во-вторых, он выступает одним из психологических регуляторов экономического поведения человека в социальной среде.

Экономическое сознание является важным компонентом определения себя как благополучной либо неблагополучной личности. Уровень субъективного благополучия, а также сопутствующие ему показатели взаимосвязаны с субъективным представлением о своих экономических возможностях, желаниях и целях.

Экономическое сознание не ограничивается простым отражением социально-экономического бытия, оно включает в себя отношение к нему, оценку экономической деятельности и выступает значительным фактором поведения человека, а поведение, в свою очередь, порождает определенное взаимодействие, коммуникацию. Таким образом, нам открывается поле для исследования взаимосвязи между экономическим сознанием человека и присущими ему особенностями взаимодействия, коммуникации с окружающим миром.

В любом случае экономическое повсдение и экономическое взаимодействие субъектов включено в более общий процесс их социальной жизнедеятельности и социального взаимодействия, поэтому в ходе исследований необходимо учитывать другие социальные (не экономические) факторы (этнокультурные, социально-демографические, политические и т. д.) [1].

Литература

1. *Позняков В. П.* Экономическая психология в 21 веке. Опыт и перспективы взаимодействия // Публикации Института Психологии РАН. Проект «Российские предприниматели в изменяющемся обществе: Возобновляемая электронная база данных социально-психологического мониторинга».

2. *Филиппов А. В., Ковалев С. В.* Исследование мотивации повышения квалификации руководящих работников // Вопросы психологии. 1987. № 1. С.118.

3. *Хащенко В. А.* Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 5. С. 32–49.

Ю. С. Филатова

ЯрГУ им.П. Г. Демидова, г. Ярославль

Некоторые аспекты коммуникативной компетенции врача

Важными характеристиками личности врача, играющих большую роль в эффективности взаимодействия в диаде «врач-больной», являются навыки общения с пациентами. Уровень овладения этими навыками входят в понятие коммуникативная компетентность, которая является важной составляющей профессиональной деятельности врача. Коммуникативную компетентность специалиста можно охарактеризовать как определенный уровень сформированности личного и профессионального опыта взаимодействия с окружающими. Работа в изучении коммуникативной компетенции врача велась Л. А. Цветковой (исследование коммуникативной компетентности врачей-педиатров) [1], Л. Л. Алексеевой (изучение коммуникативного потенциала и личностных особенностей медицинского персонала) [2]. Работы по изучению коммуникативной компетенции врачей терапевтов недостаточно.

Цель исследования: определить уровень коммуникативной компетенции врачей терапевтов и мотивацию к совершенствованию навыков общения

Проведено обследование 92 врачей терапевтов. В большинстве женщины 78 человек (84,8 %) и 14 мужчин (15,2 %). Средний возраст врачей составил 47,13 лет (от 28 до 69 лет). Средний стаж работы 20,82 года (от 1 до 40 лет)

Для изучения коммуникативной компетенции врача использовалась методика ПККВ (Яковлева Н. В. . Урванцев Л. П.) [3]. Тест представляет четыре блока утверждений, которые респондент оценивает по пятибалльной шкале. При исследовании был обнаружен средний уровень коммуникативных навыков и умений по всем четырем блокам: первый блок КИ = 56,08 ± 4,57 блок, который определяет выраженность общих коммуникативных ценностей. Второй блок КУ = 48,45 ± 6,08, который отражает уровень владения коммуникативными техниками на основании самооценки. Третий ПИ блок = 51,34 ± 5,76, который определяет степень включенности коммуникативной составляющей в профессиональную врачебную деятельность. И четвертый блок ПУ = 52,83 ± 5,17, который

характеризует уровень развития профессиональных коммуникативных умений и навыков на основании самооценки.

В каждом блоке методики 15 утверждений являются диагностическими, а 16 утверждение выявляет мотивацию к совершенствованию данного качества. Анализируя данные по блокам, были получены следующие результаты. В первом блоке на 16 вопрос «Знания психологии общения всегда полезны», мнения врачей разделились. Большая часть (83 человека — 90,2 %) совершенно согласна с этим утверждением, но часть врачей выразила некоторое сомнение в утверждении (9 человек — 9,8 %). При детальном изучении этих групп, выяснилось, что в первой группе, которую составляют и мужчины и женщины средний возраст (47,9 ± 10,79) и стаж (21,66 ± 11,10) достоверно выше чем во второй группе (представленной женщинами) 39,7 ± 7,34 и 13,0 ± 8,77, соответственно ($p < 0,05$). Уровень ПУ в первой группе достоверно выше (53,30 ± 4,72), чем во второй группе (48,55 ± 7,23) ($p < 0,05$).

16 утверждение 2 блока «Мне не хватает знаний об умении хорошо общаться» При изучении, вызвало наибольшие разногласия мнениях врачей: совершенно согласен (15 человек — 16,3 %), скорее согласен (29 человек — 31,5 %), не знаю (16 человек — 17,4 %), скорее не согласен (32 человек — 34,8 %). В этих группах были как мужчины, так и женщины. Но при этом стаж, возраст и уровень коммуникативных умений не отличались друг от друга.

На 16 вопрос 3 блока «Врача нужно специально обучать умению общаться с больными» респонденты проявили большее единодушие, но, тем не менее, по ответам врачей можно разделить на 2 группы: врачи, которые «совершенно согласны с утверждением» (55человек — 56,5 %) и врачи, которые «скорее согласны» (34 человека — 43,5 %). Обе группы не отличались друг от друга по полу. Но, так же как при ответах в первом блоке — отмечается достоверное отличие респондентов по стажу 23,89±9,80 в первой группе и 16,71 ± 11,56 во второй и возрасту 49,80 ± 9,69 и 43,82 ± 10,89 соответственно ($p < 0,05$).

Что касается 16 вопроса 4 блока утверждений, который демонстрирует мотивацию врача к обучению психотехникам общения, «Я бы хотел научиться лучше общаться с больными» мнения врачей разделились на 3 группы «совершенно согласен» — 42 человека (45,6 %), «скорее согласен» — 39 человек (42,4 %) и третья группа — «не знаю» и «скорее не согласен» — 11 человек (12 %). Средний возраст в группах составил 50,12 ± 9,52; 44,80 ± 10,59 и 43,72 ± 13,54, а стаж 24,0 ± 10,08; 18,53 ± 11,28 и 16,72 ± 12,29 соответственно. В группах отмечается

тенденция к увеличению возраста по мере согласия с утверждением. А так же достоверные отличия возраста и стажа в разных группах (возраст $p_{1-2} < 0,05$; стаж $p_{1-3} < 0,05$).

При изучении особенностей коммуникативных умений у врачей с разным стажем и опытом работы был проведен корреляционный анализ, по результатам которого не было обнаружено достоверной взаимосвязи коммуникативных умений с возрастом, стажем и квалификационной категорией. Не отмечалось достоверных различий навыков общения у врачей, работающих в поликлиниках, стационарах, а так же у мужчин и женщин.

Таким образом, коммуникативная компетентность врача терапевта формируется на этапах его обучения в вузе, а мотивация к совершенствованию коммуникативиых умений и обучению психотехникам общеиия с пациеитами формируется с опытом и иакоплением клинического стажа работы. Пренебрежение знаниями в области психологии общеиия иа ранних этапах профессиоиальной деятельиости возникает из-за ориентировки молодых врачей на лечение конкретных болезней, с которыми приходят к ним пациенты и в меньшей степени на общение с пациентом. И отсутствия в должном объеме учебных дисциплин по данной проблематике в ВУЗе.

Литература

1. *Цветкова Л. А.* Коммуникативная компетентность врачей педиатров : автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 1994.
2. *Алексеева Л. Л.* Личностные особенности и коммуникативный потенциал медицинского персонала в амбулаторной педиатрии : автореф. дис. … канд. психол. наук. СПБ, 2002.
3. *Яковлева Н. В.* Психологическая компетентность и ее формирование в процессе обучения в вузе (на материале деятельности врача) : автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 1994.

Н. И. Чулочникова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Актуальные проблемы взаимодействия: человек и компьютер

С каждым днем в современном мире остается все меньше сфер деятельности, не связанных с компьютером. Изначально компьютер предназначался лишь для высококвалифицированной работы по решению оборонных и исследовательских задач. Вычислительная техника у большинства ассоциировалась исключительно с научной парадигмой. Никто и предположить не мог, что компьютер станут использовать в развлекательных целях (для игр, общения и т. д.).

В настоящее время компьютер обладает широким спектром возможностей. Это и инструмент для сложной работы, связанной с вычислениями, и замена печатной машинки с новыми функциями, и портал в мир игр и информации в Интернете, и устройство для общения с близкими через форумы и социальные сети, а для кого-то это лучший собеседник.

Неудивительно, что в этих условиях молодое поколение чаще предпочитает общение при помощи компьютера реальному. В последнее время это приобретает массовый характер. В ходе нашего исследования выяснилось, что больше половины представителей учащейся молодежи пользуются компьютером каждый день (75,4 %) [1]. А компьютерные игры постепенно начинают охватывать все более молодые слои населения. Так становятся популярными развивающие компьютерные игры для детей от 3-х лет.

Наиболее интересным нам кажется изучение взаимодействия человека с компьютером в двух направлениях:

1. Взаимодействие с компьютером через игры, где соперником выступает компьютерная программа.

2. Взаимодействие с другими людьми при помощи компьютера (через он-лайн игры, где противник — реальный человек; через социальные сети, форумы, программы мгновенных сообщений).

В первом случае мы будем говорить, скорее, о псевдовзаимодействии, так как действия на экране производятся программой по заданному алгоритму, нарушение которого приведет к сбою всей системы. При таком общении реальный социальный субъект подменяется машиной. В этом вопросе важно учитывать проблему агрессии в некоторых современных

играх. Чаще всего подобную направленность можно найти в шутерах от первого лица, стратегиях в реальном времени, ролевых и ролевых он-лайн играх. Все эти жанры можно отнести к одной группе — ролевые игры. Эти игры характеризуются принятием на себя роли компьютерного персонажа. Считается, что именно они дают больше всего возможностей для ухода от реальности. Отметим, что, по результатам нашего исследования, эти игры пользуются наибольшей популярностью у молодежи. Так одной из наиболее популярных игр оказался шутер Conter-Strike (17,2 %), стратегия Warcraft (15,2 %), многопользовательская ролевая он-лайн игра World of Warcraft (12 %).

Для большинства людей такое взаимодействие проходит бесследно, однако всегда имеется группа риска. Но существуют и другие компьютерные игры, где взаимодействие носит более опосредованный характер (логические, симуляторы техники, гонки и т. д.). Среди них наиболее востребованные — автомобильные симуляторы (из них игры NFS — 8,6 % и Grand theft auto — 8,6 %). Данные игры скорее являются поддерживающей средой, где можно достигать результатов и утверждаться, важно помнить о возможности развития памяти, моторной координации, способности восприятия пространства, внимания с помощью компьютерного досуга. В то же время сами игры становятся поводом для общения, темой обсуждений и соперничества в достижении игрового результата, а значит, могут объединять людей уже для непосредственного общения.

Во втором случае можно говорить об опосредованном взаимодействии. Согласно теории Дж. Томпсона, этот вид коммуникации предполагает обязательное использование вспомогательных средств, которые позволяют обмениваться сообщениями людям, «отдаленным» друг от друга в пространственно-временном отношении. В роли них могут выступать, например, бумага в случае переписки, а также телефон, телеграф, радио, компьютер, Интернет и т. д. [2]. В нашем случае речь будет идти о коммуникации опосредованной компьютером и Интернетом. Отметим, что 67,0 % опрошенных чаще всего используют Интернет для общения в ICQ, чатах и социальных сетях, а половина респондентов (49,6 %) выступают инициаторами знакомств в сети. Указанное нами взаимодействие имеет ряд свойств. Первое — это возможность анонимных социальных интеракций и персональный контроль. Так по результатам исследования почти каждый десятый считает, что «с человеком легче общаться он-лайн, нежели лично». Второе — широкая аудитория поиска нового собеседника, удовлетворяющего практически любым критериям (здесь важно отметить, что нет необходимости удерживать внимание

одного собеседника — т. к. в любой момент можно найти нового). Так для каждого 10 респондента преимуществом он-лайн знакомств является возможность легко прекратить общение, если что-то пойдет не так. А 12,8 % опрошенных заводят такие знакомства исключительно для непродолжительных отношений.

Таким образом, взаимодействовать с компьютером и по средствам его с другими людьми человек стремится все больше. Говорить об однозначном вреде данного явления было бы ошибкой. Но необходимо помнить о существующих угрозах, таких как компьютерная и Интернет-зависимости. Для большинства людей увлечение компьютером неопасно, но всегда существует группа риска. Для этих людей техника может стать причиной отчуждения от реального общения, общества, культуры, мира.

Литература

1. Исследование Чулочниковой Н. И. под руководством кафедры прикладной социологии УрГУ, ноябрь — декабрь 2010г (объем выборки 300 человек).

2. *Thompson J. B.* Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. — Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1990. С. 174.

Н. Е. Шестакова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Исследование нейрокогнитивных функций у детей дошкольного возраста с трудностями понимания логико-грамматических конструкций языка

Нарушение понимания логико-грамматических конструкций (ЛГК) языка является одним из видов специфических расстройств речи у детей. В отечественной логопатологии А. Н. Корнев [2] включает трудности понимания ЛГК в IV группу нарушений — синдром импрессивного дисграмматизма. Автор отмечает, что данный синдром изучен слабо, его описание и анализ почти не встречается в русскоязычной литературе. Исходя из наблюдения большого количества детей с разными формами речевых

патологий, А. Н. Корневым был сделаи вывод, что этот синдром чаще всего зависит от двух факторов: интеллектуального развития и грамматических способностей [2].

В данной работе была исследована группа детей с трудностями в поиимании пассивиых и предложных логико-грамматических конструкций языка. Мы предполагаем, что у иормально развивающихся детей, имеющих трудности в поиимании логико-грамматических конструкций языка, может иаблюдаться низкий уровень сформированности специфического мозгового механизма. Низкий уровень сформированности этого механизма, в свою очередь, может сказываться ие только иа речи, ио и иа других психических процессах. Данное предположение опирается иа концепцию системного характера иарушеиий психических процессов, которая была разработана А. Р. Лурией, в соответствии с которой иарушение мозгового механизма, как правило, приводит к появлению синдрома, который состоит из симптомов иарушения не одной, а нескольких психических функций [3]. Мы предполагаем, что даиное утверждение верио ие только по отношению к иарушенным мозговым механизмам, ио и по отношению к мозговым мехаиизмам, имеющим низкий уровень сформироваииости.

В даиной работе была поставлена задача провести комплексное нейропсихологическое обследование детей дошкольиого возраста, у которых есть трудности в поиимании пассивиых и предложных логико-грамматических конструкций языка, с целью выявить иабор слабых и сильных звеньев в их когнитивной сфере. Для достижеиия этой цели был использован нейропсихологический подход, разработанный А. Р. Лурией. Даниый подход позволяет на основе анализа выполнения нейропсихологических проб выявлять дефицитариость специфических мозговых мехаиизмов. В отечественной детской иейропсихологии было показано, что данный подход может быть успешио использован не только для выявлеиия нарушений, но и низкого уровия сфомированности мозговых механизмов [4].

Испытуемые

В исследовании приняли участие 137 детей дошкольиого возраста, в том числе 46 детей в возрасте 4 лет (M = 4.56, SD = 0.28; 28 девочек и 18 мальчиков), 46 детей в возрасте 5 лет (M = 5.48, SD = 0.33; 29 девочек и 17 мальчиков), 45 детей в возрасте 6 лет (M = 6.51, SD = 0.26; 27 девочек и 18 мальчиков).

Методика

Для выявлеиия детей с трудностями понимания ЛГК была использована нейропсихологическая проба, разработаиная Т. В. Ахутиной [1]

и апробированная как на взрослых больных страдающих афазией, так и на детях в возрасте 3–5 лет. Проба состоит из двух частей: (1) понимание пассивных обратимых конструкций (9 предложений); (2) понимание предложных конструкций (4 предложения).

Для оценки уровня развития нейрокогнитивных функций была использована компьютерная версия комплексного нейропсихологического обследования детей дошкольного возраста, разработанная на кафедре психофизиологии и психофизики УрГУ под руководством Киселева С. Ю. В методику вошли пробы из двух батарей тестов: (1) детской нейропсихологической методики, разработанной под руководством Т. В. Ахутиной; (2) методики NEPSY, разработанной под руководством M.Korkman [7]. Методика позволяет исследовать базовые нейрокогнитивные функции, в частности, различные аспекты речевых процессов, слухоречевую и зрительную память, слуховой и зрительный гнозис, зрительно-пространственные функции, функции регуляции и контроля, а также сенсомоторные функции.

Для каждого ребенка вычислялся интегральный нейропсихологический показатель (ИНП), который отражает общий уровень развития когнитивных функций ребенка. Для этого по каждой пробе находился коэффициент успешности выполнения — полученный ребенком балл делился на максимальный балл, который мог быть заработан по данной пробе. Интегральный нейропсихологический показатель вычислялся как сумма коэффициентов успешности выполнения всех проб.

Результаты

В каждой возрастной группе (4, 5 и 6 лет) были выделены две подгруппы — дети с низким (Н-ЛГК) и высоким уровнем понимания ЛГК (В-ЛГК). В группу детей с низким уровнем понимания ЛГК относили детей, которые по пробе «Понимание ЛКГ» показали результат ниже среднего для данного возраста. Группы были уравнены по ИНП. Далее в каждой возрастной группе с помощью однофакторного дисперсионного анализа был проведен сравнительный анализ успешности выполнения отдельных нейропсихологических проб между Н-ЛГК и В-ЛГК детьми.

У детей 4 лет были обнаружены достоверные различия между подгруппами по успешности выполнения одной пробы — «Называние частей тела» ($F = 7.54$; $p < 0,01$). У детей 5 лет были обнаружены достоверные различия между подгруппами по успешности выполнения только двух проб — «Понимание инструкций» ($F = 4,78$; $p < 0,04$) и «Реакция выбора» ($F = 4.44$; $p < 0.05$). У детей 6 лет были обнаружены достоверные различия между подгруппами по успешности выполнения 3 проб — «Называние

проб — «Называние частей тела» ($F = 5.90$; $p < 0.03$), «Фонематический слух» ($F = 4.60$; $p < 0.05$), «Повторение псевдослов» ($F = 4.58$; $p < 0.05$).

Таким образом, видно, что у детей 4 лет трудность понимания ЛГК связана с речевой сферой, так как проба, по которой обнаружены достоверные различия между подгруппами, оценивает одну из сторон речевой деятельности — номинативную функцию речи, которая преимущественно связана с задними отделами левого полушария. Таким образом, можно предположить, что у детей 4 лет трудности понимания ЛГК связаны в большей степени с дефицитарностью задних отделов левого полушария. У детей 5 лет трудность понимания ЛГК связана в основном со сферой регуляции и контроля, так как и проба «Понимание инструкций», и проба «Реакция выбора» оценивают уровень развития данной сферы. Эта функция преимущественно связана с лобными отделами. Можно предположить, что у детей 5 лет трудности понимания ЛГК связаны в большей степени с дефицитарностью лобных отделов мозга. У детей 6 лет трудность понимания ЛГК связана с речевой сферой, так как все три пробы, по которым обнаружены достоверные различия между подгруппами, оценивают различные стороны речевой деятельности — фонематический слух, номинативную функцию речи и уровень сформированности артикуляции, которые преимущественно связаны с задними отделами левого полушария.

На наш взгляд результаты проведенного исследования позволяют объяснить противоречивые данные, которые получены в зарубежных исследованиях детей со специфическими расстройствами языка. Ряд исследований показывают, что у этих детей существует только специфическая слабость в понимании ЛГК при отсутствии проблем в других когнитивных функциях [11]. Однако, существуют свидетельства наличия неречевых когнитивных трудностей у этих детей, включая проблемы с рабочей памятью [8], моторными навыками [5], вниманием [9] и восприятием [6]. То, каким образом эти неречевые проблемы могут объяснить речевые нарушения у этих детей, является предметом споров в современных психолингвистических исследованиях [10]. Полученные в данном исследовании результаты говорят, о том, что существует возрастная специфика связи трудностей понимания ЛГК с другими когнитивными функциями. Не учет этой возрастной специфики может приводить к получению противоречивых данных в исследованиях детей с диагнозом «специфические расстройства языка».

Литература

1. *Ахутина Т. В.* Трудности понимания грамматических конструкций у больных с афазией. Проблемы афазии и восстановительного обучения. Вып. 2. М., 1979.
2. *Корнев А. В.* Основы логопатологии детского возраста. Клинические и психологические аспекты. СПб., 2006.
3. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. М., 2000.
4. *Микадзе Ю. В.* Дифференциальная нейропсихология детского возраста. Вопросы психологии. 2002, 4, 35–45.
5. *Hill EL.* Non-specific nature of specific language impairment: a review of the literature with regard to concomitant motor impairments. Int J Lang Commun Disord 2001, 36, 149–71.
6. *Johnston J.* Specific language disorders in the child. In Handbook of Speech-Language Pathology and Audiology, ed. N. Lass, L. McReynolds, J. Northern, D. Yoder, pp. 685–715. Toronto : Decker, 1998.
7. *Korkman M., Kirk U., Kemp S. L.* NEPSY — A Developmental Neuropsychological Assessment, San Antonio: Psychological Corporation, 1998.
8. *Montgomery J.* Sentence comprehension in children with specific language impairment: The role of phonological working memory. Journal of Speech and Hearing Research 1995, 38, 187–99.
9. *Tallal P., Dukette D., Curtiss S.* 1989. Behavioral/emotional profiles of preschool language impaired children. Development and Psychopathology. 1989, 1, 51–67.
10. *Ullman M., Pierpont E.* 2005. Specific Language Impairment is not Specific to Language: The Procedural Deficit Hypothesis. Cortex 2005, 41, 399–433.
11. *van der Lely H.* 2005. Domain-specific cognitive systems: insight from Grammatical-SLI. Trends in Cognitive Sciences 2005, 9, 53–9.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (контракт № П826).

Д. Д. Шибанкова
ЯрГУ им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Исследование влияния различных форм частей речи на восприятие адресанта сообщения на примере новогоднего обращения Президента РФ

Речевое воздействие — это преднамеренная перестройка смысловой сферы личности посредством использования речевых инструментов [2]. В каждом речевом воздействии имеются как явные, так и скрытые (подчас даже для самого автора сообщения) смыслы. Некоторые из них передаются по невербальному каналу, остальные — через различные виды взаимодействий между основными частями высказывания.

Такие взаимодействия являются предметом психолингвистических исследований, которые применяются к различным областям коммуникаций, в том числе к политической коммуникации. В частности, речи президентов анализируются через выделение в них глагольных конструктов, которые представляют собой прямые лингвистические репрезентации властных отношений [1].

Одним из наиболее эффективных психолингвистических методов исследования семантического образа объекта является предложенный еще Ч. Осгудом метод психосемантического дифференциала (далее СД) [4].

Цель исследования: описать характер воздействия тех или иных форм частей речи на образ адресанта сообщения.

Гипотеза: Незначительные изменения форм подлежащего и сказуемого в речевом сообщении приводят к значимым изменениям в восприятии образа адресанта данного сообщения.

Независимые переменные: 1. Личное местоимение в единственном («я») или множественном («мы») числе. 2. Глагол в настоящем («делаю») или в будущем («буду делать») времени. *Зависимая переменная*: Оценки по различным шкалам семантического дифференциала.

Стимульный материал: стенограмма новогоднего обращения президента РФ Б. Ельцина от 1994 года, представленная в 4х вариантах (см. табл. 1).

В исследовании приняли участие 40 человек. Для каждого из вариантов десять человек оценили адресанта сообщения по 18-шкальному многоступенчатому СД (7 ступеней, шкалы будут описаны ниже). Следует

отметить то, что в тексте были нарочито оставлены «подсказки», с помощью которых испытуемый мог догадаться о том, кто является реальным адресантом сообщения. Таким образом, мы пытались придать исследованию экологическую валидность.

Таблица 1

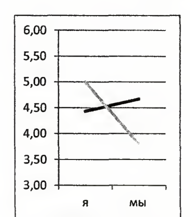
План двухфакторного эксперимента

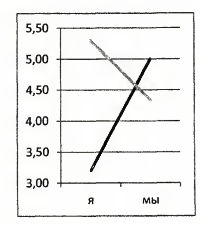
	«Я»	«Мы»
Настоящее время	I	II
Будущее время	III	IV

Проведя факторный анализ шкал СД по принципу Varimax normalized, мы выделили следующие факторы: 1) Фактор «*Оценка*» (факторный вес = 5,17), куда вошли следующие шкалы: «слабый-сильный», «плохой-хороший», «противный-приятный», «злой-добрый», «грязный-чистый», «нечестный-честный», «смешной-серьезный»; 2) Фактор «*Сложность*» (2,96): «легкий-тяжелый», «простой-сложный», «мягкий-твердый»; 3) Фактор «*Активность*» (2,76): «нерешительный-решительный», «статичный-динамичный», «пассивный-активный»; 4) Фактор «*Рациональность*» (1,29): «рациональный-эмоциональный»; 5) Фактор «*Требовательность*» (1,53): «нетребовательный-требовательный». Не получили значимого факторного веса следующие шкалы: «Маленький-большой», «холодный-горячий», «расслабленный-напряженный»

Для каждого из перечисленных пяти факторов была составлена таблица двухфакторного эксперимента со средневыборочными оценками по каждому фактору. Значимые различия между группами были обнаружены только для факторов «Активность», «Рациональность» и «Требовательность». Графики двухфакторного эксперимента для этих факторов отражены в рисунках 1–3.

Как видно из представленных рисунков, факторы числа подлежащего и времени сказуемого взаимодействуют. Так, при использовании в тексте речи личного местоимения «я» испытуемые воспринимали адресанта, использующего будущее время глагола как *более активного*, в то время как при использовании местоимения «мы» более активным признавался адресант, использующий настоящее время в послании. Иными словами, адресант, говорящий «я буду делать», — более активен, чем тот, который несет послание «я делаю». В то же время «мы делаем» воспринимается как послание более активного человека, чем того, кто говорит «мы будем делать». Схожая ситуация наблюдается и для других факторов.





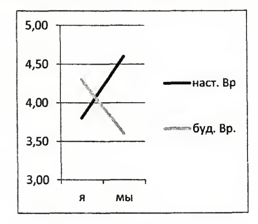


Рис. 1. **«Активность».** Рис. 2. **«Рациональность».**
Рис. 3. **«Требовательность»**

Мы считаем, что такие различия связаны в первую очередь с восприятием политического лидера, как человека, занимающегося *постановкой целей*, в то время как исполнение целей — прерогатива как его команды, так и общества в целом.

Стоит отметить, что исследование влияния различных форм слов в речевом сообщении на восприятие адресанта ведется довольно давно, как в, психологии, так и в лингвистике, например [3]. Однако, меньше внимания уделяется взаимосвязи и взаимовлиянию этих форм. Данное

направление психолингвистических исследований представляется нам перспективным.

Литература

1. *Киселев И. Ю.* Актуальные проблемы политической психологии / И. Ю. Киселев, А. Г. Смирнова; Ин-т психологии Рос. акад. наук, Ин-т «Открытое о-во». М. ; Ярославль : Ин-т психологии РАН, 2001. 155 с.
2. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Психология» / А. А. Леонтьев. М. : Смысл, 1999.
3. Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты : Межвуз. сб. науч. тр. / МГУ им. Н. П. Огарева; редкол.: Ю. К. Воробьев (отв. ред.) и др. Саранск, тип. «Красный Октябрь», 2004. Вып. 3. 236 с.
4. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики : [Учеб. пособие для вузов по направлению и специальности «Психология»] / В. Ф. Петренко. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997.

Л. Ю. Ятлук
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Философская интерпретация данных различных наук на примере исследований цвета

Всем известно, что постмодерн поставил под вопрос принципиальную возможность существования философии в современном обществе. Философия последних двух десятилетий, так или иначе, стремится ответить на вопрос, о целях и причинах, которые не позволяют ей отмирать. Можно выделить несколько наиболее распространенных варианта решения. Во-первых, это философия как истории философии, не создавая нового знания, философия остается хранительницей культурного богатства, в то время как история передает историю материальную, история философии передает историю духовную и интеллектуальную. Здесь мы сталкиваемся с проблемой того, что философия как таковая признается «скорее мертвой, чем живой», в этом случае ее изучение можно перевести в один из разделов истории. Во-вторых, философия как наука о чувственном, иррациональном. Этот ход предпринимался еще до появления постмодернизма, но не раз подвергался критике, так как мало возможным

представляется построение рациональной науки об иррациональном, а философия от своих истоков была прежде всего способом рационального построения картины мира на основании строгих понятий и логики. В-третьих, возможна актуализация философии как интегрирующей дисциплины, способной связывать и систематизировать данные конкретных наук, ставить вопросы об их основаниях и исследовать методологию работы с неклассическими объектами, объединяя достижения различных исследований. Этот вариант представляется мне наиболее перспективным, и на примере анализа цвета я попытаюсь показать, какую роль может играть философия, не становясь «служанкой науки», а продолжая быть специфической и сложноорганизованной сферой исследований.

Долгое время цвет исследовался разрозненно в различных областях человеческого знания. Мы можем найти как философские, так и научные попытки объяснения природы цвета. У Аристотеля цвет понимался как качество присущее конкретным вещам, в Средние века цвета рассматривались как разные этапы разворачивания божественного света в мире. Задача, казалось бы, разрешилась после открытий И. Ньютона в области природы цвета, но это не дало ответов на все вопросы, что показывают, прежде всего, работы И. В. Гёте. Он показывает, что нас интересуют не только и не столько цвета, как они объективно образуются в мире, а то, как они существуют для человека. Здесь существует несколько уровней опосредования, каждый из которых следует учитывать в анализе цвета-для-нас. В наиболее общем варианте можно выделить следующие:

1. Физическое — первый этап опосредования происходит от того, что мы никогда не имеем дело с изолированным идеальным цветом, они имеют разную чистоту и яркость, кроме того наложение цветов также дает различные результаты, в особенности при смешении спектральных и неспектральных цветов. Наиболее ярко это демонстрирует в своей работе «Основы учения о цветах» С. О. Майзель [1].

2. Биологическое — глаз человека организован таким образом, что одни структуры — «палочки» воспринимают количество света, а другие — «колбочки» качество. Соответственно возникает уже два параметра измерения цвета, не случайно Р. Юиг показывает, что объясняя цвет длиной световой волны, мы рассматриваем лишь то, что предшествует самому ощущению цвета [2]. Соотношение качественного и количественного восприятия индивидуально, отсюда возникает второе опосредование, исследуемое в области анатомии.

3. Психологическое — здесь мы имеем дело с той частью нашего сознания, по средствам которой происходит первичная обработка ощущений.

Характер этого опосредования выявляется в работах Л. Витгенштейна, когда он пишет, что сложно установить на логических основаниях, что белый также является цветом, ведь он не обладает теми же свойствами при смешивании и наложении, что и другие цвета [3]. Моменты восприятия цвета как одного или наложения нескольких, осознание этого факта можно отнести к третьему виду опосредования.

4. Культурно-лингвистическое — здесь вступает в силу наше типичное восприятие цвета, то как мы обучены его воспринимать, то сколько оттенков того или иного цвета принято различать в конкретной культуре, сколько именований того или иного цвета существует. Как показывает А. П. Васильевич в современном обществе для нас оказываются важны разные подуровни этого опосредования, включающие традиционные культурные моменты и современные тенденции в дизайне и рекламе, основывающиеся на последних исследованиях в области влияния цвета на человека [4].

5. Индивидуально психологическое — пятый вид опосредования показывает влияние индивидуального опыта на восприятие цвета, что ассоциации и воспоминания человека включаются наравне с культурными моментами при интерпретации некоторого цвета. Шлейф личного опыта оказывается значимым не только в плане отношения к окраске того или иного объекта, но и в плане его идентификации среди схожих оттенков.

Как видно из рассмотренных выше видов опосредования человеческого восприятия цвета, различными моментами занимаются различные науки: физика, биология, логика, психология, культурная антропология, лингвистика. Для объединения всего накопленного материала в отношении цвета, как он существует для человека, необходима объединяющий подход, некоторая методология, способная организовать столь обширный спектр исследований. На мой взгляд, именно философия способна стать этим интегрирующим агентом, объединив все в единую теорию познания цвета, специфика же интерпретации философией данных различных наук оказывается как раз в ее способности составлять мозаику из крайне разнородных элементом в единое целое.

Литература

1. *Майзель С. О.* Основы учения о цветах. М. : URSS, 2009.
2. *Юиг Р.* Цвет в западной живописи // Психология цвета. М. : Рефл-бук, 1996.
3. *Витгенштейн Л.* Заметки к лекциям об индивидуальном переживании и чувственных данных // Язык, истина, существование. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2002.
4. *Василевич А. П.* Современные тенденции развития лексики цветообозначения // Цвет и названия цвета в русском языке. М. : URSS, 2011.

Раздел 5
ЯЗЫК, ТЕКСТ, ДИСКУРС КАК ИСТОЧНИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. А. Берсенёва

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Речевая манера блогера: направления исследования

Блог — сетевой дневник одного или несколько авторов (также называемых блогерами), состоящий из записей в обратном хронологическом порядке [1]. Это слово, которое в современном русском языке становится производящей основой для целого ряда актуальных языковых единиц — *блогер, блоговый, блогосфера* и др., произошло от английского *weblog* — «веб-журнал». *Блогосфера* (т. е. совокупность блогов) оперативно реагирует на происходящие в стране и мире события и оказывает влияние на состояние общества и его языка. Язык блогосферы — новое явление, ещё не получившее в лингвистической науке достаточного описания, поэтому исследование речевой манеры популярных блогеров представляется весьма актуальным.

Популярность блогера среди читателей определяется различными факторами, в том числе и речевой манерой автора. Термин «речевая манера» интерпретируется исследователями-лингвистами по-разному, однако ядром различных толкований этого термина является представление об индивидуальных особенностях чьей-либо речи. В своей работе мы будем опираться на определение термина, данное М. Я. Дымарским [2], который говорит о речевой манере как аспекте речевого поведения, определяемом типом социальной (в том числе коммуникативной) позиции, доминирующей в социальном бытии индивида, его характером и темпераментом. Это аспект речевого поведения, включающий

предпочитаемые индивидом синтаксические и интонационные конструкции, клише и штампы, пласты фразеологии и лексики. Для коммуникации в рамках блогосферы также значимой оказывается поликодовость блога — использование в сообщениях не только вербальной, но и аудиовизуальной информации. Предварительные теоретические рассуждения позволяют сформулировать возможные направления анализа речевой манеры блогера и проанализировать в соответствии с ними несколько популярных в сети Интернет речевых потоков:

1) Описание коммуникативной позиции блогера с помощью лингвопрагматического анализа;

2) Описание социальной позиции блогера в опоре на лингвоидеологический анализ ключевых слов дискурса;

3) Описание основных речевых приемов, характеризующих речевую манеру блогера, в рамках лингвостилистического анализа;

4) Описание невербальной составляющей блога в опоре на семиотический анализ.

Прокомментируем речевую манеру нескольких блогеров (roizman, borisakunin, flahertie), опираясь на предложенную методику.

1. Коммуникативная позиция блогера. Блогер выступает в качестве коммуникативного лидера, который задает темы, развивает и структурирует их в соответствии с личными представлениями о нравственных ценностях, о важном и второстепенном [3]. Блогер действует в виртуальном пространстве, следуя стратегии самопрезентации, заключающейся в формировании в сознании читателей четкого представления об образе автора. В рамках стратегии самопрезентации он может выбирать разные тактики позиционирования и взаимодействия со своей аудиторией.

2. Социальная позиция блогера. Одна из важных характеристик отечественной блогосферы — ее социальная оценочность. Явления социальной жизни находят отклик на страницах Живого Журнала, формируя актуальную проблематику дня. Блогер определяет тематику своих записей и демонстрирует свою социальную позицию, если находит это необходимым. Например, в блоге roizman большинство записей посвящено работе фонда «Город без наркотиков», практически отсутствуют посты о семье и быте.

В блоге borisakunin подавляющее количество записей посвящено историческим исследованиям, связанным с литературной деятельностью автора, однако после выборов в Государственную Думу 2011 года borisakunin часто поднимает вопрос о гражданском обществе в России: «Я говорю про Москву, потому что пока только в нашем городе протестное

движение стало массовым и, похоже, выражает настроение большинства горожан. У нас, на мой взгляд, пока нет права предъявлять требования от лица всей страны. Если движение будет широко подхвачено — тогда и разговор будет другой».

Однако есть большое количество блогеров, которые сконцентрированы на описании собственной духовной жизни, а не жизни общества. Так, блогер flahertie в принципе не затрагивает социальных проблем общества в своих постах.

3. Основные речевые приемы. Отличительные признаки речевой манеры нельзя объяснить объективно, причина их появления заключена не в ситуации речи, коммуникативных и прагматических задачах, а в личности говорящего. Примером может послужить блогер roizman, для которого характерно использование неполных предложений и парцелляции, вызывающих ощущение отрывистой речи:

«И в Диких Озерах не забрали никого. А в Советино забирали. И в Верхнем Суксуне забирали. И в Ключах забирали. И везде забирали. А этих не тронули».

4. Невербальная составляющая блога.

Оформление блога и мультимедийные материалы (графика, аудио- и видеозаписи) играют важную роль в восприятии информации. В блоге borisakunin имеется сложная система ссылок. Одна из ссылок отправляет в пост «Оглавление», в котором расположены ссылки на все записи borisakunin, другая — на аккаунт автора в социальной сети Twitter. Часто borisakunin сопровождает посты о работе в историческом архиве фотографиями с описаниями, что делает записи более занимательными и доступными.

Исследование речевой манеры блогеров, относящихся к разным социальным группам, показывает, что можно выявить различия в ведении блога между публичными и непубличными персонами. Представляется, что человек известный реже рассказывает о личной жизни, предпочитая говорить о социально значимых темах.

Литература

1. Современный медиатекст : учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.
2. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 562 с.
3. *Данилов С. Ю.* Пиар-блог: речежанровая структура текста : Материалы исследования. Сагра 2011. СПб. : САГА, 2011. 52 с.

Г. Р. Биккина
ТюмГУ, г. Тюмень

Межъязыковая интерференция в условиях плюрилингвизма

Стремительное развитие глобализации в последние десятилетия стало причинной появления такого феномена как плюрилингвизм. Современные процессы всемирной экономической, политической и культурной интеграции приводят к необходимости знания не одного, а нескольких иностранных языков [1].

Одной из главных проблем при овладении иностранными языками становится межъязыковая интерференция. В лингвистике под интерференцией понимается взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка [2]. Так примером межъязыковой интерференции может послужить перенос грамматических правил английского языка при использовании немецкого.

Языковая интерференция может появляться на всех уровнях языка, различают звуковую, орфографическую, грамматическую, лексическую, синтаксическую и стилистическую интерференцию. По форме выделяют следующие типы интерференции: замещение – когда единицы родного языка замещают неизвестную или мало знакомую единицу чужого языка. Так же различают усложнения – форма die Bekanntin вместо die Bekannter и упрощение: чтобы перевести с русского на немецкий слово «кость», нам, в зависимости от контекста потребуются разные лексемы – die Gräte в значении «рыбная кость», der Kern – «кость в вишне», der Stein – «кость в персике», der Knochen – кость с точки зрения анатомии; интерференцией в данном случае будет использование слова der Knochen для передачи остальных значений. Еще одним видом интерференции называют предпочтение – стремление использовать известные структуры и избегать малоизвестные [3].

Проблемы влияния одного языка на другой не изучены до конца, однако они играют важнейшую роль для развития плюрилингвистической компетенции. Основная задача лингвистов на сегодняшний день найти способы уменьшить влияния интерференции при обучении иностранным языкам. Наиболее распространенной методикой для ослабления интерференции при изучении второго иностранного языков является

перенос опыта изучения первого иностранного языка на изучение второго. Это предполагает, что для снижения количества интерферентных ошибок учащимся указывают на эквивалентность схожих явлений изучаемых языков, например при изучении фонетики английского и немецкого языков подчеркивается сходство артикуляции сонорных звуков /m/, / n/, /l/ [4]. Вместе с тем особое внимание уделяется различиям в языковых нормах – например, оглушение конечных согласных в немецком языке и озвончение в английском. Наша цель заключалась в выявлении качественной продуктивности метода переноса опыта одного языка на второй. Апробация проводилась в 5–6 классах на базе лингво-эстетической гимназии №83 г. Тюмени, где учениками изучается английский – как первый иностранный язык и немецкий как второй. Для достижения цели были выделены основные проблемы, возникающие при изучении двух иностранных языков, и систематизированы наиболее распространенные интерферентные ошибки.

В результате были получены данные о наиболее важных для изучения двух иностранных языков психологических процессах. Прежде всего, это механизмы мышления в первом и втором языках: формирование языковых картин мира и их функционирование, роль механической памяти и возрастных особенностей в усвоении второго языка, рост уровня владения вторым языком. При работе с переносом опыта изучения первого иностранного языка на изучение второго наименьшую эффективность метод показал в области звуковой интерференции, средние показатели были получены в области синтаксических переносов, наиболее успешно метод был использован в работе с лексической интерференцией.

Проблема интерференции предоставляет основу для дальнейших психологических исследований и методических экспериментов, ценность изучения данной проблемы в широкой практической применяемости.

Литература

1. *Тремблей К.* От мультилингвизма/многоязычия к плюрилингвизму. М., 2007. С. 2.
2. *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1990. С. 197.
3. *Верещагин Е. М.* Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе. М., 1968. С. 103.
4. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие. Новое в лингвистике. М., 1972. С. 30.
5. *Зинченко Т. П.* Когнитивная и прикладная психология. М., 2000. С. 528.

6. *Бертагаев Т. А.* Билингвизм и его разновидности в системе употребления. СПб., 1972. С. 82.
7. *Ведель Г. Е.* Из истории методов преподавания иностранных языков. М., 1979. С56.

В. И. Бортников
УрФУ, им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Обработка художественного текста в гуманитарном дискурсе (на примере эктропии/энтропии текстовой категории в переводе 1777 г. Песни первой поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай»)

1. Вторая половина XVIII в. характеризуется «обретением новых кругозоров нашей словесностью» [1]. Основная черта екатерининской эпохи в истории русского литературного языка — это «обогащение и развитие поэтических форм» [2], заимствованных Ломоносовым и Тредиаковским в 1730 — 1750-е гг. На пересечении данной характеристики с переходом к крупным прозаическим жанрам возникает первый русский перевод мильтоновского «Потерянного Рая» 1777 г. (В. Петров).

2. В творческом начале В. Н. Топоров видел эктропическую направленность — «противовес угрозе энтропического погружения в бессловесность, немоту, хаос» [6]. Если расширять это утверждение, станет понятно, что по отношению к любому мгновению молчания слово эктропично, живо, материально. В аспекте организации текста типологическим признаком (параметром), помимо словесной ткани, является, например, «текстовая категория» [3]. Если понимать текст как совокупность определенным образом соотнесенных текстовых категорий (т. е. внешнего, эктропического начала), семантическое наполнение этих формальных структур (пространство, время, эмоция) логическим образом переходит в энтропию — как выраженное скрыто, добавочно к антропоцентрическому началу художественного текста — к (взаимо)действию героев. Каждый субъект при этом действии, заметим, есть суперкатегория, довлеющая чисто внешним структурам организованного «вовне» мира и отношения к нему.

3. Конструктивное описание художественного текста (И. А. Мельчук) представляется возможным через контент-анализ текстовой категории с использованием описанного параметра эктропии/энтропии. Это важно не только для практики перевода, но и для истории перевода, один из этапов которой — последняя треть XVIII в. Отдельная эпоха, вероятно, может быть охарактеризована тем или иным сходством контент-кодов по заданным параметрам (а текстовая категория своей универсальностью претендует на роль такого параметра).

4. Покажем на одном предложении перевода, как выглядит контент эктропии / энтропии пространства в отношении Сатаны:

«Таковое место вечное правосудие уготовало для сих возмутителей, здесь определило для них узилище во кромешней тьме, и положило их часть...» [4]

Пространственный контент здесь таков: «место — уготовало — *возмутителей* — определило — *для них* — узилище — во тьме — положило — *часть*». Стоя́щие в нечетных позициях единицы (курсивом выделенные нами. — *В. Б.*) — это сами «отступные ангелы» [4], т. е. денотат этих единиц — пространство энтропичное. В четных же позициях находятся действия внешнего по отношению к бунтарям правосудия, что и образует эктропическое пространство.

Следует оговорить две единицы, занимающие в локативном контенте нечетные и не выделенные курсивом позиции. Первая единица, «место», соединяет в себе того и другого суперсубъекта — Господа и Сатану: один наиболее общий его организатор, второму суждено заполнить эту самую «тьму» (седьмая по счету единица).

Присвоим эктропии условный индекс 2, энтропии — 1 (локус понимается как «интенсивно приближенный к “я” знак и сигнал» [6], поэтому «единица» я получает преимущество перед второй «единицей» — перед внешним пространством). Выписанная контент-цепочка приобретает в коде такой вид:

21 — 2 — 1 — 2 — 1 — 2 — 21 — 2 — 1 ...

Запись «сомнительных» (первого и седьмого) звеньев как «21» (а не «12») позволяет учесть нахождение Господа на положительном полюсе Победителя, а Сатаны — на отрицательном полюсе Падшего Ангела. Иными словами, код позволяет синтезировать locus и emotio; перемена же полюсов в оценке Сатаны [5] произойдет позднее, с передачей центральному герою микрофона (первый монолог — ст. 84–127 Песни первой).

5. В русле направлений общего языкознания виток контент-анализа принадлежит той тенденции к логицизму, которой отличались математические теории языка в классическую эпоху истории науки (Г. Лейбниц), а далее структурализм, постструктурализм. Игровое начало в цифровых записях текстовых категорий представляет собой обширный материал для исследований в рамках теории языка и смежных с ней дисциплин гуманитарного дискурса.

Литература

1. *Блудилина Н. Д.* Запад в русской литературе XVIII века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.01.01 Русская литература. М., 2005. С. 39.
2. Екатерина II в истории русской литературы и образования / А. С. Архангельскаго. Казань, 1897. С. 6.
3. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990. С. 13.
4. *Мильтон Дж.* Потерянный Рай: переводчик с англiскаго В. Петров. М., 1777. С. 1–33.
5. *Самарин Р. М.* Творчество Джона Мильтона. М., 1964. С. 273 et fort.
6. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 5.
7. *Эйдинова В. В.* Энергия стиля. О русской литературе XX века. Екатеринбург, 2008. С. 10, 118.

Е. В. Васильева
СФУ, г. Красноярск

Фольклор как источник изучения гуманитарного дискурса

Одним из главных вопросов современной науки является вопрос о связи языка и культуры. Во второй половине XX века в гуманитарных науках возрос интерес к изучению народной духовной культуры и народного менталитета посредством языка фольклора.

Начало рассмотрения фольклора и мифологии как знаковых систем было положено работами П. Г. Богатырева, Р. О. Якобсона, В. Я. Проппа, В. Н. Топорова. В их работах обосновывается понятие картины мира. По

мнению ученых А. Д. Шмелёва, Анны А. Зализняк и И. Б. Левонтиной, «чтобы понять картину мира того или иного народа, а также постигнуть национальный характер, необходимо изучить систему ключевых слов» [1].

Исследователи З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют множество приёмов обнаружения и изучения ключевых слов культуры. Одним из них является анализ пословиц и поговорок, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта, даже имени самого концепта там нет. Рассмотрение малых жанров фольклора показывает народное осмысление того или иного явления [2]. Общеизвестно, что паремия есть сжатое выражение национального опыта. Еще В. И. Даль отмечал, что пословица «не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств» [3].

Ю. И. Левин высказал идею о том, что «пословичный фонд представляет собой не просто набор отдельных единиц и даже не просто систему единиц-носителей определенных различительных признаков, но и некоторое «пространство» [4]. Провербальное пространство представляет собой объединение паремий по семантическому признаку.

На примере построения концептуального поля ключевого слова «Праздник» можно рассмотреть, как интерпретируются фольклорные тексты для реконструкции фольклорной картины мира.

Из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [5] были отобраны тексты, имеющие отношение к рассматриваемому понятию. Анализировались паремии из групп: *Праздник; Работа–праздность; Гость–Хлебосольство; Гульба–Пьянство; Пьянство.* Из текстов была составлена картотека, включающая 166 единиц.

Поскольку паремии предоставляют обобщенно суждение по какой-либо ситуации, то «невозможно свести значение паремии по логической сути к одному понятию. Паремия на это и не нацелена. Она обозначает стабильную взаимосвязь неких «вещей», потому опирается не на понятие, а на логему» [6]. Логема — «это семантическая единица обобщенного характера, под которую могут быть подведены отдельные группы паремий» [6]. На основе выделенных логем были определены основные значения лексемы *праздник.* Затем было выделено ядро и периферия концептуального поля. Выяснилось, что все микрополя взаимосвязаны друг с другом на семантическом уровне, что подтверждает идею провербиального пространства.

Важно отметить, что многие значения не эксплицируются в паремиях, а выражены только имплицитно. Например, лексема *отдых* не

отмечена в текстах (хотя составляет ядро). Однако семантика *'отдыха'* выражена в периферийных микрополях *'стоянка', 'покой': Худая стоянка лучше доброго походу (солдат); Не рада баба повою, а рада покою.*

Примечательно, что отрицательные явления в фольклорных текстах имеют ироническую коннотацию. Например, микрополе *'лень'* эксплицируется в бесполезных действиях, чтобы довести их до абсурдности: *Мух бить; Меледу меледить; В лапоть звонить.*

В ходе исследования было выяснено, что в ядре концептуального поля лежат значения *'торжество' и 'не работа'. В* ядерной зоне находятся *'лень', 'отдых', 'обряд', 'веселье', 'пиршество'.* На периферии встречаются самые разнообразные поля. Вот некоторые из них: *свобода. Сон, еда, пустота, игры, задор, святость, гостеприимство, пьянство, угощение, долг, беда, сельскохозяйственные работы.*

Итак, *в* разных паремиях ключевое слово «Праздник» ведёт себя по-разному, приобретая то положительные, то противоположные коннотации. Этот факт доказывает, что фольклорная картина мира обладает такими качествами, как ситуативность и многозначность.

В языкознании вопрос о статусе фольклорного текста не решён до сих пор. Ученые расходятся во мнениях по поводу возможности использования при изучении языка фольклора тех же методов, что и при рассмотрении обычных текстов. Однако изучать фольклорные тексты важно, т. к. благодаря этому возможно реконструировать первосмыслы, лежащие в основе национальной картины мира. Уникальность фольклорного текста в том, что он содержит основные, концептуальные для народного сознания семантические единицы (лексемы, понятия, ситуации).

Литература

1. *Шмелёв А. Д., Зализняк А. А., Левонтина И. Б.* Константы и переменные русской языковой концептуализации мира // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 4 (37) . С. 74.
2. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивиой лингвистике. Вороиеж, 2001. С. 14.
3. *Даль В. И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. СПб., 1997. С. 29.
4. *Левин Ю. И.* Провербиальное пространство // Паремиологические исследования : сб. ст. М., 1984. С. 108.
5. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. Т 2. М., 1984.
6. *Савенкова Л. Б.* Русские паремии : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2002. С. 116.

А. А. Волкова
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Ирония в колумнистике

По определению С. С. Ярцевой «термин «колонка» сегодня используется в журналистской практике в трех значениях: во-первых, как особым образом оформленный столбец на газетной полосе, являющийся существенным приемом выделения материала при решении конкретных тактических задач — подборка информационных материалов, статистические сведения, цитаты, опросы и т. п.

Второе значение термина «колонка» — авторская рубрика. В данном случае колонка выполняет уже стратегические задачи — она вводит на газетную полосу имя — имя автора, привлекающего внимание аудитории. Важнейшая задача колонки такого рода — закрепить интерес определенного сегмента аудитории за автором как носителем определенной информации.

Третье значение термина «колонка» — особый жанр, формирующийся сегодня на наших глазах и актуализирующий личные переживания автора по конкретному поводу в виде демонстрации точки зрения субъекта высказывания» [1]. Нас будет интересовать третье значение этого термина.

Предметом колонки является личное переживание по конкретному поводу. Событие, которое «обеспокоило» автора колонки чаще всего непосредственно связано с ним самим, либо это его рефлексия о прошлом, либо размышления о современном устройстве общества и как это устройство отражается на жизни автора или его знакомых, или встреченных им где-либо людей. Это своеобразное личностное размышление о жизни в целом. В любом, даже самом простом, событии колумнист находит обобщенный смысл и мы видим ход его мыслительного процесса. Мы как будто ведем личный диалог, беседу с автором. Так как на первом плане не факт, а отношение автора к нему, колонка становится жанром максимально интимным, где автор не боится самого себя сделать участником событий, рассказывая о глубоко личном опыте, личных впечатлениях и демонстрируя личное мнение. «Публицист предлагает нам свою точку зрения на окружающую действительность, а его статьи таким образом превращаются в неопровержимые свидетельства эпохи и одновременно оригинальные художественные произведения» [1].

Темы могут быть абсолютно различными: в женских журналах чаще всего пишут об одежде, цветах и отношениях с мужчинами, в мужских — о политике, спорте и отношениях с женщинами.

Своеобразие колонки главного редактора состоит еще и в том, что тематика ее должна соответствовать тематике всего номера и, возможно, делать ссылки на какие-то статьи в данном номере журнала.

Esquire, в этом плане, — очень необычный журнал. Как сообщается на www.imedia.ru это «серьезный мужской интеллектуальный журнал, который надо вдумчиво и не торопясь читать». Итак, Esquire позиционирует себя в качестве интеллектуальной прессы, предназначенной для определенного круга «избранных» мыслящих людей, которые могут адекватно оценивать действительное состояние страны и которым не чужда хорошая литература и фотография. Как выразился издатель журнала Сергей Гусев «Если в стране выборы, мы будем писать о выборах, выйдет новый фильм — мы про него обязательно напишем. У нас не будет как в других мужских журналах, общих тем, вроде «Как провести романтический вечер с девушкой», у нас все гораздо серьезней».

Основными идеологическими приметами журнала являются: ирония, злободневность, оппозиционная направленность, откровенная критика существующих порядков, нестандартные проекты, настроенность на диалог с читателями.

И в специфике колонки главного редактора Esquire отличается от других изданий. Мы исследовали колонки бывшего главреда Esquire Филиппа Бахтина, в чьих статьях лишь очень редко можно найти ссылки на какие-то материалы данного номера, но которые в тоже время прекрасно вписываются в тематику всего номера. О чём бы ни писал Бахтин, будь то суд над Ходорковским, недавно прочитанная книга или работа вожатым в летнем лагере — во всем этом вы найдете много интересной информации о состоянии страны, о том, как автор лично оценивает это состояние, а также несколько вечных вопросов и парочку грустно-серьезных афоризмов. Также отличительной и даже определяющей чертой колонки является злободневная ирония. На наш взгляд, это отчасти объясняется теорией разрядки [2]. С помощью иронии автор просто избавляется от накопившегося раздражения и недовольства. К тому же ирония для Бахтина — своеобразный способ познания мира, обличения власти и своего рода «разрядки» напряженной общественной атмосферы. О серьезном всегда проще сказать с юмором.

Приведем наглядный пример: отрывок из письма главреда за март 2010 года, где речь шла о том, что «у нас очень смешной президент — Медведев» и, в частности, о реформе МВД:

«Еще один феномен: чем громче жалобы на финансовые условия милицейской службы, тем меньше на улицах ***милиционеров 48 размера***. Может быть, есть смысл заказать Славе Зайцеву ***новую приталенную милицейскую форму*** и ***освободить от должности всех, кто в нее не влезет***? Я понимаю, что ***живот над ремнем — это довольно косвенный признак коррупционера***, но ***нельзя же увольнять людей с работы вообще без каких-либо оснований***».

Ирония в этом фрагменте проявляется в метафоре (милиционеры 48 размера), в самой абсурдности ситуации (реальным выставляется условие увольнения из-за «живота над ремнем»), в нарочитой сосредоточенности на проблеме (автор действительно размышляет о реформе и предлагает альтернативный вариант ее проведения).

В настоящее время ирония в СМИ очень распространена и, изучив этот комплексный феномен, мы попытаемся понять в чем причина повсеместной ироничности современного общества и к каким последствиям эта ироничность может привести.

Литература

1. *Ярцева С. С.* Жанровые признаки колонки / С. С. Ярцева // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2011. № 1. С. 226–228.
2. *Дмитриев А. В.* Смех: социофилософский анализ / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. М. : Альфа-М, 2005. 592 с.

А. А. Горбунова

Национальный исследовательский
Томский государственный университет, г. Томск

О роли переводчика как «культурного посредника» при переводе иностранных кинофильмов

В современном мире процесс перевода играет немаловажную роль. Порой невозможно совершить успешную коммуникацию, не воспользовавшись услугами переводчика.

Процесс перевода как специфический акт коммуникации с использованием двух языков имеет свои существенные особенности. Первая особенность перевода заключается в многообразии видов и источников переводческих трансформаций: перевод может быть выполнен письменно и устно; для перевода могут быть предложены различные иностранные источники (от стихотворений до субтитров к кинофильмам); перевод может осуществляться между различными парами языков. Вторая особенность процесса перевода заключается в «неуловимости» его некоторых сторон: у нас нет возможности проследить за всеми его этапами, так как большинство из них происходит в голове переводчика, а мы можем наблюдать лишь результат длительной и сложной работы.

Перевод кинофильмов — особая отрасль творческого и коммерческого перевода. Для кинематографа характерна тенденция не только к установлению связей в корпусе пластов культуры, но и к ориентации на действительность. При трансляции кинотекста в иную культуру перед переводчиком стоит важная задача в поиске общей основы между данными культурными средами [1]. Он может найти универсальные и нейтральные компоненты, понятные реципиентам обеих стран или предложить альтернативный вариант, имеющийся в одной культуре и отсутствующий в другой. Соответствие исходного текста и текста перевода зависит от расхождений в менталитетах обеих культур. Чем ближе одна культурная среда к другой (в своей истории, восприятии картины мира), тем адекватнее будет перевод.

Переводчик выступает в качестве посредника при трансляции текста одной культуры в другую, и он играет немаловажную роль в том, как поймет текст перевода потенциальный реципиент, следовательно, необходимо учитывать личностные качества переводчика при анализе перевода любого культурного произведения. Для сознательного и правильного

выполнения своих функций переводчик должен ясно представлять себе цель своей деятельности и пути достижения этой цели. Такое понимание предполагает знание системы соответствий между языками, приемов и методов перевода, умение выбрать необходимое соответствие и применить наиболее эффективный прием перевода согласно условиям конкретного контекста и прагматическим факторам, влияющим на ход и результат переводческого процесса.

Вследствие этого переводчики, занятые переводом видеофильмов, должны учитывать все особенности киножанра и следовать определенным стратегическим принципам перевода [2].

Первый принцип заключается в том, что в процессе перевода понимание оригинала всегда предшествует его переводу. Само понимание может быть разной степени, и в некоторых случаях переводчик может применить единичное соответствие на основании интуитивного знания, что означает переводимая лексема. В переводе кинокартин это не менее важно, так как, например, уже в названии содержится основная мысль фильма, следовательно, нужно сначала определить, в чем суть сюжета, для того, чтобы правильно сделать перевод и отразить этот смысл в названии.

Второй принцип — это передача смысла, а не формы оригинала. Он подразумевает недопустимость простого копирования формы. Установка на «смысл, а не на букву» требует не полагаться на наиболее употребимое значение. В переводе фильмов важно обращать внимание на преподносимый героями смысл, раскрываемый посредством реплик героев, а не форму подачи самого сценарного текста (игра актеров, особенности речи, импровизация).

Третий принцип переводческой стратегии заключается в том, что переводчик различает в содержании переводимого текста относительно более или менее важные элементы смысла. Переводчик кинофильмов стремится как можно полнее передать все основные идеи оригинала, и там, где это возможно, осуществляет прямой перевод, использует аналогичные синтаксические структуры и ближайшие соответствия лексическим единицам оригинала.

Четвертый стратегический принцип перевода — значение целого важнее значения отдельных частей: можно убрать из перевода отдельные фрагменты текста, сохранив правильную передачу общего смысла. Для переводчика видеофайлов главное — обеспечить продолжительность переводимого текста так, чтобы он совпадал с оригинальным, так как при

мыслящих людей, субъектов собственной жизни. Делать это возможно на примере возрастов и изменения окружения детей.

Группа исследователей (О. С. Островерх, Л. А. Рябинина, Д. Кузина, К. Заплатина) работают над описанием моделей становления такого нового, не описанного в литературе новообразования подросткового возраста, как учебно-продуктивное действие [11].

Актуальность исследовательской работы состоит в поиске средств построения у подростков учебно-продуктивного действия. Необходимость этого основана на том, что важно формировать такие методы, такие системы в образовании, при которых у подростков будет складываться умение держать в связке замысел и реализацию [7]. В современном обществе важно создавать образовательные технологии, в которых ребенок «живет и готовится», развивается, переходит на новые уровни индивидуального прогресса [5, 6]. Практический эффект работы станет разработка проекта возрастной ступени школы, где речь идет о возрастосообразном обучении, при котором обучение ведет за собой развитие [1].

В 2011 году нами проводилось исследование, целью которого было определение характеристик и уровней учебно-продуктивного действия в подростковом возрасте. В основе исследования 2 гипотезы: 1) Посредством изменения контекста можно обнаружить учебно-продуктивного действия, характеристиками которого являются наличие собственного замысла и выразительных языковых средств. Под изменением контекста понимается противопоставления двух идей текста — праздничного и заброшенного, статичного и динамичного.

2) Существует 3 уровня учебно-продуктивного действия: первый — замысел реализован (смысловое содержание передано в адекватной форме); второй — замысел есть, но заданные ограничения не позволяют реализовать его: ребенок «приклеивает» к своему тексту описание заданных предметов; третий — ученик описывает предметы в соответствии с темой (замысел не возник). Мы использовали методы констатирующего, формирующего эксперимента, метод экспертной оценки и наблюдения.

Исследование состояло из двух частей — констатирующий и формирующий эксперимент.

Задачей констатирующего эксперимента было написать сочинение «Ветхий и праздничный балаганчик». В оба текста обязательным условием было включение описания следующих предметов: ящик, костюмы, стол, обручи, маски.

Итогом констатирующего эксперимента является 3 модели текста. 1 уровень — замысел реализован, 2 уровень — замысел есть, но заданные

ограничения не позволяют реализовать его, 2 уровень — замысел не возник. Критерии оценивания сочинений: наличие средств выразительности, наличие собственного авторского замысла. Статистические данные в таблице 1.

Таблица 1

Уровни реализации замысла учеников гимназии «Универс» и лицея № 1 в процентном соотношении

Уровни реализации замысла	Ученики гимназии «Универс», %	Ученики лицея № 1, %
1 уровень	7 %	14,3 %
2 уровень	53 %	52,4 %
3 уровень	40 %	33,3 %
Всего	100 % (15 учеников)	100 % (21 ученик)

Формирующая часть эксперимента проходила на уроках русского языка, где ученики работали с восстановлением не достающих слов, оценки выразительного потенциала слов и их отбор, оценки выразительности языковых средств разных авторов. Всего в исследовании участвовало 36 школьников (15 учеников гимназии «Универс» и 21 ученик лицея № 1).

Заключительным этапом эксперимента был контрольный срез, где ученики писали итоговое сочинение «Балаганчик на колеса». Сочинение свободное, учитель не ставит никаких ограничений.

С подростками мы проводим работу по формированию продукта замысла текста на уроках русского языка. Дети учились мыслить и выражать это в конкретных действиях с помощью письма. Это иной подход к обучению словесности и развитию мышления — от умения придумать идею к последующему осредствлению в виде норм языка (синтаксис, орфография, литературные жанры) [4,8,9,10].

Результаты показали, что из 36 учеников шестых классов у 24 (66 %) учеников произошел переход на новый уровень сформированности учебно-продуктивного действия, и они написали сочинения качественнее, используя новые выразительные средства, появился сюжет текста.

Данное исследование — первое из серии исследования по формированию учебно-продуктивного действия у подростков. Предварительным результатом является: 1. Данные о том, как дети, проделывая работу с текстами, переходят на новый уровень сформированности учебно-продуктивного действия. Дети стали возвращаться к текстам, переписывать, редактировать их. 2. У детей появилось понимание авторских текстов,

средств выразительности, работа с преобразованием пустых слов. Результатом такой работы для детей становится появления замысла.

В заключение хотелось бы отметить, что от человеческого капитала сегодня, зависит будущее уже завтра. То, какими будут следующие поколения — инфантильными в деятельности, не умеющими порождать и реализовывать собственные замыслы или субъектами совей жизни, зависит изменение общества в глобальном смысле.

Литература

1. *Выготский Л. С.* «Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте» // Теории учения. Хрестоматия. Часть 1. Отечественные теории учения / под ред. Н. Ф. Талызиной, И. А. Володарской. М. : Редакционно-издательский центр «Помощь», 1996.

2. *Выготский Л. С.* Психология искусства. Ростов-на-Дону : «Феникс», 1998.

3. *Давыдов В. В.* Теория развивающего обучения. М. : ИНТОР, 1996.

4. *Ляудис В. Я., Негурэ И. П.* Психологические основы формирования письменной речи у младших школьников // Международная педагогическая академия. М., 1994.

5. Мониторинг индивидуального прогресса учебных действий школьников / под ред. П. Г. Нежнова, Б. И. Хасана, Б. Д. Эльконина. Печатный центр КПД, Красноярск, 2006.

6. Мониторинг учебно-предметных компетенций в начальной школе / под ред. П. Г. Нежнова, Б. И. Хасана, Б. Д. Эльконина. М. : Университетская книга, 2007.

7. *Поливанова К. Н.* Психология возрастных кризисов, М., 2000.

8. *Рябинина Л. А., Королькова Л. О.* Речевой опыт ребенка: два типа деятельности в языке. Возрастная динамика: Материал четвертой научно-практической конференции. Красноярск, КГУ, 1997.

9. *Рябинина Л. А.* Обучение правописанию с учетом закономерностей процесса овладения языком. Содержание образования: материал шестой научно-практической конференции. Красноярск, КГУ, 1999.

10. *Рябинина Л. А.* О ситуациях «учения» в процессе освоения ребенком родного языка. Материал седьмой научно-практической конференции, Красноярск, КГУ, 2000.

11. *Эльконин Б. Д.* Психология развития. М. : «Академия», 2001.

М. И. Зверева
СФУ, г.Красноярск

Приемы речевого воздействия в жанре переговоров в политическом дискурсе

Проблема выявления и описания речевого воздействия в политическом дискурсе носит междисциплинарный характер. Анализ теоретических исследований по данной теме показал, что жанр переговоров анализируется, преимущественно, в рамках деловой сферы, а не политической. Актуальность выбранной темы определяет и тот факт, что теоретические описания жанра переговоров весьма востребованы, поскольку способствуют оптимизации процесса межличностного общения.

Широкая вариативность трактовок термина «политический дискурс» в научной литературе объясняется различными подходами исследователей к его изучению: когнитивным, риторическим, дискурсивным [2, 5]. Выяснение специфики жанра переговоров является важной и актуальной задачей. В качестве средств достижения целей, которые ставят перед собой участники переговоров, могут выступать приемы речевого воздействия [3–4]. В силу разнообразия лексической семантики выбор слов оказывается универсальным инструментом, с помощью которого осуществляются самые разные виды воздействия. Выбор синтаксической конструкции способен, в частности, менять точку зрения, включать или не включать в фокус внимания тех или иных участников ситуации.

В работе проделан анализ видеозаписей переговоров представителей государств и переговоров представителей региональных органов власти за 2008–2011 гг. и отмечена дифференцированность лингвистических приемов воздействия, которые используют политические деятели в процессе переговоров, в частности, встречаются такие виды речевого воздействия, как убеждение, внушение, доказывание. Лингвистическая реализация воздействия классифицирована по следующим категориям: *«выбор и конструирование слов и выражений»* (слова, в которых фиксируются отношения «свой/чужой», частотное использование усилительных частиц, использование числительных с целью конкретизации предмета разговора, использование слов и выражений, соответствующих языковой моде), *специфические «синтаксические конструкции»* (синтаксический повтор, уточняющие обороты, упорядочение элементов в конструкциях с сочинительными союзами, конструкции-противопоставления),

«макроструктуры текста» (вопросно-ответные структуры в моиологическом выступлении), *«когнитивные операции»* (метафоры, аналогии, ирония), *«логические операции: неоднозначность и имплицитная информация»* [3].

Результаты исследования определили иаиболее частотные, распространенные и лучше всего освоеиные лингвистические приёмы, которые политические деятели используют для целей речевого воздействия. Более того, работа проиллюстрировала тезис о том, что в речи политических деятелей домииантным является выражение отношсний «свой/чужой» [5].

Литература

1. *Баландина Н. А.* Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации : автореф. дис. … канд. филол. иаук: 10.02.04 / Н. А. Баландина. Волгоград, 2004. 32 с.

2. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Совремеиная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2006 // Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm. Загл. с экрана.

3. *Паршин П. Б.* Речевое воздействие: осиовные сферы и разновидности / П. Б. Паршин. М. : ИНФРА-М, 1999. 367 с.

4. *Стернин И. А.* Введеиие в рсчевое воздействие / И. А. Стернин. Воронеж : Полиграф, 2001. 252 с.

5. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. Волгоград : Перемена, 2000. 386с.

Л. К. Калимуллина

К(П)ФУ, г. Казань

Понятие добра и зла на основе татарских и русских народных сказок

Среди многочисленных произведений устного народного творчества особое место заиимают сказки. Сравнительная характеристика русских и татарских сказок актуальна и для современной этнологической науки. В качестве объекта изучения работе выбраны волшебиые сказки. Они

составляют примерно половину от остальных видов сказок и отличаются сравнительно большим объемом.

В центре волшебной сказки стоит образ идеального героя. В большинстве случаев и в русских, и в татарских сказках это младший из братьев. Он изображен хилым, не подающим надежд, но в конце он добивается того, чего не могут добиться старшие. Такой анализ сказки дает В. Я. Пропп [2].

Герои народных сказок обычно выступают защитниками родной земли, спасителями Отечества от захвата иноземных захватчиков, борцом за народное дело. Главное для них — приносить добро людям, страдающим от нужды и лишений. Эта общая черта, характерная как для русских, так и для татарских сказок.

Целью работы является изучение стереотипов добра и зла в волшебных народных сказках. Добро и зло рассматривается, как всеобщность понятия, его национальная специфика в связи с особенностями культуры, истории, менталитета.

Исходя из цели, вытекают следующие задачи: во-первых, рассмотреть понятие этнические стереотипы в связи с традицией переосмысления обрядов в волшебных сказках; во-вторых, рассмотреть волшебную сказку, как вид устного народного творчества.

В сказках отражен культурно-познавательный опыт народа, вбирающий в себя национальную символику, обычаи, привычки и традиции, принадлежащие определенному народу и служащие отражением его национального духа. В фольклорной картине мира важно выделить связь с ментальностью, отражение культурных и психологических особенностей этноса, стереотипы сознания, имеющие истоки мифологии.

Сказка как создание целого народа не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою. Несчастье, бедность, сиротство постоянно возбуждают народное участие. Целый ряд сказок преследует нелюбовь и ненависть мачехи к падчерицам и пасынкам и излишнюю зловредную привязанность ее к собственным детям. Но несчастье воспитывает в сиротах чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю. Поэтому нравственная сила спасает сироту от всех козней; а зависть и злоба мачехи подвергает ее наказанию, которое она испытывает на своих родных детях, испорченных ее слепой любовью.

Для анализа были выбраны следующие сказки:

Русские: «Финист Ясний Сокол», «Крошечка-Хаврошечка», «Василиса Прекрасная», «Три царства — медное, серебряное и золотое» [1].

Татарские: «Сылу-краса Серебряная коса», «Тан-батыр», «Белый волк», «Белый змей» [3].

Для исследования нами были выбраиы татарские и русские народные сказки, а имеино волшебные. Потому что оии обладают иастолько ярко выражеиным характером и имеют иекоторые отличия от в других видов сказок. Выбор именно этих произведений был основан на схожести их сюжетных линий и отдельных особеиностей. Однако, сказки татар и русских имеют индивидуальные черты. Их национальная специфика сказывается в языке, в бытовых подробиостях, в характере пейзажа, уклада жизни.

Например: в русских сказках змеи — это что-то злое, противостоящее герою (треглавый змей). А в татарских сказках змей выступает помощником человеку, дает ему мудрые советы. Но старый змей — юа — является царем змей и противостоит герою.

Народное устное поэтическое творчество, будучи массивом художествениых произведений, содержит в себе отражение разных элементов народной жизни. В них поэтическим языком изображается, в частности, миросозерцание иарода. Народиая сказка со своими вымыслами и своей фантазией представляет, кроме того, сведения о разных сторонах народной жизни. Этот факт привлекает иаучиое виимание этнологов.

Содержание сказки не вписано в реальное пространство и время, однако она сохранила жизиеииое правдоподобие, иаполиилась правдивыми бытовыми деталями. В основе сказки лежит антитеза между мечтой и действительностью, которая получают полиое, но утопическое разрешение. Персонажи сказки контрастно распределяются по полюсам добра и зла (их эстетическим выражением становится прекрасное и безобразное). Сюжет строго последователен, однолинеен, развивается вокруг главного героя, победа которого обязательна.

Таким образом, в сказке отражеиа национальная специфика в связи с особенностями культуры, истории, менталитета. Этническое своеобразие определяет, в том числе, и стереотипы добра и зла в русских и татарских народных сказках. Имеиио с этим связаны отличия в построении сюжетов. Что касается общих характеристик, то оии обусловлеиы общечеловеческими ценностями в сфере морали, нравов и взаимоотношений.

Литература

1. Народные русские сказки Афанасьева / сост. А. А. Горелов. Л., 1983. 446 с.
2. *Пропп В. Я.* Собрание трудов. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1999. 512 с.

3. Татарские народные сказки / сост. Л. Ш. Замалетдинов. Казань, 1992. 191 с.
4. Энциклопедический социологический словарь / Рос. АН, Ин-т соц.-полит. исслед. ; общ. ред. Г. В. Осипова; ред.-сост. А. В. Кабыща.М. : Б. и., 1995. 939 с.

Т. А. Косых
ЮУрГУ, г. Челябинск

Перспективы использования художественной литературы при изучении проблем повседневности (на примере произведений североамериканских писателей рубежа XIX — XX вв.)

Изучение повседневности формулирует перед исследователем новые требования к источниковой базе, создавая основу для введения в научный оборот новых видов исторических источников. Одним из такого рода «новых» исторических источников является художественная литература.

В рамках реконструкции повседневной жизни Соединенных Штатов Америки на рубеже XIX–XX веков произведения таких американских писателей как Д. Лондон, Т. Драйзер и Ф. Норрис позволяют существенно обогатить исследуемое поле. Все писателя имели богатый жизненный опыт, отличались высоким художественным мастерством, что дало им возможность запечатлеть увиденные ими реалии американской жизни в своих произведениях с максимально возможной точностью изображения действительности.

В результате сравнительного анализа произведений удалось извлечь значительный блок информации, касающийся быта американцев, жизненного цикла людей, условий труда и специфики досуга, особенностей национального характера и ценностных ориентаций. Также данные исторические источники дают представление о внешнем виде типичного и идеального американца, о существующих межличностных коммуникациях.

Анализ произведений позволяет сделать следующие выводы. На рубеже веков отмечается усиливающаяся поляризация в американском

обществе между богатыми и бедными. В произведениях процесс поляризации общества нашел свое отражение при описании бытовых условий. Крупные предприниматели и фермеры обычно жили в богато обустроенных особняках. В то время как средний класс американского общества и рабочие проживали либо в собственных, скромно обставленных, двухэтажных или одноэтажных домах, либо снимали комнаты в них. Это подтверждают и исследователи. Как отмечает в монографии И. А. Белявская [1], писавшая о том, что менее 3 % населения Америки владели более чем 80 % всего национального богатства страны.

На основе произведений можно проследить и эволюцию американской семьи. На рубеже веков она начинает трансформироваться в новый социальный институт. Фигура отца в некоторых семьях теряет свой авторитет как главы семьи и женщина выходит на первый план. Частым явлением становятся внебрачные связи, а иногда и повторные браки.

Условия труда и отношение к нему также описаны в произведениях Лондона, Драйзера и Норриса. Наименее зажиточные американцы относились к работе прежде всего как к возможности обеспечить себя и семью. Высшие слои населения рассматривали любую работу с точки зрения возможности карьерного роста. Очень ярко и с негативным оттенком авторы пишут об условиях труда на всевозможных фабриках, говоря о вреде подобной работы, так как человек постоянно находится в напряженном состоянии, совершает однообразные механические движения, тем самым теряя любые зачатки индивидуальности. Очень подробно представлена в романах сфера досуга.

Но следует признать, что наибольшую ценность представляет информация о характерах американцев, их ценностях и о межличностных отношениях. Подобную информацию сложно найти в традиционных источниках, ее возможно получить только в результате сравнительного анализа мемуарных или литературных произведений. К примеру, идеалом американца рубежа XIX–XX веков был мужчина, обычно средних лет, высокий, атлетически сложенный, с блестящими белыми зубами и располагающим лицом. Он должен ничем особенно не отличаться от других, но обязательно нужно, чтобы добился успеха на выбранном поприще или был на пути к этому. Он целеустремленный, тщеславный, остроумный, хвастливый, прямодушный, преуспевающий, отзывчивый и свободомыслящий. Он всегда готов пойти на риск. Сложнее обстоит проблема реконструкции образа типичного американца, из-за большого разнообразия характеров отдельных людей. Именно идеальный американец является образцом

для остальных и к совокупности присущих ему черт стремилось большинство американцев.

В начале XX века становится заметна тенденция к изменению статуса женщины. Появляется такой тип представительницы слабого пола, который равен мужчине и имеет, как и последний, все возможности развития своих способностей. Это позволяет сделать вывод о том, что к началу века окончательно формируется образ американца, вне зависимости от пола, проповедующего индивидуализм и риск, и отбрасывающий изжившие себя ценности буржуазного мира.

Но, не смотря на развитие новых прогрессивных черт, американцы сохраняют расовые предрассудки и проповедуют идеи «высшей расы». Социальная мобильность была по-прежнему невысокой. Д. Лондон [2] отмечал, что богатые люди одинаково судят о народных массах, как о глупых, неотесанных, практически диких животных, потому что они из другой, низшей, социальной шеренги.

Таким образом, использование художественной литературы в исторических исследованиях существенно обогащает имеющиеся знания об отдельных исторических эпохах, создавая более объемные и полные образы исторической реальности.

Литература

1. *Белявская И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978. С. 107.
2. *Лондон Д.* Маленькая хозяйка большого дома. М., 1984. С. 113.

Е. А. Косыч

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Трансформация образа бога-трикстера в романе Р. Желязны «Маска Локи»

В германо-скандинавской мифологии Локи — сын ётуна Фарбаути и существа женского рода, называемого Лаувейей. Традиционно Локи считают богом огня, но также его трактуют как бога хитрости, коварства, воды, растительности. В мифологическом сознании данный образ

является амбивалентным. В большей степени «известен "демонический" Локи — отец мирового змея, волка Фенрира, хозяйки царства мертвых Хель, а также других мифических чудовищ. В "Старшей Эдде" он выступает как злокозненный хулитель богов (в "Перебранке Локи"), и имеются намеки на его роль в грядущей гибели мира, когда он примет сторону великанов и хтонических чудовищ и будет вести корабль мертвецов, которые также примут участие в сражении против богов (В "Прорицании вёльвы")» (1).

С другой стороны, Локи совершает неблаговидные поступки «не со зла, а иногда из любопытства, иногда из трусости или даже из самозащиты» (2). В эддической поэзии немало сюжетов, где он выполняет функции положительного персонажа. И поэтому наказание, которому асы подвергают бога огня (он должен до конца света сидеть под ядовитой змеей, чей яд капает ему все время на лицо), по твердому убеждению М. И. Стеблин-Каменского, свидетельствует скорее о жестокости асов, чем об их справедливости.

Вышесказанное позволяет ученым-скандинавоведам трактовать Локи как трикстера — мифологического плута, духа беспорядка, противника границ. Этот образ, весьма распространенный в мифологии и фольклоре, являет собой, по мысли К. Г. Юнга, «одну из "психологем", одну из чрезвычайно древних архетипических структур психики» (3). Именно поэтому многочисленные его модификации находят художественное воплощение и в классической, и в современной литературе.

В частности, рассматриваемый образ становится структурообразующим и смыслопорождающим в романе известного американского писателя-фантаста Р. Желязны «Маска Локи», написанном в соавторстве с Т. Томасом. Свои лучшие произведения Желязны написал в рамках американской «новой волны» — направления научной фантастики, возникшего в 1960е гг. Однако Желязны слишком самобытен, и его творчество невозможно трактовать, ориентируясь только на идеи этого течения. В его произведениях мы находим и обращение к идеям экзистенциализма, и активное использование мифологических тем и мотивов, и уникальное стилистическое мастерство.

В отечественном и зарубежном литературоведении большой интерес ученых-литературоведов (Вл. Гаков, Д. Черская и др.) вызывает самое известное произведение писателя — двухтомные «Хроники Амбера». «Маска Локи» — один из последних и малоизвестных романов Желязны. Цель моего исследования — посмотреть, как трансформировался образ трикстера в данном произведении.

Сразу отметим, что мифологизм «Маски Локи» проявляется в первую очередь через значительное количество в нем бинарных оппозиций, являющихся, как известно, неотъемлемой чертой архаического сознания. Они дают о себе знать уже на уровне композиции произведения: роман делится на суры и файлы, а его действие происходит то Средневековье, то в будущем. Композиция ретроспективна: кульминационными эпизодами являются поединки его главных героев — Хасана и Томаса — в начале и в конце романа.

Особое развитие получает в произведении тема наказания и проклятия Локи, чей дух оказывается заточен в человека, и поэтому не может проявить свою активную природу. Если в мифологии Локи является движущей силой мира, то главный герой романа Том пассивен. Интригу ведет его антагонист — глава ордена асассинов Хасан, который мечтает завладеть силой Тома. Более того, именно этот герой на протяжении всего романа является носителем разрушительного начала, «плутом», побеждающим в первом бою. Таким образом, мы можем видеть, что Желязны не закрепляет функции трикстера ни за одним конкретным персонажем Маска Локи — это не столько переменчивость трикстера, сколько активный/пассивный герой, в котором проявляется/скрывается плутовская сущность.

Биографы и исследователи творчества Желязны не раз отмечали значительное влияние на его художественное сознание философских идей К. Г. Юнга, в частности, его учения об архетипах, к числу которых принадлежит и трикстер, который, в случае с Локи, превосходит человека, благодаря своим сверхчеловеческим качествам, с другой, уступает ему по причине своей бессознательности. Поэтому, только пережив множество реинкарнаций и набравшись опыта, Том оказывается способен победить своего врага, а Локи — свое проклятие.

Желязны не открывает нам глубин человеческого характера, мир романа предельно упрощен, но он показывает читателю универсальность человеческих отношений и процессов, происходящих в, казалось бы, меняющемся мире. На наш взгляд, это связано с писательской задачей, его ориентированностью на коммерческий успех произведения. Желязны пишет роман для среднего читателя, и поэтому на первый план выходят привлекающие внимание экзотические эпизоды (сюжетные линии, связанные с орденом тамплиеров), нацеленные на поддержание интриги повествования.

Литература

1. *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968. С. 147.
2. *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Ленинград. 1976. С. 73.
3. *Радин Пол Трикстер.* Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. Санкт-Петербург. 1999. С. 271.

М. А. Лысенко

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Лексема *счастье* в лексикографическом освещении

Счастье является категорией этики и имеет мировоззренческий характер. Оно представляет безусловную жизненную ценность. Концепт «счастье» является важным концептом в русской языковой картине мира. Представления о счастье окрашены культурной спецификой, а в плане языкового выражения идея счастья обладает широкой представленностью лексических единиц в русском языке. Цель нашей работы состоит в определении содержания концепта «счастье», отражающего специфику русского менталитета, на основе комплексного (системно-семантического, психолингвистического и собственно лингвокультурологического) подхода.

Исследование концепта происходит в несколько этапов. Первый этап – анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Материалом исследования послужили словарные статьи анализируемой лексемы, зафиксированные в лексикографических источниках досоветского, советского и постсоветского периодов. Источники материала советского периода — толковые словари русского языка: «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах под ред. Д. Н. Ушакова (далее ТСУ), «Словарь русского языка» в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой (далее МАС), «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах (далее БАС), «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой (далее СШ).

Лексикографический портрет исследуемой единицы позволяет проследить динамику семантической структуры лексемы *счастье.*

Внутренняя форма слова *счастье* является стертой, а этимологические источники не дают единственно верного варианта его происхождения. По мнению М. Фасмера, возникновение в праславянском языке лексемы *счастье* (*sъ cestьje) связано с древнеиндийскими корнями *su — «хороший» + *cestь — «часть», то есть «хороший удел». Таким образом, в общеславянском языке слово *счастье* образовалось от корня «участь, доля» при помощи приставки *съ-* в значении «хороший» и суффикса *-uj-* и переводилось как «хорошая часть, доля» [1].

Именно это значение зафиксировано в качестве основного в словаре В. И. Даля. Всего в этом словаре представлено три дефиниции слова *счастье*: 1. Рок, судьба, часть и участь, доля. 2. Случайность, желанная неожиданность, удача, успех, «спорина в деле», не по расчету. 3. Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доволит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его [2].

Толковые словари советского периода фиксируют смысловую эволюцию слова. Основное значение «участь, доля, судьба», являющееся до второй половины 19-го века доминирующим, к середине 20-го века уходит на периферию. В ТСУ, МАСе оно отмечено как вторичное с пометой «просторечное».

В качестве основного в словарях советской эпохи выделяется значение «Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.» [3]. В МАСе выделяется большое количество оттенков значений, не зафиксированных в отмеченных ранее словарях, что подтверждает эволюцию данной лексемы. Так, к первому семантическому варианту лексемы *счастье* относится такой оттенок, как «внешнее проявление чувства [глубокого довольства и радости]», указываются новые грамматические функции (выступая в роли сказуемого, лексема *счастье* может сочетаться только с притяжательными местоимениями), фразеологизм *иметь счастье.* БАС отмечает четыре лексико-семантических варианта слова *счастье*, детализируя оттенки значения лексемы, увеличивая зону фразеологии (*почитать за счастье, слепое счастье, счастье привалило*).

В словарях постсоветской эпохи закрепляется наметившаяся ранее тенденция ухода от этимологического значения слова, которое связывало счастье с судьбой, роком, однако, если в словарях советского периода это значение оценивалось как просторечное, то в современных словарях оно отсутствует совсем, а основное значение определяется как «чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [4]. Все современные

словари также отмечают еще одно значение лексемы *счастье* — удача, успех, везение.

Таким образом, наблюдение за лексикографической фиксацией исследуемой единицы показало, что семантика слова *счастье* по-разному была актуализирована на различных этапах российской истории. При этом наблюдается смысловая динамика исследуемого слова: от диахронически первичного (уходящего на периферию) к современному основному, имеющему лингвоспецифический характер [5]. Кроме того, лексикографический анализ позволил выделить несколько интегральных сем: *радость, успех, удача, судьба*, которые образуют концептуальные слои концепта «счастье». Являясь концептуальными признаками, они структурируют пространство счастья, разделяя его на 2 концептуальные зоны: счастье — *состояние* и счастье — *предопределение (судьба)*.

Литература

1. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971. С. 816.
2. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. Т. 4. М., 2006. С. 620.
3. Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1984. С. 320.
4. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2008. С. 963.
5. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи языковой картины мира. М., 2005. С. 161.

О. В. Обозная
ТвГУ, г. Тверь.

Опыт моделирования политического дискурса

Последнее десятилетие XX столетия в России ознаменовалось развитием и формированием новой коммуникационной среды, когда информационные потоки постепенно становятся рычагами управления общественными процессами. В этот период происходит становление системы активных публичных коммуникаций, участниками которых становятся

государственные и общественные институты, граждане, как члены социума.

Формирование публичной сферы и активные публичные коммуникации находят свое отражение и в речевой практике общества: изменяется речевая и языковая ситуация, происходит формирование устной публичной речи, в сфере которой появляются новые типы речевых стратегий, своя система речевых действий, новые разновидности текстов.

Публичная речь — эффективоне средство установления коммуникационных связей субъекта PR. Вполне понятно, что такая речь требует подготовки текста самой речи и подготовки спикера — выступающего лица. Всем этим занимается раздел практической риторики — самостоятельная учебная дисциплина, которая называется спичрайтинг.

Спичрайтинг [1] — специфическая PR технология, представленная в виде техники подготовки и написания PR текста, пердназначенного для устного исполнения, а так же консалтинг (консультирование) первого (должностного) лица по организации публичного выступления и его исполнению.

Спичрайтер должен свободно владеть риторикой, приемами публичного выступления (знать основы речи, ее виды, законы речи, правила речевого этикета и ведения диалога, законы композиции и стиля речи, приемы убеждения), владеть культурой речи. Публичная речь — эффективное средство установления коммуникационных связей субъекта PR, следовательно, такая речь требует подготовки текста и самого спикера — выступающего лица. Всем этим занимается раздел практической риторики — самостоятельная учебная дисциплина спичрайтинг.

Изучив некоторые особенности написания спичрайтерского текста, я попробовала составить агитационное выступление политика для предвыборной кампании.

В качестве должностного (первого) лица я выбрала примечательную личность — попугая Кешу, главного героя книги А. Курляндского «Возвращение блудного попугая». Он интересен своей неординарностью, своеобразной манерой поведения, ведения диалога, построения речи.

Для составления спичрайтерского текста необходимо учитывать множество критериев, от которых будет зависеть в дальнейшем успех выступления. Одним из важных условий является выявление особенностей личности заказчика.

После подготовительного этапа (т. е. «диагностики языковой личности» заказчика) спичрайтер начинает непосредственную работу по составлению текста публичного выступления в соответствии с нормами

литературного языка, правилами речевого этикета и законами риторики. При этом важно, чтобы доминанта языковой личности (то, что делает ее узнаваемой, уникальной) сохранялась. Следовательно, спичрайтер должен использовать адекватные языковой личности заказчика языковые средства.

Поскольку с самого начала речь оратора должна заинтересовать слушателя, ему необходимо сразу установить эмоциональный контакт с аудиторией, который поддерживается до конца выступления. В начале текста выдвигается основное положение, тезис, который привлекает внимание аудитории: «Глядя на сегодняшнюю ситуацию и жизнь в России, могу сказать одно: Это тебе не Таити!». Этому же способствуют обращения: «Дамы и господа!Джентльмены и товарищи! Лэди и бэби!», восклицательные предложения: «Надоело! В полный перед!», поддерживающие внимание слушателей.

Далее выступающий объясняет выдвинутую им проблему: «Надоело! Все надоело. Безумная роскошь одних и нищета других…», и переходит к основным положениям своей политики, предложениям по решению имеющихся проблем с привлечением различных отраслей производства, труда, образования: «Сформировать новую экономическую модель, реализовать на практике схемы «система образования — региональная власть — современное производство». Дать детям достойное образование, а экономике — квалифицированные кадры».

Так как заключительная часть, равно как и вступительная, — сильная позиция текста, то необходимо, чтобы в ней содержалась информация, эмоционально воздействующая на собравшихся.

Деятельность спичрайтера предполагает наличие определенных профессионально-личностных характеристик, таких как: коммуникативная культура и компетентность, профессиональные навыки работы с текстом, ответственность, обладание высокой общей культурой и эрудицией.

Но не стоит забывать о том, что деятельность спичрайтера предполагает творческую составляющую, поэтому будущий спичрайтер, вооружившись азами лингвистической науки, должен находить свои собственные правила, «рецепты» эффективного публичного выступления.

Литература

1. *Кривоносов А. Д.* Основы спичрайтинга. Учебное пособие для студентов отделений связей с общественностью. СПб. : Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2003. 56 с.

М. В. Панишева
Центр классического образования УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Лексико-статистический анализ стихотворений А. Блока и его филологическая интерпретация

Статистические методы давно применяются при анализе художественных произведений. Среди тех областей лингвистики, в которых они задействованы, можно выделить определение авторства, составление частотных словарей писателей, выявление идиостилевых особенностей.

Поэзия Александра Блока уже не раз становилась объектом лингвистического и литературоведческого исследования. Среди работ, материалом для которых послужили поэтические тексты поэта, есть и те, в которых использовались компьютерные методы. Большой вклад в изучение творчества поэта внесла З. Г. Минц, написавшая множество статей по изучению лирики А. Блока, составившая частотный словарь его «Стихов о Прекрасной Даме» [1] и «первого тома» его лирики [там же].

Сущность нашего исследования заключается в применении компьютерного частотного анализа, ориентированного на частоту слова в тексте, к выбранному материалу — поэтическим текстам Александра Блока.

Материалом для исследования послужили две книги стихотворений Александра Блока. В них содержится 523 стихотворения, а это — примерно 45,5 тысяч словоформ, среди которых форм знаменательных частей речи, как показал дальнейший анализ, — 29 374.

После технической обработки материала мы выявили частотную лексику поэта и для дальнейшего анализа взяли 100 самых частотных слов, которые разделили на лексико-семантические множества.

Материалом специального контекстологического исследования стали лексемы *ночь* и *день*, занимающие вторую и третью позиции в списке частотных лексем после лексемы *быть*, имеющей универсально-текстовый характер [2].

Статистические данные объективирует сопоставительный частотный анализ. Мы сравнили частотность употребления лексем *ночь* и *день* в поэтических текстах А. Блока с данными из «Нового частотного словаря русского языка» [3], который основан на текстах Национального корпуса русского языка.

Данные о частотности того или иного слова выражены в ipm (instances per million words) единицах, фиксирующих число употреблений того или иного слова на миллион слов корпуса. Частотность употребления лексем *ночь* и *день* в выбранных нами текстах А. Блока: *ночь* — 3 640, 24 и *день* — 3 573, 65. Общее количество употреблений этих слов, которое показывает «Новый частотный словарь русского языка» — 324, 07 и 970, 49 для *ночи* и *дня* соответственно. Это значит, что показатель частотности слова *ночь* в поэтических текстах А. Блока примерно в 11 раз выше того же показателя в «Частотном словаре». А показатель частотности слова *день* у Блока выше примерно в 4 раза. Можно сделать вывод, что лексемы *ночь* и *день* действительно важны для творчества А. Блока, если их частотность резко специфична по отношению к норме художественных текстов. Приведем пример филологического рассуждения, построенного на критерии лексической частотности.

Исследуемые слова, являясь антонимами в языке, и в стихотворениях А. Блока составляют семантическую оппозицию.

Образ ночи в лирике А. Блока представлен обширно и многогранно. Очень часто образ ночи приобретает характер темного, мрачного, отвратительного в своей неизбежности и в целом негативно маркированного времени суток. Ночь непроглядна, мутна, черна, она «давит» на лирического героя, тяготит его («Я чувствовал вверху незыблемое счастье, вокруг себя — *безжалостную* **ночь**).

Ночь выступает здесь как некое пространство в которое погружен лирический герой. Одновременно *ночь* как нечто «земное», «нижнее» явно чувствуется героем, противопоставляется «верхнему» пространству, где возможно счастье. «Черный» и «темный» — эпитеты, которые часто характеризуют *ночь* (*И* видела лишь **ночь** городская, *черная*; *Черная* **ночь** неподвижно, бездонно — лопнувший в бездну ремень увлекла; Близка разлука. **Ночь** *темна*). Часто ночь Блока дождлива, ненастна, сыра. Это время плохой погоды, когда бушуют вьюги и бури (**«Ночь** *грозой бушевала*, и молний огни озаряли гряду отдаленных холмов; Всю *ненастную* **ночь** напролет).

Такой в целом негативно воспринимаемый образ ночи явно противопоставлен в лирике А. Блока образу-символу *дня* — радостного, счастливого, солнечного времени суток («И **день** *прозрачно свеж*, и воздух дивно чист»; «**Дней** *блаженных*»; «**день** *морозный*, *солнечный*, *красный*»). Лирический герой стихотворений «первого тома» лирики ожидает *день*, т. к. этот образ связан с лирической героиней — Прекрасной Дамой.

Однако часто образы *ночи* и *дня* трансформируются, как бы меняются местами. *Ночь* становится благоприятной, спокойной («бархатная **ночь**» — ночь явно приятна для лирического героя; «Счастье, счастье! С нами **ночь**!»; «ночь звездная»; «И ночь моя другой навстречу/Плывет, медлительно ясна…» — «ясный» — скорее «дневной» эпитет («*ясный* день догорает вдали»), здесь же он характеризует ночь), а *день* — тревожным, холодным («**день** холодный»). Снижается и «красочность» дня — обычно яркий, он становится бесцветным, серым и, опять же, наполненным тоской, безысходностью («**День** был нежно-серый, серый, как тоска…»).

«**День** жестокий, **день** железный» — абсолютное изменение символического плана *дня*, эпитеты «жестокий» и «железный» подчеркивают его «безжалостность», твердость, подобную ночи.

Таким образом, в исследуемых поэтических текстах семантические отношения этих слов в некоторых случаях смещены по сравнению с общеязыковыми, переосмыслены поэтом.

Лексико-статистическая характеристика текстов является значимым показателем, на ее основании можно построить структурную модель языка автора текста и выявить черты, характеризующие его идиостиль.

Литература

1. *Минц З. Г.* Блок и русский символизм : Избранные труды : в 3 кн. Поэтика Александра Блока / З. Г. Минц ; Сост. Л. Л. Пильд; вступ. ст. В. Н. Топорова; худ. Д. М. Плакснн. СПб. : Искусство-СПБ, 1999. С. 581, 699.
2. *Мухин М. Ю.* Лексическая статистика и концептуальная система автора. М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов : [монография] / М. Ю Мухин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 59.
3. *Шаров С. А., Ляшевская О. Н.* Новый частотный словарь русской лексики. URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 19.03.2011).

М. С. Просвирникова
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

У. Берроуз: литература «отрицания и отсутствия» как способ борьбы с блокирующим человеческую эволюцию «вирусом»

Одна из центральных тем в творчестве Уильяма Берроуза — проблема задержки человеческой эволюции, причиной чему является человеческое «тело». В системе Берроуза то, что мы пониманием как «человек», есть, по сути, симбиотические отношения тела и поразивших его «вирусов» (К. Лэнд [1]). Инфицированное «вирусами» тело мешает человеку эволюционировать, превращая его в примитивного репликатора, который воспроизводит в потомстве зараженную генетическую информацию.

Берроуз разрабатывает теорию «вируса языка», который, по мнению писателя, возник в результате слияния в человеческом теле некой изощренной сущности и языковой способности. Язык, по Берроузу, является вирусной инфекцией, которая сосуществует в отношениях паразитирования или симбиоза с человеческим телом (К. Лэнд). Следует заметить, что, по Берроузу, языковая способность — первая простейшая интеллектуальная функция тела имитировать и присваивать себе функции сознания; именно на основе функционального сходства языка и вируса и происходит их слияние. Слово для Берроуза — это организм с единственной внутренней функцией реплицирования. То, что Берроуз называет «вирусной» функцией языка, есть непрерывная организация реальности, стремящаяся к полному над ней контролю (Брент Вуд [2]).

Берроуз исследует в своем творчестве отношения между сознанием и телом и роль языка в этих отношениях. Механизм воздействия «вируса языка» на сознание и, в итоге, на личность можно представить следующим образом: «вирус языка» превращает тело в колонию и заставляет тело порождать внутреннюю речь; это и позволяет «вирусу» бесконечно репродуцироваться. Посредством внутреннего монолога создается также то, что мы называем «своим я», которое статично и измеримо, при помощи которого нами можно управлять, как «марионетками».

«Вирус языка» непрерывно порождает конфликт тела и сознания, поскольку он выживает за счет данного конфликта и возможности господства (Р. Лайденберг [3]). Берроуз использует любую возможность,

чтобы изобразить этот дисбаланс: парализованные тела, оцепеневшие от абстракций религии или любви, парализованные умы в темнице телесиых желаний. Следует отметить, что концепция «вируса» в художественной картиие мира Берроуза связана не только с понятием «языка» и зачастую становится метафорой других описываемых явлений (любовь, религия). Исход борьбы тела и созиания за власть всегда оканчивается смертью сознания. Наступившая тишина, при этом, не смерть «вируса языка», а его безмолвный поиск нового хозяина, чтобы удовлетворить паразитический голод.

Берроуз разоблачает деспотизм языка как системы иазывания и обозначения. «Вирус языка» лишает нас индивидуального восприятия мира, создавая «серую пелену» между нами и тем, что мы видели или, чаще всего, ие видели. Слова подчиняют нас «бесконечной пелене обозначений, которая закрывает от нас мир, словно мы живем в тумане» (У. Берроуз). Назвать — фактически уничтожить человека, сжать личность до одиого голодиого отверстия. В романе «Голый завтрак» содержится иллюстрация этой мысли. Невиниый лингвистический акт называния приводит к иеобратимым изменениям человеческого существования. Личность становится не просто телом, а «обесчеловечеииой» частью тела. Судьба тела, которое хирургически упрощают или которое поглощает «вирус», уже запечатлена в знаке и содержании слова (Р. Лайдеиберг).

Берроуз обиаруживает скрытый источник деспотичного контроля (религии, отношений между людьми, отношений людей к самим себе) в бинарных моделях западной мышлеиия. В контексте языка и в контексте тела все бииарные отношения приводят к уродованию, ампутации или смерти. Оппозиция (конфликт) «тело/сознание» отражают бинарную схему. Знак «/» опасен как нож хирурга (Р. Лайденберг).

Язык, как считает Берроуз, — система вербальных и умственных блоков, которые могут приостановить развитие цивилизации на тысячи лет. Литературная цель Берроуза, если таковая существует, заключается в попытке ухода от тела и от языка, чтобы путешествовать в бестелесном простраистве и тишине (Р. Лайдерберг). Язык, вопреки мифу, ие отличает человека от животного, ои, наоборот, задерживает человеческую эволюцию. Берроуз своим творчеством пытается обратить нас к энергии непрерывной эволюции, которая временно заключена в феномене человека, находящегося под «тягостным гнетом» «коварного» самовоспроизводящегося «вируса языка».

Чтобы пробиться к истине, к ясному видению мира, нужно пробраться через ментальные заграждения и словесные блоки языка. Чтобы

подчинить язык себе, нужно сделать виднмым, предельно ясным, реальным и осязаемым само слово. Берроуз доказывает своими романами — «иллюстрациями», что, только изображая мир предельно материальным, осязаемым и видимым, выявляя взаимосвязь тела н языка, мы сможем «ясно увидеть врага» и подорвать его власть.

Берроуз разрабатывает метод «нарезок», суть которого состоит в разрезании страниц различных текстов с дальнейшей их компоновкой (монтажом) по замыслу автора, вследствне чего создается полноценное произведение. Данная техника используется, по мнению Берроуза, как некая сила, способная не только не вызывать мгновенную «внрусную» активность языка, но и помочь в борьбе с ней. Метод «нарезок» как раз н является необходимым противодействнем: выверенная лннейная форма разрезается на куски, которые далее перетасовываются, н таким образом сокрушают организующую всеупорядочивающую снлу контроля. В тексте «нарезке» слова лишаются своего традицнонного значения и правда показывается в промежутках между ними. Слова нспользуются для того, чтобы выразить что-то, что находится за пределами установленного языка. Берроуз писал в романе «Голый завтрак»: «Слово нельзя выразить непосредственно… На него вероятно можно указать мозанкой сопоставлений вроде вещей позабытых в ящике гостиничного номера, определенных отрицаннем н отсутствнем» [4].

Литература

1. *Christopher Land.* Apomorphine Silence: Cutting-up Burroughs' Theory of Language and Control. Ephemera articles. Vol. 5. No 3 (2005). P. 450–471.
2. *Brent Wood.* William S. Burroughs and the Language of Cyberpunk. Science Fiction Studies. Vol. 23. No 1 (Mar., 1996). P. 11–26.
3. *Robin Lydenberg.* Notes From the Orifice: Language and th Body in William Burroughs. Contemporary Literature. Vol. 26. No 1 (Spring, 1985). P. 55–73.
4. *Берроуз У.* Нагой обед / пер. М. Немцова [Электронный ресурс]: Библиотека Lib.ru: сетевая библ. 1996. URL: http://lib.ru/INPROZ/BERROUZ/zawtrak.txt (дата обращения: 20. 02. 2012).

А. А. Самойлова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Национальный корпус русского языка как источник для формирования значений имени прилагательного

Как отмечает Л. Г. Бабенко, объективная трудность категоризации прилагательных обуславливается уникальностью семантики данного класса слов: наличием богато развитой многозначности и сильной дискурсивной обусловленностью их лексической семантики [1]. Объектом нашего исследования выступили дискурсивные особенности семантики прилагательного *бомбардирский*, входящего в идеографической классификации в денотативную сферу «Спорт». Для выявления данных особенностей применялся метод дистрибутивного анализа, суть которого состоит в моделировании смыслового наполнения лексемы путем выявления наиболее полного набора ее контекстных партнеров. Применение метода дистрибутивного анализа основывается на исходном положении о том, что семантика языковой единицы и объем ее значения обусловливают специфику ее сочетаемости с другими языковыми единицами: «Сочетаемость языкового знака определяется его зависимостью от других языковых знаков, формирующих его обозначаемое так, что оно отличается своей неповторимостью и приводит к несовпадению даже близких по значению слов» [4]. Источником для формирования значений прилагательного *бомбардирский* и для исследования метафорических переосмыслений его семантики выступил Национальный корпус русского языка.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [2] толкование прилагательного *бомбардирский* снабжено помету *разговорное* и имеет отсылочный характер: '*Бомбардир* — 2. В командных играх с мячом, в хоккее: результативный нападающий игрок (разг.) // прил. ***бомбардирский***, -ая, -ое'. В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [3] данное прилагательное имеет два значения — '1. Связанный с бомбардиром. 2. Свойственный бомбардиру, характерный для него'. На основании данных толковых и идеографических словарей нами были выделены следующие узуальные значения для прилагательного *бомбардирский*: '1. *Разг.* Такой, который является показателем спортивного мастерства бомбардиров — наиболее результативных игроков нападения, забивающих наибольшее количество голов в ворота соперника (в спортивных командных играх с мячом — в хоккее,

футболе и т. п.), позволяет на осиове рейтинга выявить лучшего среди них. 2. *Разг.* Принадлежащий бомбардиру'. Рассмотрим, как эти значения прилагательного реализуются в контекстах его употребления.

Проведенный аиализ показал, что из выделенных из Национального корпуса русского языка 49 контекстов употреблеиия прилагательного *бомбардирский* 47 относятся к спортивному дискурсу. Нами были выделены следующие три значения, реализуемые этим прилагательным в контекстах. 1. Являющийся итогом деятельности бомбардира (24 контекста): *Он является одним из лучших снайперов чемпионата, записав на свой* ***бомбардирский*** *счет 11 голов* (газ.). Контекстными партиерами прилагательного *бомбардирский* в этом значении являются существительиые *счет* (23 контекста), *результат* (1), относящиеся к ЛСГ «Спортивные достижения» и имеющие общую семантику, связанную с соотношением очков в итоге спортивиой игры. Словосочетание *бомбардирский счет* употребляется преимуществеино в сочетании со следующими глаголами: ***записать*** *на бомбардирский счет,* ***довести*** *бомбардирский счет до какого-либо количества голов (мячей, очков), а* также ***пополнить, увеличить, открыть***. *В* качестве коитекстного партнера даиного прилагательного в этом значеиии выступают и существительные ЛСГ «Результат речемыслительной деятельности»: *план* в значении 'Замысел, проект, задание, осуществление которых требует выполнеиия ряда предварительио обдуманных действий, мероприятий, объединениых общей целью', при этом существительиое *план* является результатом не только спортивной, но и интеллектуальной деятельности бомбардира: *Но когда тот выполнил свой* ***бомбардирский*** *план, Берлускони взял свои слова обратно* (газ.), а также существительное *багаж*, употребленное в переносиом значеиии 'Знания, опыт, имеющиеся у кого-либо, подобные упакованным вещам, которые берет с собою в дорогу пассажир': *Но в этот вечер нападающий быстро «подправил» свой* ***бомбардирский*** *багаж и заставил Венгера задуматься стоит ли оставить его в команде* (газ.).

2. Принадлежащий бомбардиру (о спортивных достижениях): *Потомок викингов признался, что не мечтает защитить свой* ***бомбардирский*** *титул, — травмы замучили* (газ.). Контекстными партнерами прилагательиого *бомбардирский* в этом значении являются существительные *рекорд* (5 контекстов), *титул* (2), *статус* (1), *актив* (1) (в значении '*Разг.* Успехи, достижения чьи-либо или в чем-либо') ЛСГ «Титулы, звания», отиосящиеся к денотативиой сфере «Социальиая сфера жизни человека», денотативио-идеографическому классу «Общественио-государственная

сфера» и имеющие общую семантику, связанную с достижениями в спорте.

3. Свойственный бомбардиру (о природных способностях, одаренности): *...чтобы раскрылся **бомбардирский** талант Ковальчука, ему нужны соответствующие партнеры* (газ.). Контекстными партнерами прилагательного *бомбардирский* в этом значении являются существительные *талант* (7 контекстов), *дар* (2). Исходя из контекстов *бомбардирский талант* может как ***проявиться***, ***раскрыться***, так и ***изменить*** кому-либо. Из приведенных примеров мы можем заключить, что *бомбардирский талант*, по представлению носителей языка, обязательно связывается с некими конкретными физическими качествами, которыми обладает спортсмен и которые они должны увидеть в процессе его игры (ср. контекст: *Бомбардирский талант Ларака мне увидеть не пришлось*). Этот вывод подтверждается и контекстами употребления схожего по значению словосочетания *бомбардирский дар*, который также можно ***реализовать, шлифовать*** и т. п. Прилагательное *бомбардирский* в данном значении сочетается с существительными ЛСГ «Интеллектуальные свойства личности», относящимися к денотативной сфере «Интеллект» и имеющими общую семантику, связанную с врожденными физическими способностями человека, проявляющимися в его спортивной деятельности. В качестве контекстного партнера данного прилагательного в этом значении выступает также существительное *голод* 'Острый недостаток в чем-либо важном, необходимом; дефицит чего-либо', приобретающее в этом контексте значение 'острое желание забить как можно больше шайб, подобное сильному желанию есть, острому ощущению потребности в пище' и относящееся к ЛСГ «Необходимость» денотативной сферы «Универсальные представления, смыслы и отношения».

Таким образом, проведенный контекстуальный анализ употребления прилагательного *бомбардирский* позволил выделить реализующуюся в дискурсе систему значения и показал, что данное прилагательное употребляется преимущественно в словосочетании *бомбардирский счет* и с другими существительными, формирующими положительную оценку деятельности этого игрока (*титул, талант, рекорд* и др.), что свидетельствует о позитивном восприятии бомбардира как игрока.

Литература

1. *Бабенко Л. Г.* Уральская идеографическая лексикография: этапы формирования и перспективы развития / Л. Г. Бабенко // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков : Тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию

Э. В. Кузнецовой, 8–9 нояб. 2007 г., Екатеринбург, Россия / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 10–11.

2. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т.: ок. 160 000 слов. М. : АСТ: Астрель, 2006.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2003. 944 с.
4. *Привалова И. В.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография / И. В. Привалова. М. : Гнозис, 2005. С. 122.

М. В. Суркова

ТвГу, г. Тверь

Особенности сравнения в рок-поэзии (на материале песен группы Plastika)

Сравнение — один из способов осмысления действительности, одна из форм художественного мышления, а также важнейший способ представления действительности. В составе сравнения слово обретает новые смысловые приращения, сопутствующие ассоциации, экспрессивно-эмоциональные окраски. Способ пересмотра обычного отражает личный опыт автора и определяет специфичность художественного творчества.

Обратимся к теме образного сравнения в аспекте изучения сравнений в текстах группы Plastika.

Отметим, что в поэтическом творчестве музыкантов преобладают сравнения конкретизирующие и оценочно-характеристические [1]:

Конкретизирующие сравнения позволяют передать эмоциональное состояние человека, например:

И подо мхом был камень, я сегодня — ***лёд и пламень***. («Счастливые дети»). Описывая своё душевное состояние, герой Plastiki говорит, что он подобен льду и пламени: за внешней холодностью, отчужденностью прячется горячее, тонко чувствующее сердце.

В песне *«Сантьяго»* используется устойчивое сравнение «души чисты как зеркала»[2]: *Как с хрупким счастьем разобраться, я расскажу сегодня, братцы,* ***сейчас все души — зеркала***. Это сравнение показывает, что герой Plastiki открыт людям и миру. Он искренне верит, что у его

слушателей помыслы настолько чисты, что он может доверить самое сокровенное — «как разобраться с хрупким счастьем».

Но открытость миру, податливость и доверчивость делают человека беззащитным, уязвимым:

*Был ли я стеклом, **был надломленным крылом**?* («Падение»). Герой сломлен и потерян. Он сравнивает себя с надломленным крылом. Надломленное крыло еще может какое-то время лететь, но потом это станет невозможным. «Был ли я стеклом? Почему же теперь от меня остались только осколки?» — как бы спрашивает герой.

Каждое следующее разочарование усиливает боль и заставляет прятать, скрывать душу как бы под корой: *Я – **шершавость коры, я – земля**, и мне пора, люди счастьем быть...* («Реквием»). Шершавая кора — это защитная реакция героя, его «панцирь». Но в то же время герой сравнивает себя с землей. Она мягкая. Под защитным панцирем прячется мягкая, нежная душа.

В бездне галактик, победных тактик. Я – антистатик, я – мертвый пластик («Вычернен»). Антистатик — вещество, понижающее статическую электризацию полимерных материалов [3].

Сравнение героя Plastiki с антистатиком подчеркивает его глубочайшее одиночество среди людей. Сравнение с мертвым пластиком позволяет передать боль мертвеющей от одиночества души.

Он еще может открыться, довериться людям, но сделать это ему все сложнее, память о прошлой боли, словно сильный магнит, сдерживает его порыв: *Я **открываюсь словно коробка с магнитом**. Чашка и ручка отбита. Раскалываюсь.* («Чувство вины»).

Оценочно-характеризующие сравнения позволяют дать оценку происходящему, выразить отношение героя к себе, к другим людям, к описываемым событиям. Характерно, что для героя Plastiki это отношение всегда негативное.

Герой Plastiki всегда не в ладах с собой, например:

Как скользкий моллюск, раздавлен, молюсь, спрутами, злыми путами оплетал. («Моллюск»). Моллюски — это беспозвоночные животные, в большинстве своем имеющие известковый покров — раковину; мягкотелые [4].

Герой сравнивает себя с маленьким, скользким, невзрачным, ничтожным моллюском, способным оплетать путами и творить зло.

*Ведь мы для них, **словно пепел**. А их мир великолепен.* («Они считают нас...»). Сравнением *словно пепел* герой Plastiki характеризует себя

и своих единомышленников, обиженных сильными мира сего. Они всего лишь *пепел*, то, что уже отгорело и в следующий миг исчезнет без следа.

Посредством нескольких сравнений герой Plastiki показывает, что не уважает и своего адресата — опасного (хищный тигр), но ничтожного (низший класс), изменчивого (парралакс), двуличного (предательский прононс):

Ты — низший класс, ты — парадокс, ты весь — предательский прононс. Ты — параллакс, ты — хищный тигр. *Ты загнан в площадь игр* («9 мая»).

Проанализировав тесты песен группы Plastika, мы можем говорить о том, что у ее героя неустойчивое эмоциональное состояние. Он запутался в своем восприятии людей и мира, его окружающего. С одной стороны, он склонен к негативной оценке мира вокруг себя. Для него люди, которые находятся рядом с ним, враги, считающие его пеплом. Он изранен, разбит, испытывает постоянное разочарование и боль, затравлен сильными мира сего, которые постоянно им манипулируют. Но в то же время он осознает, что есть определенная группа людей — его единомышленников, которые испытывают то же самое и которые могут его понять. Он часто обращается к ним, зная, что они его поддержат.

С другой стороны, герой — это человек тонкой души. Души для него зеркала, а себя он сравнивает с надломленным крылом. Это очень ранимый человек, глубоко переживающий свои неудачи и потери. Под его «панцирем», являющимся защитной реакцией, прячется мягкая, добрая душа. Он старается открыться, показать какой он есть на самом деле, но боится это сделать, ведь он привык, что его не понимают и отвергают.

Как видим, конкретизирующие и оценочно-характеризующие сравнения помогают понять характер мироощущения группы Plastika.

Литература

1. *Камышова А. Е.* Сравнение и его функции в прозаического текста (на материале прозы В. Юрюсова, СПб., 2006. С. 5–13.
2. *Огольцев В. М.* Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. И., 1994, С. 146.
3. Малый академический словарь русского языка. М., 1999. Т II. С. 47.

Л. А. Ульянова
ТГУ, г. Томск

Способы перевода сниженной разговорной и просторечной лексики (на материале рассказов В. М. Шукшина и их переводов на английский язык)

Целью данного исследования является выявление и сравнение основных способов перевода сниженной разговорной и просторечной лексики, которая используется в рассказах В. М. Шукшина «Волки», «Чудик» и «Думы», на английский язык (I want to live: Short stories — M. : Progress, 1973, переводчик R. Daglish; «Stories from a Siberian Village», DeKalb, Illinois, 1996, переводчики J. Givens и L. Michael).

Сохранение элементов авторского стиля при переводе остается на сегодня одной из труднейших задач. Именно эти проблемы стоят в центре нашего внимания в данной работе.

По мнению большинства исследователей, анализ различных переводов одного и того же произведения показывает, что можно говорить о двух противостоящих друг другу стратегиях: это либо

– техника перевода, ориентированная на максимально адекватную передачу смысла (назовем ее *стратегия смысла*) и

– техника перевода, ориентированная на передачу особенностей формы (назовем ее *стратегия формы*).

Понятно, что ни стратегия смысла, ни стратегия формы не встречаются в реальной переводческой практике в абсолютно чистом виде.

Мы рассмотрим основные виды преобразований (переводческих трансформаций) и постараемся определить их соотношение при переводе разговорной и просторечной лексики в рассказах В. М. Шукшина.

Оценочность — одна из основных категорий в рассказах В. М. Шукшина, и чаще всего оценочные парадигмы организованы у В. М. Шукшина с отклонениями в сторону отрицательной оценки. Писателя не интересует образ «идеального человека», он сосредоточил своё внимание на обычных людях.

Классифицировать разговорную и просторечную лексику можно по частям речи, с помощью которых она выражена.

В рассматриваемых нами рассказах нередко встречаются глаголы «заматерился, обругал, выругался, бранился, лаялся и т. д.». Джон Гивенс

все эти слова переводит одним словом — «cuss», а Роберт Даглиш — более мягким глаголом «swear». В обоих переводах теряется шукшинское лексическое разнообразие. И каждое из этих понятий лишается своих оттеночных смыслов. Например «выругался» — действие моментальное, «бранился» — длительное, а «обругал» — направленное. Но все же, на наш взгляд, Д. Гивенс, выбрав разговорный вариант, точнее отразил стиль рассказа.

Русскому прилагательному «заполошный» ни одному переводчику не удалось найти достойного эквивалента: «madman» (англ.), «lunatic» (США), оба эти слова имеют значение «сумасшедший», что не отражает не только национальный колорит, но и не совсем верно передает значение.

Конечно, очень много в рассказах В. М. Шукшина встречается стилистически сниженных существительных: «сука», «гад такой», «змей ползучий», «шкура», «паразит», «оглоед чертов», «дьявол», «сопля», «харя», «психи», «дурак», «верзила».

Сразу отметим, что в переводе Роберта Даглиша такие слова часто переводятся однообразно: используется ругательное «swine» (свинья). Например, «гад такой» — «you swine» (ср. американский вариант — «you bastard», в переводе «ублюдок, подонок, скотина»); «сука» — «you rotten swine» («гнилая, гадкая свинья»), американский вариант — «you sonuvabitch» («сукин сын»). Переводы Д. Гивенса более эмоциональны, сильнее по воздействию, разнообразнее. Очевидно, что Д. Гивенс, наряду со стратегией смысла, следует принципам стратегии формы, и ему это удается.

Таким образом, мы рассмотрели, как передается разговорная и просторечная лексика и фразеология Джоном Гивенсом и Лаурой Микаел (США, 1996) и Робертом Даглишем (Великобритания, 1973) на примере рассказов «Волки», «Думы», «Чудик» и насколько точно в том и другом случае выполняются отведенные им функции. Мы убедились, что английский перевод, сделанный в 70-е, более сдержан, менее точен, лексически и стилистически беднее. Здесь сказалось, конечно, и время написания перевода сборника рассказов В. М. Шукшина. В рассказе «Чудик» Р. Даглиш вообще опустил часть рассказа — диалог между братьями о злых, много возомнивших о себе жёнах, о великих людях, вышедших из деревни, о детстве. Пропущенный диалог насыщен имплицитной лексикой. Итак, определяющей для Роберта Даглиша в его переводе была стратегия смысла. Например, в рассказе «Думы» встречается 13 глаголов, относящихся к сниженной оценочной лексике, и в его переводе 9 из них

превалирует стратегия смысла, и практически игнорируется предложенная В. Шукшиным форма.

Перевод Д. Гивенса и Л. Микаел нам представляется более удачным. Следует заметить, что Д. Гивенс — не только переводчик, но и ведущий зарубежный шукшиновед современности. На его счету 5 исследовательских работ и 1 сборник переводов. Д. Гивенс жил на Родине В. М. Шукшина, изучал язык, местный колорит. Все это способствовало его более глубокому проникновению в творчество В. М. Шукшина, постижению его неповторимой авторской манеры.

В результате исследования было выявлено, что переводчики могут использовать разные стратегии или следовать принципам и стратегии смысла, и стратегии формы в их взаимодействии. Степень преобладания той или иной стратегии обусловлена рядом факторов: временем создания перевода, культурой языка перевода, ориентированием переводчика в культурной и языковой среде оригинала, постижением индивидуальных особенностей стиля автора оригинального произведения.

Литература

1. Международные отношения, 1980.
2. *Панкин Б. В.* Шукшин и его «чудики» // Панкин Б. Строгая литература. М., 1980. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М. :
3. Творчество Шукшина: поэтика, стиль, язык. Барнаул, 1994.
4. *Чуковский К. И.* Высокое искусство. М., 1968.
5. *Шукшин В. М.* Рассказы. Таллин, 1987. 368 с.
6. I want to live: Short stories: transl. R. Daglish — M. : Progress, 1973.
7. Stories from a Siberian Village: transl. J. Givens и L. Michael — DeKalb, Illinois, 1996.

К. О. Цыплякова
Центр классического образования УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Языковая игра в журнальной публицистике XIX века

Современная речевая культура — пространство яркое, эклектичное, неоднородное. Привлечь внимание зрителей/слушателей/читателей в пестроте смелых словоупотреблений, которыми характеризуются сегодняшние СМИ, реклама, современная литература, может только явление из ряда вон выходящее, такое, как языковая игра.

Сущность ЯИ была определена Т. А. Гридиной: ЯИ — это «неканоническое использование языковых единиц с установкой на эстетическое восприятие последних, пусть даже эта установка ограничивается стремлением привлечь внимание к форме речи, "не быть скучным, пошутить"» [1]. Поэтому ЯИ и не оставляет никого равнодушным: она всегда заметна как бунтарь в системе, легальный нарушитель. Именно благодаря своей оригинальности и «замечательности» языковая игра стала очевидным фактом современной речевой культуры. Упомянутые реклама, СМИ, даже бытовой дискурс — ЯИ пронизывает многие сферы общественной жизни, а потому к ней проявляют глубокий интерес исследователи языка. Но как определить, ЯИ — это устойчивое языковое явление или веяние нашего времени, дань языковой моде?

Исследования ЯИ, как правило, основаны на современном материале, однако М. Э. Рут и Е. Н. Иванова отмечают, что первые факты ЯИ можно выделить уже в «Повести временных лет», в «Ведомостях» Петра I, в переписке П. А. Демидова, но впервые языковая игра проявила все свои возможности и была замечена как необычный языковой феномен в творчестве А. С. Пушкина [2]. Мы обратились к изданиям пушкинского периода, чтобы понять, существовала ли ЯИ до XX века, и сравнить ее творческий потенциал с фактами современности.

Источником материала послужили литературные журналы первой половины XIX в.: «Сын Отечества», «Московский Телеграф», «Северные цветы», «Северная пчела», «Телескоп», «Современник».

Факты ЯИ обнаруживают такие разделы как «Литературное обозрение», «Смесь», «Театральные новости», «Критика», «Разбор новых книг», «Моды», «Обзор Российской словесности» и т. д. Лишены примеров ЯИ материалы таких рубрик как «Внутренние известия», «Политические

новости» и т. п., потому что официальные тексты не «играют», сохраняя свою чисто информационную направленность.

В ходе анализа материала было решено ограничиться 100 фактами ЯИ, каждый из которых мы описали в соответствии с концепцией Т. А. Гридиной. По ее мнению, ЯИ как форма лингвокреативного мышления характеризуется установкой на творчество, эксперимент, то есть позволяет увидеть динамичность умственной деятельности, в том числе возможность использовать разные ассоциативные системы [1]. Таким образом, наличие свободной, нетривиальной ассоциации в основе ЯИ — ее сущностная и качественная характеристика — основной критерий анализа. Ведь слово в концепции ЯИ, как отмечает Ю. Д. Самарин, «является частной ассоциативной системой на фоне более общей ассоциативной системы (языка в целом)» [3].

Анализ материала показал, что среди конструктивных принципов, то есть среди способов моделирования ассоциативного восприятия слова в контексте, лидирующую позицию занимает принцип ассоциативной провокации (51,4 %), в основе которого лежит наложение метафорически эксплицированных значений слова, например: *Слуга с поднятою к небу головою, держал перед глазами два пистолета. Для того, что кто-то его уверил, что комету* ***простыми*** *глазами приметить нельзя, но* ***вооруженными*** [«Северная пчела», 1831, № 4] — актуализация первого значения слова *вооруженный* «имеющий оружие, снабженный боевой техникой» вместо необходимого «снабженный оптическим прибором».

Случаи создания ЯИ на основе изменения звуковой оболочки слова минимальны и использованы в качестве некоей иллюстрации: «по таким правилам играть нельзя»: *Издатель, в составлении* ***пестро-звучных*** *оберток, достиг до высочайшей степени совершенства: его можно по справедливости назвать Гомером — оглавлений. (Виноват! Телеграф соблазнил меня составлять новые слова: увидите в конце письма)* [«Сын Отечества» 1827, № 2].

Кроме того, ЯИ, вышедшая из-под пера авторов XIX века, чаще всего требует больших текстовых площадей и нередко представляет собой развернутую игровую метафору: А *наши половины! — в ортопедических (артонедических) креслах, уложив ножки на мягкие скамеечки, они* ***с трудом выполняют эту созерцательную и гимнастическую работу, которая называется удовольствием быть в театре*** [«Телеграф» 1834, № 34].

В заключение можно сделать вывод, что языковая игра в XIX веке значительным образом отличалась от современной. ЯИ XIX века

представляла собой игру на самом гибком семантическом уровие языковой системы; подвижиая и ассоциативно богатая, оиа ие нарушала границы жестких уровней, требовала для своего прочтения достаточно развитой лингвистической компетенции и заключалась, в основном, в нестандартиой ассоциативиой экспликации значения слова на основе метафорического, ситуативного, коммуникативио зависимого зиачения слова.

Кроме того, особенности создания и функционирования ЯИ позволяют увидеть различия между типами языковых личиостей разных эпох. Так авторы текстов XIX века позволяли себе использовать ЯИ только в так иазываемых неофициальиых текстах. Этого нельзя сказать о современных создателях ЯИ: их смелость граничит с вседозволениостью и носит ярко захватнический характер. Факты ЯИ появляются в серьезных статьях, политических обозрениях, аиалитических заметках, тяготеющих к не двусмысленному прочтеиию.

Литература

1. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996, С. 4.
2. *Рут М. Э., Иванова Е. Н.* Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII–XIX вв. // Лингвистика креатива. Екатеринбург, 2009. С. 78–86.
3. *Самарин Ю. Д.* Очерки психологии ума М., 1962. С. 99.

С. Л. Шутемова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Русская литература и американская театральная традиция (на примере спектакля театра Свердловской музкомедии «Мертвые души»)

Рядом с иазванием спектакля «Мертвые души» (режиссер Кирилл Стрежнев, композитор Александр Пантыкин, либретто Коистантииа Рубинского, 2009) зритель видит особую «заметку» авторов — гоголь-моголь. Видимо, здесь имеется в виду примененный к русской классике рецепт «смешать и взбалтывать». Становится сразу понятно, что увидим

мы не простую инсценировку поэмы Гоголя. Кроме того, выбранный жанр воплощения на сцене этого литературного произведения — мюзикл — совсем не свойственен для российской театральной традиции. Текст писателя становится лишь отправной точкой, основой для вполне самостоятельной сценической постановки. Все содержание поэмы укладывается в первый акт, и после антракта начинаются сюрпризы. «В рамки второго акта вмещается краткий обзор всего творческого наследия Гоголя, а также крутой авантюрный триллер. В финале Чичиков и губернаторская дочка показывают свое истинное лицо — лицо отечественных Бонни и Клайда» [1]. Возникает закономерный вопрос: к чему ведет подобный синтез традиций и не теряется ли «высокая» литература в массовом жанре, в зрелищном воплощении?

Мюзикл — жанр, порожденный массовой культурой. Изначально он складывался как синтетическое искусство, в котором сочетаются равноправные компоненты: драматургия, музыкальный материал, хореография, актерское мастерство. Мюзикл всегда был ориентирован на зрелищность, развлекательность, на создание той среды, в которой человек будет счастлив, где он будет испытывать положительные эмоции, в немалой степени этот жанр становится генератором идей и концепций массовой культуры, отражает актуальные тенденции и приметы времени. Таким образом, зритель на спектакле слышит не «чистые» оперные интонации, а их «симбиоз» с эстрадным вокалом и современными динамичными барабанными ритмами.

Вообще, при попытке интерпретации литературного произведения средствами рассматриваемого нами музыкального жанра происходит взаимодействие двух различных языков культуры — языка театра (который синтезирует в себе языки музыки, танца, пластики, актерского жеста, изобразительного искусства и т. д.) и вербального языка литературы. Такое столкновение особых семиотических пространств делает возможными оригинальные творческие решения. А в рассматриваемом случае с мюзиклом «Мертвые души» — это еще и столкновение совершенно непохожих друг на друга культур. Поскольку средства выражения у разных языков культуры разные и, к тому же, основы русской и американской культур различны, то при попытке интерпретации мюзиклом поэмы Гоголя априори нельзя воплотить авторские идеи в неизменном виде.

Феномен художественного текста заключается в принципиальной неисчерпаемости выраженных в нем смыслов и идей: каждое новое прочтение увеличивает пространство понимания. Рассмотренный нами вариант взаимодействия литературы и мюзикла предполагает вплетение

новых сюжетных линий, изменение внешнего облика героев в пользу современных тенденций. Авторский текст в этом случае становится как бы полем для своеобразной постмодернистской игры, подбрасывание костей в которой может дать очень неожиданный результат. Такой вариант интерпретации тоже может по-своему обогатить авторский текст, актуализировать его, приблизить к современности, выявить новые смыслы и идеи. Но вместе с тем в результате такого эксперимента часто проявляются моменты, которых не было у автора источника, или на которые у него был только намек или упоминание вскользь (например, о любовных похождениях Чичикова в поэме говорится всего в двух строчках, а в спектакле это стало чуть ли не основной сюжетной линией).

Театр как синтетическое искусство позволяет сделать метафоры текста более многогранными, очень ассоциативными (метафора дороги — она же воронка, труба, дантовские круги ада и т. д.). Благодаря появлению новой сюжетной любовной линии, изменению образа некоторых героев (Хлестаков, например), интерпретация приближает литературное произведение к реалиям сегодняшнего дня. Кроме того, такое «осовременивание» поэмы Гоголя позволяет заинтриговать зрителя, по-детективному закрутить историю: «Ну, какой современный мюзикл без лав-стори!» [2].

Очевидно, в конкретном случае, постмодернистские тенденции современной массовой культуры, ярко выраженные в жанре мюзикла, с их цитированием, игрой со смыслами, размыванием всяких границ сработали на создание остроумной интерпретации. Между тем, следует понимать, что в силу особенностей жанра спектакль местами довольно прямолинеен, предсказуем в плане подачи материала современному зрителю, который ждет на сцене яркого зрелища. Также нужно помнить, что авторская идея «не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных, цитатах, а выражается во всей художественной структуре» [3]. Следовательно, «вне структуры художественная идея немыслима» [3]. Измененная структура донесет уже другую идею. Поэтому интерпретация ни в коем случае не заменяет авторский текст и предлагает зрителю только то, что в какой-то степени будет способен передать язык конкретного вида искусства.

На наш взгляд, мюзикл не «облегчает» гоголевский текст, он просто говорит на другом языке, делает литературу одним из своих разнообразных средств выражения. Таким образом, интерпретация и популяризация приближают классическую литературу и исторический материал к массовому зрителю. Мюзикл как развлекательный по своей природе жанр не может перегружаться глубоким философским смыслом — зритель

не за этим идет в музкомедию, он как бы дает человеку знакомые «крючочки» — привычные музыкальные интонации, в чем-то упрощенные или растиражированные образы, зрелищность, и, цепляясь за эти «крючочки», тот, кто пожелает, сможет добраться и до более глубокого смысла, раскусить тонкие намеки, разгадать и завуалированные метафоры. Мюзикл строится по принципу «американского слоеного пирога», «гоголь-моголя», где каждый, в силу своих способностей и запросов, может найти что-то для себя.

Театр, являясь аудиовизуальным видом искусства, создает перевес чувственного над интеллектуальным. И, следовательно, при интерпретации литературы мюзиклом получается более легкое, эмоционально действенное воплощение некоторых идей автора литературного произведения.

Литература

1. *Дубичева К.* Смешать и взбалтывать. // Российская газета-Урал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.muzkom.net/interesting/pressa/showart.php?id=184 12.11.2009.
2. *Сухих Р.* Страсти по гоголь-моголю // Театральный сезон. № 1. 01.01.2010. С. 18.
3. *Лотман Ю. М. О* поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 48.

Е. В. Яндуганова
К(П)ФУ, г. Казань

«Дневник чумного года» Д. Дефо и английские романы 19 в. о чуме

Дэниел Дефо, один из самых известных английских писателей Нового Времени, оставил после себя богатое литературное наследие, влияние которого ощутимо во всех жанрах англоязычной прозы. С его «Дневником чумного года», посвященном Великой лондонской чуме 1665–6 гг., связано развитие как исторического романа, так и более поздних жанров, включающих в себя элементы военной прозы и научной фантастики [1]. Наиболее тесно связанным с текстом Дефо закономерно стал ряд исторических романов, в сюжете которых чума занимает значительное место. Взятые вместс, они представляют собой уникальный набор

произведений об эпидемии болезни, подобного которому не существует в других национальных литературах. В настоящем докладе нашей целью будет выявить механизмы интерпретации текста «Дневника...», которые используют авторы романов, и их зависимость от современной писателям литературной ситуации.

Считается, что «Дневник...», опубликованный в 1722 г., является прообразом исторического романа, однако каноны этого жанра складываются только в эпоху романтизма, в первую очередь в творчестве В. Скотта. В период с 1832 по 1923 гг. создаются не менее пяти романов [2], непосредственно связанных с заданной Дефо традицией изображения чумы. Эти произведения появляются на волне интереса к национальной истории, характерного для романтиков, и создаются на основе нового литературного метода. Сюжеты и персонажи этих романов напоминают творения таких известных писателей 19 в., как В. Скотт, В. Гюго, Ш. Бронте. Однако если рассматривать то, как в них изображается конкретная историческая ситуация 1660-х гг., то на первый план выходит именно связь с произведением Дефо.

«Дневник...» обладает сложной жанровой природой: это документальное произведение с ярко выраженными элементами художественного повествования. Такое сочетание обеспечило его популярность и привлекло особое внимание к описываемым событиям. Именно влиянием Дефо объясняется преобладание среди английских исторических романов 19 в. повествований об эпидемии 1665–6 гг. по сравнению с другими вспышками чумы [3] и изображение Лондона и его ближайших окрестностей как места, где в первую очередь можно наблюдать действие болезни. Чаще всего персонажи романов являются жителями Лондона. В противном случае в сюжет специально вводятся причины, заставляющие героев приехать в Лондон именно во время эпидемии.

Долгое время «Дневник...» рассматривался как плод гениального воображения автора, так что писатели и критики уделяли внимание прежде всего художественным особенностям произведения [4]. Из «Дневника...» заимствуются эпизоды, которые становятся важной частью романного повествования. Если Дефо представляет эти сцены как пересказ историй, услышанных рассказчиком, или как происшествия, часто наблюдаемые рассказчиком в чумном Лондоне, то в романах они связываются с известными читателю персонажами. Ситуации перерабатываются так, чтобы усилить драматизм и подвергнуть персонажей большему риску.

Главной целью Дефо при создании «Дневника...» было описание исторической ситуации. Напротив, романы ориентированы не только и не столько на это, сколько на то, чтобы на фоне масштабных исторических событий показать истории людей, типичные для этого времени. Как и в «Дневнике...», выделяется образ главного героя, иногда повествование так же ведется от первого лица. Однако по сравнению с «Дневником...» личности героя уделяется намного больше внимания. Ситуации, в которые попадает персонаж, не только помогают читателю получить новую информацию, но и заставляют сопереживать герою, надеяться на его успех или сочувствовать его неудачам.

Сюжет романов основывается на приключениях героев, и, чтобы сделать его более занимательным, в романы включается обязательная любовная интрига. В зависимости от индивидуальных особенностей главного героя, в романах с большими или меньшими подробностями изображаются также англо-голландская война, проходившая в это время на море, или Великий лондонский пожар, начавшийся 4 октября 1666 г. В «Дневнике...» оба эти события только упомянуты, и, хотя они описываются с помощью экспрессивных эпитетов («великий», «яростный»), не внушают рассказчику такой же ужас, как чума.

Кроме этого, «Дневник...» служит для авторов романов источником исторических фактов. Дефо провел огромную работу, за короткий срок собрав разнообразные источники и объединив их в достаточно связное повествование. Авторы романов настолько доверяют ему, что даже воспроизводят его ошибки [5].

Одной из наиболее важных деталей при описании чумы является количество умерших. Оно известно нам по бюллетеням смертности, которые еженедельно публиковались в Лондоне и воспроизводятся в «Дневнике...». Авторы романов обычно округляют количество смертей в большую сторону, следуя утверждениям Дефо о том, что данные в бюллетенях всегда были занижены. Напротив, всегда точно передаются вступительные слова о географии распространения болезни.

Стиль Дефо не сохраняется [6]. Согласно требованиям нового времени, повествование в романах становится более живым, динамичным. Авторы романов проявляют больший интерес к индивидуальной судьбе героя. Меньше становится мест религиозного характера.

В произведениях о чуме заимствования из «Дневника...» носят двойной характер — это перенос исторических деталей и переработка художественных особенностей. При создании своих романов авторы 19

в. проделывали ту же работу, что и сам Дефо, объединяя разрозненные детали и создавая цельные истории на основе мелких подробностей.

Примечания

1. В качестве примера, иллюстрирующего родство научной фантастики и чумной литературы, можно назвать роман Г. Уэллса «Война миров».
2. *Nield J.* A guide to best historical novels and tales. London, 1929. P. 117–119.
3. *Nield J.* A guide to best historical novels and tales. London, 1929. P. 42–43.
4. См., к примеру, *Percy R., Timbs J., Limbird J.* The mirror of literature, amusement and instruction. L., 1842. V. 1. P. XV.
5. Одной из самых распространенных ошибок является представление о том, что чума не проникла на флот. Дефо знал об этом. См. *Nicholson W.* The historical sources of Defoe's Journal of the plague year. Boston, 1919. P. 85.
6. В основном стиль повествования в романах соответствует нормам 19 в., однако в каждом присутствует большая или меньшая доля стилизации под язык 17 в.

Раздел 6
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

Т. Н. Бардашова
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Матримониальная дипломатия Византии в «междинастический» период (1057–1081) [1]

После того, как в 1057 г. был свергнут с византийского престола Михаил VI Стратиотик — супруг последней, к тому времени уже покойной императрицы, принадлежащей к Македонскому дому (867–1056), Феодоры [2] — тонкая нить, связывающая василевсов правящей династии на протяжении почти двухсот лет была прервана. Византия вступила в состояние близкое к анархии, когда за 25 лет на императорском престоле сменилось пять правителей.

Ситуацию политической нестабильности в Византии ухудшал экономический и социальный кризис [3], одним из следствий которого явилось ослабление позиций наследников — ромеев на международной арене. Несмотря на это, василевсы-узурпаторы пытались продолжать прежний великодержавный курс империи и всячески подчеркивали свой особый статус. В частности, Исаак I Комнин принимая послов «всегда разговаривал свысока и растекался речами обильней, нежели вздымающийся Нил в Египте или клокочущий Евфрат в Ассирии» [4], однако величие василевсов в данный период истории Византии было в большей степени демонстрационным. Все чаще греческие государи уклонялись от ведения прямых военных действий, предпочитали откупаться от неприятелей при помощи богатых даров.

Таким образом, уже в первые годы «смутного» времени в Византии происходит переход от ярко выраженной политики экспансии к обороне границ [5]. В свете данных событий не могла не претерпеть изменений и матримониальная дипломатия греческого государства. «Заветы» Константина Великого, разрешавшие членам императорской семьи сочетаться супружескими союзами лишь с могущественными представителями франкского рода (в понимании византийцев французы и итальянцы), оказались забыты [6]. За четверть века усобиц и раздоров, происходивших в Византийской империи, было заключено пять матримониальных альянсов, при этом все они — исключительно с «варварами».

Одной из главнейших целей, которую преследовали византийские императоры, являлось стремление найти верных союзников извне, с помощью которых узурпаторы намеривались сохранить территориальную целостность империи. Примером такого матримониального альянса может служить супружеский союз василевса Исаака I Комнина, который в 1057 г. женился на старшей дочери последнего болгарского царя Ивана Владислава — Екатерине [7]. Не вызывает сомнений, что подобным образом только что пришедший к власти василевс, пытался подтвердить законность своих прав на территории болгарского государства, вошедшего в состав империи лишь в 1018 г. [8], а также пресечь возможные инциденты, связанные с возможностью отложения болгарских земель.

Еще один матримониальный союз, демонстрирующий сходные мотивы греческого правителя, брак 1078 г., когда племянница византийского императора Никифора III Вотаниата по имени Синадения стала супругой венгерского короля Гезы I [9]. Предшествующие этому браку события, в частности, захват венграми в 1064 г. принадлежащего грекам города Белграда [10], показали, что у империи на Балканах появился новый серьезный соперник. Находившийся в ту пору у власти в империи, Михаил VII Парапинак принял решение пойти на сближение с венграми. В знак признания власти Гезы I, василевс послал своему потенциальному союзнику королевский венец [11]. Дополнительной гарантией добрососедских отношений между двумя странами должен был стать супружеский союз, который и был заключен только три года спустя уже при следующем византийском императоре Никифоре III Вотаниате.

Еще одной не менее важной тенденцией данного периода являлось желание императоров-узурпаторов доказать законность своих притязаний на византийский трон. В этой связи особое внимание привлекает династический альянс, заключенный в начале 70-х гг. XII в., когда Михаил VII Дука Парапинак сочетался браком с Марией Аланской

(Грузинской) [12] — царевной, некогда удочеренной императрицей Феодорой [13]. Более того, после свержения Михаила VII Парапинака в 1078 г. новый император Никифор III Вотаниат [14], также стремясь легитимизировать узурпацию власти, принял решение жениться на василиссе Марии [15]. И вновь, аланка, по традиции на тот момент уже отправленная в монастырь и принявшая в постриге имя Марты, уже во второй раз оказалась при константинопольском дворе в роли императрицы [16].

В результате, получается, что матримониальная политика Византии в 1057–1081 гг. была подчинена внутриполитическим интересам империи, и в первую очередь была направлена на сохранение власти императоров-узурпаторов внутри греческого государства. Тем не менее, именно в данный период времени начинает формироваться более терпимое отношение византийской элиты к брачным союзам представителей семьи императора с варварами. Главным требованием к иностранному жениху или иноземной невесте теперь становится отнюдь не родовитость, а сила и могущество его или ее родственников.

Примечания

1. Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (научно-исследовательский проект «Византийская империя в периоды расцвета и упадка: политическое и социокультурное измерение», ГК 02.740.11.0578).
2. *John Skylitzes.* A Synopsis of Byzantine History, 811–1057 / Ed. by J. Wortley. Cambridge, 2010. P. 448.
3. *Angold M.* Belle époque or crisis? // The Byzantine Empire. Cambridge, 2008. P. 585–586; *Oikonomides N.* Title and Income at the Byzantine Court // Byzantine Court Cultrure. Washington, 1997. P. 210.
4. *Михаил Пселл.* Хронография / подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 2003. Михаил VI. Исаак I Комнин. Гл. L. С. 154–155.
5. *Angold M.* Belle époque or crisis? P. 590; *Crysostomides J.* The Byzantine Empire from the eleventh to the fifteenth century // The Cambridge History of Turkey. Cambridge, 2009. Vol. 1. P. 6.
6. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / подгот. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М., 1989. Гл. 13. С. 51.
7. *Никифор Вриенний.* Исторические записки / подгот. А. А. Калинин. М., 1997. Кн. 1. Гл. 2.
8. *Овсяный Н. Р.* Болгария. История Болгарии. М. , 2002. С. 11; *Погодин А.* История Болгарии // История Болгарии. М., 2002. С. 118.
9. *Kazhdan A. P.* The Notion of Byzantine Diplomacy // Byzantine Diplomacy. Aldershot, 1992. P. 18; *Кючукова И.* «Пътуващите» тъкани и византиската та дипломация // Пътуванията в Средновековна България. Велико Търново, 2009. С. 190, 211.

10. *Browning R.* The Byzantine Empire. USA, 1992. P. 122.
11. *Dölger F.* Ungarn in der byzantischen Reichspolitik // ΠΑΡΑΣΠΟΡΑ. 30 Aufsätze zur Geschichte, Kultur und Sprache des byzantinischen Reiches. Passau, 1961. S. 166.
12. The Oxford Dictionary of Byzantium / P. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. T. II. P. 1298.
13. *Малахов С. Н.* Алано-византийские заметки. URL: http://iratta.com/2007/04/30/alanovizantijjskie_zametki.html. Гл. 3.
14. *Laiou A. E.* Imperial Marriages and Their Critics in the Eleventh Century: The Case of Skylitzes // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1992. 46. P. 173; *Скабаланович Н. А.* Византийской государство и церковь в XI в. От смерти Василия II до Воцарения Алексея I Комнина. СПб., 2004. Кн.1. С. 244–245.
15. *Анна Комнина.* Алексиада / подгот. Я. Н. Любарский. СПб., 2010. Кн. 1. Гл. 4. С. 10.
16. *Скабаланович Н. А.* Византийской государство и церковь в XI в. От смерти Василия II до Воцарения Алексея I Комнина. Кн. 1. С. 242; *Kazhdan A. P.* The Notion of Byzantine Diplomacy. P. 18.

А. И. Казанцева
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Торговые отношения населения Новгорода и севера Западной Сибири в эпоху Средневековья

Торгово-обменные связи с населением Западной Сибири фиксируются по археологическим материалам, начиная с эпохи неолита. В последующее время их роль в жизни таежного населсния неуклонно возрастала. Наибольшего размаха торговые связи таежных аборигенов с соседними территориями достигли в 1 пол. II тыс. н. э., то есть во времена «пушного бума».

Многие историки и археологи считают, что приоритет в процессе торговли на этих территориях принадлежал русским, в первую очередь новгородским купцам, установившим торговые связи с Югрой в XI в. и сумевшим проложить собственные пути за Урал. Подтверждение этому мы находим в древнерусских летописях. Первое свидетельство о Югре — рассказ новгородца Гюряты Роговича, помсщенный в «Повесть

временных лет» от 1096 г.; он послан на Печору, к людям, дающим дань Новгороду, своего отрока. «И пришедши отроку моему к ним, и оттуда иде в Югру. Югра же людье есть язык нем, и соседят с Самоядью на полунощных странах» [1]. Хотелось бы обратить внимание на следующее: хотя у Югры «язык нем» (т. е. непонятен), отрок все же его понимал — это следует из дальнейшего текста, излагающего историю про «чудо», рассказанное Югрой. Поэтому общепринятый тезис о «немой торговле» как об общении посредством жестов [2] или же как о ситуации, при которой обменивающиеся товаром стороны друг друга не видят и не общаются напрямую, кажется нам сомнительным.

Западная Сибирь была значима для Новгорода своими промысловыми богатствами — «соболми и горносталми и черными кунами и песци и белыми волки и рыбьими зубы» [3], спрос на которые с давних пор предъявляли рынки Южной Руси и Прибалтики.

Новгородское движение на Восток не было лишено известной организованности. Участие в промыслах требовало средств, которых не могло быть у рядовых промышленников, и этим объясняется преобладающая роль новгородских торговцев-богатеев, ссужавших охотников необходимыми средствами или производивших торги и помыслы за свой счет и в свою пользу.

Наряду с торговцами, приобретавшими пушнину в обмен на русские товары, энергичную деятельность развивали и новгородские бояре, посылавшие в Югру своих «отроков», организовывавшие ватаги ушкуйников, отправляя их на грабеж и промысел. В числе предпринимателей, участвовавших в эксплуатации восточных владений Новгорода, на первом плане стоят князья, выступавшие в экономической области соперниками местной новгородской знати. Они последовательно стремились монополизировать в своих руках наиболее доходные промыслы, в том числе югорские земли. Таким образом, русская торговля с Югрой в ранние времена происходила двумя способами. Дорогу в неизведанные территории открывали купцы и охотники, из года в год ходившие на промыслы, а уже вслед за ними шли крупные предприниматели, обосновывающиеся на открытых землях и продолжающие захват территорий.

Организатором торговли в сибирской тайге стала верхушка общества. Первой ее задачей была интенсификация пушного промысла. Использовались для этого определенные «экономические» рычаги — монополизация внутриобщинного обмена и ростовщичество.

Таким образом, можно зафиксировать явное стремление новгородцев в северные земли Приуралья и Зауралья. Их привлекали товары,

в которых нуждались новгородские купцы-международники и, которые можно было добыть только на Севере. Этими товарами были в первую очередь шкурки белки, соболя, куницы, черной и красной лисы, горностая, бобра, песца и т. д.

Однако значение торгово-обменных связей Югры и Новгорода не стоит переоценивать. По свидетельству А. Л. Хорошкевича, товары аборигенов занимают незначительное количество в новгородском экспорте [4]. Для уточнения роли торговли с Новгородом для таежных аборигенов следует обратиться к данным археологии. Нужно сразу оговориться, что их не может быть много, поскольку в культурном слое памятников сохраняются лишь изделия из металла, стекла, керамики, в редких случаях — из кости. В материалах из археологических памятников на территории Республики Коми фиксируется некоторое количество вещей, связанных по происхождению с Новгородом. Это преимущественно мелкие бронзовые и редко — серебряные украшения: шаровидные бубенчики, пронизки, полые коньковые подвески, лунницы, перстни [5]. Новгородское происхождение может иметь часть железных изделий, найденных на Вымских памятниках. В целом, все находки, связанные по происхождению с Новгородом, представляют собой ремесленные изделия массового производства, причем по количеству и качеству они уступают вещам, например, из Булгарии или Верхнекамья [6].

Еще меньше следов таких контактов за Уралом. Из приводимых в сводке В. А. Могильникова описание им 24 предметов «русского импорта в Приобье и местных подражаний» [7], большая часть либо не имеет точного адреса производства (железные топор и кресала), либо является местным подражанием (литые подвески с имитацией зерни), либо попала в Приобье через булгар (бусы, витые браслеты и перстень с черневым щитком булгарского производства). В материалах поселенческо-погребального комплекса Эмдер предметы новгородского производства — это в основном украшения [8], которые по количеству также уступают вещам булгарского и прикамского происхождения.

Таким образом, очевидно, что использование термина «немая» торговля применительно к торговле между Западной Европой и Северо-Западной Сибирью в начале II тыс. н.э. нельзя считать корректным. Развитые контакты, хорошо документированные обилием импортных металлических вещей, могут являться убедительным свидетельством анахронизма этого термина.

Рассказы о «немой» торговле и ужасах пути на Север, являющиеся общим местом во многих летописных источниках, преследуют, как

минимум, две цели. Одна из них благородна — развлечь и просветить средневекового читателя, другая сугубо утилитарна — отпугнуть возможных конкурентов, пожелавших принять участие в торговле с северными народами.

Литература

1. Повесть временных лет. Спб., 1996. С. 107-108.
2. *Пархимович С. Г.* Товаро-деньги на севере Западной Сибири в эпоху Средневековья // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1995. Тюмеиь, 1998. С. 105.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. С. 277.
4. *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV–XV в. М., 1963. С. 51.
5. Археология Республики Коми с древнейших времен до средневековья. М., 1997. С. 597–600.
6. *Федорова Н. В.* Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 4(12). 2002. С. 97.
7. *Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 340.
8. *Зыков А. П., Кокшаров С. Ф.* Древиий Эмдер. Екатеринбург, 2001. С. 204–206.

К. Р. Капсалыкова

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

«Природа — наставница всякой хитрости и коварства...» Кекавмен о военных «хитростях» в византино-болгарской войне (969–1018 гг.).

Сюжет о крушении Первого Болгарского царства в 1018 г. до сих пор болезненно воспринимается «как самая сокровенная «тайна» для каждого болгарского сердца» [1]. Эмоциональные оценки, господствующие в историографии, часто точно политически выверены и несут в себе огромный заряд национализма. Нарастает необходимость очистить шелуху политической конъюнктуры и рассказать о последних годах

державы Самуила в духе локальной истории, не стремясь превратить его политику в аргумент, оправдывающий любые завоевания и агрессию.

В конце X — начале XI вв. Византия и Болгария вступили в полосу долгого военного противостояния. Этот конфликт стал логическим продолжением войн царя Симеона, закончившихся византийским завоеванием равнинной Болгарии.

В труднодоступных горных районах Македонии все же сохранились силы, способные бороться за независимость всей страны. Четырем братьям, наследникам «могущественнейшего болгарского комита Николы» [2], достались в наследство не только отцовские богатства, земли и соляные рудники, но и многочисленные связи с крупнейшими болгарскими родами. К 976 г. в живых остался только самый младший из Комитопулов — Самуил, сумевший собрать войска и «опустошить… Фессалию» [3].

Особое место в изучении локальной истории Болгарии занимают мемуары византийского подданного (возможно, полководца) по прозванию Кекавмен. Он явно имеет отношение к тем «болярам», что сыграли такую неоднозначную роль в истории Балкан X–XI вв. Он старательно записал воспоминания, рассказанные истории собственного деда по материнской линии Димитрия Полемарха, служившего как у Самуила, так и у Василия II. Трактат Кекавмена — попытка совместить сугубо военный опыт с увлекательной, яркой иллюстрацией тех событий. Благодаря Кекавмену читатель слышит голос Самуила, ощущает атмосферу всеобщей тревоги.

В каждом параграфе «Поучсния» византийский автор рассказывает одну или несколько историй, потом приводит кратко сформулированный совет, как надлежит поступать, а потом дает собственные комментарии и необходимые пояснения.

Кекавмен не представлял войны без оригинальных стратегических приемов и остроумных «хитростей» (σοφισμάτων). Они позволяют уменьшить кровопролитие и быстрее выполнить боевую задачу. Приемы, использование которых гарантировало, в конечном счете, победу византийцам, связаны, в первую очередь, с грамотной организацией защиты крепостей. Успешный захват крепостей войсками Самуила все-таки остается явлснием редким, поскольку болгары традиционно с трудом могли захватить хорошо укреплённые города. Здесь им могла помочь только хитрость и изворотливость.

С затаенной гордостью Кекавмен рассказывает о том, как его деду по матери, Димитрию Полемарху (Δημήτριος ο Πολεμάρχιος), удалось без боя

взять неприступную крепость Сервия. Год завоевания Сервии болгарами точно не известен. Болгарский историк В. Н. Златарски считает, что это событие имело место в 989 г. В течение целого года Димитрий Полемарх безуспешно осаждал крепость, хотя и располагал значительными силами: «кони вместе с всадниками» [4]. Полемарх знал о привычке командиров византийского гарнизона крепости спускаться к «подножию… [где] была баня». Дождавшись удобного случая, Димитрий велел захватить греческих военачальников, прямо в этой бане, и гарнизон, лишенный командования, быстро капитулировал [6]. Примечательно, что в момент победоносного захвата крепости, Димитрий Полемарх служил не Василию, а Самуилу. Комендантом крепости по неизвестной причине был назначен некий Никулица, а не победитель Димитрий Полемарх.

Кекавмен призывает к вниманию и тщательности во всем. Тот же Полемарх, перешедший на сторону византийцев, оборонял стратегически важную Лариссу от войск Самуила. Кекавмен называет последнего «мятежником» [7], но все же признает, что тот был «искусным в стратегии» [7]. Самуил стремился всеми силами захватить Лариссу, но полководец «то отгонял его [Самуила] в боях, то смягчал его и приближенных к нему посредствам даров» [8]. Воевода «приказал лариссянам… и они с Богом… сеяли и жали [урожай]» [8]. Именно запасы продовольствия в сочетании с хорошо укреплёнными стенами и большим гарнизоном должны были обеспечить Византии контроль над столицей фемы Эллада.

Следует заметить, что Самуил сумел захватить Лариссу около 990 г. Население подверглось разорению, а многие были занесены в воинские списки. Самуил пощадил только семью Никулицы из Лариссы (οἱ γονεῖς τοῦ Νικουλιτζᾶ εἰς Λάρισαν). Скорее всего, имеются в виду родители именно того самого Никулицы — стратига Сервии, который также был «сватом» (сродственником) Полемарха.

Кекавмен настаивает: «не говори сам, и не верь говорящим тебе, что нет прохода». Последнюю битву Самуила, печально известную битву при Беласице, Кекавмен характеризует как очередной успешный стратегический прием, мастерски притворенный в жизнь: «Когда ты найдешь проход… войско пошли подступить к тому месту… пусть… дадут знак, если подступили… Будь внимательным, чтобы, увидев врагов ошеломлёнными, напасть… самому»[9].

В высшей степени занимательные и любопытные «хитрости» Кекавмена представляют интерес не только сами по себе, но и как источник по изучению локальной истории. Они позволяют оценить ситуацию, сложившуюся на Балканах к концу X в. Опытные военные, служившие

Самуилу, решали не только военные задачи. Они становились фактическими наместниками болгарского правителя, организаторами всей жизни укреплённого города (κάστρον). Хрупкая и архаичная административная система приводила к сбоям, а в начале XI в. она окончательно была разрушена переходом наиболее талантливых полководцев на сторону византийского императора. Эти полководцы прекрасно знали Самуила и его тактику. Сложнее всего Самуилу было отстаивать собственные крепости, ведь измена одного полководца вела к измене всего болгарского гарнизона. Несколько успешных военных операций по захвату важнейших в стратегическом плане крепостей обеспечили победу в войне византийцам и свели успехи Самуила на нет. Завоевание Болгарии завершилось в 1018 г.

Литература

1. *Павлов П.* Царь Самуил и «българската епопея» // Вътрешна македоно-одринска революционна организация. София: Език, происход, история и религия в статии, книги и музика, 2002. С. 15–19.
2. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum.* / Rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973. 580 p.
3. *Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum.* / Rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973. 579 p.
4. *Советы и рассказы Кекавмена.* Сочинение византийского полководца XI в. / Изд. подг. Г. Г. Литаврин. СПб. : Алетейя, 2003. С. 681.
5. Там же. С. 193.
6. *Советы и рассказы Кекавмена.* Сочинение византийского полководца XI в. / Изд. подг. Г. Г. Литаврин. СПб. : Алетейя, 2003. С. 173–176.
7. *Советы и рассказы Кекавмена.* Сочинение византийского полководца XI в. / Изд. подг. Г. Г. Литаврин. СПб. : Алетейя, 2003. С. 153.
8. *Советы и рассказы Кекавмена.* Сочинение византийского полководца XI в. / Изд. подг. Г. Г. Литаврин. СПб. : Алетейя, 2003. С. 267.
9. *Советы и рассказы Кекавмена.* Сочинение византийского полководца XI в. / Изд. подг. Г. Г. Литаврин. СПб. : Алетейя, 2003. С. 141.

В. С. Караваев

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Северная Ирландия и Ирландское свободное государство: истоки раскола

В истории Ирландии, отношения с Англией играли определяющую роль. Конфликт, который сложился между этим странами, имеет давнюю историю, истоки его уходят в глубину веков. На сегодняшний день Ирландия разделена: шесть северных графств (Арма, Антрим, Даун, Тирон, Фермана и Лондондерри) входят в состав Соединенного королевства Великобритании, а остальные двадцать шесть графств острова составили то, что стало называться Ирландским свободным государством, а позже — республикой Ирландией.

Специфика освоения британцами различных частей острова стала основой, на которой закладывалась сложная дуалистическая структура Ирландии: отсталый в экономическом плане аграрный Юг (основная часть острова) и передовой индустриальный север. Южная часть острова, где проникновение британцев не носило массированного характера, разительно отличалась от северо-востока, который был близко расположен к промышленным центрам Великобритании. Именно северо-восток Ирландии стал местом активного переселения англичан и шотландцев, вскоре составивших большинство. Этот факт заложил основу разделения населения Ирландии по национально-религиозному признаку: переселенцы из Великобритании — протестанты-юнионисты (от английского «union» — союз, выступавшие за сохранение тесных связей и союз с Великобританией) утвердились на землях ирландцев-католиков. Созданный завоеванием национально-религиозный конфликт с сочетаниями в языке и культуре сформировал фундаментальное разделение населения страны.

Одним из ключевых периодов истории страны стала первая половина XX в. Наметившийся в начале XX в. экономический подъем и рост уровня жизни был прерван новой экономической политикой Англии, вызванной началом Первой мировой войны. Ирландия превратилась в источник сырья и продовольствия для нужд армии, путем сбора высоких налогов из страны выкачивались денежные средства необходимые для ведения военных действий. В Ирландии начался процесс собирания сил национального освобождения, в ответ на это, юнионисты северо-востока

создали военизированные силы, сопротивляясь любым попыткам изменить конституционный статус Ирландии.

Действие акта о самоуправлении в Ирландии (Government of Ireland Act 1914), принятого британским правительством в 1914 г., было отложено до окончания Первой мировой войны. Предполагалось предоставить весьма ограниченную автономию Ирландии в рамках Британской империи. Действие акта уже тогда не должно было распространяться на 6 северо-восточных графств провинции Ольстер, населенных преимущественно протестантами. Свидетельством нараставшего кризиса в ирландском обществе стало активное развитие национально-освободительных организаций, силами которых было организовано вооруженное выступление в 1916 г. Оно получило название Пасхального восстания (так как развернулось в пасхальную неделю). Пасхальное восстание послужило катализатором активного включение масс населения в решение вопроса о независимости страны.

На выборах в британский парламент 1918 г. убедительную победу среди ирландских партий одержала националистическая партия Шинн Фейн. Депутаты от националистов бойкотировали участие в заседаниях палаты общин и создали собственный, независимый ирландский парламент — Дойл Эрэн (Dail Eireann), который объявил о независимости нового государства — Ирландской республики. Вооруженной опорой Шин Фейн стала организация Ирландских волонтеров, которая в 1919 г. была реорганизована парламентом Ирландии в национальную армию — Ирландскую республиканскую армию (ИРА).

В результате этих событий начался новый этап конфликта, принявший характер вооруженного противостояния — Война за независимость Ирландии 1919–1921 гг. Военные действия сопровождались репрессиями и жестокостями с обеих сторон. В тоже время, силы юнионистов оказывали давление на правительство Соединенного королевства, чтобы осуществить формальное отторжение северо-востока страны.

Наконец, Британский парламент в декабре 1920 г. принял акт «Об управлении в Ирландии» (Government of Ireland Act 1920), также известный как «Четвертый билль о самоуправлении» или «Четвертый акт о самоуправлении». Закон предполагал учреждение 2 систем самоуправления в Ирландии: первую — в Северной Ирландии, вторую — в южной части страны. Этот акт законодательно разделил Ирландию. Незаконный, с точки зрения британского правительства, ирландский парламент Дойл Эрэн планировалось распустить. Представителем английского монарха в обоих парламентах должен был стать лорд-лейтенант. Такая система

в целом повторяла довоенное внутриполитическое устройство Ирландии, допуская лишь некоторые элементы самоуправления.

Военные действия в Ирландии закончились перемирием 11 июля 1921 г., которое привело к началу диалога по вопросу об Англо-ирландском договоре. Председатель правительства Ирландии Имон де Валера (Eamon de Valera) отправил ирландских полномочных представителей в 1921 г. в Лондон с проектом договора. Наконец, 6 декабря 1921 г. мирный договор был подписан, получив официальное название — Статьи соглашения по договору между Великобританией и Ирландией (Articles of Agreement for a Treaty Between Great Britain and Ireland).

Согласно основным пунктам Англо-ирландского договора 1921 г. из 26 графств острова создавалось Ирландское Свободное государство (Irish Free State), которое наделялось автономией. Ирландия становилась самоуправляемым доминионом Британской империи, получая такой же статус как у Канады, Австралии и Новой Зеландии. Британский монарх признавался главой Ирландского Свободного государства, а его интересы представлял генерал-губернатор.

Положения Англо-ирландского договора касались судьбы Северной Ирландии — шести наиболее развитых северо-восточных графств. Формально эта часть острова была включена в Ирландское свободное государство, но получала возможность выйти из его состава. Парламенту Северной Ирландии предстояло решить дальнейшую судьбу региона. В случае выхода Северной Ирландии из состава Ирландского Свободного государства Комиссия по установлению границ должна была разметить границу между ними. В конце концов, Северная часть острова осталась под властью Лондона, раскол совершился.

Положения соглашения реализовывали долгожданную идею самоуправления, тем не менее, англичане продолжали влиять на события в стране. Если акт «Об управлении в Ирландии» стал первым мощным шагом на пути разделения страны, то Англо-ирландское соглашение — завершающим и окончательно оформлявшим его. С этого момента начинается существование «двух Ирландий»: Ирландского свободного государства и Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Можно утверждать, что события этого периода истории, подтолкнули к созданию документов, которые законодательно оформили разделение страны на северную и южную часть.

Итогом этого периода англо-ирландского конфликта стало появление новой проблемы — проблемы Ольстера (6 из 9 графств провинции, оказались в составе Великобритании), окончательное решение которой не найдено до сегодняшнего дня.

А. Ю. Маркелов
СамГУ, г. Самара

Полномочия сената в сфере внешней политики в эпоху Августа

Проблема соотношения власти сената и принцепса является одним из центральных вопросов политико-правовой истории принципата и имеет большое значение для характеристики Рима I-III вв.

Частным вопросом, но имеющим важное значение для указанной проблемы, является вопрос о полномочиях сената в сфере внешней политики при императоре Августе. Хронологические рамки работы: 27 г. до н. э. — 14 г. н. э.

По данному вопросу в отечественной науке отсутствуют специальные исследования. Уделено внимание лишь в некоторых трудах отечественных авторов, посвященных эпохе Августа. [1]. В целом в источниках по данной теме содержится мало информации.

Основными направлениями дипломатической и военной политики в период принципата Августа были Парфянская держава, германские и другие варварские племена вдоль Рейна и Дуная. Если на Востоке приоритет действительно отдавался дипломатическим методам, которые впрочем, не исключали и силового давления, но в масштабах ограниченных, исключавших перерастание в большую войну, то Запад становился ареной грандиозных завоевательных кампаний [2].

Какую же роль во внешней политике при Августе играл сенат?

По мнению Ферреро Г., сенат ведал внешней политикой не формально, по — крайней мере, до 23 г. до н. э. Например, после гибели Галатского царя Аминта в 25 г. до н. э., верного союзника Рима против Парфии сенат за отсутствием у него наследников, могущих взойти на трон, объявил Галатию римской провинцией и передал Августу начальствование

над ней с командованием галатской армией [3]. Провинция была передана Августу в связи со сделанным им заявлением на сенатском заседании 13 января 27 г. до н. э. о том, что «ненадежные и опасные провинции» он берет под свое управление [4].

Известный советский ученый Н. А. Машкин в работе «Принципат Августа. Генезис и социальная сущность» придерживается другого мнения, что внешняя политика лишь формально находилась в ведении сената до 23 г. до н. э. [5].

В силу проконсульского империя, данного в 27 г. до н. э. над частью провинций, Август мог вести внешнюю политику с соседствующими с этими провинциями странами. Однако он как наместник провинций не мог объявлять войну без сенатского разрешения [6]. А так как он занимал должность консула с 29 г. до н. э. по 23 г. до н. э. В 23 г. до н. э. сенат дал Августу maius imperium proconsulare что фактически позволяло ему вести внешнюю политику [7].

Мы имеем несколько фактов свидетельствующих о том, что по вопросам внешней политики он сотрудничал с сенатом.

В 23 г. до н. э. в Рим прибыли послы из Парфии. Тиридат, выступивший против царя Фраата, бежал в Рим прихватив с собой сына царя [8]. Парфянский царь — Фраат настаивал на том, что бы ему возвратили не только его сына, но и Тиридата. Август представил послов в сенате, но последний поручил ему вести переговоры и заключить с парфянами соглашение. Август потребовал возвращения знамён, утраченных Крассом и Антонием в Парфянской войне и римских военнопленных. Сын Фраата был возвращен в качестве «жеста доброй воли» без выкупа. В 20 г. до н. э. Фраат вернул знамёна, был заключён договор, по которому границей между Римом и Парфией становилась река Евфрат [9]. В «Lex de imperio Vespasiani» имеется упоминание о том, что Август имел право заключать договоры с кем захочет, «как это позволено было божественному Августу»: «…foedusque cum quibus volet facere liceat ita, uti licuit diuo Aug(usto)» [10] правда мы не знаем когда, он получил это право.

Из «Деяний Божественного Августа», «Римской истории» Веллея Патеркула, биографии Августа, написанной Светонием, мы узнаем о большом количестве посольств, которые прибывали именно к Августу по разным целям [11].

В 20 г. до н. э., встал вопрос, присоединить ли некоторые монархии, например, Армению, в качестве провинций. Август изложил свое мнение в специальном послании сенату о том, что не следует присоединять

новых провинций к империи. Было принято решение оставить их тем или иным правителям [12].

Важнейшим вопросом на западе был — германский вопрос. Дион Кассий говорит нам о том, что завоевание Германии было предпринято ради защиты Галлии. История компаний в Германии темна. О них мы имеем только редкие и не полные указания Веллея, Тацита, Флора, Диона [13]. Темна политическая и правовая база этих войн, Август не мог решиться на такое крупное предприятие без уведомления о нем сената и народа, но мы не знаем ни когда, ни как он этого сделал. Но есть свидетельство Светония, что сенат должен был принимать все решения о войне и мире [14] .

Подводя итоги, нужно сказать, что юридически сенат играл главенствующую роль во внешней политике. Сфера деятельности и права сената и принцепса не были разграничены. С течением времени его правления, фактически, вопросы внешней политики решал Август.

Литература

1. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Генезис и социальная сущность. М. ; Л., 1949; *Межерицкий Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М. ; Калуга, 1994.; *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001.
2. *Парфенов В. Н.* Consilium intra terminos imperii (к проблеме преемственности европейской политики Августа и Тиберия) // Античный мир и археология. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 110.
3. *Ферреро. Г.* Величие и падение Рима. СПб., 2008. С. 394–395.
4. Dio's Roman History. LIII.12 London. 1955. Vol. VI. P. 194.
5. *Машкин Н. А.* Указ. соч. С. 403.
6. *Richardson J.* Roman provincial administration 227 BC — 117 AD. London. 2001. P. 29.
7. Fasti // Documents illustrating the reigns of Augustus and Tiberius. Ed. By V. Erhenberg and A. H. M. Jones. Oxford. 1976. P. 35–36.; Dio's Roman History. LIII. 32. London. 1955. Vol. VI. P. 277; *Межерицкий Я. Ю.* Указ. соч. С. 174, 175.
8. *Парфенов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 69.
9. Dio's Roman History. LIII. 33, LIV. 8. London. 1955. Vol. VI. P. 277, 278, 301.
10. Lex de imperio Vespasiani // Roman Statutes. Institute of Classical Studies. University of London. 1996. Vol. 1. P. 552.
11. Деяния Божественного Августа. // Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1989; Светоний Транквилл Гай. Божественный Август. 20, 21. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 41. Веллей Патеркул. Римская История. // Малые римские историки. М., 1993.

12. Dio's Roman History. LIV. 8. London. 1955. Vol. VI. P. 301.
13. *Веллей Патеркул.* Римская история. // Малые римские историки. М., 1996. Публий Корнелий Тацит. О местоположении германцев. // Анналы. Малые произведения. История. М., 1993. Анней Флор; Две книги римских войн // Малые римские историки. М., 1996.; Dio's Roman History. LIV. 32. London. 1955. Vol. VI. P. 320–350.
14. *Гай Светоний Транквилл.* Божественный Август. 29 // Жизнь Двенадцати Цезарей. М., 1993. С. 45.

Г. В. Павлюков
УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Два направления сербского национального движения в Хорватии в 1990–1991 гг.

В конце XX в. Югославию охватил кризис, в условиях которого сербско-хорватский конфликт вылился в гражданскую войну 1991–1995 гг.

В апреле — мае 1990 г. прошли выборы в хорватский парламент. Уверенную победу одержала националистическая партия Хорватское демократическое содружество (ХДС), которая выступала за отделение от Югославии и создание этнически чистого государства [1]. Лидер ХДС Франьо Туджман становится руководителем Хорватии. В республике разжигаются националистические настроения, проводится политика национальной дискриминации сербов, составлявших 12 % населения.

Центром общественно-политической консолидации сербов в Хорватии стала Сербская демократическая партия (СДП). Данная партия еще не выходила за рамки югославизма, а только выступала за полное равноправие сербского народа в Хорватии [2]. На начальном этапе сербского движения в Хорватии ключевое значение имеет фигура Йована Рашковича — основателя и лидера СДП. Психиатр по образованию и великолепный оратор, он мог легко увлечь массы своими идеями. Имея высокий авторитет среди местных сербов, Рашкович быстро стал признанным лидером сербского движения в Хорватии [3]. Он подчеркивал, что партия ориентирована на сохранение Югославии и развитие демократии. На выборах в апреле 1990 г. СДП одержала победу в трех общинах с большинством сербского населения и получила пять мест в парламенте Хорватии.

10 апреля 1990 г. в Книне было принято решение заключить Договор об объединении сербских общин далматинской области, что фактически являлось началом самоорганизации сербов в Хорватии [4]. 23 мая 1990 г. председателем Скупщины общины Книн был избран один из лидеров СДП Милан Бабич. Бабич также является ключевой фигурой сербского движения. Именно под его руководством была начата работа по объединению сербских общин в Хорватии.

Следует подчеркнуть, что на данном этапе, провозглашая автономию сербских анклавов, сербские политические партии и движения не ставили задачу отделения от Хорватии. Целью движения было создание сербской культурной автономии в рамках республики.

Можно сказать, что уже в это время среди лидеров сербского движения в Хорватии наметились две направления: умеренное и радикальное. Представители умеренного направления — сторонники Й. Рашковича пытались решить проблемы путем выстраивания диалога с руководством Хорватии. Радикальное направление в лице М. Бабича и его соратников, стоявших на более националистических позициях, получило поддержку Белграда [5]. Каким путем пойдет сербское движение, зависело в тот момент от того, кто его возглавит. Расхождение между Бабичем и Рашковичем становилось все заметнее. Бабич считал Слободана Милошевича «действительным представителем сербского народа», тогда как Рашкович говорил, что «от имени сербского народа в Хорватии не может говорить никто другой, кроме как сам сербский народ в Хорватии» [6].

Ситуация обострилась 17 августа 1990 г., когда в ответ на намерение провести референдум об автономии сербов в Хорватии власти республики решают применить силу. Спецподразделения хорватского МВД направляются в сербские общины чтобы не допустить проведения референдума и разоружить местную милицию. Сербы начинают воздвигать баррикады, а М. Бабич объявил военное положение. Влияние же Й. Рашковича, призывавшего к мирным протестам заметно упало [7].

21 декабря 1990 г. в Книне была провозглашена Сербская автономная область Краина (САОК). Также был принят Устав САО Краины, в котором говорилось: «САО Краина является формой территориальной автономии в составе Республики Хорватии… в рамках федеративной Югославии» [8]. Вокруг САОК стали объединяться и другие области с большинством сербского населения. Сильное влияние на сербов оказывал лозунг С. Милошевича «Все сербы в одном государстве» [9].

На рубеже 1990–1991 гг. между Й. Рашковичем и М. Бабичем появились серьезные противоречия по вопросу поддержки Белградом

краинских сербов. Бабич считал, что «в решении политического кризиса и межнациональных отношений в Югославии, сербский народ должен выступать едино, через своих представителей...». Для Бабича таким представителем являлся С. Милошевич. По мнению же Рашковича, краинские сербы не должны зависеть от Белграда [10]. За этими разногласиями и полемикой прослеживается важный вопрос о причинах дальнейшей радикализации сербского движения в Хорватии.

В 1991 г. происходит дальнейшее углубление кризиса и эскалация конфликта. Сербы продолжали создавать национальные органы власти, а хорватское руководство сделало ставку на силовой путь решения проблемы.

Таким образом, национальная гомогенизация сербов в Хорватии представляла собой реакцию на политику этнической дискриминации со стороны новых властей республики. Кроме того, хорватское руководство не хотело идти на компромисс даже в тот период, когда во главе сербского национального движения стояли умеренные лидеры. С другой стороны, С. Милошевич открыто поддерживал краинских сербов, тем самым, давая им дополнительный импульс взять курс на отделение от Хорватии. Однако после того как международная ситуация поменялась, он был вынужден отказаться от этого. В итоге, летом 1995 г. в ходе хорватской военной операции все сербские анклавы были уничтожены, а большинство сербского населения изгнано из Хорватии [11].

Литература

1. *Вучинић М.* Грађански рат у Хрватској: (1991–1995), друго издање. Београд, 2006. С. 46.
2. *Глигоријевић Б.* Комунистичка партија Југославије и српско питање у Хрватској (1918–1991) // Република Српска Крајина / [уредник Зоран Каличанин]. Београд, 1996. С. 355.
3. См. например: *Кесар Ј.* Јован Рашковић. URL: http://www.krajinaforce.com/dokumenti/jovan_raskovic.pdf (дата обращения: 10.04.2010).
4. *Ђурић Мишина В.* Хроника Републике Српске Крајине // Република Српска Крајина; десет година послије / [уредник Вељко Ђурић Мишина]. Београд, 2005. С. 14.
5. *Pešić V.* Rat za nacionalne države // Srpska strana rata: trauma i katarza u istorijskom pamćenju / priredio Nebojša Popov. Beograd, 1996. S. 13.
6. *Радуловић С.* Судбина Крајине. Београд, 1996. С. 27–28.
7. *Гуськова Е. Ю.* История югославского кризиса (1900–2000). М., 2001. С. 142.
8. Статут Српске Аутономне Области Крајине (Основне одредбе) // Радуловић С. Судбина Крајине. Београд, 1996. С. 140.

9. Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 779.
10. *Радуловић С.* Судбина Крајине. Београд, 1996. С. 27–28.
11. См. например: *Sekulić M.* Knin je pao u Beogradu. Bad Vilbel, 2000.

А. А. Прокопьев
УрФУ им Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Общество Джильи — Лаппы: феномен периферийного тайного общества в контексте александровской эпохи

Об общественной жизни первой четверти XIX в. сказано немало, а написано еще больше. Однако, чем больше становится количество статей и монографий по этой теме, тем явственнее возникает вопрос: а так ли уж хорошо мы ее знаем? Новые исследования открывают новые лакуны, о которых, правда, обычно предпочитают молчать. И одним из таких «белых пятен» являются периферийные, околодекабристские тайные объединения. Если о них и упоминают, то мимоходом, исходя из идеи, что малочисленные периферийные объединения не могли влиять на общественную жизнь в целом. Но ведь именно в этих обществах в «тайную» сферу общественной жизни вовлекались новые лица, именно в них иногда возникали новые тенденции. И мы не получим полного представления об эпохе, пока будем обходить научным вниманием данную группу тайных объединений.

Хороший пример дает нам общество Джильи — Лаппы. Вы не найдете такого в нашей историографии, поскольку как Мариано Джильи, так и М. Д. Лаппу обычно считают членами общества Глинки — Перетца. Последнее было околодекабристским тайным объединением (с терминологической точки зрения его нельзя назвать обществом), основанным осенью 1819 г. Н. И. Глинкой, С. М. Семеновым и Н. И. Кутузовым как параллельное Союзу Благоденствия. Среди его членов был Д. А. Искрицкий, который, как считается, и принял в сочлены подпрапорщика Измайловского полка М. Д. Лаппу и итальянского учителя М. Джильи. Так утверждает П. В. Ильин (кстати, без всяких оснований причисливший к тому же объединению также Корфа и Ронова) [1]. В. М. Бокова относит

к объединению Глинки — Перетца Лаппу, но ставит под сомнение членство в нем Джильи [2]. Других исследователей по вопросу персонального состава этих периферийных обществ попросту нет.

Тем не менее предположение П. В. Ильина, отчасти поддержанное В. М. Боковой, представляется ошибочным. М. Д. Лаппа в своих ответах на вопросы Следственного комитета весьма определенно показал, что его принял Джильи в 1819 г.: «Итальянец сообщил мне, что находится в России общество, которого цель есть приготовление народа к принятию конституции, я дал ему слово принадлежать к оному» [3]. Искрицкий же вступил в объединение Глинки — Перетца в 1820 г., что следует из показаний Г. А. Перетца [4], и, следовательно, не мог принять в него в 1819 г. ни Джильи, ни Лаппу. Правда, Искрицкий предложил Лаппе вступить в общество позднее (это и дает исследователям повод утверждать о принятии Лаппы Искрицким в общество Глинки — Перетца), на что тот, полагая, что существует только одно тайное общество (так считало большинство «периферийных» членов), ответил, что уже в нем состоит [5]. А поскольку разговором о вступлении все и закончилось, не совсем верно утверждать, что Лаппа состоял в объединении Глинки — Перетца.

Что касается М. Джильи, здесь некоторую путаницу вносит упомянутый Искрицким разговор: «Я сказал Жильи без всякого намерения, что в России есть общество, имеющее целью ввести конституцию» [6]. Но ни о каком принятии в члены тут не говорил даже сам Искрицкий. А Джильи, как упоминалось выше, состоял в неком тайном обществе задолго до того, как Искрицкий узнал об объединении Глинки — Перетца.

Так что же это было за общество, в которое Джильи принял Лаппу, если не объединение Глинки — Перетца? Поскольку других периферийных политических обществ в 1819 г. на данный момент неизвестно, остается две версии: отрасль Союза Благоденствия и самостоятельное тайное общество.

Первая версия вполне убедительна, однако ей несколько противоречит тот факт, что в Союз Благоденствия не принимали иностранцев, поскольку его устав еще сохранял националистический оттенок, принятый в Союзе Спасения. Об этом говорил Е. П. Оболенский: «Одним из правил нашего общества всегда было не принимать иностранцев в члены» [7]. Конечно, не исключено, что в какой-то управе могли от этого отойти, но анализ списка известных нам членов всех управ Союза Благоденствия показывает, что среди более чем 190 человек не было ни одного иностранца. И даже из предполагаемых членов иностранцем был только один — В.-А. Фурнье, учитель в доме Раевских. Очевидно, что

данное правило действительно соблюдалось (оно было вполне согласовано с настроениями участников тайных обществ). Разумеется, из этого мы не можем вывести, что Джильи никак не мог стать членом Союза Благоденствия, но такая версия ставится под сомнение.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что М. Джильи и М. Д. Лаппа не состояли в объединении Глинки — Перетца, а являлись членами некого другого тайного политического общества. Возможно, в одной из отраслей Союза Благоденствия, но более вероятным представляется то, что это было самостоятельное периферийное тайное общество. Факт, конечно, требует дополнительного изучения, но он сам по себе доказывает, насколько мало нам известно о периферийных тайных обществах, существовавших во второй половине правления Александра I, и насколько далеко еще до создания целостной картины общественной жизни этой эпохи.

Литература

1. *Ильин П.* В. Новое о декабристах. СПб., 2004. С. 619.
2. *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 304.
3. *Лаппа М. Д.* Следственное дело. // Восстание декабристов. Т. 15. М., 1974. С. 165–166.
4. *Перетц Г. А.* Следственное дело. // Восстание декабристов. Т. 20. М., 2001. С. 90.
5. *Лаппа М. Д.* Следственное дело. // Восстание декабристов. Т. 15. М., 1974. С 173.
6. *Искрицкий Д. А.* Следственное дело. // Восстание декабристов Т. 18. М., 1984. С. 137.
7. *Оболенский Е. П.* Следственное дело. // Восстание декабристов. Т. 1. М. ; Л., 1925. С. 168.

Е. С. Щепин

УрФУ им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Геополитическое значение российской цивилизации

Исторически российская цивилизация, располагаясь между западной цивилизацией и восточными цивилизациями, формировалась и развивалась, заимствую некоторые их черты, но при этом сохраняя свою уникальность. В территориальном отношении российская цивилизация включает в себя собственно Российскую Федерацию и страны СНГ, которые в течение многих столетий существовали в одном цивилизационном поле. Расположенный по соседству Запад представлен Европейским Союзом и Северной Америкой в лице США и Канады. Восток — несколькими цивилизациями: мусульманской, китайской, японской и индийской.

Известный американский политолог и философ С. Хантингтон назвал «цивилизацией» культурную общность людей, которая представляет собой самый широкий уровень их культурной идентичности, она определяется наличием у разных народов таких общих черт как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, антропологические особенности, а также их объективной самоидентификацией [1]. Вместе с тем, применительно к различным группам стран и народов понятие «цивилизация» выступает и в культурном, и в пространственном смысле, поэтому многие исследователи также рассматривают его с точки зрения геополитики.

По определению современного российского геополитика И. Ф. Кефели, цивилизационные объединения, включающие в себя государства и целые регионы, имеют четкие географические границы, они формируют геополитические пространства, и называются локальными цивилизациями или геоцивилизациями [2]. Взаимодействие этих локальных цивилизаций между собой происходит в форме сотрудничества, когда они оказывают взаимное влияние в культуре, общественном устройстве, языке, искусстве, религиозных воззрениях и т. д., либо в форме соперничества, которое может перейти в форму острой конфронтации или войны.

С. Хантингтон акцентирует внимание на том, что на рубеже XX–XXI вв. началось глобальное переустройство мира, формируются новые геополитические субъекты — локальные цивилизации, активно влияющие на развитие человечества, и противостояние между ними переходит из сферы борьбы за территории, ресурсы, коммуникации

в культурно-цивилизационную сферу. Он назвал это явление «столкновением цивилизаций» и выделил восемь цивилизаций: западная, русско-православная (российская), конфуцианская (китайская), японская, индийская, арабо-мусульманская, латиноамериканская и тропически-африканская [1].

Современное развитие мирового политического процесса, действительно, находит подтверждение в данной концепции. Наблюдается соперничество между цивилизациями, которое часто происходит в виде региональных религиозных и межэтнических конфликтов, но потенциально может стать причиной масштабного военно-политического и геополитического противостояния между ведущими государствами, представляющими различные цивилизационные объединения. Исходя из этого, весьма остро встает вопрос о безопасности существования и дальнейшего развития российской цивилизации.

Существуют различные точки зрения на роль и место российской цивилизации. Считается, что в военно-политическом отношении для России как ядра российской цивилизации наибольшую угрозу представляет западная цивилизация с ее мощным центром — США. За последние два десятилетия военный потенциал США значительно увеличился, военные базы США распространяются по всему миру, в том числе и на территории бывшего СССР, идет расширение блока НАТО вплотную к российским границам, разрабатываются новые технологии ведения войн и смены политических режимов. Руководствуясь стратегией, разработанной известным американским геополитиком З. Бжезинским, Запад стремится «не допустить возрождения России как великой державы», вынашивает планы сужения ее геополитического и цивилизационного пространства до государственных границ с последующим расчленением [3].

Но и цивилизации Востока также выступают геополитическими конкурентами России. Несмотря на соперничество и даже противостояние с Западом, ряд мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока нацелены на установление своего прочного геополитического влияния путем исламизации республик Закавказья и Центральной Азии, а также российских регионов Северного Кавказа и Поволжья с последующим их отторжением. Поддерживаемые ими многочисленные группировки исламских фундаменталистов и террористов являются инструментом этой политики.

Цивилизации Китая и Японии также соперничают с Россией за контроль над пространством. Китай, который в последние два десятилетия заметно усилился в экономическом, военно-политическом, научно-техническом и культурном отношении, стремится распространять свое

геополитическое и цивилизационное влияние на страны Центральной Азии и азиатскую часть России. Япония, помимо территориальных претензий к России (Курильские острова), имеет свои геополитические интересы на российском Дальнем Востоке, и одновременно является союзником Запада в данном регионе.

Пожалуй, единственным союзником для российской цивилизации выступает индийская цивилизация. Испытывая одновременное геополитическое давление и со стороны Китая, и со стороны мусульманского Пакистана и Афганистана, на территории которых имеется американское военное присутствие, Индия вынуждена искать партнеров. Наиболее удачным партнером выступает Россия, которая также стремится противодействовать тем же самым цивилизационным объединениям и не допустить сужения своего геополитического и цивилизационного пространства в Центральной Азии.

Российская цивилизация занимая центральное геополитическое положение на Евразийском континенте. Она выступает неким буфером и испытывает воздействие со всех сторон, как положительное, так и отрицательное. В этой связи, российский философ и исследователь геополитики В. Л. Цымбурский оправданно назвал Россию и страны СНГ «Великим Лимитрофом», находящимся «на пересечении различных цивилизационных культур» [4]. Разнообразие религиозных и этнических групп, проживающих на обширном пространстве Евразии и взаимодействующих с народами соседних цивилизаций Запада и Востока, позволяет российской цивилизации стать связующим звеном и площадкой для мирного взаимодействия, снижая вероятность масштабной межцивилизационной конфронтации на континенте.

Тем не менее, осознавая угрозы, исходящие с нескольких сторон, Россия оправданно стремится защищать свою территориальную целостность, обеспечить геополитическую и цивилизационную безопасность. По мнению современного российского геополитика А. Г. Дугина, России необходимо оформить и укрепить свою цивилизацию, включив в нее страны СНГ, в рамках единого «евразийского геополитического пространства» [5]. Для этого имеются все возможности. На протяжении многих веков в России и странах СНГ сформировался эффективный механизм межцивилизационного взаимодействия народов. Россия также остается центром континентального мира, способного контролировать огромные сухопутные, морские и воздушные пространства. Восстановление единого геополитического пространства позволит сохранить и укрепить

цивилизационную культуру, что является залогом благоприятного развития и безопасности российской цивилизации.

Литература

1. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
2. *Кефели И. Ф.* Философия геополитики. СПб. : ИД «Петрополис», 2007. 208 с.
3. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. : «Международные отношения», 1998. 256 с.
4. *Цымбурский В. Л.* Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 144 с.
5. *Дугин А. Г.* Проект «Евразия»: география — наша судьба. М. : «Эксмо», 2004. 512 с.

Studia humanitatis: от источника к исследованию в социокультурном измерении : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. студентов – стипендиатов Оксфорд. Рос. Фонда, 21–23 марта 2012 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 356 с.

ISBN 978-5-7996-0682-4

ББК Ся43

Научное издание

STUDIA HUMANITATIS: ОТ ИСТОЧНИКА К ИССЛЕДОВАНИЮ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции студентов – стипендиатов Оксфордского Российского Фонда 21–23 марта 2012 г. Екатеринбург

Корректор *О. В. Гусева*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Михайлов*
Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Подписано в печать 15.03.2012. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 150 экз. Заказ № 436

Издательство Уральского университета
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в ИПЦ УрФУ.
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13.
Факс: +7 (343) 358-93-06.
E-mail: press.info@usu.ru

ISBN 978-5-7996-0682-4